Деды

дайджест публикаций о беларуской истории

Институт беларуской истории и культуры

(Belarusian History & Culture Institute) —
негосударственная, неполитическая, некоммерческая организация, созданная с целью изучения и пропаганды истории и культуры беларуского народа.

Информационный сайт: Інстытут беларускай гісторыі і культуры
http://inbelhist.org/

Почтовый адрес: А.Е. Тарас (для ИБИК), а/я-137, Минск-131, Беларусь.

ІНСТЫТУТ
БЕЛАРУСКАЙ
ГІСТОРЫІ І
КУЛЬТУРЫ

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

ВЫПУСК 9

Минск
«Харвест»

УДК 94(476) (059)

Дайджест публикуется с 2009 года

Взгляды и концепции авторов статей могут не совпадать с точкой зрения редактора-составителя дайджеста

На первой странице обложки: вверху – драккар «Сварог» в Гродно;
внизу – реконструкция Олега Белоусова «Влюбленные жители средневекового Гомеля».
На последней странице: изображение балто-славянского бога Велеса

Деды : дайджест публикаций о беларуской истории. Выпуск 9 / Составление, научное редактирование А. Е. Тараса. – Минск : Харвест, 2012. – 280 с.

ISBN 978-985-18-1209-3

Девятый выпуск дайджеста посвящен в основном вопросам древней и средневековой истории беларуских земель и предков беларусов. В нем 24 статьи, 127 иллюстраций и 18 карт. Статьи тематически сгруппированы в три части.

ISBN 978-985-1209-3

Содержание

ЧАСТЬ 1. МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

ЧАСТЬ 2. СРЕДНИЕ ВЕКА

ЧАСТЬ 3. КАРТИНЫ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

Часть I. Материалы конференции

Отчет о конференции

Анатоль Тарас

13 ноября 2011 года в Минске, в помещении Галереи современного искусства «Ў» (проспект Независимости, дом 39а) состоялась 2-я научно-практическая конференция по вопросам этногенеза беларусов. Эти вопросы были рассмотрены применительно к периоду Великого княжества Литовского.

С докладами выступили 9 человек (5 докладов на беларуском языке, 4 – на русском). В ходе обсуждения докладчикам был задан ряд вопросов, кроме того, 6 человек выступили с изложением своих мнений по проблемам, затронутым в докладах (Петр Садовский, Дмитрий Образцов, Галина Гайдук, Анатоль Тарас и другие).

Первый вывод

Доклады и дискуссия показали, что многие вопросы и споры относительно происхождения беларуского народа возникают потому, что слишком часто обсуждается то, что сделано (написано) не с беларуских национальных, а с чуждых нам позиций.

Российские историки видят историю Великого княжества Литовского следующим образом. ВКЛ – это в основном земли западных русских княжеств, захваченные Литвой (маленьким, но очень воинственным балтским государством), что было обусловлено слабостью единого древнерусского государства (Древней Руси) после татарского нашествия середины XIII века. Позже территорию ВКЛ подчинила себе Польша.

Все население русских земель (от князей до смердов), оказавшись в составе ВКЛ, всегда ориентировалось на Москву как единственно возможный источник освобождения от власти литовцев и поляков. Московское государство систематически вело войны против «поляков» с целью освобождения своих «братьев по крови и вере», но только в конце XVIII века Россия – наследница и преемница Древней Руси – освободила «западных русских» силой оружия.

Говоря о нашем противостоянии российско-советской историографии, мы обращаем внимание на следующие принципиальные разногласия с ее представителями:

– Никогда не было единого древнерусского государства и единой «древнерусской народности». Жители Московии (будущей России) – славянизированные потомки угро-финских племен; жители Литвы (будущей Беларуси) и Жамойтии (будущей Летувы) – потомки балтских племен (здесь славянизировались только литвины-беларусы); жители Руси (будущей Украины) – славянизированные потомки скифо-сарматских (иранских) племен.

– Государственность на беларуских землях возникла значительно раньше, чем на территории финского Залесья (будущего Владимиро-Суздальского, а затем Московского великого княжества). Так, Полоцк уже в 882 году заключил договор с Киевом, тогда как Москва – по официальной версии – была основана киевским выходцем князем Юрием Владимировичем «Долгоруким» в 1147 году – на 265 лет позже этого события (фактически еще позже). Туровское княжество появилось в начале X века. Миндовг стал «королем Литовии» в 1253 году, тогда как удельное Московское княжество появилось на свет лишь в 1270 году – через 17 лет после этого.

– Московия с самого начала являлась деспотическим образованием азиатского типа. Это закономерно, т.к. она на протяжении свыше 240 лет (до 1480 г.) была улусом (автономной частью) Золотой орды. Развитие общества в ВКМ шло по принципиально иному пути, чем в ВКЛ (яркий пример – уничтожение московскими деспотами Иваном III, Василием II и Иваном IV Великого Волжского пути и феодальных республик – Новгорода и Пскова).

Егор Новиков (справа) и Анатоль Тарас

– ВКЛ присоединяло к себе соседние княжества с населением разного этнического происхождения. Это делалось путем военного захвата, династических браков, политических союзов. Позже точно так же действовало и Московское княжество. Соперничество между ними было обычной борьбой за территории и сферы влияния, но московские государи обосновывали свои захваты династическими правами (якобы они возвращали свои вотчины), а также идеологическими аргументами (якобы они боролись за права православных).

– Христианская церковь ВКМ была по своему характеру не православной, а несторианской (и к тому же с элементами ислама), поэтому она обожествляла правителей – ханов Золотой орды и московских великих князей. Христианская церковь ВКЛ в течение первых трех веков своего существования (IX–XII) была арианской или богомильской, а затем греческой православной, и резко осуждала несторианство. В XVI веке здесь расцвело протестантство, отсутствовавшее в ВКМ. В ВКЛ всегда сосуществовали разные конфессии, что напрочь отсутствовало в Московии.

***

Польские историки чрезвычайно преувеличивают значение Кревской унии 1385 года в истории ВКЛ. По их мнению, после этого события ВКЛ превратилось в вассала Польской короны, полностью ориентировалось на Польшу, не было самостоятельным ни в политическом, ни в военном плане. Его историю они рассматривают исключительно сквозь призму все более тесных связей с Польшей и непрерывной полонизации вплоть до того момента, когда земли как ВКЛ, так и Польши были захвачены Россией.

Для большинства современных польских историков (тем более для политиков, журналистов, писателей) территория Беларуси – всего лишь восточная окраина Польши («крэсы всходни»). А беларуский народ, по их мнению, та часть великого польского народа, которая долгое время подвергалась русификации, влиянию русской православной церкви (верной служанки азиатской деспотии) и отсталой русской культуры. Именно пагубное влияние России, говорят они, обусловило «отсталость» беларуского общества по сравнению с «европейской» Польшей.

***

Летувисские авторы – каждый по отдельности и все вместе – целенаправленно подтасовывают факты и мнения, а часто вообще пишут откровенную ложь. Особенно выделяются в этом плане Эдвардас Гудавичюс, Зигмас Зинкявичюс, Йонас Лауринавичюс и Томас Баранаускас. Одна только выдумка Зинкявичюса о так называемом «канцелярском языке» достойна международной премии за самую беспардонную ложь! То же самое относится к настойчивому внедрению ими термина «истинная Литва» (Lithuania propria).

Почему же стало возможным неслыханное историческое воровство (полное присвоение всего наследия ВКЛ), которое в Летуве давно возведено в ранг государственной политики? На это есть две группы причин – внешних и внутренних.

Внутренних причин три:

1) Историки, лингвисты и прочие ученые люди из Летувы максимально использовали в своих идеологических интересах ту «фору» (22 года независимости; 1918–1940 гг.), которой не было у беларусов. Поэтому мы изрядно отстали от них в исследовании многих вопросов собственной истории древнего и средневекового периодов.

2) Никто физически не истреблял их интеллигенцию ни в XIX, ни в XX веке, соответственно, они сохранили своих интеллектуалов и не были в такой степени запуганы угрозой жесточайшей расправы, как наши деды и отцы.

3) Близость «мовы» к польскому и русскому языкам во все времена сильно мешала нам доказывать ее уникальность, тогда как у летувисов эта проблема вообще отсутствовала.

Внешняя причина одна, зато чрезвычайно весомая. Идеи национализма летувисов по целому ряду позиций совпали с идеологией москвоцентризма и великорусского шовинизма. Поэтому российские идеологи (в том числе историки) всегда охотно поддерживали выдумки авторов из Летувы, но в то же

время встречали (и продолжают встречать) в штыки национально ориентированные исследования беларуских ученых.

Суть выдумок летувисов сводится к утверждениям о том, что определяющую роль в ВКЛ на всех этапах его существования играл литовский фактор, под которым они подразумевают жамойтский. Изначальный центр объединения земель – литовский (в смысле жамойтский) Вильнюс (о роли Новогородка ни слова); правящие династии (Гедиминовичи, потом Ягеллоны) – литовские (в смысле жамойтские); важнейшие политические деятели – литовцы (в смысле жамойты). Общий вектор цивилизационного развития направлен из Литвы (Жамойтии) в Беларусь. Кроме того, они придумали еще и каких-то аукштайтов – якобы особое «литовское» племя – чтобы фантазерам было легче сводить концы с концами.

Участники конференции

Любые неудобные для них факты (например, об отсутствии у жамойтов в течение долгого времени городов, слоя профессиональных торговцев и ремесленников, письменности, христианской религии и многого другого, что уже давно было у наших предков) они либо замалчивают, либо дают им совершенно фантастические объяснения. Поэтому мы воспринимаем их не как ученых, а как сказочников. Или мошенников. В зависимости от того, кому какое определение больше нравится.

Давно уже пора разобраться с ними «по полной программе». К сожалению, беларуские академические ученые далеки от того, чтобы полемизировать с мошенниками-интеллектуалами из Летувы. К счастью, есть и другие беларуские исследователи, не академики. Часть их представлена на нашей конференции.

Второй вывод

Мы заявляем своему народу о том, что все коренные жители Беларуси, независимо от разделения по конфессиям и политическим убеждениям – потомки одних и тех же пращуров, живших на этой земле уже три тысячи лет тому назад.

Антрополого-генетическая основа беларуского народа – балтское население эпохи «каменного» и «железного» веков. Славянский язык, та духовная культура, которую сегодня называют славянской, а также христианство распространились среди этого коренного населения благодаря пришельцам. Таковые небольшими группами проникали на наши земли с южного, западного и северного направлений (но не с восточного, где никогда не было славян!) в течение тысячи лет, начиная с конца IV века новой эры. Физически они бесследно растворялись в балтском море, но их культурно-лингвистическое воздействие за десять столетий полностью преобразовало местный духовный ландшафт.

Анатоль Остапенко

Таким образом, беларуский этнос возник в результате симбиоза местных балтских племен с носителями славянского языка и культуры, имевшими различное этническое происхождение. Беларусы – балты, воспринявшие ментальные элементы славянства (систему построения языка, ряд верований и обычаев, методы войны и образцы вооружения, способы материального производства, организацию племенных союзов в форме княжеств и т.п.).

Историческая Литва (которую летувисские авторы называют «Lithuania propria») находилась на территории современной Беларуси, в ее северо-западной части, на землях ятвяжских племен, родственных пруссам. Следовательно, Литва – изначально беларуская земля, в отличие от Летувы (Жамойтии) вместе с ее восточной частью, которую летувисские выдумщики объявили ареалом расселения племени аукштайтов, родных братьев жамойтов. На самом деле никаких аукштайтов не было. Это выдумка родилась в Литовской ССР.

Постепенно историческая (или летописная) Литва присоединила к себе весьма обширные территории, в том числе Жамойтию.

Формирование беларуского народа завершилось в XV–XVI веках, в эпоху расцвета ВКЛ. Уже тогда это был один народ (этническая общность), хотя назывался он по-разному (например, в западной части страны – литвины или литовцы, в восточной части – русины или русские). Как отметил С. Тарасов, археологические материалы доказывают полную идентичность материальной культуры обитателей восточной и западной частей Беларуси в указанное время.

Исходя из всего сказанного, мы утверждаем, что ВКЛ – это беларуское государство. С той важной оговоркой, что термин «беларусы» в отношении наших предков вошел в употребление только к концу XIX века. Именно в ВКЛ сформировались беларуский народ, беларуский язык, беларуская духовная и материальная культура. Но вследствие того, что ВКЛ вынужденно (из-за угрозы завоевания Московией) в 1569 году соединилось с Польшей в конфедерацию, а спустя 200 с лишним лет вообще было ликвидировано российскими захватчиками, беларуский народ с большим опозданием осознал себя как отдельную нацию.

ВКЛ – полиязычное, многоконфессиональное, многонациональное государство – существовало около 550 лет. И этот факт никак нельзя обойти. Надо изучать его реальную историю, делать выводы и пропагандировать эти выводы в нашем обществе.

При этом мы должны всегда помнить, что бесчисленное множество раз соседи пытались ставить нас на колени, обкрадывали материально и духовно, постоянно извращали нашу великую историю, доказывали, что ее у нас вообще не было. Такие попытки продолжаются до сих пор.

К великому сожалению, находятся люди, смеющие называть себя беларусами, которые за «скромное вознаграждение» помогают в этом нашим врагам. Одни продались Летуве, другие – Польше, третьи – России, четвертые играют в так называемый «исторический позитивизм». По отношению к ним неуместна пресловутая «политкорректность». Любой, кто поступает таким образом, это враг своего народа. Поэтому мы должны называть их по именам и неустанно разоблачать в глазах общественности.

Третий вывод

Процесс этногенеза в Великом Княжестве Литовском не достиг своего логического завершения. Если «этническая общность» (народ) сформировалась, то «политическая общность» (нация) – нет.

Об этом свидетельствует отсутствие общего самоназвания. Бытовали политонимы («русины», «литвины», «поляки»), конфессионимы («русской веры», «польской веры», «униатской веры»), региональные самоназвания (полочане, туровцы, мстиславцы и т.п.). Шляхта определяла себя как «литовскую русского происхождения».

Чем это объяснить?

В определенной степени мешало конфессиональное разделение (на православных и католиков, потом на православных, католиков, униатов и протестантов).

Но поистине роковую роль сыграли две ужасные войны. Первую, в 1654–67 гг., справедливо назвали «Потопом». Московский деспот Алексей Михайлович, которого наши восточные соседи любят называть «тишайшим», вел войну на уничтожение (известна его установка войскам: «унии не быть, латинству не быть, жидам не быть», то есть планировалось уничтожение большинства населения ВКЛ). В результате массовых убийств, эпидемии чумы, принесенной московитами, и вывода в рабство за 12 лет исчезла половина населения ВКЛ, а в восточной части страны до 80–85 %. Демографическая катастрофа «открыла шлюзы» для полонизации. А она, в свою очередь, остановила

Алексей Дайлидов

процесс соединения шляхты, горожан и крестьян в единую политическую нацию. С той поры стала общепринятой формула «польская шляхта литовского происхождения».

Не успели полностью восстановиться население и экономика, как через 40 лет обрушилась новая страшная беда – Северная война России и Саксонии против Швеции. За 10 лет (1705–15 гг.) погибла треть населения ВКЛ. Снова произошла демографическая и экономическая катастрофа. Достаточно привести лишь два примера. По приказу царя Петра I, бесцеремонно распоряжавшегося на территории нашего государства, 8 сентября 1708 года был дотла сожжен Могилёв! Практически всем горожанам, которых, к тому же, до нитки ограбили татары и калмыки царя Петра, пришлось покинуть пепелища и разойтись кто куда! А 1 мая 1710 года по приказу этого же деспота-психопата была взорвана наша святыня – собор Святой Софии в Полоцке!

Достаточно скоро (по историческим меркам), всего через 57 лет (с 1772 года) начался прямой захват Россией территории Беларуси – с параллельным уничтожением униатства, успешно превращавшегося в национальную церковь, с оголтелой всеобъемлющей русификацией, с внедрением деспотического государственного устройства и насаждением отсталой московской культуры.

В результате указанных глобальных потрясений у беларусов не сложилась национальная идея, связанная с осознанием своей особенности («адметнасці») по сравнению с соседями – московитами и поляками. Де-факто крестьянство и мещанство представляли собой этническую общность (народ), но в силу своих социально-психологических особенностей не могли подняться до осознания себя в качестве единой нации. А образованные слои (шляхта, униатское духовенство) были частью истреблены, частью переориентированы – сначала на Польшу, потом на Россию.

Вот почему национальной интеллигенции, появившейся в начале XX века, было очень трудно определить место беларусов в системе исторических координат. Одни отодвигали рубеж этногенеза в древние времена (теория Вацлава Ластовского о кривичах-беларусах), другие объявляли ВКЛ национальным беларуским государством – концепции Яна Станкевича и Николая Шкелёнка, в наше время – концепция Николая Ермаловича. Однако на самом деле сознанию широких народных масс в ВКЛ не была присуща ни одна «национальная идея», оно сохраняло упомянутый выше раскол (разделение по политонимам, конфесионимам, соционимам).

И если в Западной Европе народы в XIX веке повсеместно превратились в нации (этническая общность сменилась политической), то в Беларуси этого не произошло. Как не произошло – по тем же причинам – в соседней Украине, зато состоялось в Летуве.

Переходя к современности, мы видим, что только сейчас, благодаря возрождению собственного государства, у нас ускоренными темпами происходит формирование «политической общности» – современной беларуской нации.

Политические предпосылки возникновения ВКЛ: необходимость нового взгляда

Егор Новиков, *магистр истории*

Значение темы

Противоречивые взгляды на роль Великого княжества Литовского (ВКЛ) в истории Беларуси не могут оспорить его величины как явления истории. В начале эпохи ВКЛ (XIII век) нынешняя Беларусь была пестрым конгломератом земель и княжеств с населением, принадлежавшим к разным культурным традициям. Заканчивая свое существование (XVIII век), ВКЛ оставило государственную традицию и образцы культуры, объединяющие потомков его граждан и служащие основой для формирования современной беларуской нации.

Значимость темы возникновения ВКЛ вызывает уважение к ней и обозначает стандарт исследования, диктующий историку отказ от повторения того, что ранее высказали другие исследователи, и необходимость выносить на суд общества только мысли, содержащие новизну и имеющие добавленную ценность.

Состояние корпуса исследований

Наиболее разработанной стороной историографии возникновения ВКЛ является изложение фактов и хронологии его политической истории. Новые открытия здесь даются с трудом; они вероятны лишь в археологии, в ранее неизвестных архивных материалах и в текстологическом анализе существующих источников. Возможно, что беларускую историографию возникновения ВКЛ, ранее относительно обособленную от зарубежных исследований, здесь ждет быстрый прогресс «вдогонку», но настоящих прорывов ждать трудно.

Более того, исследователи политической истории ВКЛ сталкиваются с господством на «рыночной площади идей» нескольких прочно установившихся национальных концепций возникновения ВКЛ. В упрощенном изложении картина такова: концепции польских и литовских исследователей подчеркивают установление Литвой политического господства над беларускими и украинскими землями, тогда как российская школа XIX века настаивает на превосходстве в гражданской и культурной жизни ВКЛ «русского народного элемента». Наработки беларуских исследователей часто опираются на классические работы российских историков. При этом беларуские историки склоняются к выводам о еще менее значительной политической роли балтоязычной Литвы в образовании ВКЛ, чем это принималось ранее.

При анализе событий Средних веков сторонники упомянутых концепций современное им явление национального государства используют как «точку отсчета» в осмыслении исторического процесса. Соответственно, национальные историки пользуются общеисторическими категориями «могущества», «власти», «государства», «народа», воспринимая их через призму своего времени и распространяя в прошлое их современное значение. При таком подходе политические единицы, имеющие отношение к образованию ВКЛ, рассматриваются сродни государствам современности – с устоявшейся структурой и правовой системой, сложившимся политическим народом и тенденцией к слиянию политической и культурной идентичности. В условиях подчиненности науки XIX–XX вв. и даже XXI века идеологии, княжества и королевства Средних веков превращаются в тени современных национальных государств. В результате сцена театра исторических теней представляет собой всего лишь поле соперничества их нынешних оригиналов.

Однако период господства таких подходов в науке истекает. Национальные концепции истории ВКЛ достигли предела своего развития, хотя и с разной степенью внутренней состоятельности и убедительности для широких кругов общества. Как примеры крайних национальных взглядов на историю ВКЛ можно вспомнить работы беларуского историка Николая Ермаловича и литовского исследователя Эдвардаса Гудавичюса. Дальнейший путь сторонников этих концепций лежит в направлении поисков настоящего в прошлом и, следовательно, в принципиальном отказе от адекватного понимания прошлого.

Смена парадигмы

Изучение истории ВКЛ способно преодолеть нынешние ограничения только через смену исследовательской парадигмы. Новая парадигма будет основываться на уважении политической и культурной природы ВКЛ как тождественной самой себе и отличной от современных наций. Новой парадигме будет присуще внимательное рассмотрение исторического контекста и осмысление истории ВКЛ в категориях, свойственных его времени.

С принятием новой парадигмы функция историка усложнится и будет схожей с функцией переводчика классического текста, бережно сохраняющего устоявшиеся в языке имена людей и названия вещей, терпеливо поясняющего современному читателю их давний смысл в многочисленных, тщательно выверенных глоссах*.

Направления поиска

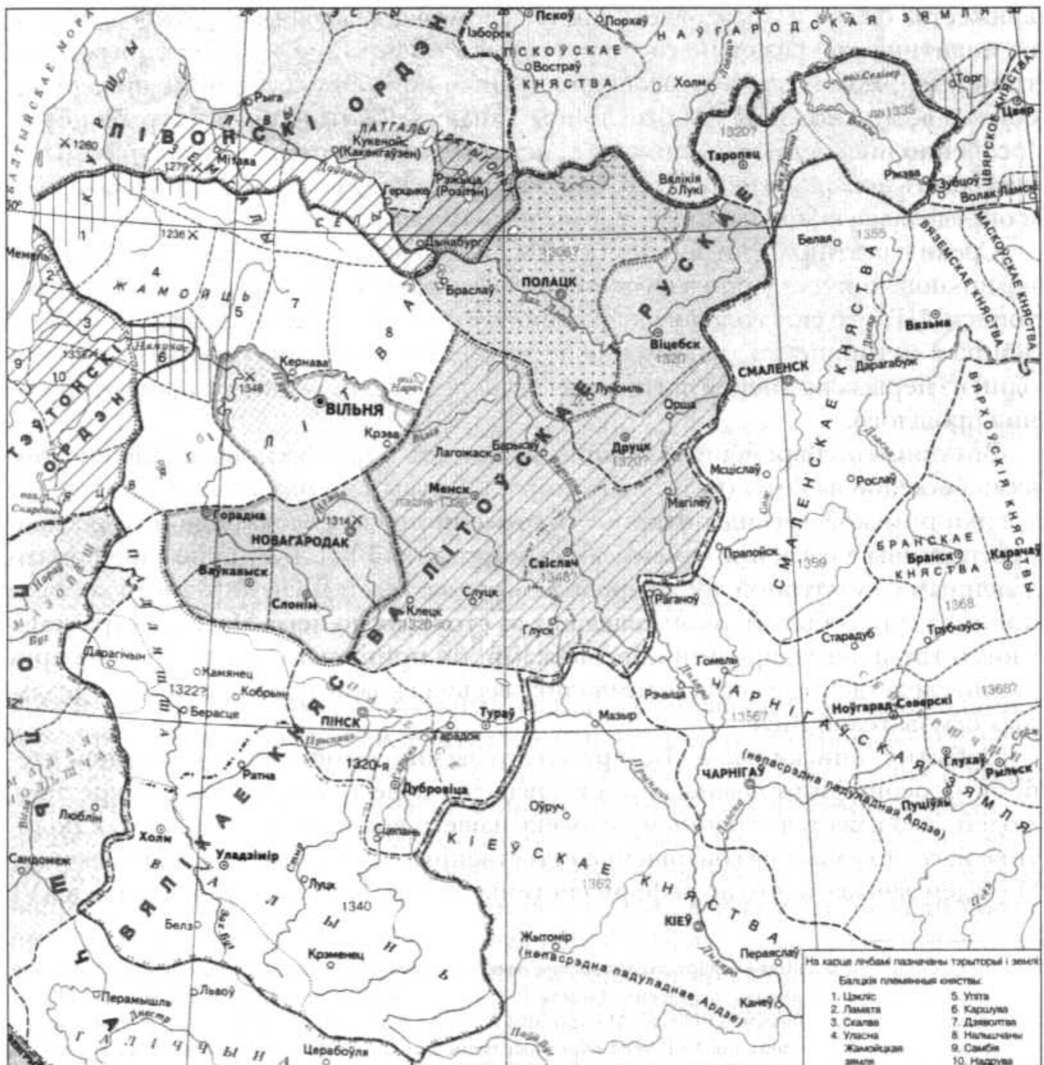
Сравнительные исследования

По мере того, как подход к прошлому с платформы современных реалий становится все более сомнительным, историк ВКЛ нуждается в некой точке отсчета, позволяющей ему проникнуть в суть процесса возникновения ВКЛ.

* Глосса – заметка переводчика или редактора, вставленная в текст и дающая толкование непонятного слова или места. – *Прим. ред.*

Такой исходной точкой может быть сравнительное (компаративное) исследование ВКЛ и уже хорошо изученных, типологически близких ему государственных образований, процесс формирования которых включал взаимодействие разнородных центров силы, стоявших на разных уровнях развития и принадлежавших к различным культурным традициям.

Типологические параллели и аналогии ВКЛ можно найти во многих государствах Восточной и Центральной Европы, в том числе таких исторически близких нам, но слабо исследованных беларуской исторической наукой, как Польское и Венгерское королевства. Полезный материал для сравнения могут предложить и государства Западной Европы, которые – как и ВКЛ – возникли на фундаменте ранее существовавших цивилизаций.



ВКЛ в 1345–1430 гг.

Автор этих строк попытался в одной из публикаций проследить интеграцию литовской военной аристократии в политическую систему Полоцкой земли и других земель Древней Руси и восприятие ею достижений древнерусской цивилизации путем сравнения этого процесса с взаимодействием варваров и Римской империи на рубеже поздней Античности и Средних веков. Исследование привело автора к выводу о типологическом сходстве этих процессов, синтезировавших военно-политическую мощь одной стороны с гражданскими достижениями другой и приведших к образованию государств, отвечавших интересам разных его составных групп. ВКЛ при таком подходе представляется отдаленным подобием варварских королевств, наследовавших Римской империи.

Изучение культуры ВКЛ

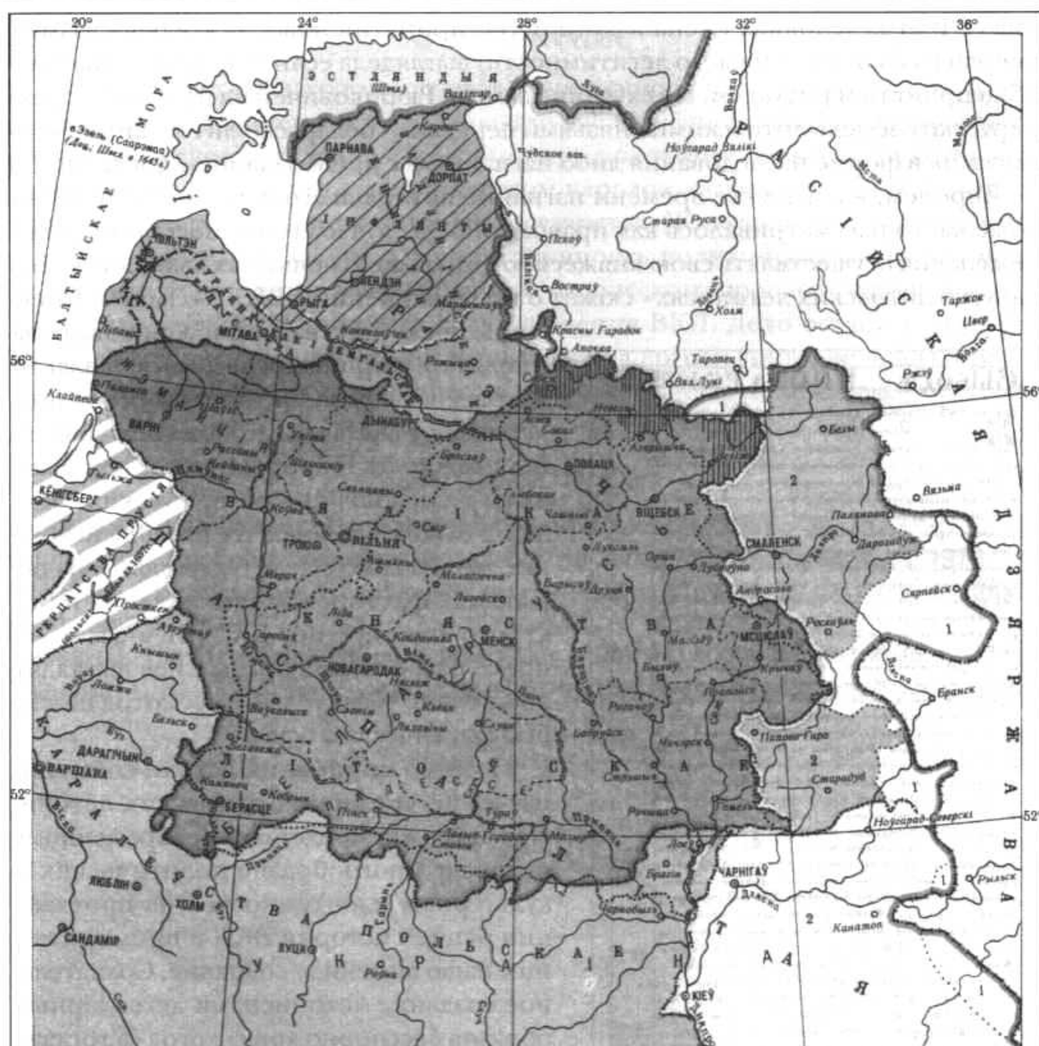
Культура ВКЛ, будучи в равной мере отражением представления Великого княжества о себе и самодовлеющим началом, оказывавшим обратное влияние на политическое развитие государства и формирование его культурных идентичностей, может служить особенно ценным пособием для понимания вопросов его возникновения. Многослойный анализ памятников культуры в целом (особенно письменности) поможет составить карту символов культуры ВКЛ и воссоздать иерархию ценностей, окружавшую основателей Великого княжества и определявшую мотивацию и формы их действий.

Среди памятников письменности ВКЛ ключевыми для понимания процесса возникновения государства являются так называемые «Беларуско-литовские летописи»*. Благодаря вольному обращению с фактами и целенаправленному введению в историческое изложение легендарных сведений, они являют собой один из первых примеров логически связного преднамеренного конструирования прошлого.

Вот пример: современный историк не примет за факт основание ВКЛ потомками беглецов из Рима (разве что автор из Летувы), но понимание внутренней логики римской легенды откроет современному исследователю интересные перспективы в изучении процесса формирования ВКЛ. Будучи не слишком отдаленным с культурной точки зрения от основателей ВКЛ, летописец хорошо понимал суть событий, произошедших за столетия до него. Населяя страницы своего труда легендарными персонажами, он приписывал их действиям причинно-следственные связи и символику весьма схожие с деятельностью реальных основателей ВКЛ.

События, описанные в «Беларуско-литовских летописях», до крайней степени персонифицированы, приписываются воле и мотивации конкретных людей. Это кажется странным человеку нашего времени, привыкшему к политике масс, но является совершенно естественным для человека Средневековья. Не будем забывать, что до реформ системы государственного управления в XVI

* Под общим названием «Беларуско-литовские летописи» подразумеваются следующие источники: 1) «Летописец великих князей литовских» (конец 1420 гг.); 2) «Беларуско-литовская летопись 1446 г.»; 3) «Хроника Быховца» (начало XVI века); 4) «Хроника Великого княжества Литовского и Жамойтского» (XVI век); а также 5) компиляция XVII века «Хроника литовская и жамойтская», входившая в состав беларуско-украинского хронографа «Великая хроника». Опубликованы в «Полном собрании русских летописей» – том 17 (1907 г.), том 32 (1975 г.), том 35 (1980 г.) – *Прим. ред.*



ВКЛ в XVII веке

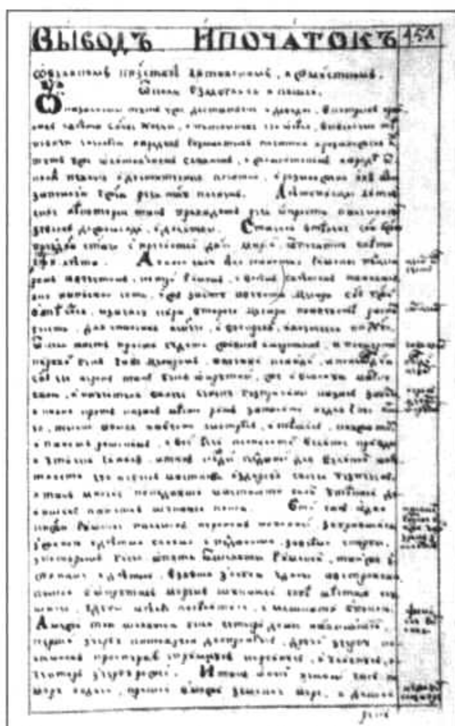
веке ВКЛ было конгломератом земель, связанных иерархией личного подчинения управлявших ими князей и магнатов. Смена каждого сюзерена вела к перестройке сети личных связей среди его родственников, приближенных и вассалов, зачастую приводила к масштабным политическим и военным потрясениям*. В этой связи анализ действий конкретных лиц, обладавших в глазах своих современников символическим статусом, является более перспективным направлением для воссоздания картины возникновения ВКЛ, нежели поиск призрачной для того времени национальной борьбы.

Подобным же персонифицированным образом представлен институт власти, который в период возникновения ВКЛ мог воплощаться только в персоне

* Яркий пример – гражданская война в ВКЛ между Свидригайло Ягайловичем и Жигимонтом Кейстутовичем в 1432–1439 гг. – *Прим. ред.*

князя. В этих условиях смена власти путем принятия нового сюзерена взамен умершего (или утратившего легитимность) выглядела если и не обыденным, то общепринятым ритуалом. Не случайно замена Рюриковичей на престолах древнерусских земель литовскими князьями передана «Беларуско-литовскими летописями» в форме наследования либо изгнания – с преобладанием последнего.

Впрочем, в контексте времени изгнание потерявшего легитимность князя тоже часто рассматривалось как правомерное в случае его неспособности или нежелания осуществлять свою княжескую функцию. Именно так выглядит в «Беларуско-литовских летописях» сюжет о присоединении к ВКЛ Волыни и Киевщины после бегства князя Рюрикова рода с поля боя и принятия населением власти литовского вождя. Летописцы особо подчеркивают связь между падением зависимых от Орды Рюриковичей и вокняжением литовских князей в «русских» землях с освобождением их от ордынского ига, что на самом деле было одним из решающих факторов возникновения и быстрого расширения ВКЛ. И в этом вопросе рассуждения летописцев выглядят достаточно убедительно, несмотря на слабую фактическую основу.



Хроника литовская и жамойтская (тобольская копия)

Помимо понимания логики событий, изучение «Беларуско-литовских летописей» поможет представить современному человеку многообразие политических и культурных идентичностей на протяжении ранней истории ВКЛ и примирить с ним наше линейное сознание. Сознательное создание летописцами легендарных образов бесспорно «рюського» (в тогдашнем значении слова) Новогородка, ставшего опорой и домом литовских князей, а также литовского князя Бориса Гинвиловича, ставшего «русином» в Полоцке, указывает на сложную и тонкую систему символов культуры ВКЛ. Система эта гибко отражала реалии своего времени и точно отводила места людям и общественным явлениям в тогдашней картине мира.

Наконец, «Беларуско-литовские летописи» дают современному исследователю прекрасный (помимо, конечно, фактических неточностей, намеренных искажений и легенд) пример создания исторического повествования, облекающего исторический процесс в знакомые читателю понятия и представляющего события в форме, доступной для его восприятия.

Создание и совершенствование исторического повествования, соответствующего нашему времени, является задачей не менее трудной и увлекательной, чем сам анализ вопросов истории.

Заключение

Обстоятельства благоприятствуют современному исследователю возникновения ВКЛ. Видоизменяется окружающий нас мир; видоизменяется познающее его человеческое мышление. Дух времени уже не требует от исследователя объяснять течение истории соперничеством народов, стремившихся создавать и крепить однородные национальные государства. Живущему в наши дни историку, воочию наблюдающему множественность политических и культурных идентичностей и многообразие форм исторического процесса, легче постичь и оценить сложность процесса возникновения ВКЛ. Дело остается за решимостью взглянуть на предмет исследования под другим углом, не поддаться натиску идеологии, соблюсти профессиональные стандарты качества.

Литература

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Москва, 1984.
Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. Москва, 1970.
Навіцыян Г. Перадумовы ўтварэння Вялікага Княства Літоўскага ў святле ўзаемадзеяння Рыма і варвараў у I–VI стст. // «Arche», 2005, № 4.
Насевіч В. Пачаткі Вялікага Княства Літоўскага: Падзеі і асобы. Мінск, 1993.
Улащик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. Москва, 1985.

По следам Литвы

Здислав Ситько

«А микгайло з новогорожаны и литвою
смело на них з великим окриком ударил...»

Хроника литовская

«...сколько, брате, с нами храбрые литвы?
А храбрые литвы с нами 70 000 окованые рати»...

Задонщина

Предисловие

Более пятисот лет в Восточной Европе существовало Великое княжество Литовское. Многие историки утверждают, что это мощное государство было создано балтским племенем «литва». Оно, якобы, подчинило соседние народы и захватило обширные земли от Балтийского до Черного моря. Но можно ли назвать племенем сообщество людей, создавшее государство, но не оставившее памятников своего языка?

Это сообщество прославило себя военными походами. Летописи полны таких выражений: «войско свое з руси и литвы», «з новогорожаны и литвою», «новгорожане и литва били, секли и имали», «з русью и литвою ударил», «повоеваша литва», «бишася литва», «литва же и ятвязе воевахоу», «литва, напавши на них, поразили», «литва и русь татаров били», «истопе литва во Двине», «литва Лович, место и замок, огнем и мечем сплендровали», «мел господу Войселко з литвою своею», «литва замок Кашовин и Гербург опановали», «литва зобралася и просто през Мазовшу и пруские границы до земли Куявской втягнули», «литва взяли себе князем Жыкгимонта и посадили его на Вилни», «литву побили», «литва за ним погнали», «храбрые литвы с нами 70 000 окованые рати» — подобные выписки из исторических документов могут занять немало страниц.

Исследование «родословной» и деяний литвы, анализ многочисленных исторических фактов дают нам основание утверждать, что термином литва называлось не племя (этнос), а сообщество профессиональных воинов.

Первые группы (дружины) таких воинов появились в княжествах полабских славян еще в VIII веке. А в конце X – начале XI вв. многочисленные роды смолян, ободритов, велетов-лютичей вместе с воинами-литвою переселились в Подляшье и Понеманье – на территорию будущего ВКЛ. Они основали здесь поселения, одноименные с теми, что остались в Полабье (ставшим немецким Мекленбургом). Именно они воевали (защищали и нападали), а также охраняли границы своего нового Отечества. Литва – это «служилые люди», именно так квалифицируют «литву» в сибирских документах XVII века.

Переселенцы из западнославянских княжеств имели хорошо вооруженное войско с богатым боевым опытом, приобретенным в многочисленных войнах

и восстаниях за 300 лет противостояния захватчикам-германцам. В этом войске были также отдельные отряды профессиональных воинов, которых называли «литва». Летописи свидетельствуют, что таких воинов (литву) использовали полоцкие князья. Позже «литву Мендовга» взяли на службу князья Новогородка. Спустя некоторое время Мендовг сам стал князем Новогородским.

Однако те ученые, которые считают термин «литва» названием племени, видят его «исконную этническую территорию» в юго-восточной части современной республики Летува. Здесь в середине 1-го тысячелетия новой эры поселилось сообщество людей, оставившее после себя уникальные археологические памятники – земляные насыпи над захоронениями. В конце XIX века их назвали «восточнолитовскими» курганами.

Ученые отождествляют ареал этих памятников с территорией, приписываемой «племени литва», несмотря на то, что такие курганы («восточнолитовского» типа) находятся и на смежных, преимущественно беларуских землях. К тому же в самих «восточнолитовских» курганах находят типично славянские женские украшения и характерные признаки славянского погребального обряда. Поэтому не удивительно, что этнической территорией племени «литва» разные исследователи считают разные регионы Понеманья.

Очень важным нам представляется тот факт, что в могилах коренных жителей Понеманья и Подвинья, а также в захоронениях соседних куршей, земгалов и селов обычны косы, мотыги, серпы – орудия сельского хозяйства. А вот в «восточнолитовских» курганах (якобы принадлежавших «племени литва») земледельческого инвентаря нет. Там находят наконечники копий, умбоны щитов, топоры с узким лезвием – то, что нужно в загробной жизни именно воинам.

Литва — это воинское сословие

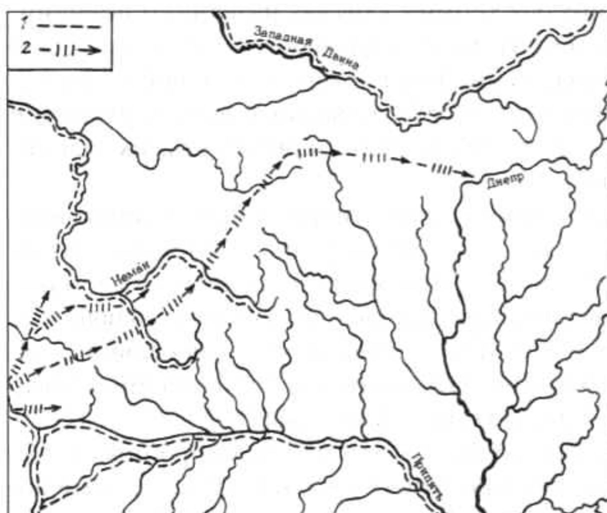
В Восточной Европе только Великое княжество Литовское защитило себя от монголо-татар. Ни один город наших земель не был захвачен ими. Древний Гомий (Гомель) отбил штурм войска Батыя. До стен Берестья его вообще не допустили. В 1362 году воины ВКЛ разбили татар на Синей Воде и освободили от ордынского ига соседние земли вплоть до Черного моря. В 1410 году войско ВКЛ успешно сразилось с немецкими захватчиками под Грюнвальдом. Эта победа на сотни лет обезопасила западные границы ВКЛ. Как видим, сословие воинов («литва») весьма достойно показало себя на ратном поле!

Николай Ермалович открыл нам глаза на нашу древнюю историю. Он вернул своему народу Великое княжество Литовское. Это государство, возникшее в верховьях Немана, объединило племенные княжества ятвягов, кривичей и дреговичей. В создании ВКЛ приняли участие и западные славяне, переселившиеся сюда из Полабья (ныне Мекленбурга), исторической области между Лабой (Эльбой) и Одрой (Одером), а также из Поморья (Померании) – юго-западного побережья Венедского (Балтийского) моря, где жили славянские племена ободритов и вильцев (лютичей).

О переселении западнославянских племен на восток знали давно. Этот факт упоминает скандинавская «Сага о Тидреке Бернском» XIII века. В ней рассказывается, что князь Вилькин со своими воинами пошел на восток, захватил По-

лоцк и Смоленск и, оставив там своих воинов, сам* вернулся в «страну Вилькинланд»[1]. Павел Урбан предполагал, что в такой форме в саге отразилось «предание о прежнем переселении части вильцев-лютичей с запада на восток».

Польский историк Т. Лер-Сплавиньский тоже признал факт миграции славян – потомков носителей лужицкой культуры – из междуречья Одера и Вислы в западную часть нашей страны[2].



1 — торговые пути из земель западных славян в Беларусь; 2 — маршруты переселения западных славян на территорию Беларуси

Н. Ермалович утверждал, что известный по летописи литовский род Булевичей переселился в Понеманье из Померании. В качестве доказательства он указал померанские топонимы Bulitz, Bullen[3]. Действительно, в Мекленбурге имелись поселения Bulowe, Bulow[4], Dorf Hof Bulow[5] (деревня Булов Двор). На старой карте Беларуси тоже обозначены Болевичи (ныне территория Столбцовского района).

Переселение западных славян на восток отмечали и другие ученые. Например, на основе анализа «археологических материалов из раннесредневековых поселений и захоронений Белоруссии» московский археолог В.Б. Перхавко сделал вывод о влиянии на территорию нашего края культуры «западнославянского этноса, отдельные элементы которой обнаружены практически на всех этапах развития культуры раннего средневековья»[6]. Он же уточнил:

> «В X–XI вв. этническое влияние западных славян не охватывало всей территории Белоруссии, а непосредственно затронуло только редко населенные западные районы междуречья Днепра и Немана, территорию водосбора Западного Буга и Понеманье».

Переселение западных славян на наши земли подтверждают и многочисленные топонимические параллели.

Общественный строй и войско

Славяне Полабья, входившие в ободритский и велетский племенные союзы, отличались высоким уровнем хозяйственного и культурного развития[7]. Что касается общественного строя, то ученые говорят не только о «военной демократии» у полабских славян, но и о «племенных союзах» и зарождении государств.

---

* Вероятно, это первый известный князь ободритов Вильчан. Wiltzan, roi des Obotrites – так он назван в «Анналах» франкского хрониста Эйнгарда, где упомянут около 795 г. См.: Annales d'Éginhard. Race des Carlovingiens. // Collection des Mémoires relatifs a l'histoire de France. Paris, 1824, p. 41.

Западные славяне в VI–VIII вв. строили укрепленные города[8]. В городах велетов и ободритов, являвшихся племенными центрами, уже в VIII веке созывались народные собрания (вече) для принятия важных решений[9]. В начале XI века[10] вече созывались в главном городе велетского союза – Радогощ.

Высокий уровень общественно-политического развития полабских славянских княжеств позволяет предположить столь же высокий уровень ратного мастерства их воинов. «Основой военного прогресса являлся их развитый общественный строй»[11]. Ободриты (бодричи) и велеты (лютичи) за века конфронтации с саксами и данами создали сильное войско, позволившее им несколько столетий защищать свою независимость.

Некоторые особенности войска ободритов отметил хронист Саксон Грамматик: «конное войско князя Генриха, сына Готшалка»[12]. Войско лютичей отправлялось на войну подобно римским легионам – под штандартами, на которых были изображены языческие божества[13]. У руян тоже имелись штандарты-хоругви, в том числе хоругвь языческого божества Святовита[14].

В войсках ободритов и велетов сражались с саксонскими захватчиками и отряды литвы – отряды профессиональных воинов из низших социальных слоев, в отличие от воинов-ополченцев, витязей* и княжеских дружинников.

Переселение

Наступление германцев становилось все более мощным. Как сообщает немецкий хронист Гельмольд (середина XII века), первыми вынуждены были искать себе новое пристанище те славяне, что жили поблизости с саксами и на чью землю прежде всего устремились захватчики. Горькая судьба изгнанников раньше всех постигла смолинцев (смолян), живших на правом берегу Лабы и известных по документам с 809 года[15].

Смолинцы переселились на земли по Нареву и Бугу, где известны поселения Smoleńszczyzna, Smolnik, Smolniki[16], Smolino, Smolany, Zardany Smoliany[17]. Вспомним в этой связи беларуские деревни Смоленики (в Ляховичском районе), Смоляны (в Пружанском и Оршанском районах), Смоличи (в Копыльском районе), города Смолевичи (в Беларуси) и Смалининкай (в Летуве).

Позже по пути смолинцев двинулись жители соседних славянских княжеств. В нашей стране селились группы бодричей, бобрян, брежан, бытеньцев, велетов, глинян, древян, лютичей, морочан, нижан, речан, стодорян, хижан. В пользу этого мнения свидетельствуют этнотопонимы: Аброва, Бобровичи, Бобры, Березцы, Бережно, Бытень, Велетин, Велешино, Глиняны, Глинь, Деревная, Деревцы, Лютовичи, Лютые, Морочь, Низовцы, Низяне, Рачканы, Старые Дороги, Хизов, Хизы.

И на новом месте многих новоселов звали по названиям их прежних родных поселений. Такие прозвища позже стали фамилиями. Для некоторых из них (преимущественно старейшин и воевод, упомянутых в документах) установлены эквиваленты в топонимике Полабья (Мекленбурга).

---

* Витязи, ср.-латин. withasii – «вид наследного воинского сословия всадников у бодричей в Мейсении». М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Том 1. М., 1964, с. 322.

Таблица 1. Беларуские фамилии – селения Полабья

1	2	3
Бадак	D. Badeghowe, 1305	badъkov
Бошко(-в)	D. Banzkow	bošьkov
Брыль	D. Brüel	bryly
Витязь	D.Vitense, 1230	vitędz
Гоголя	D. Gägelow	gogolev
Гомолка	Gummale, 1265	gomola
Гладыш	D. Gletzow	gladišev, glazov
Гневош	D. Gnewitz	gněvitji
Домарад	D. Dammereez	domaradjь
Домель	Domelowe, 1248	domelь
Дыбовский	D. Deibow	dybov
Жилич	D. Seltz	zelętitji
Кавалец	D. Kowalz	kovalьcь
Капица	Kempiz, 1267; D. Kembs	kopica
Кит	D. Kieth	kyty
Клок	D. Klockow	klokov
Куркуть	D. Körkwitz, Kurkeuitz, 1274	kurъkovitji
Липень	D. Liepen	lipinъ —
Малахов	D. Malchow	malaxov
Марутик	Marutin, 1219	marutinъ
Масловский	D. Masslow	maslov
Невера	D. Newern	nevěrj
Пашуто	D. Passentin	pašutin
Пискун	D. Spitzkuhn	piskunjь
Попель	Poppelestorp, 1261	popelъ
Прус	D. Prüzen	prusy
Ракуть	D. Raguth	rokuty
Сельмонович	D. Schlemmin	selmenь
Ситько	D. Sietow	sitъkov
Скорина	Scorintin, 1216; D. Schorrentin	skoretin
Скробош	D. Scherpstorp	skr boš
Страмоус	D. Strameus	От имени Stromoyse
Страшук	Straze, 1308; D. Strassen	strašě
Тутин	Tutzen, 1287; D. Tützen	tučьno, tušin
Тешило	Tessin, 1230; D. Tessin	těšin
Цыбуля	D. Zibühl	cebulě
Черноус	Zarnewanz, 1268; D. Zarnewanz	čronovos
Чепик	D. Zepkow	čeрькоv
Щит	Stitne, 1255; D. Stieten	ščitьno

Примечание. 1. Беларуская фамилия; 2. Селение Полабья (Мекленбурга) из немецких документов (рядом указан год документа); 3. Корни слов (или слова) западнославянских диалектов, реконструированные М. Ежовой на основе топонимов Полабья (Мекленбурга).

В многотомном издании древних актов Мекленбурга польская исследовательница Мария Ежова отыскала много славянских имен и названий местностей (записанных, конечно же, по-немецки). Как выяснилось, для некоторых из них есть эквивалент в нашем крае. Для сравнения приведены реконструированные Ежовой славянские слова (основы).

Таблица 2. Беларуские фамилии — Топонимы

1	2	3
Современная беларуская фамилия	**Имя, местность, засвидетельствованная в Мекленбургских актах; дата**	**Восстановленное М. Ежовой первоначальное имя, либо на звание местности**
Банад	Ponat, 1317	Ponętъ
Бандель	Bandel, 1289	Bodelь
Баян	Boianewiz, 1209	Bojanowitji
Бень	Benin, 1174	Ben
Брохотский	Brochowe, 1328	Broxovъ
Брусевич	Bruseuitz, 1309	Brusovitji
Бугель	Boghel, 1309	Bogъlь
Буривой	Buriwoi, 1231	Borivojь
Быль	Byl, 1320	Bylъ
Волович	Wolevisz, 1249	Volovьсъ
Венцель	Venciko, 1192	Vętjь
Глод	Glode, 1268	Gold
Готан	Gotan, 1248	Xotěnъ
Гриб	Grip, 1230	Gribъ
Домаш	Domasca, 1232	Domašьka
Дубина	Dubben, 1298	Dob
Жабик	Sabic, 1242	Žabikъ
Лис	Lise, 1298	Lisъ, Lys-
Машека	Maseke, 1271	Mašьkъ
Михно	Michnin,1170	Myxna
Метла	Metle, 1284	Metly
Натимер	Nacimer, 1228	Načęmirъ
Некраш	Necroz, 1178	Nekres
Русов	Ruz, 1230	Rusъ
Сакович	Cakeuitz, 1215	Sakovitji
Старкевич	Starkevitze, 1316	Star
Сырица	Sirizlaf, 1189	Siroslavъ
Тристень	Trezstini, 1232	Trьstinъ-jь
Яневич	Janeviz, 1312	Jan

Эти примеры подтверждают гипотезу о переселении какой-то части жителей западнославянских княжеств на территорию нашей страны. Надо ли доказы-

вать, что впереди всегда шли воины? Как утверждал советский историк А.И. Неусыхин, «дружина не только воюет, грабит и выступает впереди племени в эпоху его переселения, она первая завоевывает оружием ту землю, которую в дальнейшем присваивает себе племя»[18].

Военные способности переселенцев, ратное умение их профессиональных воинов (литвы) стали использовать полоцкие князья, а также властители Новогородского (Новогрудского) княжества. Новые жители Понеманья способствовали росту существующих и возникновению новых городов, дальнейшему развитию хозяйства и укреплению общественного строя Новогородского княжества, провозглашению его королевством Литовией и, наконец, преобразованию этого государства в Великое Княжество. Поэтому они заслуженно увековечены в названии Великого княжества*.

* * *

Однако еще многие авторы (и в первую очередь авторы из Летувы) по политическим соображениям продолжают связывать историю создания ВКЛ с мифическими жамойтскими князьями, хотя давно уже доказано, что эти персоны вымышленные. Еще в XIX веке польский исследователь Александр Брюкнер в своей книге «Древняя Литва. Народы и боги» написал о происхождении имен «жамойтских князей»: «...Так потянулись Свенторог, Кернос, Куковойтис и другие из топографии в генеалогию»[19].

Хронисты Ливонского ордена называли безымянных жамойтских вождей кунигами. Позже некоторые советские историки превратили их в «воинственных кунигасов», никогда не существовавших в природе. Лексема «кунигас» не балтского, а германского происхождения: прогерманское «kuningaz», готское «kuniggs» от «kuni» (род)[20]. Die kunige von Samaiten[21] (самогитские куниги) – так в «Ливонской рифмованной хронике» названы безымянные родовые старейшины жамойтов. Польский историк Ю. Лятковский, цитируя упомянутую хронику, добавил, что хронист Тевтонского ордена Петр из Дусбурга называл их то nobilis (нобили), то reguli (корольки). По сведениям этого летописца, в Жамойтии господствовали «70 reguli» (кунигов). А немецкий хронист Пасильге называл их «die edelsten der lande czu Samayten»[22] (старейшины земли жамойтов). Этих кунигов или нобилей – предводителей небольших вооруженных групп – некорректно считать даже жамойтскими князьями, не говоря уже об отождествлении их с князьями литвы.

Также нельзя отождествлять слова «литва» и «литовцы». Это не синонимы, потому что они обозначают разные понятия. Слово «литовцы», которым называют современный народ (самоназвание lietuviai) республики Летува (Lietuva), в летописях и хрониках не встречается. Везде упоминается только литва. Например:

> «...ходи Ярослав на литву» (1044 г.); «...приходи литва къ Колузе»[23]; «...повоеваша литва около Торжку...»; «А в те поры как литва была под Стародубом...»; «...бишася литва с смолняны под градом под Мстиславлем»; «...а псковичи под городом под Ко-

* Это не единственный случай в истории. Англы и болгары, заселив чужие земли, образовали новые государства, названные Англией и Болгарией. Особенно характерный пример: государство стало называться Францией, хотя его создатели франки были не племенем, а профессиональными воинами.

телном литвы и татар побили много»; «...а литва побеже, и мало утече за Тросну реку...»; «Они же сретошася с литвою о реце о Березене и стояша долго время: ни литва за Березыню ни лезет к москвичем, ни москвичи к литве»; «...и погналися вслед за литвою. И догонивши билися с литвою»; «В лето 6713 (1207 г.); «...литва же и ятвезе воевахоу и повоева же Тоурискъ»; «В лето 6733 (1225 г.)... Тое же зимы воеваша литва Новгородскую землю...»; (1246 г.): «придоша литва и воеваша около Пересопнице»; (1247 г.): «воеваша литва около Мелнице».

Случались и междоусобицы:

«Побишася литва межи собою, и Домант прибеже с дружиною своею во Псков и крестися...»; «Тогда же прибегошя в Псков поганыя литвы триста семей съ женами и детми и крестишяся...».

Затем уже «благоверный и храбрый князь Домант... нападе... и победил супротивных врагов поганой литвы шестьсот». Надо сказать, что «побежденные» – это «князь литовский Гердень» (точнее, «Гердень из Нальшан»[24]) со своей дружиной. Гердень княжил в Полоцке с 1264 по 1267 гг.[25].

Литва – это также воины-наемники. Например, в конце XIII века рижские ратманы жаловались витебскому князю Михаилу Константиновичу, что рижских купцов, ехавших «изъ Витебеска в Смолнескъ, тогды литва изъимали ихъ на пути, в твоемъ городе... и товар отимали в нихъ»[26]. Очевидно, что витебская литва подчинялась князю Михаилу Константиновичу, иначе бы рижские ратманы не стали бы ему жаловаться.

Из сообщений летописей, хроник, из различных исторических документов следует вывод, что литва – это сословие профессиональных воинов. Они были известны на протяжении семи веков на землях от Германии до Сибири.

Где же «сидела» литва?

Не удивительно, что ученые не смогли определить место изначального расселения «племени литва». Не было такого племени и не было такого места. Поэтому предлагали то одни земли, то другие. Придумали «завилейскую Литву», «повилейскую Литву», а также специальные термины «этнографическая Литва» и «собственно Литва» (Lithuania propria), которыми называют тот край, где начиналась история ВКЛ. Польский исследователь Ю. Бардах различал территории «Litwy właściwej» (собственно Литвы) и «Litwy ściślejszej» (Литвы точнейшей), в состав которой, по его мнению, входила территория Гродненщины[27].

Генрик Ловмяньский употреблял термин «этническая Литва»[28]. Из этих слов польского историка следует, что была еще и какая-то другая литва – вне этноса. Мы же скажем, что той «неэтнической» литвой были потомки литвы – сословия воинов.

Совершенно иначе решал проблему Николай Ермалович, определяя место нахождения «исторической Литвы» в Верхнем Понеманье, преимущественно на землях Новогородского (Новогрудского) княжества[29]. Поэтому его фундаментальные труды вызывают сильную неприязнь у тех современных авторов, смеющих называть себя беларусами, которые служат интересам соседей – поляков, летувисов, россиян... В их среде стало модным обвинять этого патриота

и подвижника в «дилетантстве», «отсутствии профессионализма» и прочих «грехах». При этом самих себя они, ничтоже сумняшеся, считают «настоящими учеными».

В энциклопедиях и научных изданиях в качестве территории расселения этого вымышленного племени предлагают различные регионы республики Летува: преимущественно ее восточную и среднюю часть (так называемую Аукштайтию).

Но тот регион Понеманья, который объявлен местом расселения «балтского племени литва», не имеет соответствующих (балтских) археологических памятников. Более того, как отмечает В.Б. Перхавко, именно в Понеманье найдены археологические памятники, отчетливо свидетельствующие о влиянии западнославянского этноса на материальную культуру местного населения.

Кто насыпал «восточнолитовские» курганы?

> «Всего в ареале рассматриваемой племенной группировки литвы... не менее 250 могильников, в которых было около 7000 курганов восточнолитовского типа». (*В.В. Седов. Литва. // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987, с. 392.*)

Курганы, или капцы

Курганы региона водосбора Вилии и ее притоков называли, начиная с XIX века, по-разному: капцы, волотовки, «предполагаемые литовские курганы», «kurhany ciałopalne» (курганы с трупосожжениями); «domniemane kurhany litewskie» (воображаемые литовские курганы); «курганы на границе современной Литвы и Беларуси». Последнее определение принадлежит археологу Ф.В. Покровскому, который в 1892–95 гг. раскопал около 150 курганных насыпей в 20 могильниках.

Летувисский археолог А.З. Таутавичюс[30] так оценил работу российского археолога:

> «Опубликованные подробные материалы раскопок и целиком сохраненные находки из раскопок Ф.В. Покровского являются ценным источником изучения восточнолитовских курганов».

С высокой оценкой исследований Ф.В. Покровского согласен и автор очерков о балтских племенах, российский академик В.В. Седов:

> «Материалы этих раскопок... являются самым важным источником в изучении восточнолитовских курганов».

В конце XIX века археологи Эдуард Вольтер и Вандалин Шукевич собрали богатый материал, который и «до этого времени (имеются в виду 60-е годы XX века – *З.С.*) является основным источником изучения памятников захоронений на юге Литовской ССР». Однако археологи того времени не признали принадлежность курганов ни славянам, ни жамойтам, ни ятвягам. О «существовании» же в прошлом «племени аукштайтов» (придуманного учеными Летувы. – *Ред.*) исследователи XIX века даже не догадывались.

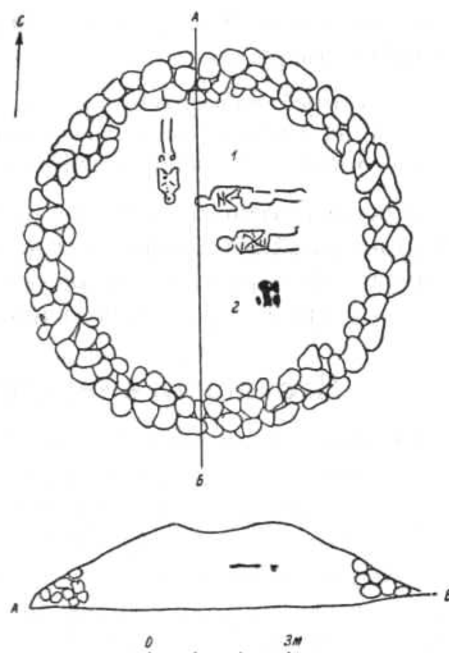
Не случайно для упомянутых курганов – особых археологических памятников – долго не могли подобрать соответствующее название. Наконец избрали территориальный термин – «восточнолитовские» курганы. Ареал этих памятников В.В. Седов отождествлял с ареалом «племенной группировки литвы», считая ее (литвы) регион частью территории так называемой культуры штрихованной керамики.

В межвоенные годы XX века «восточнолитовские курганы» исследовали археологи Польши и Летувы. Они раскопали «около 300 погребальных насыпей в 20 могильниках». К сожалению, «основная часть материалов этих раскопок осталась неопубликованной»[31].

После 1945 года активно копали могильники археологи уже советской Летувы. В 1951 – 1954 гг. пристальное внимание было обращено на исследование «восточнолитовских» курганов в центре их ареала. Но судьба находок из 18 могильников та же: «материалы остались неопубликованными». Очевидно, археологи не нашли того, что хотели. Однако поиски не прекратились. Как утверждает Таутавичюс, к 1956 году «в 100 курганных группах раскопано около 850 восточнолитовских курганов»[32].

Значит, всего было исследовано 12 % сохранившихся памятников. Специальную научную работу, посвященную «восточнолитовским» курганам, где обобщены и систематизированы все собранные к тому времени археологические находки, опубликовал А.З. Таутавичюс в 1959 году. Эти же памятники захоронений рассмотрены им и в книге коллектива авторов «Очерки литовской археологии», изданной в 1961 г.

А в 1982 году В. Даугудис опубликовал книгу об исследованиях средневековых поселений Летувы, в которой «некоторые итоги изучения подведены, правда, обоб-



Планы и разрезы так называемых восточнолитовских курганов. Курган у деревни Вильканцы: 1 — костяки; 2 — остатки трупосожжения

1 — д. Версочка; 2 — д. Богатая. А — пережженная земля; Б — следы кострища; В — кальцинированные кости; Г — инвентарь

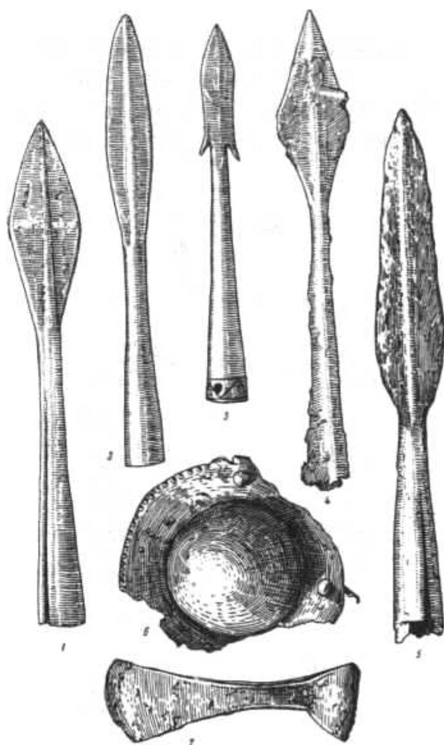
щенные, для всей территории Литовской ССР». Тем не менее, Седов имел основание утверждать:

> «Погребальные памятники племенной группировки литва... курганы, именуемые в научной литературе восточнолитовскими... значительно лучше исследованы, чем грунтовые могильники жамойтов и аукштайтов».

Как уже сказано, термин «восточнолитовские» курганы закрепился в научной исторической литературе, несмотря на то, что много их расположено и в северной части Беларуси, не говоря уже о Виленском крае, населенном, по крайней мере в то время, преимущественно славянами.

Что нашли в «восточнолитовских» курганах?

Об этом говорится в специальном томе «Финно-угры и балты в эпоху средневековья» серии «Археология СССР». Однако вещественные материалы «литвы» мы видим только на таблицах CXXII «Древности литвы. Эволюция» и CXXV «Украшения литвы». И еще на таблицах CXXIV и CXXVI представлены находки из «памятников литовских племен и ятвягов», а на таблице CXXIII – «предметы вооружения литовских племен». Всего 5 таблиц. Сравните: древности латгалов показаны на 6 таблицах, прусов – на 5, жамойтов – на 3 и куршей – на 3, несмотря на то, что их археологические памятники исследованы в несравненно меньшем объеме.



Образцы оружия и конской сбруи литвы из восточнолитовских курганов.
1–5 — наконечники копий;
6 — умбон щита; 7 — топор

В «восточнолитовских» курганах найдены: а) общие для всех «литовских» племен фибулы (в т.ч. эмалированные), шейные гривны (витые и с лодкоподобными концами); б) женские головные венки («вайнаги» латгалов, селонские венки из бронзовых спиралей и пластинок); в) височные кольца; д) «предметы вооружения литовских племен».

Однако упомянутые предметы являются наследством нескольких племен (в том числе и славян, если судить по височным кольцам). Не случайно появилось предельно широкое определение термина литва: «племенная группировка, называемая литвой»[33]. Именно так, в отличие от определения литвы как «племени, оставившего восточнолитовские курганы», представлял Седов конгломерат этнических сообществ восточной части нынешней Летувы.

Он использовал словосочетание «племенная группировка» прежде всего по-

тому, что в этом регионе археологи находили самые разные предметы. Седов хорошо понимал, что 7000 обнаруженных курганов – очень большое число. Такое количество памятников может свидетельствовать о существовании весьма крупной общественной структуры, отлаженной в течение нескольких столетий. Заявить о себе таким образом могло только активное сообщество. Но в то же время 7000 курганов – совсем немного, если учесть большую территорию их распространения и огромное (тысячелетие!) время создания: с IV по XIV век.

Мы полагаем, что честь покоиться в «восточнолитовских» курганах выпадала только отдельным воинам, прославившимся каким-то поступком, вероятно, ратным подвигом. При этом с течением времени погребальный обряд отразил изменение мировоззрения части населения региона «восточнолитовских» курганов: ингумацию заменили кремацией.

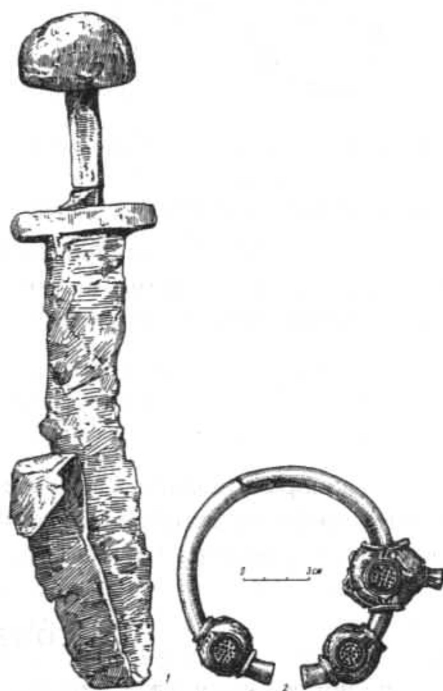
Нужно сказать, что курганы насыпали не только ради почитания людей. Одновременно «на протяжении всего периода существования трупосожжений в восточнолитовских курганах сохраняется обычай хоронить коня»[34]. Особенности таких захоронений: отдельный курган, кремация, а также случаи захоронений человека вместе с конем в одном кургане дают основание говорить о культе коня. Этот обряд наглядно свидетельствует о том, что на территории «восточнолитовских» курганов к лошадям относились примерно так же, как к людям. Однако этот культ нельзя считать чествованием коня в качестве «домашнего животного», помощника в хозяйственной деятельности. Ведь земледельческий инвентарь в «восточнолитовских» курганах отсутствует, чему удивлялся Седов. Уже во втором абзаце своего очерка «Литовская народность» он написал:

> «К сожалению, находок пахотных орудий труда в памятниках второй половины 1-го тысячелетия н.э. пока не обнаружено».

На эту же особенность обратил внимание В.Т. Пашуто:

> «На территории Литвы пока что не найдены железные сошники интересующей нас поры, хотя в соседних Латгалии и Пруссии, а также в Черной Руси в XII веке попавшей под власть Литвы, они обнаружены»[35].

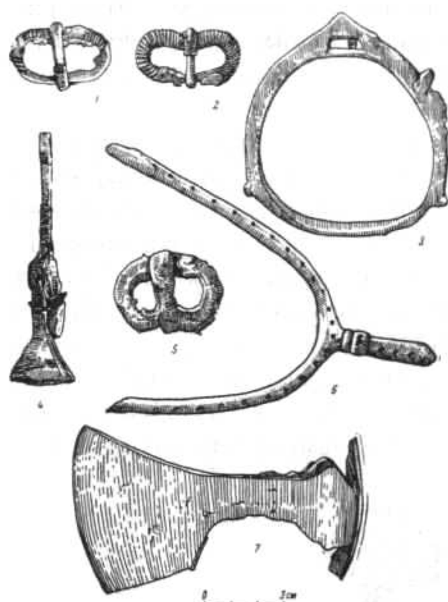
Правда, «в средневековых памятниках литвы много раз находили косы». Безусловно, «конекормцы» (конокръмци) должны были заготавливать сено для коней. А на упомянутых выше таблицах есть рисунки стремян и удил. Эти части упряжи, особенно шпоры, ясно свидетельствуют о воинском назначении такого снаряжения. Известно также, что воины древности действительно относи-



Находки из кургана у дер. Городилово: 1 — меч; 2 — пряжка с позолотой

лись к своим боевым коням как к равноправным партнерам и друзьям, то есть, были склонны очеловечивать их и хоронить так, как людей.

Весьма существенной является подмеченная Седовым археологическая особенность, что земледельческих орудий в памятниках второй половины 1-го тысячелетия н.э. «не обнаружено»[36]. Раскопали столько курганов, а не нашли даже «железной мотыги», хотя мотыги попадаются сплошь и рядом в захоронениях земгалов и куршей[37]. Очевидно, воины-литва абсолютно не намеревались возделывать землю.



Находки из кургана у дер. Засвирь:
1, 2, 5 — пряжки; 3 — стремя;
4 — пинцет; 6 — шпора; 7 — топор

Итак, определить этническое происхождение и социальный статус «восточнолитовского» населения не смогли ни летувисские археологи, ни В.В. Седов. Им не удалось объяснить местный «конгломерат» обрядов и обычаев:

– захоронения (трупоположения IV–V веков) в грунтовых могилах под курганами;

– распространение обряда трупосожжения в последующие века и погребение останков кремации в курганах;

– обычай обкладывания курганов «венками из камней»; обычай захоронения коней в курганах;

– сравнительно небольшое число курганов (по сравнению со всей массой местного населения за тысячу лет);

– отсутствие в захоронениях земледельческого инвентаря.

Опровергнуть устаревшие догмы, подтвердить резонность определенных мнений можно только путем анализа материалов археологических исследований, оставшихся неопубликованными. Но их не публикуют именно потому, что находки противоречат «устоявшемуся» мнению:

> «Раннесредневековая литва как особое балтское племя сформировалась в результате взаимодействия местного населения с пришлым... последние растворились в среде местного населения»[38].

Нам же представляется, что надо говорить не о преемственности традиций, как полагает Седов, и не о рождении нации, а об определенных социальных переменах на этой территории.

Кто такие ятвяги?

Таутавичюс утверждал, что обряд кремации покойников мог перейти в Восточную Литву из южного Занеманья[39]. Жители этого края насыпали над захоронениями курганы из камней, или из камней и земли. Их создателей называют

ятвягами, признавая племенем западных балтов. Эти курганы Седов отличал от «славянских погребальных памятников и от восточнобалтских могильных древностей»[40]. Свой вывод он подкреплял мнениями других исследователей, что «для племен западных балтов на протяжении долгого времени было свойственно использование камней в захоронениях». А сам этот обряд «распространился у всех западнобалтских племен еще в 1-м тысячелетии до н.э.».

Затем Седов уточнил, что ятвяжские памятники – «каменные курганы и могилы XI–XVI вв. (возникшие значительно позже! – *З.С.*), – нельзя относить безусловно к ятвягам». Он объяснял, что «эти памятники по происхождению являются ятвяжскими, но могли быть оставлены... и славянским населением, которое восприняло ятвяжский погребальный обряд».

Оснований для такого сомнения хватало. Например, в летувисском Занеманье среди круглых ятвяжских курганов можно увидеть «отдельные длинные насыпи». Особый интерес вызывает «каменный вал продолжительностью 40 м, шириною 3–4 м и высотою 0,5–0,6 м» возле деревни Вилькяутинис, что «напоминает длинные курганы кривичей»[41]. Седов пишет о могильнике у деревни Ясудово Городенского района, где «две насыпи имели продолговатую форму». Стоит также напомнить замечание Таутавичюса, что среди «восточнолитовских» курганов встречаются «отдельные овальные или продолговатые насыпи»[42].

Ученые сознают особенность региона. Однако Седов остался верным своей приверженности решать проблемы в пользу «балтов». Правда, он не боялся упоминать противоположные мнения, даже категорические. Он цитировал известного российского археолога и историка М.П. Авенариуса, утверждавшего, что «ятвяги были преимущественно охотниками и бродягами, а потому не оставили памятников археологии»[43]. Он вспомнил, что А.А. Спицын «предложил считать каменные курганы и могилы Беларуского Понеманья памятниками русского населения Черной Руси»[44]. Отметим, что основным критерием для этих историков был погребальный обычай:

> «В III–IV вв. обряд трупоположения сосуществовал у ятвягов с обрядом трупосожжения. Но, начиная с V века, трупосожжения начинают преобладать, а вскоре становятся единственным обрядом».

Примерно такие же выводы сделали археологи на основании находок в приписываемых ятвягам каменных курганах. Например, в курганах у деревни Версекеле (на границе с Вороновским районом) «среди камней погребальных насыпей... найдены железный топор с узким лезвием, втульчатый наконечник копья, конический умбон щита, железная пряжка, точильный камень». Это снаряжение типично для «восточнолитовских» курганов, – так Седов обобщил мнения ряда исследователей. А если литва и ятвяги имели одинаковое военное снаряжение, то напрашивается мысль, что те и другие были славянами.

Впрочем, Седов намного раньше высказал похожее мнение. Он представил вместе «различные находки из памятников литовских племен и ятвягов», что отражено в таблице CXXIV, а в таблице CXXVI – «Керамику из памятников литовских племен и ятвягов». Кстати, Таутавичюс тоже обратил внимание, что каменные курганы на правом берегу Немана по вещественному инвентарю похожи на «восточнолитовские» курганы[45].

На карте упомянутого тома («Финно-угры и балты в эпоху средневековья»), где указаны ятвяжские памятники, рядом с условными знаками – могильниками каменных курганов (например, возле деревни Версекеле) – обозначены и курганы «восточнолитовского типа», а вниз по Неману – даже вперемешку. Как видим, пересказанное В.В. Седовым мнение Н.П. Барсова, что «древнейшие поселения ятвягов вплоть до IX–XI вв. находились в Верхнем Понеманье и отделяли русские земли от Литвы»[46], не подтверждается археологическими находками и памятниками. Курганы свидетельствуют, что литва и ятвяги мирно уживались. Так продолжалось до тех пор, пока, якобы, «в XII–XIII вв. ятвяги не были вытеснены славянами и литвой за Наров и Бебжу»[47].

Но мнению о «вытеснении» противоречат факты. Во-первых, и в том крае, куда якобы выселили изгнанников, жили литва и русь. Об этом свидетельствуют три пары соответствующих топонимов польского Побужья. Там, кстати, жили и ятвяги. Их в первом десятилетии XI века пытался окрестить Бруно из Кверфурта именно «in confinio Rusciae et Litvae» («между Русью и Литвой»). Во-вторых, противоречивые мнения ученых (одни говорят о заселении ятвягами «обширных пространств», а другие категорически отвергают такое расселение) следует, что критерии для выделения памятников этого «племени» не определены.

Одних только ятвяжских захоронений мужчин «головой на запад» в подкурганных ямах и находок височных колец в ятвяжских женских захоронениях[48] для этого недостаточно. К тому же обнаруживается, что ятвяжские «погребальные насыпи целиком состоят из камней». И как будто бы «эти так называемые каменные курганы существенно отличаются как от славянских погребальных памятников, так и от восточнобалтских могильных древностей».

Правда, раньше «существенных» различий не замечали. Например, в исследовании Седова «Восточные славяне в VI–XIII вв.» из той же серии «Археология СССР» о каменных курганах с трупоположениями сказано так:

> «В Среднем Побужье и в южной части Верхнего Понеманья рядом с каменными курганами хорошо известны и обычные славянские капцы из песка, глины и без каменных «венков». Ранние захоронения (X век) – по обряду кремации, в курганах же XI–XIII вв. – трупоположения. Вещевой инвентарь славянских (*земляных*) и так называемых ятвяжских каменных курганов XI – XIII вв. идентичен и принадлежит «восточнославянской культуре»[49].

Удивительные эти ятвяги! Они «сохраняли курганный обряд захоронения на протяжении всего первого тысячелетия н.э., а в отдельных местах... до конца XIII в.». Якобы они даже передали обычай кремации, образцы оружия и другие «разные» вещи «литовским» племенам. Таутавичюс заметил, что в Понеманье, севернее реки Мяркис (Мерочанки – *Ред.*), каменные курганы по наличию вещественного инвентаря во многом похожи на восточнолитовские. И предположил, что эти памятники «оставлены одним из ятвяжских племен, по культуре близких литве»*.

Итак, ятвяги создали памятники материальной культуры, но не оставили памятников своего языка. Видимо, они были малочисленны и не имели своей «эт-

* См.: В.В. Седов. Балты, с. 417.

нической» территории. Отдельные группы воинов-ятвягов жили и служили в разных местах, как и литва. Поэтому некоторые исследователи, поддавшись упоминаниям польских хронистов и подсчитав этнотопонимы, вообразили, что «к XIII веку ятвяги заселили широкое пространство, которое включало Сувалкию, Подляшье, Берестейскую волость и Верхнее Понеманье». Даже Седов было усомнился:

> «В распоряжении науки имеется слишком много косвенных и немало прямых свидетельств в пользу некогда широкого расселения ятвяжских племен».

Однако он же обмолвился:

> «Некоторые, может быть многие, каменные курганы и каменные могилы Верхнего Понеманья и Брестского Побужья... не являются собственно ятвяжскими памятниками»*.

К определению смысла термина ятвяги, возможно, приблизился финский исследователь Ё. Койвулехта, проанализировавший значения немецкого диалектного глагола jaten – «полоть», «вырывать». Из его исследования можно сделать вывод, что ятвяги были изгоями**.

* * *

Отметим, что среди ятвягов, как и среди литвы, могли быть люди разного этнического происхождения. Но исследователи на основании археологических памятников утверждают сходство материальной культуры, погребальных обычаев литвы и ятвягов. Валентин Седов даже составил карту расположения археологических памятников тех и других в одном и том же регионе Среднего Понеманья. А польский хронист Ян Длугош писал, что в интересующем нас регионе жила «литва с русью вперемешку». Литва, русь и ятвяги воспринимались единым служилым сословием, хотя они и придерживались некоторых особых обычаев и обрядов. Они посвятили себя одному и тому же делу – воинскому.

Все эти воины усвоили кривицкий (или славяно-кривицкий) язык, который мало отличался от их диалектов. С течением времени ятвяги, как и литва, стали пользоваться этим языком и в повседневной жизни. Об этом свидетельствовали миссионеры, приезжавшие в наш край проповедовать учение Христово, и непосредственно имевшие дело с простым людом***. На этом языке велась документация. Значит, он был понятен и ятвягам, и литве, и руси.

Выводы

Как уже сказано, результаты многих исследований летувисских археологов не опубликованы. Даже в особом издании Академии наук СССР предметы материальной культуры литвы и ятвягов поданы огулом – в одной таблице. Бедность иллюстративного материала особенно удивляет, если принять во внимание число исследованных археологических памятников Летувы. Этот факт убеди-

* Там же. С. 414.

** «Jaten» in deutschen Mundarten. Wortgeographisch-etymologische Untersuchungen von Jorma Koivulehto. // Annales Academiae Scientarum Fennicae. Ser. B. T. 170. Helsinki, 1971.

*** Ks. dr. Jan Fijałek. Kościół rzymsko-katolicki na Litwie. S. 140.

тельно свидетельствует о том, что археологи не смогли выработать обоснованные критерии для определения истинных создателей собранных находок.

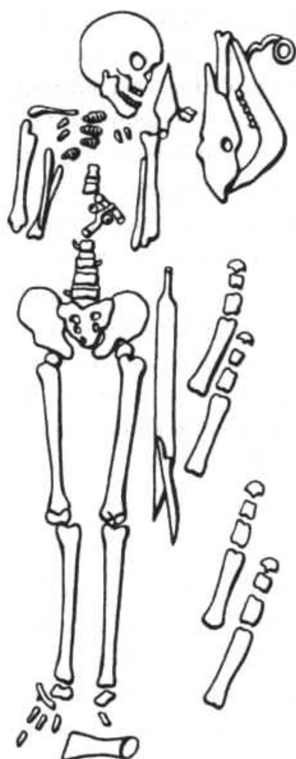
Разные орудия труда и оружие

Из материалов Седова, из исследований других археологов следует, что разные сообщества и племена Понеманья и восточной части Прибалтики существенно различались отношением к орудиям труда и оружию. Воины-литва предпочитали оружие!

Так, в памятниках захоронений земгалов и куршей постоянно находят мотыги и косы, в могильниках селов V–VII вв. – серпы, мотыги, зернотерки. Оружия же, например, у селов выявлено «сравнительно немного».

В регионе «восточнолитовских» курганов, в захоронениях «VI–VIII вв. повсюду наконечники копий, умбоны щитов, топоры с узким лезвием» – все то, что пригодится воинам-литве в загробной жизни. Земледельческого снаряжения в «восточнолитовских» курганах не найдено, за исключением кос, необходимых для заготовки сена лошадям.

Иные погребальные обычаи и другой состав предметов материальной культуры литвы дают основание утверждать, что с соседними балтскими племенами, например, с жамойтами, они не были породнены. Достаточно сравнить женские украшения: жамойтки надевали на голову венок-оголовье, тогда как женщины литвы носили, как и славянки, височные кольца.



Погребение мужчины с фрагментами коня (голова, нижние части ног)

Разные погребальные обряды

Тем не менее, историки упорно не желают признавать славянское происхождение литвы. К примеру, Седов в своем очерке «Литва» представил новоселов региона «восточнолитовских» курганов балтами, выходцами из Подвинья. Но там селы и латгалы покойников не сжигали, а хоронили в курганах (в течение II–VI вв.), а позже – в обычных могилах вблизи тех же курганов. Значит, новоселы региона «восточнолитовских» курганов, исполнявшие обряд кремации и помещавшие останки в курганы, не были балтами.

Удивительно и то, что жамойты, якобы «единокровное» племя с литвой, имели особые погребальные обычаи. Они не отказались от них даже тогда, когда «обряд кремации умерших становится господствующим на значительной части литовской территории, объединяя эти земли». Могильники жамойтов второй половины 1-го и начала 2-го тысячелетия являются грунтовыми, не имеющими ныне каких-либо наземных признаков. Там, в исконном, как утверждают, крае балтов, в V–IX вв. безраздельно господствовал обряд трупоположения. Мужчин хоронили головой на северо-восток.

И в восточной части современной Летувы, крае «восточнолитовских» курганов, покойников вначале не сжигали. Курганы IV–V вв., как утверждает Седов, содержат трупоположения. Но погребения мужчин ориентированы головой на запад, как это принято у славян. А потом произошла смена обряда: с VI века преобладают трупосожжения.

Итак, каждый «восточнолитовский» курган – это памятник воину «хороброй литвы». Так чествовали и погибших на чужбине, о чем свидетельствуют «насыпи без захоронений» (кенотафы). Что касается «грунтовых трупоположений с идентичным инвентарем» в регионе «восточнолитовских» курганов – то это могилы «рядовых граждан». Следует особо отметить, что коней, как сожженных, так и несожженных, хоронили в особых курганах. Несомненно, эти кони были не тягловой силой, а боевыми конями воинов-литвы.

* * *

Указанные факты позволяют утверждать, что воины-литва пришли в этот край с оружием в руках и не собирались обрабатывать землю. В течение нескольких веков они соблюдали свои обычаи и обряды. «Взаимодействие» аборигенов и новоселов закончилось не «растворением» последних в «среде местного населения», а установлением господства воинов-литвы над местным населением (факт распространения обряда кремации умерших косвенно подтверждает этот тезис).

О «формировании литвы как отдельного балтского племени» вообще не может быть речи. Можно говорить о формировании нового господствующего сословия (воинов-литвы), что отразилось в последующем изменении названия Новогородского княжества. В 1253 году с одобрения Папы Римского оно было провозглашено «королевством Литовией». Впоследствии это государство стало называться Великим княжеством Литовским.

Комментарий редактора

В целом я согласен с логикой и выводами автора, за исключением его суждений о ятвягах. Дескать, ятвяги не оставили памятников своего языка, были малочисленны, не имели своей «этнической» территории, являлись то ли изгоями (откуда?), то ли пришельцами (с каких земель?), то ли таким же сообществом профессиональных воинов как литва. Я солидарен с теми учеными, которые считают, что ятвяжских племен было много (4 крупных и ряд мелких) и что они действительно заселяли «широкое пространство, включавшее Сувалкию, Подляшье, Берестейскую волость и Верхнее Понеманье».

Что касается письменных свидетельств ятвяжского языка, то их тоже немало. Речь идет о надписях на «непонятном языке», сделанных на многочисленных камнях, разбросанных по всей территории Западной Беларуси. Просто эти надписи никто до сих пор целенаправленно не собирал, не обобщал и, естественно, не изучал. Многие камни к настоящему времени исчезли (были использованы для строительства или взорваны), но сохранились их фотографии либо прорисовки «непонятных надписей».

Источники

1. П. Урбан. Старажытныя ліцьвіны. Мова, паходжанне, этнічная прыналежнасць. Мн., 2003, с. 71.
2. Ler-Spławiński T. Początki ekspansji słowian ku Wschodowi. // Sławia antiqua. T. IX. 1962, s. 5.
3. М. Ермаловіч. Па слядах аднаго міфа. Мн., 1989, с. 31.
4. Maria Jeżowa. Dawne słowiańskie dialekty Mieklemburgii w świetle nazw miejscowych i osobowych. Cz. I. Fonetyka. // Prace językoznawcze. T. 26. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1961, s. 47.
5. Maria Jeżowa. Dawne słowiańskie dialekty... Cz. II. Słowotwórstwo. // Prace językoznawcze. T. 32. Wr., W-wa, Kr., 1962, s. 13.
6. Перхавко В.Б. Западнославянское влияние на раннесредневековую культуру Белоруссии. // Древнерусское государство и славяне. Мн., 1983, с. 26.
7. Mały słownik kultury dawnych słowian. Warszawa, 1972, s. 509, 631.
8. Там же. С. 201.
9. Zernack Klaus. Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost– und Westslawen. // Giessener Abhandlungen zur Agrar– und Wirtschaftsforschungen des europäischen Ostens. Bd. 33. Wisbaden, 1967, s. 202.
10. Gerard Łabuda. Wiece słowiańskie. // Kwartalnik Historyczny. Rocznik LXXVI. 4, s. 916.
11. Клибанов А. Боевой порядок у древних славян. // Исторический журнал. Книга 1–2 (137–138). М., 1945, с. 81.
12. В.Д. Королюк. Государство бодричей в правление князя Готшалка. // Slavia occidentalis. T. 22. Poznań, 1962, s. 188.
13. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья, с. 204.
14. Mały słownik kultury dawnych słowian, s. 382.
15. Annales d'Éginhard. Race des Carlovingiens, p. 62.
16. Kętrzyński W. Nazwy miejscowe polskie Prus zachodnich, wschodnich i Pomorza wraz z przezwiskami niemieckimi. Lwów, 1879. C. LXVI.
17. Pawiński A. Polska XVI wieku pod wzgladem Geograficzno-Statystycznym. Tom V. Mazowsze. Palatinatus Plocensis. Warszawa, 1895, s. 23, 78, 79.
18. Неусыхин А.И. Общественный строй древних германцев. М., 2001.
19. Brückner A. Starożytna Litwa. Ludy I bogi. Olsztyn, 1984, s. 71.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1967, с. 266.
21. Die Livlandische Reimchronik von Dittlieb von Alnpeke. Reval, 1848, s. 116.
22. Цит. по: Latkowski J. Mendog – król litewski. Kraków,1892, s. 3.
23. ПСРЛ. Т. VIII. Спб., 1843, с. 112.
24. Міндаў, кароль Літовіі, у дакумэнтах і сьведчаньнях / пер. на бел. мову А. Жлуткі/ Менск, 2005, с. 39.
25. БелСЭ. Т. 3. Мн., 1971, с. 437.
26. Russisch-Livländische Urkunden, gesammelt von K.E. Napiersky. St. Petersburg, 1868, s. 27.
27. Bardach Juliusz. Zmierzch smerdów. // Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa, 1968, s. 50–51.
28. Łowmiański H. Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. T. 2. Wilno, 1932, s. 21.
29. М. Ермаловіч. Па слядах аднаго міфа, с. 44.

30. Таутавичус А.З. Восточнолитовские курганы. // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959, с. 129.
31. В.В. Седов. Балты. с. 391.
32. Таутавичус А. З. Восточнолитовские курганы, с. 130.
33. В.В. Седов. Балты, с. 390.
34. Там же, с. 393.
35. В.Т. Пашуто. Образование Литовского государства. М., 1959, с. 251.
36. В.В. Седов. Балты, с. 395.
37. Там же, с. 372.
38. В.В. Седов. Балты, с. 372.
39. Таутавичус А.З. Восточнолитовские курганы, с. 135.
40. В.В. Седов. Балты, с. 414.
41. Там же, с. 416.
42. Таутавичус А.З. Восточнолитовские курганы, с. 144.
43. Авенариус Н.П. Дрогичин по-над Бугом и его древности. // Материалы по археологии России. № 4. Древности Северо-Западного края. Спб., 1890, с. 34.
44. В.В. Седов. Балты, с. 414.
45. Там же, с. 417.
46. Там же, с. 413.
47. Там же
48. Там же, с. 417.
49. В.В. Седов. Восточные славяне VI–XIII вв., с. 120.

«Литовский народ» XIV столетия с языковой, культурной и религиозной точек зрения

Алексей Дайлидов, бакалавр истории

1. Вступление

В ранней истории Великого княжества Литовского (ВКЛ) до сих пор имеются огромные пробелы, которые неспособна заполнить современная «балтская концепция» возникновения этого государства. Та неразбериха, которая существует сегодня, показывает, что «балтская концепция» с самого начала (неважно, умышленно или нет) пошла по ложному пути, поэтому современное состояние исследований требует не просто каких-то уточнений, но основательного пересмотра основных понятий. Не будем здесь пересказывать суть известной проблемы – роли древних беларусов в возникновении и политической жизни раннего (XIII–XIV вв.) ВКЛ и отношения названия его титульного народа – «литвинов» – к беларусам. Эта проблема всем известна.

Скажем о другом. Совершенно очевидно, что в центре этой проблемы лежит «балто-славянское» противоречие. С одной стороны, невозможно отрицать, что ВКЛ возникло в том числе и на балтской этнической территории, что великие князья литовские – Миндовг, Войшелк, Тройден и т.д. – как и многие летописные литвины, были носителями балтских имен и балтской этничности.

С другой стороны, невозможно отрицать, что ВКЛ возникло и существовало преимущественно на славянских землях, что беларусы были его деятельными создателями и руководителями, и к тому же (это самое главное) беларусы тоже выступали под названием титульного народа «литвинов». Особенно ясной является ситуация в поздние времена, о которых имеется много свидетельств исторических источников XV–XVI веков, когда практически весь беларуский народ назывался литвинами (в том числе православные, известные как «литвины русской веры»).

Это неспособны отрицать даже те современные ученые, которые враждебны к идее «литвинства». Например, Олег Латышонок в своей книге, посвященной обоснованию древности названия «беларусы», так и не смог найти «беларусов» на территории ВКЛ в XVI веке, зато признал, что всё население собственно ВКЛ (т.е. без Жамойтии и украинских земель), в том числе население восточной части страны, во всех поздних источниках определяло себя как «литвины», и это название было единственным самоназванием этого населения [1]. Латышонок признает даже тот факт, что, например, все без исключения студенты Краковского университета, выходцы с беларуских земель (в том числе православные) в XV веке записывались в университете «литвинами», тогда как в случае

обучения жамойтов в Краковском университете они *не записывались* «литвинами» [2].

Если обратиться к раннему периоду ВКЛ (XIII–XIV вв.) – то здесь мы имеем намного меньше свидетельств источников, что не позволяет воссоздать историческую картину сразу во всей ее полноте. Этот период в современной историографии закрывается «балтской концепцией», с ее утверждением, что литвины XIII–XIV веков – этнически балтские язычники, а ВКЛ – языческое государство. Одновременно «язычество» литвинов этого периода служит доводом против причастности древних беларусов (славян-христиан) к титульному народу государства (балтам-литвинам).

Но первое, что можно сказать относительно «балтской концепции», это то, что она не подтверждается, а отвергается историческими источниками (далее в статье приведены свидетельства источников о том, что уже в XIII–XIV веках под названием «литвины» выступали носители славянских имен, славянского языка, христианской культуры и т.д.). Этот пункт интересен тем, что современным историкам прекрасно *известно*, что названная концепция не подтверждается историческими источниками, а противоречит им. Но, балансируя на уровне этничности (между «славянами» и «балтами») они неуклонно вынуждены избирать одно из противоположных мнений. И если балтским фактором (хотя бы из-за имен великих князей) пожертвовать не могут – то насильственно жертвуют, не учитывают и игнорируют практически весь «славянский» материал имеющий отношение к литвинам XIII–XIV веков. Между тем, далее мы покажем, что если выйти за границы этноцентрической точки зрения и рассматривать термин «литвины» не как этнический, а как надэтнический – то можно воспринять все литовское наследие XIII–XIV веков в целом, без насильственных исключений.

Во-вторых, эта «балтская концепция» никогда не была доказана, и выводы из нее не дают ни полного, ни всестороннего понимания развития ВКЛ в XIII–XIV веках. Доктор исторических наук Александр Кравцевич в своем новейшем в беларуской историографии исследовании по созданию ВКЛ написал в выводах:

> «Опровержение главного постулата (имеется в виду постулат о «литовском завоевании» беларуских земель в середине XIII века. – А.Д.) вынуждает к пересмотру всей концепции генезиса ВКЛ и приведению ее в соответствие современному уровню исторических знаний. Доказательство тезиса о мирном характере балто-славянских отношений позволило объяснить существование ряда исторических фактов, которые были давно известны историкам, однако игнорировались как не соответствующие балтской концепции генезиса ВКЛ.
>
> Например, стало ясно, почему историческое ядро ВКЛ (хороним «Литва») складывалось как из этнически балтских, так и восточнославянских (преимущественно) земель. Стало понятным, почему ни один письменный источник не зафиксировал ни одного случая не только военного противостояния, но любого другого конфликта между балтскими и славянскими обитателями Понеманья. (...) Наконец приходится признать, что противоречия между балтской концепцией генезиса ВКЛ и рядом важных исторических фактов, непосредственно связанных с процессом державотворения, в рамках названной концепции решить невозможно. Потому отказ от этой концепции представляется неизбежным» [3].

Действительно, отказ от «балтской концепции» представляется неизбежным. Полное исследование всего комплекса исторических источников дает возможности для реконструкций иного рода.

2. «Литвины» (XIII–XIV вв.) как надэтническое название

Исторические сведения о Литве XIII–XIV веков показывают, что Литва этого, как и более позднего, времени не была исключительно балтской страной ни с территориальной, ни с этнической точек зрения (далее мы остановимся на свидетельствах источников о территории, населении, языках, религии и культуре Литвы того времени). Поэтому вполне логичным является допущение о надэтническом характере названия «литвины» в XIII–XIV вв. (до Кревской унии 1385 года).

Надэтнические названия бывают нескольких родов: политонимы, хоронимы, наконец, конфессионимы. Странно, что анализируя политические процессы в ВКЛ, исследователи обходили стороной вероятность религиозного, конфессионального характера названия «литвины». Часто они противопоставляют друг другу названия «русины» и «литвины» в ВКЛ (как в «языческом» периоде XIII–XIV вв., так и позже), правильно отмечают, что литвины это не русины, но из этого делают странный вывод, что «литвины – этнические балты». Однако если мы знаем, что термин «русины» в средние века имел прежде всего религиозный, конфессиональный смысл («русины» – православные верующие Киевской митрополии), то почему не допустить, что термин «литвины» тоже мог быть конфессионимом?

Первое, с чем встречается исследователь, изучая историю Литвы XIII–XIV веков – это терминология (или эпитеты) относительно литвинов во враждебных им источниках крестоносцев и московитов. Терминология эта религиозного характера: «неверные, вероотступники, неверные Христу, враги христианства, безбожники, проклятые, некрещеные» литвины и т.д. Среди этих терминов выделяется термин «вероотступники» (perfidos) – безусловно, определение не «язычников» (нехристиан), а христиан другой ветви.

На это могут возразить, что литвинов повсюду именуют «язычниками» (paganis), и что ВКЛ рассматриваемого периода предстает в записках крестоносцев и московитов как языческое (т.е. нехристианское) государство.

Во-первых, в ответ можно сказать, что название «язычники» (paganis) было не столько точным определением язычников, сколько оскорбительным прозвищем, которое достаточно часто употреблялось во времена острого противостояния восточнохристианского и западнохристианского миров в XIII–XIV вв. И употреблялось оно далеко не всегда только к язычникам. Так, известны примеры, когда крестоносцы именовали «язычниками» русинов из Великого Новгорода или Пскова [4] и даже греков [5]. Русины тоже не оставались в долгу: известно, например, что псковские летописи бранили «поганую латину». Во-вторых, надо сказать, что термин «язычники» (paganis) применяется к литвинам сравнительно редко, главными же их прозвищами во враждебных источниках

являются «неверные», «враги христианства» и характерный термин «вероотступники».

Например, папские буллы периода 1251–1255 гг., связанные с обращением великого князя Миндовга в католичество, нигде не именуют его прежнюю веру «язычеством», а описывают ее в таких неясных определениях как «заблуждение», «тьма неверия» и в конечном итоге сводятся к определению «вероотступничество» [6]. Это явно указывает не на «язычество», а на такой вариант христианства, который папская курия считала еретическим. В комплексе переписки курии с великим князем Гедимином в 1322–1324 гг. нигде нет определения литвинов как «язычников» (paganis), а есть только определения «неверные», и самому Гедимину приписывают какие-то «заблуждения схизматиков» [7].

Могло ли определение «литвины» быть конфессионимом? Высокое и Позднее Средневековье богато разнообразными вариантами религиозной жизни, это время было намного более свободным в религиозном плане, нежели считается теперь. Еще до Реформации XVI века (которая ввела во многих странах Европы евангелистскую церковь, отказавшуюся от еврейской обрядности и создавшую чисто христианскую церковь, основанную исключительно на Новом Завете) различные евангелистские течения, которые можно назвать предшественниками лютеранства и кальвинизма, существовали повсюду в Европе. Это вальденсы, восточноевропейские богумилы (отрицавшие Ветхий завет и исповедовавшие только Новый), катары, лоларды и т.п.

Можно отметить любопытную черту: в случае с этими пред-протестантскими движениями этнонимы народов, исповедовавших такие учения, часто играли роль конфессионимов.

Например, в средневековье название «болгары» по всей Европе, от Франции до Московии, было не одним только названием народа, но и определением болгарских богумилов, конфессионимом. Еще в XV веке, когда богумильство на Руси угасало, церковный писец отмечал, что остатки его существуют под влиянием книг «проклятых болгар» – очевидно, что термин «болгары» был здесь не этнонимом, а конфессионимом. Можно приравнять этот пример к указанию новгородского епископа Геннадия в его послании митрополиту от 1490 года о том, что евангелистские движения в Новгороде и Пскове конца XIV–XV вв. (стригольники и др.) – это «дела литовские окаянные» [8]. Очевидно, что под «литовским» имелось в виду не этническое влияние, а религиозное.

Другой пример: Босния, где богумильство с конца XII века до середины XV было официальной религией. Здесь существовала своя богумильская «црква басанска», известная далеко за пределами края, посылавшая проповедников в Венгрию и Францию. Можно приравнять эту национальную церковь к Литовской митрополии ВКЛ XIV века – которая была создана, безусловно, не ради «этнически балтского народа язычников», а для христиан-литвинов ВКЛ. Наконец, среди исторических свидетельств встречаются прямые указания на религиозный смысл названия «литвины» в указанное время – такие, как свидетельства о «литовской вере», или определение «христиане-литвины» – на которых мы остановимся позже.

Ниже мы приводим свидетельства различных исторических источников, дающие представление о «литовском народе» XIV века и позволяющие судить,

что народ этот представлял собой не «балтских этнических язычников», а определенную христианскую конфессию ВКЛ, которая в XIV веке существовала в границах Литовской митрополии (см. карту).

3. Свидетельства источников

Территория («Литва»)

Мы не будем говорить здесь о местонахождении Литвы до создания ВКЛ: беларуская историография признает, что «летописная Литва» охватывала южную часть современной Летувы и западную Беларусь. Скажем только, что со времени создания ВКЛ (1240-е годы) Литвой стала называться вся территория ВКЛ, которая включала современную Беларусь и часть Летувы (включая Вильню, Вилькомир и Ковно).

В 1249 году волыняне шли походом «на Литву на Новгородок» [9].

Интересное свидетельство не просто о границе с «Литвой», но о границе с «литвинами», т.е. с литовским народом, имеется в папской булле 1257 года к епископу краковскому: в ней сказано, что польское местечко Луков (примерно 80 км на запад от Бреста) находилось «у границы с литвинами» (in confinio Letwanorum) [10].

В 1267 году псковичи, когда шли воевать с полоцким князем Герденем, шли «на Литву» (на Полоцк) [11].

В 1274–77 гг. волыняне шли воевать «на Литву» – на Слуцк и Копыль; заодно летопись свидетельствует, что припятское Полесье по-прежнему принадлежало Великому княжеству Литовскому («воюя по Полесью») [12].

В 1283–1314 гг. крестоносцы, вторгаясь «в землю Литовскую», многократно нападали на Гродно [13].

В 1331 году путь новогородского архиепископа из Луцка к Чернигову был назван дорогой «межи Литвы и Киева» [14]. То есть летопись снова удостоверила, что припятско-полесские земли с Пинском, Туровом и Мозырем тогда назывались Литвою.

На протяжении XIV века название «Литвы» или «земли Литовской» многократно отождествляется с областью Литовской митрополии, которая с начала XIV века объединяла Новогородское, Полоцкое и Туровское епископства. Уже первый известный литовский митрополит Феофил предстает в источниках как «митрополит Литвы» (μητροπολίτης Λιτβαδων) [15]. В 1361 году константинопольский патриарх Калист в своем письме именовал Полоцкое, Туровское и Новогородское епископства «литовскими» [16]. В 1389 году патриарх Антоний называл Новогородское, Полоцкое и Туровское епископства «землей Литовской» [17]. Под 1390 годом у Яна Длугоша написано, что король Владислав II (Ягайло) отправился в «землю литвинов», свое «Отечество» – имея в виду посещение им Бреста, Каменца и Гродно [18].

Интересный пример представлений крестоносцев о расположении «вышняе Литвы» или «собственно Литвы» дает письменный памятник конца XIV века (около 1384–1401 гг.) «Littauische Wegeberichte» («Сообщения о литовских дорогах»). Это географическая памятка, основанная на разнообразном материале, полученном в том числе (как следует из ее текста) «от старых людей».

Первая часть памятки посвящена Жамойтии. Вторая же часть посвящена «вышней Литве» (Ober Littauen), где большинство дорог связано с Вильней, Троками и Гродно, а также перечисляются, среди прочих, дороги: № 62 – через Визну (Мазовия) в Гродно; № 63 – через Райгород в Гродно, № 79 – разные дороги между Троками и Гродно; № 84 – дорога из Солечников в Волковыск, через Дубичи и Василишки (Василишки обозначены как «двор великого князя»); № 91 – дорога из Гродно в Крево через Остров, Василишки, Лиду, Липнишки, Гольшаны; № 93 – дорога в Гродно через Дубно, Волковыск и Слоним; № 94 – дорога из Визны в Новогородок; № 96 – дорога в Лиду через Новогородок (упоминаются Василишки и Остров); № 97 – дорога из Волковыска в Новогородок (упоминаются Слоним, а также дорога в Ковно через Семелишки и Гольшаны); №100 – дорога из Траб в Новогородок (упоминаются Крево, Бакшты, Любча) [19].

«Кривой город» — предшественник Вильни. Кривичи жили в районе нынешней Вильни с VI века н.э. В XI–XIV вв. здесь было Виленское княжество (от названия реки – Вилия). На берегу Вилии, на Лысой горе, находился его центр – Кривой город. А рассказ об основании Вильни Гедимином – легенда

Основательным географическим памятником, описывающим Литву, является письменный памятник конца XIV века «Имена всем градом руськым». Насчет его происхождения существуют разные версии, одна из них предполагает, что он происходит из канцелярии литовского митрополита Киприана и составлен между 1375 и 1381 гг. Памятник перечисляет «литовские грады» в списке «русских» городов, тем самым рассматривая Литву как славянский и христианский край; в то же время ни один город или местечко Жамойтии в этом списке не причислены к «литовским городам». Зато среди «литовских городов» названы Борисов, Вильня, Вилькомир, Витебск, Гольшаны, Гродно, Друцк, Кернов, Клецк, Ковно, Кричев, Крево, Логойск, Лида, Лоск, Лукомль, Менск, Новогородок, Орша, Полоцк, Слуцк, Троки и другие [20].

Население

Как до создания ВКЛ, так и после, в источниках среди «литвинов», «литвы» упоминаются не только балты, но и славяне. Среди «литвы» упоминаются воеводы Хвал (1262 г.) [21] и Любим (1266 г.) [22] – люди с явно славянскими именами. Под 1267 годом упоминается боярин князя Довмонта – Лука Литвин [23]. У Мацея Стрыйковского, использовавшего литовские летописи, под 1316 годом встречаются имена литвинов: Ходька, Иван, Ализар и Юрий [24]. Под 1320 годом упомянут литвин Тышкевич, которому великий князь Гедимин дал замок Бердичев [25]. Под 1349 годом князья Семен Свислочский и Якша тоже упоми-

наются как «литва» [26]. В грамоте великого князя Ольгерда от 5 января 1359 года названы вельможи-литвины из окружения Ольгерда: Ленуш, Кряк, Давила и Нихна [27].

В письмах конца XIV – начала XV вв. есть много имен славян-литвинов: Иван, Андрей и Семен Гольшанские, бояре Волчка Велютович, Волчка Тансаутович, Ализар Василевич, Давойна Вышегердович, Война Русилович, Роман Милейкович, Братоша и его сын Зиновий, Стрыгивил Барейкович, Юрий Шелиурович и другие [28]. При дворе Владислава II (Ягайло) в 1390 году служили литвины Борис и Николай, королевские ловчие литвины Кузьма и Цимуш [29]. Русские летописи перечисляют имена «литовских» князей, погибших в битве на Ворскле в 1399 году:

> «А се имена убитыхъ князей Литовскихъ: князь великий Андрей Олгердовичь Полотцкий, ...князь Иванъ Дмитриевичь Киндырь, князь Андрей Дмитреевичъ, ...князь Иванъ Евлашковичъ, ...князь Левъ Кориадовичь, князь Михайло Васильевич, да братъ его князь Семенъ Васильевичь, князь Михайло Подберезский, да братъ его Александръ, князь Федоръ Патрикеевичь Рыльский, князь Андрей Дрютский, князь Монтъ Толунтовичь, князь Иванъ Юрьевичь Бельский...» [30].

В акте Городельской унии 1413 года упомянуты литвины: Николай Бойнар (Boynar); Николай Былимин (Bylymin); Войшнар Вилколевич (Wilcolewicz); Мицусь Вильчкович (Vilczcovicz); Иван-Явнута Волимунтович (Wolimuntowicz); Андрей Деукнятович (Dewknethowycz); Волчка Кульва; Войдыла Кушолович (Cussolowicz); Волчка Рокутович (Rocuthowicz); Кочан Сукович (Sukowicz) и др. [31].

В подтвердительной грамоте великого князя Витовта 1423 года для виленского кафедрального собора упомянуты семьи виленских литвинов-католиков: Львовичей (Lwowiczy), Небутовичей (Nebutowiczy) и Терентьевичей (Terentiewiczy) [32].

А в литовской летописи боярин Андрей Немира под 1406 годом и Михайла Баба (из князей друцких) под 1431 годом выступают как «литвины» [33].

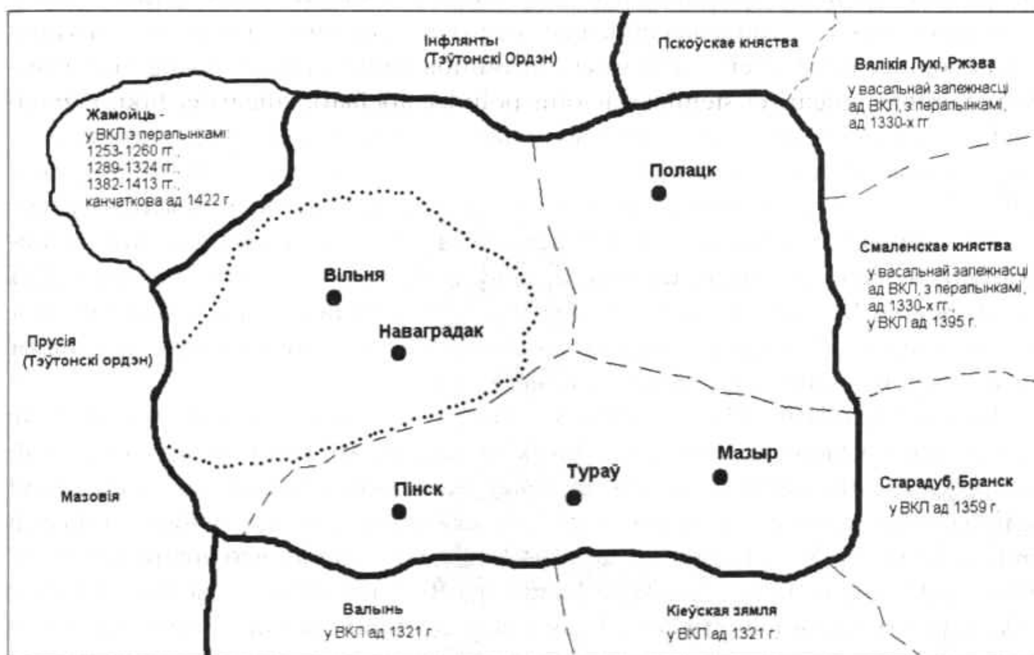
Язык

Олег Латышонок одобрил вывод Игоря Морзолюка о том, что определение «литовский язык» в ВКЛ якобы не имело никакого отношения к беларускому языку, написав:

> «Игорь Морзолюк (...) обратил внимание на противопоставление в документах определений «литовский язык» и «русский язык» таким образом, что не остается сомнений, что формулировка «литовский язык» относится к литовскому языку в сегодняшнем значении этого слова» [34].

Но, с учетом того, что Морзолюк взял лишь несколько очень поздних свидетельств из XVII–XIX вв. (когда под названием «литовский» стал продвигаться жамойтский язык), а весь период XIV–XVI вв. оставил без внимания, такой вывод выглядит, мягко говоря, сомнительным. На самом деле в XIV–XVI вв. (до Люблинской унии и прихода иезуитов в ВКЛ) не существует ни одного примера «литовского языка», показывающего, что это был жамойтский (летувисский) язык. Все примеры «литовского» (по названию) языка в XIV–XVI вв. в источниках – это беларуский язык.

Насчет первого в исторических источниках упоминания «литовского» (lithwanice) языка из уст князя Кейстута и его войска литвинов (Lithwani) из Трок, Гродно и Бреста в 1351 году – большинство ученых (А. Золтан, А. Межинский, С. Роуэл, А. Брюкнер) согласны, что это славянский язык [35]. Выражение «rogachina roznenachy gospanany» в оригинале звучало, скорее всего, так: «Рагаціна – розні нашы. Госпад з намі!» – что подтверждается переводом (Deus ad nos; cornutum; iuramentum per nos).



ВКЛ в XIV веке

Великий князь Ягайло в 1387 году тоже не понимал под литовским языком никакого иного кроме беларуского: в своем привилее от 20 февраля 1387 года он писал о древнем обыкновении «выгнания врагов с нашей Литовской земли», который «по-народному» (vulgo dicitur) назывался «погоней» (pogonia) [36]. Первый виленский епископ Андрей Васила (умер в 1398 г.) в своем латинским завещании оставил беларуские названия даров, такие как «лысы срэбеч» (lyssy szrzebyecz), и написал, что так они называются в «простонародном» (vulgariter) языке виленчуков [37].

Католический миссионер Ян Иероним Пражский (исповедник короля Владислава-Ягайло), который после 1394 года посетил Литву с целью обращения в католичество литвинов-простолюдинов, в своем перечислении относил литвинов к славянским народам, так как они говорили на славянском языке. Сам Ян Иероним проповедовал литвинам на этом языке [38]. Сведения Яна Иеронима использовал Эней Сильвий (с 1458 г. папа римский Пий II), для своей «Maximi Historia Rerum», изданной в 1430-е гг. В ней Сильвий пересказал сведения Иеронима о литве как о славянском народе:

«Литва простирается на восток от Польши. (...) Язык народа – славянский» («Lituania et ipsa late patents regio Polonis ad orlentem connexa est... Sermo gentis Sclavonicus est») [39].

Переводных грамот, в которых сами литвины (князья, бояре и простые люди) приводят слова и выражения беларуского языка (в нынешнем понимании) и отмечают что это «простые», «простонародные», «разговорные» слова литовского языка – очень много. В грамотах короля Владислава II (Ягайло) встречаем транслитерированные латинскими буквами слова «бары», «гаі», «дзецкія», «сем'і», «лукно шасціпяднае» и другие; притом отмечено, что это простонародные (vulgariter) слова языка литвинов («ministerialibus vulgariter dzeckiye; familiae vulgariter siemie; stacionis poludze apellato, vulgariter lukno szescipedne»). Великий князь Витовт в своем письме 1390 года употребил транслитерированные латинскими буквами слова «цямніцы» и «яз» (сеть для рыбы в реке) [40]. Под 1406 годом литовские летописи приводят разговор между великим князем Витовтом и боярином-литвином Андреем, который отговаривая Витовта от невыгодного примирения, крикнул: «Не мири, Витовте, не мири». По этому поводу Витовт прозвал боярина Немиром и от него пошел боярский род Немировичей [41]. Как видим, разговор между боярином-литвином и великим князем происходил на славянском языке.

В своей грамоте 1423 года для виленского кафедрального собора Витовт писал, что «лукно шасціпяднае» (lukno szescipedne) это «простонародное» (vulgariter) название меры мёда [42]. Его брат Жигимонт Кейстутович в 1411 году писал о мере, которая «по-народному» называется «пуд воску» (vulgariter dicitur pud vosku) [43]. У Яна Длугоша под 1440 годом отмечено, что литовские вельможи в Вильне учили королевича Казимира Ягайловича «литовским обычаям и языку» (что иногда приводится как довод знания Казимиром «летувисского языка»). Но в том же месте у Длугоша эти литовские вельможи, воспитывавшие Казимира, перечислены поименно: это Олелько Володимерович (внук Ольгерда, киевский князь), бояре Юрий Семенович и Василий Путята [44].

Много примеров разговорного языка литвинов – бояр и простых людей XV века – собрал Павел Урбан. В переводных грамотах магнатов Кезгайлов, Радзивиллов, Манивидов, Гедигольдов и других (1411–1491 гг.) используются транслитерированные слова: «уставное лукно», «пашня», «сенажаці», «сябрычы», «дзяльніца», «кулі ліпцу», «грачыха», «канюхі», «ушаткі», «ялавіцы» и др. Есть и целые предложения: «на чатыры сахі», «на тры скірды», «першароднага ажэрэбу», «подле дарогі міма касцёлу нашага» и т.п. Во многих случаях отмечено, что это простонародные, разговорные выражения языка литвинов [45]. Все это указывает на то, что никакого другого «литовского» языка кроме беларуского в XV веке не существовало.

Эней Сильвий (в 1430-е гг.), Гартман Шедель (1493 г.), Ян Коклес Норик (1511 г.), Ян Богемский (1538 г.) и другие относили литвинов к славянским народам, а литовский язык – к славянским языкам, и считали литовский язык родственным польскому и русскому, как это делали и русские словари и правительственные документы XVI–XVII веков [46].

Религиозность

Есть много свидетельств, позволяющих считать, что в XIV веке под названием «литвы» или «литовского народа» выступало конфессиональное сообщество христиан Великого княжества Литовского, объединенное в границах Литовской митрополии. Как следует из главного источника по установлению Литовской митрополии – росписи епархиям византийского императора Андроника II – Литовская митрополия была создана в 1300 году (что признают и современные ученые) [47]. При этом роспись епархий говорит о Литве как о диоцезии, т.е. епископстве (ενορια), еще до 1300 года: в росписи сказано, что «τα Λιτβαδα ενορια οντα της μεγαλης Ρωσίας» (Литва, диоцезия Великой Руси) была поднята на уровень митрополии в 1300 году.

Заметим, что на протяжении XIV века византийские источники часто отмечают, что Литва является частью Руси (т.е. частью славяноязычного православного сообщества). Так, византийский историк Никифор Григорос в 1350-е гг. писал, что народ «Руси» разделяется на четыре «руси»: киевскую, московскую, новогородскую и Литву – которая «почти непобедима» и не платит дань Орде [48]. Патриарх Филофей в своем письме 1371 года говорил о Литве как об одной из частей Руси, наравне с Киевом и Москвой [49]. Патриарх Антоний в 1389 году тоже именовал область Литовской митрополии «землей Литовской» и говорил о ней как о части Руси [50].

Собор святых Бориса и Глеба
в Новогрудке (первая половина XII века)

Первый известный митрополит Литовский Феофил трижды принимал участие в заседаниях константинопольского синода: в 1317, 1327 и 1329 гг. В греческих письмах Литовский митрополит писался как «μητροπολίτης Λιτβαδων» («митрополит литвинов») [51]. По росписи 1330 года, разделом имущества Литовской митрополии занимался «брат Гедиминов» (вероятно киевский князь Федор) [52]. Великий князь литовский Гедимин (а вместе с ним «все князи литовьскыи») предлагал Московскому митрополиту Феогносту своего кандидата Арсения на пост епископа в соседнем Пскове [53].

Убедительными свидетельствами христианства великих князей Гедимина и Ольгерда являются известные факты их браков с христианскими княжнами. Как известно из Равданской рукописи, с 1296 года женой Гедимина была смоленская княжна Ольга Всеволодовна, а с 1298 года ее племянница полоцкая княжна Евна Ивановна [54]. Княжна Евна (мать Любарта, Евнута и Кориата) – историческое

лицо, ее упоминает «Хроника Быховца» [55]. Женами Ольгерда были витебская княжна Мария Ярославовна (с 1318 г.) и тверская княжна Юлиания Александровна (с 1350 г.). В 1350 г., когда Юлиания согласилась выйти замуж за Ольгерда, митрополит московский и всея Руси Феогност благословил их брак [56].

Известно, что в 1338 году Ольгерд целовал крест в знак заключения договора с рижскими крестоносцами [57]. Никифор Григорос, хотя именовал Ольгерда «этнархом» (т.е. сторонником «народных» верований), но в его пересказе Ольгерд без труда цитирует отрывки из Деяний Апостолов и Послания апостола Павла к Римлянам [58]. Мацей Стрыйковский писал, что в 1573 году своими глазами видел в витебской божнице икону с изображением Ольгерда:

> «Там жа, в вышнім замку у царковцы бачыл я на свае вочі образ Альгерда и ягонае малжонкі у церкві на алтары, у долгіх шатах, намаляваны грэцкім звычаем» [59].

В заключение приведем прямые свидетельства о том, что название «литвины» в XIV веке было конфессионимом. В русских былинах, рассказывающих о «поганой» и «проклятой» литве (т.е. о ВКЛ XIII–XIV вв.), встречается такое определение, как «князь *веры литовския*» [60].

Храм Успения Пресвятой Богородицы в Лавришском монастыре под Новогрудком

В западных источниках к названию «литвины» почти обязательно добавлялись эпитеты «неверные», «языческие» (infideli, paganis), но были и исключения. Так, венгерская хроника Яна из Кикулева XIV века под 1351 годом повествует о походе венгерских войск «contra *Lithwanos christianis* et maxime regno suo Russiae» – «против *литовских христиан* и самого огромного государства Руси» [61]. Это свидетельство о том, что «литвины», «литва» было определением особой христианской конфессии. Прямое свидетельство о «литовском народе» XIV века дает письмо византийского патриарха 1354 года, где сказано, что литовский «народ» высказывал желание иметь отдельного митрополита: «...его [Ольгерда] *народ* не желает иметь митрополитом Алексия» (Московского), а желает «чтобы посвящен был в митрополиты Роман» [62] (родственник жены Ольгерда, который действительно в следующем 1355 году был посвящен в литовского митрополита).

С этой точки зрения становятся вполне понятными и свидетельства об известных виленских мучениках 1347 года, дворянах великого князя литовского Ольгерда – литвинах Кумце, Круглеце и Нежиле. Свидетельства летописей о них – «родомъ Литвы», «Литовския же им имена Кроуглець, Коумець, Нежило» – разумеется, говорят не об их неславянском происхождении, а об их ре-

лигиозном выборе и обращении в православие. Поэтому в византийских источниках мученики до обращения в православие названы литвинами (λιτβοι), а после обращения – уже русинами (ρῶσοι) [63] (сравним: литовская летопись говорит о православном крещении Витовта в 1384 году, что он «русином зостал» [64]). Разумеется, также не случайно говорится, что великокняжеский постельничий Кумец до своего обращения в православие *«единславен тем* [т.е. литвинам] бе и *вероподобен»* [65]. В этом выражении ясно указано, что «литвою» называлось ответвление христианства – определение «единславен» говорит, что литвины были инославной конфессией для русинов.

Пятницкая церковь в Вильне (XIV век)

В июне 1378 года в Москве случилось происшествие, сведения о котором тоже проясняют смысл названия «литвин». Московский князь отказался принять литовского митрополита Киприана, и стражники князя выпроводили его из Москвы, несмотря на грамоты патриарха Константинопольского и византийского цезаря. Одновременно покойного Константинопольского патриарха Филофея (который в свое время покровительствовал Литве и существенно способствовал поставлению Киприана в 1375 г.) стражники московского князя оскорбительно назвали «литвином», а заодно с ним и византийского императора. Как следует из собственного письма Киприана от 23 июня 1378 года, произошло следующее: «...Что же ли створиша патриаршим послом, хуляше на патриарха, и на царя, и на сбор великий! Патриарха *литвином* назвали, царя тако же, и всечестный сбор вселеньский» [66]. Понятно, что именование «литвин» применительно к Константинопольскому патриарху не было этническим именованием. Оскорблением («хуляше») стало не причисление патриарха Филофея к «балтскому этносу», а обвинение его (как и всего собора) в склонности к литовскому христианству (видимо, богумильского образца) – поэтому его и назвали «литвином».

В событиях Кревской унии (положившей, видимо, конец существованию отдельной «литовской» христианской деноминации в ВКЛ) тоже можно увидеть, что имело место на самом деле не крещение «язычников» в католичество, а перевод одной христианской деноминации под власть другой. Грамоты короля Владислава II (Ягайло) в феврале 1387 г. приказывали перейти в католичество «omnes nacione Lithvanos» («всем нации литовской»). Но что означало в этом случае «nacione Lithvanos», «литовская нация»?

Из сведений о литовском народе конца XIV века, из сведений об особенностях религиозной реформы 1387 г., наконец, из географических особенностей введения католичества в ВКЛ в 1380–1390-х гг. следует, что эта «nacione Lithva-

nos» не могла быть «этнически балтским народом язычников», а под нею понималась особая литовская христианская деноминация. На это первым обратил внимание Вацлав Пануцевич еще в 1930-е годы. Известный беларуский латинист Алесь Жлутко фактически поддержал мысль В. Пануцевича, добавив комментарии к переизданию его статьи [67]*.

Культура

Некоторые особенности литовской культуры в XIII–XIV вв. тоже отчетливо свидетельствуют о христианстве литовского народа в этот период. Широко известна склонность короля Владислава II (Ягайло) к православно-византийской живописи [68]. Такие же православно-византийские фрески обнаружены и в Трокском замке, который с начала XIV века был усадьбой великих князей литовских. В княжеской башне Кревского замка, основанного в конце XIII – начале XIV века, тоже имелись византийские фрески [69].

Лавришский монастырь возле Новогородка, основанный великим князем Войшелком, по сообщениям литовских летописей играл значительную роль в политической жизни ВКЛ во второй половине XIII века – в нем умер следующий за Войшелком великий князь литовский [70]; в этом монастыре обручался сын великого князя Тройдена (1270–1282) Лавриш-Римунд, который провел сейм, на котором великим князем избрали Витеня (1294–1315) [71].

По сообщению Каспара Несецкого (гербовник «Корона польская», 1728–43 гг.), в его времена в коронном архиве хранилась печать великого князя Гедимина с изображением ангела [72]. Это сообщение подтверждал и Н.М. Карамзин [73]. Известны также печати князей Ольгерда и Кейстута с изображениями крестов и кириллическими надписями [74]. Первые литовские монеты, известные с 1360-х гг., имели кириллические надписи, а также изображение герба «Погоня» с двойным крестом [75].

Возвращаясь к смыслу названия «литовский» в XIV–XV веках, мы, кроме языка, можем привести еще некоторые примеры. Так, в XV веке существовало понятие «Литовское право» («правом Литовским мает быти сужон»), под которым понимались сборники беларускоязычных правовых документов [76]. Как известно, «литовское право» далее развилось в Литовские Статуты. Определение «литовский воинский обычай» тоже не имело ничего общего с «этнической балтскостью»: так, в 1432 году воинский обычай князя Ивана Бабы из Друцка (восточная часть ВКЛ) был известен в Московии как «литовский» («изрядивъ свой полк с копьи по литовски») [77].

4. Выводы

Приведенные нами свидетельства из истории Литвы XIV века показывают, что так называемая «балтская концепция» создания и раннего периода существования ВКЛ не имеет ничего общего с реальностью. Она является искусственным построением романтическо-шовинистической польской историографии XIX века.

---

* Желающих получить первичное знакомство с этой большой темой мы отсылаем к работам Пануцевича, впервые поднявшего тему богумильства в истории ВКЛ.

Сведения из исторических источников показывают, что «литовский народ» XIV века выступает не «этнически балтским языческим народом», а скорее конфессиональным сообществом жителей области Литовской митрополии (особой церковной единицы ВКЛ), охватывавшей все земли собственно Литвы (без Жамойтии и украинских земель) – то есть Новогородок, Гродно, Вильню, Ковно, Вилькомир, Полоцк, Друцк, Мозырь, Туров, Пинск...

Библиографические ссылки

1. Латышонак А. Нацыянальнасьць — Беларус. Вільня, 2009, с. 216–217.
2. Там же, с. 73–74.
3. Краўцэвіч А. Стварэнне Вялікага княства Літоўскага. Беласток, 2008, с. 159–160.
4. Шаскольский И.П. Папская курия — главный организатор крестоносной агрессии 1240–1242 гг. против Руси. // Исторические записки. Том 37. М., 1951, с. 183–184.
5. Vetera Monumenta Historica Hungarian sacram illustranta. / Ed. A. Theiner/ Romae, 1859. T. I. № 320, s. 175.
6. Жлутка А. Міндаў, кароль Літовіі. Мн., 2005. с. 58–59, 77–78; A. Dajlidaŭ, K. Kaŝcian. Mystery of Nonaday, Telavel and Divirix. // Belarusian Review, Spring 2011, Vol. 23, № 1.
7. Послания Гедимина. Вильнюс, 1966, № 12, с. 92–93, 104–105.
8. Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.-Л., 1955, с. 375.
9. ПСРЛ, т. 2. М., 2001, стб. 828.
10. Preußisches Urkundenbuch. T. I. H. 2. Königsberg, 1909, № 4.
11. ПСРЛ, т. 7. М., 2001, с. 166.
12. ПСРЛ, т. 2. М., 2001, стб. 873.
13. Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997. ч. 3, гл. 222–223.
14. ПСРЛ, т. 4. вып. 1. Петроград, 1915, с. 264.
15. Павлов А.С. О начале Галицкой и Литовской митрополий и о первых тамошних митрополитах по византийским документальным источникам XIV в. // Русское обозрение. 1894. кн. 5 (май), с. 236–241.
16. Памятники древнерусского канонического права / Русская историческая библиотека (далее РИБ), т. 6. СПб., 1880, стб. 72–76.
17. Памятники древнерусского канонического права / РИБ, т. 6. СПб., 1880. прил., стб. 198.
18. Длугош Я. Грюнвальдская битва. М., 1962, с. 21.
19. Scriptores rerum Prussicarum. / Th. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Bd. II. Leipzig, 1863, s. 662–708.
20. Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979, с. 95.
21. ПСРЛ, т. 2. стб. 839–840.
22. Псковские летописи. ПСРЛ, т. 5. Вып. 2. М., 1955, с. 16–17.
23. ПСРЛ, т. 7. М., 2001, с. 166.
24. Stryjkowski M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego / Oprac. J. Radziszewska/ Warszawa, 1978, s. 245.
25. Бердичев // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 3. СПб., 1891.
26. ПСРЛ, т. 35, с. 46; ПСРЛ, т. 10. М., 2000, с. 219.
27. Prochaska A. Czy istnial Krywie na Litwie? // Kwartalnik Historyczny, Lwów, 1904, rok 18, z. 3-4, s. 485–486.

28. Урбан П. У сьвятле гістарычных фактаў. Мюнхэн — Нью-Ёрк, 1972, с. 50–51.
29. Ліцкевіч А. Да пытання пра рутэнізацыю балтаў ВКЛ у XIV — пачатку XV ст. // «Arche», 2009, № 11–12, с. 34.
30. ПСРЛ, т. 11. М., 2000, с. 174.
31. Semkowicz W. O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachtą polską w Horodle roku 1413. // Lituano-Slavica Posnaniensia. Studia historica. III. Poznan, 1989, s. 14–139.
32. Codex Diplomaticus Ecclesiae Cathedralis necnon Dioeceseos Vilnensis. Vol. I. Kraków, 1932, № 86, p. 745.
33. ПСРЛ, т. 32. М., 1975, с. 77–78, 82.
34. Латышонак А. Нацыянальнасьць — Беларус, с. 181.
35. Там же, с. 86.
36. Прывілей 1387 г. / Пер. з лац. А. Ліцкевіч // Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя. Том 3. Мн., 2010, с. 426–427.
37. Codex Diplomaticus Ecclesiae Cathedralis necnon Dioeceseos Vilnensis. Vol. I. № 33. Kraków, 1932, p. 58.
38. J. Fijałek. Uchrześcijanienie Litwy przez Polskę // Polska i Litwa w dziejowym stosunku. Wł. Abracham, J. Fijałek, J. Rozwadowski et al. Kraków etc., 1914, s. 50; А. Краўцэвіч. Стварэнне Вялікага княства Літоўскага, с. 90.
39. Урбан П. Старажытныя ліцьвіны: мова, паходжаньне, этнічная прыналежнасьць. Мн., 2001, с. 14–15, 92.
40. Там же, с. 40–41.
41. ПСРЛ, Том 32. М., 1975, с. 77–78.
42. Codex Diplomaticus Ecclesiae Cathedralis necnon Dioeceseos Vilnensis. Vol. I. Kraków, 1932. № 86, p. 745.
43. Там же, № 56, p. 86–88.
44. Długosz J. Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / Przekład K. Mecherzyńskiego. T. 4. Kraków, 1869, s. 606, 609–610.
45. Урбан П. Старажытныя ліцьвіны..., с. 40–46.
46. Урбан П. Старажытныя ліцьвіны, с. 15.
47. Шевченко И.И. Некоторые замечания о политике Константинопольского патриархата по отношению к Восточной Европе в XIV в. // Славяне и их соседи. Вып. 6. Греческий и славянский мир в средневековье и раннее Новое время. М., 1996, с. 134–135.
48. Там же.
49. Памятники древнерусского канонического права / РИБ, т. 6. СПб., 1880. прил., ст. 155–160.
50. Там же — прил., стб. 198.
51. Павлов А.С. О начале Галицкой и Литовской митрополий..., с. 236–241.
52. Приселков М.Д., Фасмер М.Р. Отрывки В.Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века // Известия ОРЯС. 1916, т. 21, с. 48–70.
53. ПСРЛ, т. 3. М., 1950, с. 343.
54. Narbutt T. Dzieje starożytne narodu litewskiego. T. I, Wilno, 1835, s. 156, 159–160.
55. ПСРЛ, том 32, с. 138.
56. ПСРЛ, том 42. М., 2004, с. 256.
57. Послания Гедимина. № 18. Вильнюс, 1966, с. 194–195.
58. Шевченко И.И. Некоторые замечания о политике Константинопольского патриархата..., с. 134–135.

59. Stryjkowski M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi. t. II. Warszawa, 1846, s. 14, 58.
60. Былины // Свод русского фольклора, т. 4. № 131. СПб.-М., 2004, с. 233.
61. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. t. IX, Vol. II. Budae, 1833, p. 66.
62. Мейендорф И. Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV в. Париж, 1990, с. 187.
63. Огицкий Д.П. К истории виленских мучеников. // Богословские труды. 1984, сб. 25, с. 233–235.
64. ПСРЛ, т. 32, с. 141.
65. Кніга жыцій і хаджэнняў / Уклад. А.А. Мельнікаў/. Мн., 1994, с. 135–139.
66. Памятники древнерусского канонического права // РИБ, том 6, СПб., 1880, стб. 185.
67. Пануцэвіч В. Польская мова ў XIV — XVIII ст. і каталіцкі касьцёл у Вялікім княстве Літоўскім // «Наша вера», № 1 (7). Мн., 1999.
68. Рогов А.И. Русь и Польша в их культурном общении в XIV — начале XV в. // Польша и Русь. М., 1974, с. 277.
69. Ліцкевіч А. Да пытання пра рутэнізацыю балтаў..., с. 49, 60.
70. ПСРЛ, т. 32, с. 135.
71. ПСРЛ, т. 32, с. 33–34, 136; ПСРЛ, т. 35, с. 151.
72. Niesiecki K. Herbarz Polski. T. 1. Lipsk, 1839, s. 549–550.
73. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. I, т. IV. СПб., 1842. стб. 131–132; прил. к IV тому, стб. 111–112.
74. Czacki T. O Litewskich i Polskich prawach. T. I. Warszawa, 1887. s. 47; Gumowski M. Pieczecie Ksiazat Litewskich. // Ateneum Wilenskie. R. VII. Z. 3–4, 1930, s. 702–703; Ильин А.А. Классификация русских удельных монет. Вып. 1. Л., 1940, с. 15–18.
75. Федоров Г.Б. Классификация литовских слитков и монет. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КС ИИМК). Вып. 29. М., 1949.
76. Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959, с. 353.
77. ПСРЛ, т. 12. М., 1965, с. 22; ПСРЛ, т. 25. М.-Л., 1949, с. 252.

Комментарий редактора

Доклад А. Дайлидова, безусловно, интересен. Однако мне представляется ошибочной, не отвечающей историческим реалиям оппозиция, которую сам автор выставляет в качестве главной: предки беларусов были либо балтами, либо славянами. По его мнению, одно абсолютно исключает другое.

Видимо, он разделяет взгляды так называемых примордиалистов, т.е. тех авторов, которые понимают славянство как этнос — возникший в глубокой древности неведомо где (ибо споры о прародине славян, о времени их появления продолжаются до сих пор), потом на протяжении столетий сильно разросшийся и двинувшийся осваивать ближние и дальние земли, «растворяя» при этом в своих массах местное население. Но в таком случае у всех современных славянских народов должна быть сходная генетика и антропология, а этого нет в помине. «Ген славянства» (некую типичную комбинацию генов — гаплогруппу) не удалось выделить. Южные славяне (например, черногорцы), западные (например, чехи) и восточные (например, беларусы) не имеют ничего общего между собой. Генетика, антропология, языки, обычаи и материальная культура храни-

телей традиций – селян (зафиксированные в XVIII–XX веках) – все у них разное.

Тем не менее, подчеркнутая автором оппозиция устраняется достаточно легко. Стоит лишь понять мысль, к которой сравнительно недавно пришли некоторые исследователи, и которая еще не стала общепринятой в науке. Ее суть в том, что славянство – явление не этническое, а лингвистическое и духовное. Согласно этой концепции, праславянский язык возник в качестве средства межэтнического общения («койне»). Возник в регионе, где в течение двух с половиной столетий мирно сосуществовали десятки племен различного этнического происхождения – балтского, германского (готского) и скифо-сарматского (иранского).

Этот регион располагался между Днепром на востоке и Днестром на западе, Припятью на севере и Черным морем на юге. То есть, это та часть территории современной Украины, где в III–VI веках нашей эры существовала высокоразвитая культура, которую археологи называют Черняховской. Потом она погибла под ударами кочевников – сначала гуннов, затем аваров. Носители этой культуры (и общего языка!) в течение примерно 150–180 лет покидали родные места. Спасаясь от истребления или порабощения, они уходили в разные стороны (в том числе далеко на северо-запад, в Полабье и Поморье), смешиваясь в новых краях с местным населением, передавая ему свой язык, верования и обычаи. Вот так и происходила пресловутая «славянизация»*.

Поэтому относительно предков беларусов мы можем сказать, что это – балтские племена, процесс славянизации которых растянулся примерно на тысячу лет, с IV по XIV века. То есть, генетически и антропологически они оставались балтами (остаются ими до сих пор), но по языку и верованиям постепенно превратились в славян. А «следы» балтского прошлого в огромном количестве присутствуют у нас везде. Взять, например, язык – это ведь не только топонимика и гидронимика. Это в первую очередь словарный состав. Да, принцип построения фраз у беларусов в те времена, о которых пишет Дайлидов, уже соответствовал нормам праславянского языка. Но сами слова (точнее, корни слов) в подавляющем большинстве оставались балтскими. Изменениям подвергались только форманты – суффиксы и окончания.

Позволю себе напомнить о фундаментальном выводе академика Ефима Карского, сделанном им по материалам изучения языка крестьян-беларусов конца XIX века (еще не испытавшего влияние русификации): слова беларуского языка в пяти случаях из шести (т.е. 83–84 %) имеют корни, аналогичные словам из языков пруссов, мазуров, жамойтов, латгалов... В своей работе «Литвины и жамойты» М. Петров уже приводил много примеров таких слов, не хочу повторяться**.

---

* Отметим в этой связи тот факт, что полабское племя смолян впервые упоминается под 809 годом. Применительно к нашим землям следут добавить «вторую волну» славянизации, связанную с приходом «руси» – выходцев из Полабья и Поморья, и «третью» – связанную с колонизацией, осуществлявшейся галичанами, волынянами и киевлянами.

** Сборник «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века» (Минск, 2010), стр. 336–357. См. также статью В.В. Деружинского «Об именах князей ВКЛ» в этом выпуске «Дедов».

Или взять традиционные верования беларусов — поклонение камням, деревьям, родникам, огню, змеям (ужам), коням, вера в небесного бога-громовержца Перуна (Перкунаса) и бога подземного мира змея Велеса (Велняса), взять жрецов кривов, живших в священных дубовых рощах и многое-многое другое. Все это — балтское.

Хочу также напомнить выводы, завершающие упомянутый сборник «Предыстория беларусов...»:

> « 1) Согласно имеющимся сегодня сведениям разных наук исконными обитателями, то есть автохтонами нашего края были балтоязычные племена;
>
> 2) консервативность антрополого-генетического облика беларусов не позволяет принять теорию о массовой славянской миграции на территорию будущей Беларуси;
>
> 3) славянизация местного балтского населения имела в основном языковый (частично и культурный) характер;
>
> 4) особенности процесса формирования беларуского этнического сообщества соответствуют этногенетической ситуации, когда предполагаемые переселенцы составляли меньшинство, однако через административно-религиозный фактор оно произвело изменения в языково-культурном ландшафте местного населения;
>
> 5) балтские корни родословной беларусов находят подтверждение в специфических антропологических, этнографических, лингвистических чертах» (*с. 530*).

Генетик А. Медведев, сравнив свидетельства генетической преемственности населения Беларуси и проникновения иных этнических групп, сделал в 1997 году вывод, что поскольку следы переселенцев не сохранились в генофонде, их численность не превышала 5–10 %. Это означает, что упомянутые мигранты (носители славянского «койне») физически были полностью ассимилированы (не наоборот) через смешанные браки, но они самым существенным образом повлияли на коренное изменение языкового ландшафта на территории будущей Беларуси.

Что касается языковой ассимиляции местных балтских племен, то она могла происходить только в условиях славяноязычных городов, доминировавших над сельскими округами. Беларуский археолог Эдвард Зайковский утверждал в 2001 году:

> «Приток славян-переселенцев численно был небольшим, поэтому славянизация туземцев происходила в первую очередь благодаря славянским городам, княжеской дружине, а с конца X века – христианской церкви, поскольку христианизация вела и к славянизации».

Таким образом, помимо «административного», важным фактором ассимиляции, бесспорно, был еще и религиозный, когда крещение балтов приводило в конце концов к их ментальной и языковой славянизации.

Однако все эти процессы к XIV веку, о котором пишет А. Дайлидов, либо уже завершились (в восточной части нашего края, традиционно называвшейся Русью), либо вступили в завершающий этап (в западной части, столь же традиционно именуемой Литвой).

А в остальном его статья, как я уже сказал, достаточно интересна и убедительна.

Полоцк в составе Великого Княжества Литовского

Сергей Тарасов, *кандидат исторических наук*

Со времени возникновения и первого упоминания в летописных источниках под 862 годом Полоцк выделялся среди других городов и земель Восточной Европы своим своеобразным положением и системой государственного управления. Нельзя говорить, что эта система в корне отличалась от того, что существовало в соседних княжествах – Новгороде, Пскове, Смоленске или Киеве. Однако, в отличие от других, именно в Полоцке система политического управления в виде избираемого народного веча, берущего свое начало со времен племенного строя, существовала чрезвычайно долго. Установилась мысль, что ее можно определить как княжеско-монархическую власть с чертами аристократической республики*. И в последующий, так называемый «литовский период», и во время пребывания в составе Речи Посполитой, Полоцк оставался на особом счету в государстве. Даже полученное им Магдебургское право в 1498 году не смогло полностью уничтожить традиции народного правления.

Несмотря на изменения в политических обстоятельствах полочане по-прежнему стремились к сохранению своих традиций и самостоятельности в различных сферах городской жизни. Это позволяет рассматривать политические системы Полоцка периода раннего и развитого феодализма как предпосылки парламентаризма (или протопарламентаризма) наравне с устоявшимися в науке терминами «протогород» и «протогосударство».

Стихийно сложившаяся в ВКЛ и закрепленная в Речи Посполитой модель государственного управления, сочетавшая законодательную власть (сеймы) и исполнительную (великий князь или король), многим была обязана именно полоцким политическим традициям. Ибо ничего похожего не было ни в одной европейской стране, в том числе в Польше. Отечественная традиция парламентаризма произрастала на почве возникновения и функционирования ранних городов на беларуских землях. Последние, и прежде всего Полоцк, возникали как государственные, экономические, этнические и даже сакральные центры. Поэтому обстоятельства возникновения и генезис именно полоцких правовых и управленческих структур представляет интерес для понимания всего процесса становления беларуского парламентаризма.

Полоцк и Полоцкая земля со второй половины XIII века постепенно включились в сферу новых геополитических отношений, центром которых стало Великое княжество Литовское. Новое могучее государство с центром в Новогородке собрало вокруг себя все балто-славянские народы, что стало результатом развития исторических взаимоотношений различных по этническому про-

* Штыхов Г.В. Древний Полоцк. Минск, 1975, с. 6–21.

исхождению народов, проживавших на территории Днепро-Двинско-Нёманского междуречья. Государство, в названии которого закреплен приоритет балтов, по сути, уже во времена раннего средневековья имело славянскую экономику, политику и культуру.

Полоцк в этом процессе играл не последнюю роль. Но город и государство, которое он воплощал собой, оказался в трудном экономическом и политическом положении, связанном, в первую очередь, с частыми нападениями крестоносцев. А во вторую – с усилением регионов-княжеств. Существующий территориально-административный раздел земель не способствовал объединению сил против внешней угрозы. К тому же выродилась династия Рогволодовичей – Всеславичей, которая к концу своего существования насчитывала около 12 колен и свыше 40 князей, и, единственная, могла претендовать на господство в границах Полоцкой земли.

В таких условиях полочанам пришлось искать союза с соседями, с которыми они раньше в основном воевали. Попытка установить прочный союз с Новгородом была сделана в 1239 году через брак новгородского князя Александра Ярославича («Невского») и Параскевы, дочери полоцкого князя Брячислава Васильковича. Действительно, новгородцы и полочане выступили вместе против шведов на реке Неве в 1240 году, в битве с немцами на Чудском озере в 1242 году. Но этому союзу не была суждена долгая жизнь. Суть политической борьбы между ними лежала в сфере экономической борьбы за соседние земли-данники (балтов и угро-финнов), а также, и это главное, – за контроль над жизненно важной торговой артерией средневековой Восточной Европы – путем «из варяг в греки».

С момента основания немецкими миссионерами города Риги в 1201 году полочане стали терять контроль над своей частью северного торгового пути. Новая крепость, на строительство которой неосмотрительно дал согласие полоцкий князь Владимир (конунг Вальдемар), закрыла устье Двины (устье – «рига», «рыгво»). Выйти в Варяжское море или войти в Двину и доплыть до Полоцка – Витебска стало возможным только с позволения крестоносцев. В то же время Новгород никогда не терял контроля над выходом к морю по рекам Ладоге, Волхову и Неве. Таким образом, Новгороду было выгодно, чтобы Полоцк потерял свое влияние в Нижнем Подвинье и не мог восстановить здесь полный контроль над торговым путем.

Не получив надлежащей помощи от Новгорода, полочане устремили свой взор на запад. Они видели, что Новогородку удалось направить неукротимую энергию литовских феодалов-князей на дело установления новой государственности. Было также замечено, что использование литовцев на высших государственных постах дает право претендовать на собственно литовские земли.

В конце 1250-х годов на полоцком княжеском престоле появляется Тавтивил – племянник Миндовга. Сейчас уже нет оснований сомневаться, что этот князь был приглашен полоцким вече с определенными политическими целями. После убийства Миндовга в 1263 году Тавтивил во главе полоцкого посольства направился к жамойтскому князю Треняте, якобы делить наследие Миндовга. На самом деле полоцкие бояре хотели убить Треняту и посадить на княжение в Литве Тавтивила, присоединив таким образом ВКЛ к Полоцку. Заговор провалился из-за измены боярина Прокопия, выдавшего планы полочан Треняте. Тав-

тивил был убит, а полоцкие бояре арестованы. Тренята навязал Полоцку князя Герденя (или, возможно, Константина) при условии подписания мирного договора и освобождения пленных бояр. За короткое время своего княжения Гердень заключил мирный договор с Ливонией, где его персона фигурирует только в емком изречении: «полочаны и витьблены». Прав господина князь в Полоцке не имел. Высшей властью в Полоцке по-прежнему распоряжались «мужи-полочане».

Воины из полоцких замков Прудники и Московичи (юго-западная часть княжества. XII–XIII вв.)

Следующим полоцким князем стал Изяслав. Но в это время Полоцк окончательно утратил стратегическое влияние как в Нижнем Подвинье, так и в Литве. Изяслав был вынужден подписать в 1265 году (по другим сведениям в 1267 г.) соглашение с князем Войшелком об объединении полоцких и литовских земель. Но по этому договору Полоцкая земля сохранила особые привилегии и автономию.

Среди историков не существует единого мнения о событиях 1307 года, когда, как считают некоторые, Полоцкое княжество вошло в состав ВКЛ. Этому предшествовало то, что в конце XIII века в Полоцке начали активно действовать рижские миссионеры, распространявшие католичество. Возможно, один из последних князей (имя неизвестно) дал определенные привилегии немцам, вроде тех, которые князь Владимир дал миссионеру Мейнарду в 1186 г. Немецкое самоуправство в городе вызвало возмущение полочан, и они с помощью князя Витеня изгнали немцев из Полоцка. Правда, некоторые исследователи высказывают сомнения насчет правдивости этих событий*.

Однако в XIV веке летописи фиксируют 12 походов рыцарей Ливонского ордена на полочан. Полоцк ни разу не был взят. Но это подтолкнуло городские власти искать новых контактов и союзов против крестоносцев. Великий князь Ольгерд назначил на полоцкий престол своего сына Андрея (в язычестве Виганта), который вместе с отцом и псковичами в 1342 году сражался против ливонцев. Потом Андрея пригласили на престол псковичи, откуда он вернулся в Полоцк, оставив в Пскове своего наместника. Последнего псковичи изгнали в 1343 году.

* Саганович Г.М. Немцы в Полоцке. 1998.

В 1386 году после принятия Ягайло католичества и заключения Кревской унии между ВКЛ и Польшей полочане выступили против Ягайло и Скиргайло. Андрей Ольгердович принял титул великого князя полоцкого, что подчеркивало независимость земли от ВКЛ. Для борьбы против Ягайло князь заключил соглашение со смоленским князем Святославом Ивановичем и даже с Ливонским орденом (1385 г.). Но в 1387 году Полоцк был взят войском великого князя во главе со Скиргайло, Андрей Полоцкий попал в плен (освобожден в 1390, погиб в 1399 г.).

В 1410 году полоцкие хоругви участвовали в разгроме Тевтонского ордена под Грюнвальдом. Во время гражданской войны 1432–1439 гг. великий князь ВКЛ Свидригайло бежал в Полоцк, где его поддержали бояре и горожане. Произошел раскол страны на два государственных образования – ВКЛ со столицей в Вильне и Великое княжество Русское со столицей в Полоцке (существовало 4 года). Этот факт в очередной раз подчеркнул отличие полоцкой модели управления (протопарламентской) от литовской (княжеско-монархической).

* * *

Обособленность Полоцкого княжества в составе ВКЛ неоднократно подтверждалась привилегиями; на территории княжества действовало полоцкое право, по которому наиболее важные вопросы жизни города и княжества решались на вече. В 1411 году Полоцк посетил великий князь ВКЛ Ягайло (он же король Польши Владислав II), в 1451 году – король Казимир IV, в 1495 году – великий князь литовский Александр с женой Еленой Ивановной (дочерью великого князя московского Ивана III).

С 1392 года городом управляли наместники великого князя, с 1504 года – воеводы. Наместников назначал великий князь, или выбирало городское вече. Применительно к Полоцку оба способа составляли общую традицию. Чрезвычайно сильной и влиятельной группировкой в городе были бояре и мещане, кому и принадлежала реальная законодательная власть. Еще в привилегии Витовта конца XIV века отмечено, что суд наместника мог происходить только с участием бояр и мещан.

Роль бояр была подтверждена грамотой 1456 года:

> «А соймовались б вси пospолу на том месте, где перед тем соймовались здавна. А без бояр мещаном и дворяном городским и черни соимов ненадобе чинить».

То же подтверждено грамотой 1486 года:

> «...абы бояре и дворяне городские и все поспольство в згоде межи собою были, а дела наши господарские вси згодою посполу справляли по давному, а сымались бы вси посполу на том месте, где перед тем соимывались здавна. А без бояр мещаном и дворяном городским и черни соимов не надобе чинить».

Упомянутые в данном случае сеймы – не что иное, как городское вече, существовавшее в Полоцке со времен первых князей. Его существование и роль бояр (что сложилось естественным путем) отныне закреплялись юридически*. Вече решало наиболее важные вопросы жизни Полоцка. В первую очередь, как по-

* Полоцк. Исторический очерк. Минск, с. 26–27.

казано выше, – приглашение на княжение либо изгнание князя, вопросы международных отношений, войны и мира, налогов и судебного дела.

Приведенные грамоты XV века фиксируют преобразование веча из органа управления народа («поспольство») в управляющий механизм привилегированного сословия – полоцких бояр. И это не удивительно. Социальное расслоение в Полоцке XIV–XV вв. достигло достаточно высокой степени. Недаром в том же привилее великого князя Александра отдельно отмечено, что бояре «свои домы и местца внутри города мають, або на месте Полоцком». Они имели «пляцы» как в замке, так и на городском посаде, одновременно являлись наиболее крупными собственниками, которым принадлежали земли, усадьбы, отдельные дома и люди: «слуги», «чернь», «холопы».

С течением времени социальное неравенство росло и, наконец, фиксировалось документально-юридически. Так, уже в договоре 1299 года Смоленска, Витебска и Полоцка с Ригой и Готским берегом (Готландом) предусматривались различные взыскания за убийство: за попа или посла – 20 гривен серебра, за свободного человека – 10, за холопа – 1 гривна*. В более поздних договорах эта система сохранялась и усложнялась.

Литвинские воины XIV века (реконструкция)

Вообще говоря, боярство происходило из землевладельцев, обязанных нести военную службу. Но в Полоцке этот социальный слой зародился еще в те времена, когда кривичи пришли в Подвинье и основали свои города. В произведении неизвестного автора первой половины XVII века «Летописец. Краткое собрание хроник литовских и польских» есть отдельный раздел, который стоит привести целиком:

«О Полоцкой Венеции, або свободности: По том теж мел суседство с полочаны и границу прилеглую, которые в той час волно пановали собе и жадной зверхности над собою не мели, только 30 мужов старцов спосродку речи посполитое своей на поточный справы, суд и яко сенаторов прекладали, а наболшей за знаком звону великого, который в посеред места был завешоный, где все збиралися, там и о справах и о потребах речи посполитой и держав своих, бо держали на тот час землю рускую сами мещане полоцкие и наколка десят мил справуючи. Тоиж волности уживал на тот час Псков и Новгород Великий... места можне(й)шие руские, яко Новгород Великий, Псков и Полоцк без княжат почали волно собе жити» (Алексеев Л.В. Полоцкая земля. Москва, 1966, с. 193).

Запись эта не датирована летописцем, но раньше описываются события 1240–1241 гг., после – 1250 года. Интересно, что на полях дважды сделана за-

* Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах. Т. 1. Мінск, 1936. С. 30–32.

метка: «Венеция полоцкая», «Новгород Великий, Псков и Полоцко были яко Венетове». Из этих «30 мужов старцов» и происходили знаменитые полоцкие боярские фамилии Глебовичей, Зеновичей, Корсаков, Селей, Эпимахов и другие. Им принадлежала реальная исполнительная и судебная власть в городе. Не удивительно, что договоры с Ригой наместник подписывал от имени князя и «ото всех муж полочан». А грамоты начала XV века начинаются так:

«Мы полочане даем вам ведомо, кто сю грамоту ўзрйт...» (1404 г.);

«А се мы полочане, вси добрый люди и малые, надеясь на Бог, святого Софея милость и князя великого Витовта здоровье, хочем с тобою княж местерю (правитель Риги – С.Т.) любовь держати и с твоею братьею, со всеми риделели. Також хочем с вами, Ризькие ратьмане и со всеми Ризькии купци себе приязнство держати и любовь на обе стороны крепко» (1405 г.);

«Мы мужи полочане даем всдати кто на сию грамоту узрит или услышит чтучи» (1407 г.)*.

Вместе с боярством к числу «мужов старцов» относились и богатые «городские дворяне», мещане-землевладельцы и купцы. Среди них выделялись Алехновичи, Булавины, Волаткевичи, Глазковичи, Козчичи, Мелешковичи, Сарачковичи и другие. Путем приобретения земли и другой недвижимости купцы постепенно переходили в разряд боярства. Боярами также считались люди «путные» и «панцирные», которые несли военную службу у князя, исполняли королевские и подводные повинности.

Важную роль в управлении Полоцком играла церковь, один из крупнейших (если не самый крупный) землевладельцев в XIV–XVI вв. Духовенству принадлежали не только церкви и монастыри, но и площадки-усадьбы в городе, значительные земельные наделы в городском округе и далеко за его границами. В XIV – начале XVII вв. в Полоцке существовали 13 монастырей, 20 церквей и костёлов (в т.ч. при монастырях), кальвинский собор. Наиболее крупным церковным собственником был Софийский собор (с Троицким монастырем при нем). Это давало ему определенные привилегии и влияние в сфере управления.

В 1511 году великий князь литовский и король польский Жигимонт I (Сигизмунд I) выдал Полоцку уставную подтвердительную грамоту, где имеются следующие строки:

«Также который домы и месца церквам божьим здавна наданы от предков наших, або владыка и игуменья и иные князи и бояре и мещане и люди добрие прикупили к церквам божьим, а тые дома и местьца суть в замку, або серед места Полоцкого, и будет ли за панованья щасное отца нашого Казимира, короля его милости, и владыка и игуменья на тых звечных местьцах церковных за собою слуги и иные закладни мели».

Один только полоцкий епископ (владыка) по Полоцкой ревизии 1552 года имел 3 двора: один в замке, второй – на озере Тетча, третий – на Струни. Оба последние с «пашнею». Монастырь Св. Воскресения имел в городе (на посаде) 70 дворов, монастырь Св. Козьмы и Дамиана (Козьма-Демьяновский) на своих «пляцах» на посаде – 164 зависимых мещанина, Бельчицкий Борисоглебский

* Русско-ливонские акты. СПб., 1868, с. 120–129.

монастырь на городских посадах, на землях – 92 человека, церковь Св. Параскевы Пятницы – 115 человек. У остальных церквей и монастырей было значительно меньше земли и «душ». Но все они имели право не только управлять, но и судить зависимых от них людей. Все это создавало весьма специфическую, характерную именно для Полоцка структуру городского управления, где переплетались не только разные экономические уклады, интересы различных социальных групп, но и разные подходы к самому государственному и городскому управлению.

Традиция полоцкого вечевого строя наложила сильный отпечаток на развитие социальной и политической структуры города. Во второй половине XII – XIV веках он был похож на античные города-полисы с республиканским строем правления.

***

Когда Полоцк утратил государственно-политическую самостоятельность и в нем установилась власть великокняжеского наместника, это вызвало большое недовольство полочан. К наместнику, хотя и в ограниченном объеме, перешли права хозяйственного управления, судебного делопроизводства, военной и налоговой служб.

С каждым годом наместники, носители монархических традиций, посягали на все большую власть, вследствие чего вступали в противоречие с городским «обычным правом». Например, «бояре полоцкие и мещане и все поспольство» жаловались в 1475 году великому князю и королю Казимиру IV на наместника Алехну Судзимонтовича, что он заставлял их исполнять городовую повинность – ремонтировать и строить замковую фортификацию.

> /Полочане/ «...били нам чолом, абых мо вчинили по-старому ... И мы [Казимир] их пожаловали, городного ничего не надобе нам им давати. Коли ся пригодить дело городовое, ...приказывати и раздавати дело волостям задвинским и полоцким пригоном и иным волостям, которые будуть издавна город Полтеск рубливали».

И весьма красноречивая приписка:

> «Будеть так, как и будеть издавна при деди нашом, при великом князи Витовте и Жикгимоноте».

Таким образом, полочане отстояли свои права, на «черную» «городовую» работу стали направлять полоцкий «прыгон» из соседних волостей.

Конфликты между наместниками и полочанами имели затяжной характер. Даже с мелкими личными претензиями к наместнику полочане добирались до великого князя и короля. Так, в 1484 году боярин Сенька Епимахович жаловался Казимиру IV на то, что наместник Богдан Андреевич не позволяет ему ловить рыбу на реке Белице (или Бельчице). Тогда великий князь дал грамоту боярину на право «по той речьце Белиице язы бити и рыбу ловити удолж милю, погон от устья Белого озера и до озера Листьна». Где еще, в какой стране тогдашней Европы короли занимались вопросами речной рыбалки? Но у полочан была своя хитрость. Таким способом они не столько добивались новых привилегий, сколько отстаивали традиционные права на имущество и самоуправление. Мел-

кими и крупными жалобами на нарушение «испокон века-вечного» права, полочане не давали покоя высшей власти. И это приносило свои результаты.

В 1498 году город получил грамоту на Магдебургское право — самоуправление. (Заметим, далеко не первым среди беларуских великокняжеских городов. Первым получил Брест в 1390 г.).

С XVI века использовался герб города: в голубом поле трехмачтовый корабль с развернутыми парусами.

Право исполнительной власти в Полоцке перешло к магистрату, резко ограничивалась роль наместника, который потерял право судить мещан. Полочане получили значительные привилегии и подтверждение своих старых прав. Магистрат состоял из 20 радцев (рада), бурмистров и лавников-судей. Двое бурмистров, стоявшие во главе рады, избирались из ее состава, обязательно один — православный, другой — католик. Магистрат контролировал налоги, торговлю, следил за тем, чтобы в «важнице» (весовой) хранились эталонные веса и меры, рассматривал судебные дела по гражданским искам. Особая роль придавалась городскому управителю — войту:

> «Теж войт справедливости сказания оприч бурмистров и радец моцне вчинити может, але, бурмистры и радцы без войта, або без ленвойта ни одного сказанья вделати не мают»*.

Типажи горожан ВКЛ эпохи Средних веков (реконструкция Олега Белоусова)

Как отмечали разные исследователи, подобного ограничения прав магистрата со стороны великого князя через войта (фактически того же наместника) не знал ни один другой магдебургский город Беларуси. Но интересно, что в

* Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Полоцка. Мінск, 2002. с. 136.

последующих грамотах и в подтвердительной грамоте 1511 года этой формулировки уже нет. Наоборот, подчеркивается, что решение войта может быть оспорено перед магистратом, а решение последнего – только судом великого князя; полоцкий войт должен руководить только «водле право майдеборского»...

Полоцкая городская рада была сильным и деятельным органом управления. Она постоянно отстаивала свои права и права города от давления представителей великокняжеской администрации, от самоволия войта. Одна из жалоб полоцкой рады на войта в 1527 году вызвала возмущение Жигимонта I «Старого». И он приказал войту:

> «...абы ты им жадных кривд и втисков не чинил и во всём дал им покой, и заховал их водле права маитборского и привилея нашего»*.

В середине XVI века полоцкий магистрат добился распространения своих прав на всех городских ремесленников и торговцев, независимо от того, на чьих землях или в чьих усадьбах они жили. Уникальный факт: только в Полоцке в это время войт был обязан приносить присягу – «крест целовать полочанам» – на верность. Так когда-то делали князья в Полоцке X–XIII веков.

В значительной степени полоцкие вольности были обязаны его выдающейся экономической роли в государстве. Благодаря Западной Двине, Полоцк был связан торговыми путями со всей тогдашней Европой. На больших стругах и более мелких плавутах, шкутах и челнах возили полоцкие торговцы свои товары в Ригу, Данциг (Гданьск), Гнезно, Германию, Скандинавию. Вся старая Европа через Ганзейский союз входила в сферу полоцких интересов. Через Полоцк проходили важнейшие транзитные пути из Европы на Новгород и Москву, из Новгорода и Москвы на Царьград (Константинополь).

На ярмарки съезжались не только полочане и жители соседних земель, но и «гости» – как с востока, так и с запада. За большие обороты торгового капитала город соответственно платил налоги в казну. В 1506–1507 гг. Полоцк внес сбор с торговли в казну 1519 коп грошей литовских, тогда как взятые вместе Гродно, Новогородок, Брест – всего 900 коп грошей. В эти же годы таможенный сбор только с торговли воском и солью в Полоцке составил 3937 коп, или 20 % этого сбора со всех городов ВКЛ, включая Киев, Ковно, Смоленск, Владимир Волынский, Львов и другие.

Крупные денежные суммы, ежегодно выплачиваемые Полоцком в казну в качестве сборов и налогов, ставили его в особое положение среди других городов. Когда магистрат обратился к великому князю в 1525 году с просьбой разрешить заселить пустые усадьбы, то была выдана грамота не только с разрешением, но и с освобождением таких мещан от государственной службы и налогов на 10 лет. Городская рада брала под свою защиту беглых крестьян и горожан из других мест. Делалось это опять же с согласия великого князя.

С особой, как сказали бы сейчас, рентабельностью города было связано постепенное освобождение полочан от многих государственных обязанностей. Например, если в 1528 году полочане выставляли в войско ВКЛ 139 коней, то в

* Копысский З.Ю. Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII вв. Мн., 1975, с. 124.

1552 году – только 49. И это в то время, когда общее количество мещан-земле-владельцев увеличилось на 108,9 % (по подсчетам Н. Спиридонова).

Домогаясь от великого князя привилегий, полоцкий магистрат и рада ограничивали на территории города самовластье крупных феодалов, магнатов, князей, бояр, духовенства. Выше упоминалось, что магистрат добился передачи под свою юрисдикцию в 1500 году всех городских ремесленников. Позже, по требованию рады, эта власть была распространена на ремесленников, живших в полоцких предместьях на землях феодалов. На основе великокняжеского привилея 1511 года рада ликвидировала юрисдикцию феодалов в Полоцке. Повинности и поборы были разделены на всех горожан. Отныне мещанам запрещалось продавать земли боярам и шляхте. От последних потребовали вернуть все усадьбы с землями, которые ранее были куплены у мещан. Правда, потом некоторые привилегии мещан отменялись верховной властью. Тогда магистрату приходилось заново начинать борьбу с городскими феодальными верхами. И, надо признать, небезуспешно. Так или иначе, но до середины XVI века город развивался непрерывно и во всех отношениях гармонично.

Но с начала XVI века все чаще происходили нападения на Полоцк со стороны Московского государства. В 1500, 1502, 1507, 1515, 1518 гг. войска московского князя приходили под стены города, хотя захватить Полоцк не смогли. В 1508 году городской посад сожгли во время набега татары. В 1512 году под городом был князь Михаил Горбатый-Кислый с новгородцами. В 1513 году явились те же новгородцы во главе с князем Василием Шуйским. В августе 1519 года опять появились татары под командованием московского воеводы Засекина. В 1520 году двое братьев – Василий и Иван Шуйские с новгородцами и псковичами с «нарядом великим» брали город в осаду. Зимой 1534 – 1535 гг. московские войска опять ходили на Полоцк и пожгли окрестности.

Князь Андрей Полоцкий
(реконструкция О. Белоусова)

Во время Ливонской войны с 1 января 1563 года под городом появилось войско Ивана IV, чтобы покарать «отступников крестиянския веры» – «безбожную Литву». После жестокой осады город был взят. Подсчитать число пострадавших полочан невозможно. Известно только, например, что из одного Великого посада вышли «на милость государя» (сдались) 11.160 человек.

В письме к виленскому воеводе король и великий князь Жигимонт II писал:

> «...воеводу Полоцкого с многими подданными нашими народу шляхетского, также и посполитых людей, убезпечивши их обетницою и словом своим выпустити доброволне, того не вчинил, але полоном звел, народ хрестиянский, волностями от предков наших и от нас, государа, обдарованых за верные и цнотливые их службы зневолил»...

По косвенным данным можно полагать, что в московский плен только из самого Полоцка было выведено от 15 до 20 тысяч человек.

1 июля 1569 года была заключена Люблинская уния – международно-правовой акт объединения ВКЛ с Польшей («Короной») в федеративное государство Речь Посполитая. Заключение ее ускорили неудачи войска ВКЛ во время первого периода Ливонской войны (другое название Инфлянтская война) 1558–1583 гг., и особенно – захват Полоцка войсками Ивана Грозного.

В 1576 году королем Речи Посполитой был избран князь трансильванский Стефан Баторий (1533–1586), известный как политический деятель и полководец. Перед государством стояла чрезвычайно важная задача: возврат земель захваченных Москвой в Подвинье, Поднепровье и Ливонии. В первую очередь дело касалось Полоцка. Свидетель тех событий Рейнгольд Гейденштейн писал:

> «Король видел, что завоеванием Полоцка будет сделано богато для этой цели [имеется ввиду контроль за торговлей и судоходством по Двине], поскольку гарнизон Полоцка господствует над руслом Двины на значительном расстоянии, из этого города посылаются дополнительные войска и провиант в Кокенгаузен и другие крепости Ливонии, отсюда делаются набеги, в результате которых останавливается торговля Риги и Вильни».

11 августа 1579 года, после приезда С. Батория, Полоцк был взят в осаду. С северной стороны стоял король с коронным войском, с востока – немецкие наемники, с запада – войско ВКЛ и Венгрии. Всего свыше 41 тыс. человек. Гарнизон в Полоцке насчитывал около 6000 человек. 30 августа защитники капитулировали.

В Полоцке Баторий оставил гарнизон в 400 всадников и 500 человек пехоты, которым было приказано привести город в порядок. Личный секретарь короля Станислав Пахоловицкий подробно описал и зарисовал оборонительные постройки и внешний вид города. С этого момента и до середины XVII века для Полоцка наступило время относительного спокойствия и созидательной работы. Городу были возвращены его многочисленные привилегии и магдебургское право. Было восстановлено здание ратуши, необходимые в городском быту «капница месцкая», «важница», «лазня посполитая».

Выяснилось, что в городе не осталось ни одного костёла, только православные церкви. (Католики же были в Полоцке еще со времен Витовта, когда немцы-рижане получили первый привилей на строительство храма в городе. С 1498 года в Полоцке жили монахи-бернардинцы). Так произошло потому, что после захвата города русскими войсками в 1563 году, как писал российский историк Н.М. Карамзин, Иван Грозный не только забрал городскую казну, имущество «знатных, богатых людей, дворян, купцов – золото, серебро, драгоценные вещи», но и приказал разрушить все костёлы и крестить всех евреев, а тех, кто не послушается, – утопить в Двине.

В 1580 году Баторий сделал обратный шаг: отдал все православные храмы и «кгрунты» католикам и отцам-иезуитам. Это вызвало напряженную ситуацию не только в Полоцке, но и во всей стране.

После заключения в Бресте в 1596 году церковной унии архиереями ВКЛ и папского престола в храмах сохранялась греческая обрядность при духовном

подчинении Риму. Полочане выступали против унии, собирались толпами, так как видели пропольскую направленность первых униатских священников. Не исполняли требования архиепископов, выступали против них до тех пор, пока в ноябре 1623 года не произошло в Витебске убийство архиепископа Иосафата Кунцевича с участием одного полочанина – Петра Василевича.

Можно полагать, что волнения в Полоцке, в которых мы традиционно видим только религиозную почву, имели более глубокие основания. И не только по поводу углубляющегося социального неравенства. В результате наделения униатов и иезуитов широкими полномочиями, отходили на второй план исконные права полочан, в том числе на самоуправление.

Знатная горожанка ВКЛ
(реконструкция О. Белоусова)

Чтобы успокоить волнения в Полоцке, король и великий князь Владислав IV в 1633 году дал городу грамоту, подтвердившую все прежние привилегии. Городская рада опять стала полным господином в Полоцке и его предместьях. Заместитель войта – лентвойт – назначался королем только из среды самих полочан. В состав рады выбирались 6 бурмистров, которые (попарно) правили городом пожизненно. Было признано право на существование православной церкви.

Но в 1654 году войска московского царя Алексея Михайловича начали широкомасштабное вторжение в ВКЛ. Война 1654–1667 гг. стала «кровавым потопом» (выражение писателя Генрика Сенкевича), смывшим ту цивилизацию, что создавалась на наших землях около тысячи лет. Полоцк перешел в руки московитов 29 июня 1654 года. И хотя по условиям Андрусовского мира, заключенного в январе 1667 года, он вернулся Литве, его великая 800-летняя история завершилась.

* * *

Возникновение и генезис законодательной и исполнительной власти в средневековом Полоцке – явление уникальное не только для Беларуси, но и в общеевропейском масштабе. Вряд ли где-нибудь еще традиции самоуправления, берущие начало в IX веке, существовали на протяжении восьми столетий. Даже Новгородом Великим, расположенным не так уж далеко от Полоцка (360 км по прямой линии), несмотря на его вечевые традиции, уже в XII веке управляли наместники киевского князя, а в 1480–1488 гг. (конец XV века) он окончательно утратил самостоятельность. Западноевропейские города того времени, пользовавшиеся Магдебургским правом, находились в гораздо большей зависимости от своих монархов, чем Полоцк от великого князя.

Исключительность подобного статуса Полоцка была обусловлена его выдающейся ролью в стране. Политический центр первого государственного образо-

вания на территории Беларуси, самый крупный город не только Полоцкой земли, но и ВКЛ (до расцвета Вильни), важный стратегический пункт (благодаря географическому положению), самый богатый город (благодаря транзитной торговле), первый центр распространения христианства, наконец, первый центр науки и культуры на Беларуси...

В истории развития Полоцка прослеживаются определенные этапы его политической трансформации. Так, применительно к IX–XIII вв. можно говорить о существовании особой формы княжеской власти, весьма существенно ограниченной городской аристократией и демократическими слоями населения.

Во второй половине XIII века, на фоне серьезнейших общеполитических преобразований (изменение границ и названий государств, правящих кругов и группировок) Полоцк, представленный «мужами полочанами», остается самостоятельной политической и экономической единицей. Пришлые князья Литвы выглядят марионетками в полоцкой политике и не задерживаются в городе надолго. Полочане добиваются своих целей – не подчинение кому бы то ни было, а сохранение собственных политических традиций, автономии и привилегий. И это им удается.

В XIV веке политической верхушке Полоцка приходится решать более сложные задачи. Возникает реальная угроза захвата города крестоносцами, разрушения сложившихся религиозных традиций. Наблюдая за политической борьбой между Гедиминовичами, и памятуя о собственных интересах на Севере и Западе, полочане избирают победителей в лице князя Ольгерда и его наследников. Однако условием появления Ольгердовичей в Полоцке по-прежнему остается сохранение извечного устройства и законов города. Полочане по-прежнему рассматривают князя как военного предводителя и главу исполнительной власти, но не как законодателя. Это подтверждается тем фактом, что союза с Полоцком ищут все князья, претендующие на великокняжеский стол – Ольгерд, Кейстут, Андрей Ольгердович, Скиргайло, Ягайло, Витовт, Свидригайло...

Витовт своим привилеем 1399 года подтвердил, что ни один наместник великого князя не имеет права что-либо менять в городе или судить без позволения и участия полоцких бояр и мещан. Договорные грамоты и постановления наместник должен подписывать только от имени всех полочан. В XV веке полочане обходятся уже и без подписи наместника. Законодательные документы начинаются словами «А се мы полочане»..., великому князю для приличия желают «здоровья». Полтора столетия (XV – первую половину XVI вв.) можно рассматривать как высшую ступень развития полоцкого «парламентаризма». В это время городской магистрат не только избирается из числа горожан, но и обладает всей полнотой законодательной и исполнительной власти.

Упадок полоцкой «вольности» начался с 1563 года, когда город захватили войска московского деспота Ивана IV. После освобождения города Стефаном Баторием в 1579 году он уже не смог полностью восстановить свое прежнее экономическое, финансовое и культурное значение. Слишком велики оказались людские и материальные потери, слишком неблагоприятно складывалась внешняя политическая ситуация (разрушительные войны середины XVII и начала XVIII вв.). Традиции самоуправления исчезали по мере того, как исчезала транзитная торговля – главный источник расцвета Полоцка.

Отражение этносоциальной ситуации в зеркале статутов ВКЛ

***Виктор Титов**, доктор исторических наук*

Пожалуй, ни один из правовых кодексов Европы не отразил так полно и досконально социальную анатомию тогдашнего общества, систему правовых отношений, повседневный народный быт и нравы, как статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566, 1588 гг.

Последняя редакция Статута обобщала предшествующий опыт отечественного правоведения и учитывала изменяющуюся внутреннюю и международную ситуацию. После Люблинской унии (1569) было образовано новое государство «Речь Посполитая обоих народов». Несмотря на потерю южных (украинских) земель, условия унии позволили успешно закончить 25-летнюю Инфлянтскую (Ливонскую) войну и сохранить государственный суверенитет ВКЛ в составе новой державы. Новый литовский Статут (1588) определял Речь Посполитую как конфедерацию двух государственных образований – Польши и ВКЛ, каковой она оставалась до конца XVIII века. Написанный на старобеларуском языке, Статут сохранил дух местного «обычного» (т.е. народного) права, являвшегося его органичной составной частью.

По второму Статуту (1566), территория ВКЛ в административно-правовом отношении подразделялась на центральную часть («Старую Литву») и земли «прыслухоўваючыя до тэго паньства», т.е. принявшие законы этой страны. В то время к литовским землям относили поветы (уезды) Браславский, Брестский, Виленский, Волковысский, Гродненский, Клецкий, Лидский, Минский, Мстиславский, Новогрудский, Ошмянский, Пинский, Речицкий, Слонимский, Слуцкий, а также поветы Вилькомирский, Ковенский, Трокский, Упитский. Как видим, абсолютное большинство упомянутых поветов (15 из 19) были «нашенскими», в них преобладало коренное литовское (старобеларуское) население. Однако названия «Беларусь» тогда не существовало.

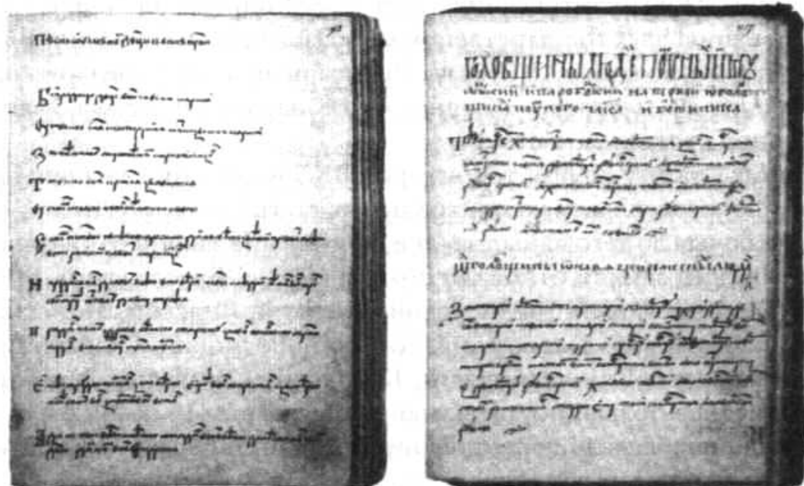
Именно эта центральная часть ВКЛ составляла его этнографическую и государственно-образующую основу. В то же время к землям «прыслухоўваючым», т.е. принявшим законы «Литвы», относились Украина, Волынь, Подляшье, Жмудь (Жамойтия), а также Полоцкое и Витебское княжества, частично сохранившие в составе ВКЛ свою автономию. Этнографическую специфику земель в составе нового государственно-конфедеративного образования подчеркивал и официальный титул короля Речи Посполитой, подпись которого мы видим на вступительном листе литовского Статута 1588 г.:

> «Мы, Жигимонт Третий, Божъю милостью король польский, великий князь литовский, русский, прусский, жомоитский, мазовецкий, инфлянтский, тою же Божъю милостью назночоный король шведский, готский,вандальский и великое княже финляндское и иных.

Заслуживает внимания гражданский пафос правового статута, клятвенная присяга от имени Великого князя и высшего сословия перед всеми жителями княжества:

> «Мы, государь, обещаем также и клянемся об этом за себя и за потомков наших великих князей литовских под той же присягою нашей, которую мы дали всем жителям» (...) «что всех князей и панов-рад как духовных, так и светских, и всех врядников (бел. урадник, начальник, – *В.Т.*) земских, придворных панов хоруговных, шляхту, рыцарей, мещан и всех простых людей в Великом княжестве Литовском будем сохранять при свободах и вольностях христианских» (*арт. 1, 2, раздел 3*).

Высшие государственные мужи, непосредственные составители и редакторы Статута хорошо сознавали свою ответственность и исключительную важность принятия основного Закона, который объединял бы все население Великого княжества в единый государственно-правовой механизм. Получив подобный Закон, ВКЛ уже в то время соответствовало самым высоким европейским стандартам правовой державы. Статут провозгласил равенство всех перед законом:

> «Вси обыватели Великого князства Литовского тым одным правом писаным и от нас даным сужоны быти маютъ»(арт. 1, разд. 1,: «О персоне нашой Господарской»).

Статут ВКЛ 1529 г.

Одновременно литовские статуты упорядочили исторически сложившееся разделение общества на сословия, профессиональные, этнические, конфессиональные общности и группы, определили их место в социальной иерархии, законодательно закрепили их права и обязанности.

В зависимости от сложившегося образа жизни, занятий, государственных приоритетов и привилегий в тогдашнем обществе ВКЛ выделялись 4 сословия: шляхта, духовенство, мещане и люди простые («безмолствующее большинство»). Каждое из них, в свою очередь, подразделялось на более мелкие социальные группы, что отражало естественный процесс углубления социальной дифференциации.

Элитарный слой шляхетского сословия составляли князья (магнаты), паны радные (радцы) и паны хоругвенные (войсковые), затем шли оседлая шляхта и земяне – владельцы поместий (они обладали правом заседать в поветовых сеймах и занимать здесь руководящие посты). Нижние ступени шляхетского сословия занимали служилая и застенковая шляхта, последняя имела небольшие наделы земли «на отшибе», обычно – без зависимых крестьян. Переходной группой между шляхтой и «людьми простого звания» были панцирные бояре, военно-служилые люди у великого князя или магнатов. Часть их рекрутировалась из мелкой шляхты и вольных крестьян. Обычно великий князь селил их на свободных землях вдоль восточной границы ВКЛ с Московией.

Статут отводил большое место шляхетским привилегиям, им посвящен почти целиком третий раздел «О вольностях шляхетских и о расширении Великого княжества Литовского», который состоит из 51 артикула (статьи). Вольности шляхетские были тесно связаны с обязанностями представителей этого сословия. Шляхта рассматривалась как гарант независимости и суверенитета государства, носитель его нравственных и интеллектуальных традиций. Она составляла основу войска – так называемого посполитого рушения, выступавшего под знаком «Погони». Однако ее привилегии и правовой статус были тесно связаны с обязанностями перед Отчизной. Всеобщий позор и осуждение ждали шляхтича, бежавшего с поля брани. В этом случае он лишался своего поместья и шляхетского звания.

Экономической основой привилегированного положения шляхты в обществе была собственность на землю и зависимых крестьян. В XV –XVI вв. шляхта ВКЛ формировалась как класс землевладельцев и как военное сословие (рыцарство), со значительной иерархией (расслоением) внутри этого класса. Несмотря на известный консерватизм и социальные преграды, она не представляла собой закрытую кастовую группу, и Статут в соответствующих статьях регулировал доступ в ее среду, оговаривал условия изменения правового статуса людей из других социальных категорий. В частности, Закон не запрещал шляхтичу жениться на девушке из простого сословия. Более того, отражая идеи Ренессанса, Статут признает подобный брак естественным, при этом подчеркивается, что шляхтич тем самым «облагораживает жену свою, так и детей своих с нею приобретенных, и таковые жены и дети их должны быть признаны настоящими шляхтичами». Однако ситуация полностью менялась, если эта жена, овдовев, решилась выйти во второй раз за простого человека. В таком случае она теряла шляхетское достоинство. Тем не менее дети от первого мужа оставались шляхтичами, «лишь бы только ремеслом и шинком не кормились... и поступкам шляхетским и рыцарским следовали» (раздел 3, артикул 20).

По своему этническому происхождению абсолютное большинство шляхты на территории современной Беларуси относилось к местному славянскому населению – литвинам, в более поздней интерпретации – беларусам. По переписи войска ВКЛ 1528 г., средняя и мелкая шляхта беларуского происхождения составляла более 80%, а в тогдашних Витебском, Гайнском, Городецком, Кобринском, Минском, Мстиславском, Новогрудском, Пинском, Рогачевском поветах – более 90 % (подсчеты А. Грицкевича). Однако понятие «местное происхождение» не всегда точно отражает этническую идентификацию жителей ВКЛ, что

наглядно демонстрирует так называемая польская или русская шляхта (местного происхождения), а также татары, евреи и представители других народностей, частично или полностью интегрированных в общество ВКЛ.

***

Мещане занимали промежуточное положение между шляхтой и простым людом. Обычно их относили к так называемому «третьему сословию», после светских и духовных панов. Городские обыватели – под таким названием они нередко фигурируют в текстах Статута – были лично свободными, могли менять свое место жительства, учиться в учебных заведениях не только ВКЛ, но и за границей (как это показывает пример Франциска Скорины, учившегося в Польше и в Италии). Заметим, что обучение в тогдашних духовных школах ВКЛ (иезуитских, протестантских, братских и др.) не имело сословных ограничений.

Статут гарантировал мещанам право владения собственностью и даже земельными наделами, однако не допускал к кормилу государственной власти. Мещане беларуских городов, а также многих местечек имели магдебургское право, право на самоуправление, которое позволяло им создавать местные органы власти, независимые от княжеских старост и воевод. Верхушку мещанского сословия представляли члены городского магистрата, зажиточное купечество, цехмистры, мастера, владельцы недвижимости.

Средний слой мещанства составляли ремесленники (в документах упоминается более 200 ремесленных профессий) и торговцы. В числе приоритетных ремесленных специальностей Статут называет мастеров золотых дел и шитья золотом, органистов, пушкарей, живописцев, сокольников, конюхов, портных, ковровщиков, ткачей, плотников (дойлидов), кузнецов, сапожников. Соответствующая статья Статута определяет штраф за убийство (головщину) ремесленников в 30 коп грошей (арт. 5, разд. 12). В то же время штраф за убийство представителя городской администрации – войта, бурмистра, лавника, писаря – составлял 50 коп, а за войта, лавника, тиуна, старца сельского – 40 коп грошей (арт. 4, 6, разд. 12).

Среди городского населения было немало «людей лёзных», «гултяев», не имевших постоянных занятий и места жительства, обычно они работали по найму. В большинстве своем это были «люди похожие», вместе с тем в городах было довольно много беглых крестьян. Шляхта не раз поднимала вопрос о возвращении своих бывших подданных и, тем или иным образом узнав об их местонахождении, нередко применяла к ним и их имуществу методы самочинного захвата. Статут ВКЛ (1588) сохранил за городскими магистратами, войтами и бурмистрами преимущественное право решать подобные спорные вопросы между шляхтой и горожанами. Вместе с тем он установил принцип:

> «слуги и люди отчизные шляхетские пришедши в города наши и приняв право... и оседлость имея, а засидят десять лет, таковых слуг из городов наших войты и врядники наши выдавать не должны» (*арт. 38, разд. 3*).

В литовских статутах отсутствует четкое определение «людей простых», или «простого стана». В Статуте 1588 г. под этим термином чаще всего понимаются люди не шляхетного звания, к которым нередко причисляли панцирных и пут-

ных бояр, а также свободных жителей городов, т.е. мещан. В подобной интерпретации сформулированы и статьи Статута «О насилиях, побоях и головщинах шляхетских» (раздел 11) и «О головщинах... людей простых и о таких людях и челяди, которые от панов своих отходят, также и приказных слугах» (раздел 12). Как видим, челядь и приказные слуги названы отдельно от «простых людей». А под приказными слугами в Статуте понимаются люди вольные, переданные «по приказу» другому господину (пану).

Статут ВКЛ 1566 г.

Статут ВКЛ 1588 г.

Судя по содержанию статей, Статут выделяет разные категории простых людей и проводит существенные правовые различия между боярами и людьми лёзными, между людьми свободными и дворовой (тяглой) челядью. «Человек свободный ни за какое преступление не должен быть отдан в неволю», – гласит арт. 11, разд. 12. В то же время челядь дворовая или пленная принадлежала своему господину на правах крепостной зависимости и, убежав от него, «должна быть истребована и выдана» (арт. 17). Судя по статьям, практика тяжбы между панами за зависимых крестьян была в то время обычным явлением.

Вместе с тем Статут налагал определенную ответственность на господина за жизнь и судьбу людей тяглых, своей челяди. Статут разрешал дарение и перепродажу челяди невольной, однако запрещал господину выгонять ее из имения в годы неурожаев, эпидемий и голода. О случаях такого самовольства пострадавшие должны были доложить местной администрации. Если же случалась подобная оказия, «когда кто во время голода челядь свою невольную выгнал прочь из дому, не желая ее кормить и содержать, а та челядь сама себя во время голода прокормила, таковые уже не должны быть невольными, но становятся свободными» (арт. 20, разд. 12).

Личная свобода являлась высшей ценностью для лиц разных сословий и охранялась Законом.

***

Особого внимания заслуживает этнический и конфессиональный состав разных категорий населения. Регулируя правовые отношения, Статут, на первый взгляд, игнорирует разноплеменной (полиэтничный) состав населения ВКЛ, его духовные традиции и образ жизни.

Вальный сейм (1619 г.)

Однако такое положение объясняется, во-первых, демократическим характером законодательства и стремлением приблизить правовые обычаи разных народов к единым цивилизованным нормам. Во-вторых, Статут являлся основным Законом, который в реальности дополнялся специальными правовыми документами в отношении различных категорий населения. Эти правовые акты зачастую имели более существенное значение в повседневной жизни диаспоры и ее взаимоотношений с властью, чем сам Статут.

Особое внимание Статут обращает на те этнические группы, которые образовывали относительно автономные анклавы, выделялись духовным укладом и образом жизни, и играли видную роль в экономической и политической жизни ВКЛ. К ним относились, прежде всего, еврейская и татарская диаспоры. При этом Статут оставляет в стороне морально-правовые взаимоотношения внутри еврейского и татарского сообществ и сосредотачивает внимание в каждом конкретном случае на отношениях между евреями или татарами, с одной стороны, и христианами, – с другой.

Еврейская диаспора относится к весьма древней на территории ВКЛ. По достоверным источникам, евреи составляли значительную часть населения в древнем Киеве. В IX–XI вв. они были расселены компактно, образуя здесь два квартала – еврейский (жидовский) и хазарский. Еврейский квартал был расположен в приоритетном месте – по соседству с резиденций Великого князя, его заселяли выходцы из Византии и Греции. Торговая и предпринимательская деятельность еврейских купцов распространялась также на бассейн верхнего Днепра и Двины. Очевидно, уже в то время еврейские фактории и поселения возникли в Смоленске, Великом Новгороде, Полоцке и других местах на международном пути «из варяг в греки».

Витовт придавал большое значение торгово-предпринимательской деятельности евреев и их расселению на слабо освоенном пространстве ВКЛ от Балтики до Черного моря, населенном разноязычными народами. В 1388 году он подписал первый в ВКЛ привилей для евреев, определявший их правовое положение, регулировавший взаимоотношения между евреями и христианами. За криминальный проступок против еврея христианин нес суровое наказание, такое же, как и в отношении шляхтича. Эти нормы, известные и в судебно-правовой практике Польши, были сохранены и позже вошли без существенных изменений в тексты литовских статутов.

Евреи в ВКЛ составляли особую этносоциальную и конфессиональную группу «свободных обывателей», которые подчинялись непосредственно великому князю, жили автономными общинами (кагалами) и пользовались правом самоуправления. Помимо торгово-промышленной деятельности они имели право заниматься земледелием, брать в аренду и даже владеть корчмами и имениями, что впоследствии нашло свое отражение в Статутах ВКЛ. Постепенно они становились доминирующим элементом городов и местечек. Статуты содержат ряд ограничений в отношении свободы предпринимательской деятельности и трудоустройства, особенно – в сфере государственного управления:

> «Купцы, мещане, евреи не могут взыскивать долгов со шляхты по реестрам (арт. 7, разд. 7); «Еврей, татарин, всякий басурман не может быть определен на должность» (*арт. 12, разд. 9*).

Здесь мы видим те же ограничения, что и для чужеземцев. Однако подобные запреты не могли возникнуть по прихоти составителей Статута, они преследовали определенную государственную цель, в данном случае – гармонизацию этносоциальных и, особенно, религиозных отношений в литовском обществе, интеграцию различных этнических и конфессиональных групп в единый государственный организм.

Так, Статут запрещал евреям жениться на шляхтянках. Однако если еврей принимал христианство, он автоматически становился шляхтичем и путь к руке и сердцу шляхтянки ему был открыт. Соответствующая статья Статута (арт. 7, разд. 12) предвосхитила, таким образом, реальную этнокультурную ситуацию, которая стала обычной в условиях XX века (когда интернациональные браки – обычное явление). Тот же артикул сурово карает шляхтичей за возможное преступление: «Если бы шляхтич убил еврея и был бы пойман на горячем преступлении, то должен быть смертью наказан». Та же статья осуждает разгульный

образ жизни неоседлой шляхты, «которые, никому не служа, а только забавляясь игрой в кости и пьянством» совершают подобные преступления (арт. 7, разд. 12).

Моральные постулаты Реформации и осуждение излишней роскоши содержатся в специальных артикулах, запрещающих евреям «ходить с цепями золотыми и драгоценностями, а также на поясах, на саблях» (арт. 8, разд. 12). Мужчинам разрешалось носить лишь одно кольцо с печатью и один перстень. Другое дело еврейские женщины, которым та же статья разрешала носить перстни, пояс и наряды по своему усмотрению. Обратим внимание, что статья не предусматривает наказания за нарушение подобного запрета со стороны мужчин.

Крестьяне на сенокосе (1542 г.)

Татары, как и евреи, тоже упоминаются в литовских статутах. Татарское общество было социально дифференцированным, демонстрируя одновременно структурную упорядоченность, адаптированную к правовым нормам Статута. Верхушку местных татар составляла служилая шляхта – князья, мурзы, уланы «закона басурманского», имевшие земли, пожалованные им за службу, дворовую прислугу и зависимых крестьян, обычно своих соплеменников мусульманской веры. Эта часть татарской диаспоры, по Статуту, пользовалась почти всеми шляхетскими привилегиями с некоторыми ограничениями, связанными с религиозной традицией (запретом держать у себя в качестве слуг и работников христиан, брачные ограничения и др.). Эти же татары («те, которые на службу нашу военную ездят») допускались свидетелями в общем суде и в земельных спорах с христианами, принося присягу «по своему закону» (арт. 76, разд. 4; арт. 14, разд. 9). Жизнь такого татарина, в соответствии со статьей криминального права, оценивалась, как и жизнь шляхтича, в 100 коп грошей.

Другую, более значительную часть литовских татар составляли потомки военнопленных и беглых ясачных людей. Они селились преимущественно в городах и местечках, где занимались различными промыслами – кожевенным, обувным, извозом, огородничеством, животноводством, мелкой торговлей и т.д. В правовом отношении все они приравнивались к челяди, о чем свидетельствовала и денежная оценка (головщина) их жизни – 20 коп грошей.

Цыганская диаспора появилась на территории Беларуси, очевидно, в XV веке. На юге ВКЛ, по соседству с Бесарабией, таборы цыган кочевали уже в конце XIV века; на нашу территорию они проникли через Украину и Польшу (первые достоверные данные о цыганах датируются в Кракове 1401, во Львове 1405 г.). Традиционными занятиями цыган были коневодство и торговля лошадьми, кузнечное ремесло, деревообработка, у женщин – гадание, песенное и танцевальное искусство. Князья Радзивиллы, Сапеги и другие охотно приглашали цыган в свои театры.

Однако кочевой образ жизни и суровая борьба за существование в чужой этносоциальной среде вызывали негативную реакцию властей и местного населения. Почти во всех странах издавались законы, ограничивавшие свободу и права цыган. Несмотря на более гуманный характер законодательства на наших землях, Статут ВКЛ 1588 года констатировал:

Осенние работы в поле (1670 г.)
(одежда и строения типично европейские)

> «...цыгане являются людьми ненужными и праздными, которые не только не приносят никакой пользы и услуги нам и никому в государстве, но и вообще причиняют вред обманом простых людей и воровством».

Тем, кто укрывал их в своих владениях, грозил штраф 12 коп грошей (арт. 35, разд. 14). При этом правовые нормы Статута и специальные постановления ограничивали права неоседлых групп цыган и не затрагивали интересов тех, кто служил при панских дворах, проживал на частных или державных землях.

* * *

Этносоциальная и конфессиональная пестрота населения была характерна для городов и местечек ВКЛ. Помимо местного населения в городах проживало много «чужеземцев». Под этим термином в текстах Статута подразумеваются все пришлые жители, родившиеся за пределами ВКЛ, но временно или постоянно проживающие на территории княжества. На первый взгляд, Статут 1588 года весьма строго обходился с чужеземцами (в том числе поляками и немцами), создавал препятствия для их оседлости, права приобретать земельное имущество и занимать государственные посты:

> «Чужеземцам не должны даваться всякие чины и вряды, а пришлым людям с других государств не давать оседлости» (*арт. 12, разд. 3, с. 366*).

Однако та же статья допускает исключения:

> «...кто чужого народа, за свои заслуги в этом государстве добился оседлости с милости нашего пожалования либо по иному праву, тогда таковой может пользоваться оседлостью, только сначала принеся присягу... перед врядниками земскими или замковыми этого же повета».

Очевидно, такие «исключения», предусмотренные Статутом, были нередкой практикой на уровне решений поветовой администрации. Особенно, если речь шла о людях шляхетского звания. Нужно было только подтвердить шляхетское достоинство, чего требует правовая норма Статута (арт. 21, разд. 3):

> «А если бы который чужеземец, приехавши в здешнее государство наше, купил и каким-либо законным способом приобрел себе имение шляхетское и хотел пользо-

ваться шляхетскими правами, тогда сначала должен доказать перед тем врядом, где купил имение, что является настоящим шляхтичем».

Судя по историческим документам, наибольшее число чужестранцев, селившихся на территории ВКЛ, составляли выходцы из Германии, Ливонии, Польши, русских земель. Большинство их с течением времени интегрировалось в местное общество и подлежало, как и все христиане, общему законодательству.

Дворец Радзивиллов в Белой (конец XVI века)

Немецкая диаспора с самого начала играла важную роль в деловой и культурной жизни ВКЛ, как и соседней Пруссии и Ливонии. В 1201 году на Западной Двине немцы заложили крепость Ригу, а затем (1275 г.) в устье реки – Динабург*, что фактически положило конец трехвековой монополии Полоцка на древнем торговом пути «из варяг в греки». Постепенно влияние немцев заметно усиливалось в Полоцке, Гродно, Вильне. В Вильне они имели свою улицу, которая называлась Немецкой. Немецкий элемент играл существенную роль в мещанской среде, особенно среди виленских купцов, ремесленников, городской администрации, а также при великокняжеском дворе.

Именно благодаря поддержке немецких мещан Ягайло удалось занять Вильню (1382) и одержать победу в династической войне против Кейстута. Немцы были инициаторами сближения Литвы и Польши, они же возглавили посольство Ягайло в Краков (миссию Ганулёна), которое закончилось персональной унией и принятием католичества (Крево, 1385). Жители Вильни первыми среди других горожан ВКЛ получили Магдебургское право на самоуправление по образцу немецких городов (1387), после них это право получил и Брест-Литовский (1390).

В XIV–XV вв. восточные границы ВКЛ достигали Правобережья Оки (с городами Орёл, Мценск, Одоев), а на юге – нижнего течения Днепра.

Федеративное устройство и дух толерантности, свойственные новой европейской державе, мирный характер сосуществования различных этноконфессиональных групп (православных, католиков, униатов, протестантов, иудеев, мусульман, армян и др.) – все это создавало благоприятные условия для иммиграции в Литву переселенцев из соседних стран, в том числе – из Московии. Переселению способствовали усиление крепостничества и неограниченной царской власти, произвол царских опричников, от чего страдали не только крестьяне и мещане, но и бояре, служилые люди. С XVII века основную массу

* Позже назывался Динамюнде, Усть-Двинск, Даугавгрива. – *Прим. ред.*

переселенцев из Московии составляли старообрядцы (староверы), не принявшие реформу патриарха Никона (1653–1655) и вынужденные спасаться от преследований. В Полоцкой и Виленской землях они представляли наиболее радикальное крыло этого движения (филиповцы, беспоповцы).

***

Великое княжество Литовское в XIV–XVII вв. имело весьма разнообразный состав населения, представляло собой пеструю мозаику народов и религий. Но доминирующим был элемент славянский. Славяно-русский язык в своей кривичской версии стал официальным языком ВКЛ и литовской знати. Однако сложная этнолингвистическая и конфессиональная ситуация реально выражалась в существовании в ВКЛ нескольких языков и алфавитов.

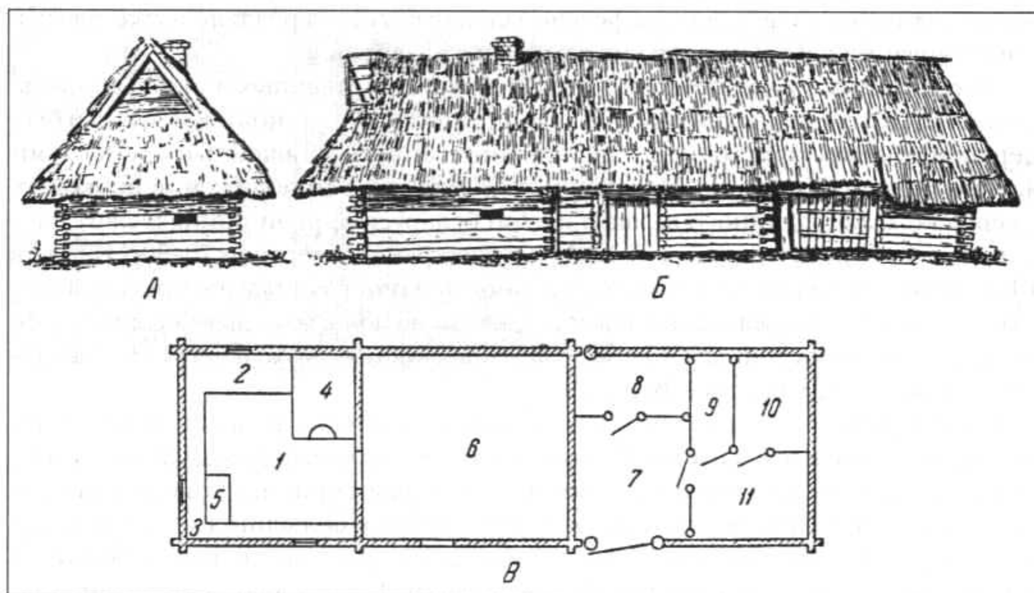
Литургийным языком костёла, отчасти правительственных и учебных учреждений оставался латинский язык. Языком православной и униатской церкви был церковнославянский (точнее – церковнорусский), обогащенный элементами живого беларуского языка. Исключительная заслуга в приближении церковнославянского литургийного языка к живой беларуской речи принадлежит, безусловно, Франциску Скорине. В XVI веке, по крайней мере, до 70–80-х годов, в ВКЛ доминировала кирилловская книжность. Иностранные авторы писали о «засилье рутенского языка» в княжестве, книги на польском языке были сравнительно немногочисленны. Подобная картина наиболее ярко наблюдалась в столице Великого княжества – Вильне.

В зависимости от особенностей духовной культуры, религии и частично языка христианское население Вильни и других городов подразделялось в обыденном разговоре на «греков» и «римлян». К первым причисляли представителей «греческой религии», т.е. православных. В своем большинстве это были коренные русины «без каких-либо дополнительных прилагательных – «белый» и т.п., термина белорусы не знали в Вильне в период Речи Посполитой, точно так, как не знали во Львове украинцев». К римлянам относили представителей римского костёла, среди которых были не только поляки (в документах того времени они фигурируют под названием ляхи), но и местные литовцы, немцы, чехи, а также русины, принявшие католичество.

В XV–XVI вв. православные русины («греки») составляли в Вильне численное большинство среди других этноконфессиональных групп населения. Они же заметно преобладали в виленском магистрате. Документы сохранили фамилии этих «греков» – бурмистров и членов городской рады (1533): Грэгоры Мека, Гаврыла Алихварович, Микула Сэскович, Адашка Семянович, Юрья Нестука, Ва-

Ратуша в местечке Ганязь на Подляшье

силь Хветкевич. Среди них мы не видим фамилий балтского происхождения. Деление жителей Вильни на «греков» и «римлян» отражало культурную оппозицию, что вовсе не являлось признаком антагонизма, наоборот, свидетельствовало о естественном состоянии и духовной свободе в условиях толерантного полиэтнического общества. В свою очередь православные русины Литвы, потомки местных кривичей, находились в оппозиции к русинам московским, которых они называли москалями. Подобные различия двух сторон оппозиции распространялись на сферы сакральной архитектуры, религиозной обрядности, городское управление и повседневный образ жизни.



Общий вид и план старинной хаты:
(деревня Лонская в Малоритском районе Брестской области)
1 — хата; 2 — деревянный помост; 3 — красный угол; 4 — печь; 5 — стол; 6 — сени;
7 — хлев; 8 — овчарня; 9 — телятник; 10 — коровник; 11 — конюшня

Некоторые авторы, экстраполируя современную терминологию при изучении исторических документов, смущались несоответствием исторических реалий и лингвистических понятий. Изучая многочисленные документы о средневековой истории Вильни, польский исследователь Вацлав Студницкий вынужден был признать славянский характер столицы Литвы с момента ее основания, хотя первоначально «ничтоже сумняшеся» расценивал свой вывод как нонсенс. Он пишет:

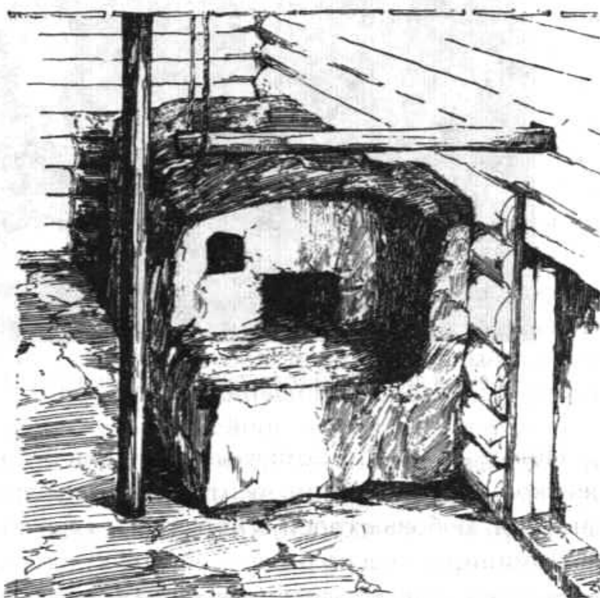
«Может показаться парадоксальным, что место, известное своим польским патриотизмом и получившее название «умножитель польскости» («pomnożyciel polskości»), выросло на русской этнографической почве, отличной от польской, но когда-то более близкой к ней, чем к великороссийскому племени, называемому ранее московским. Трудно поверить, что этнографической основой города Вильны, литовской столицы, были не литовцы (Litwini) , а элемент славянский».

Со своей стороны, нам остается напомнить о славянском характере (по крайней мере, для того времени) самих исторических понятий Литва и «литвины», — в этом случае такие парадоксы, имеющие субъективную природу, исчезают сами по себе.

Польская диаспора. После Кревской унии (1385 г.) увеличился приток мигрантов из Польши, особенно из соседней Мазовии. Переселенцы селились преимущественно в городах и местечках, в имениях магнатов, фольварках, застенках. Люблинская уния (1569 г.) положила начало сближению обоих народов, заметно усилилось влияние польского языка и культуры. Местный русский (литвинский, старобелоруский) язык постепенно вытеснялся из официальных учреждений и повседневного употребления. Как известно, он оставался официальным языком ВКЛ до 1696 года.

Вместе с тем старобеларуская культура в процессе сближения с польской и западноевропейской культурами оказывала существенное влияние на характер и содержание интеграционных процессов. В таких условиях постепенно формировалась новая региональная версия славянской культуры. Представители разных народов, живших рядом, в процессе жизнедеятельности и повседневного общения постепенно выработали новый «виленский» диалект, синтезирующий в себе элементы польского и старобеларуского языков. Приметы этого сближения весьма очевидны уже в Статутах ВКЛ.

На основании анализа литературных текстов XVI–XVIII вв. польские лингвисты детально исследовали фонетику и морфологические особенности виленского (pyłnocnokresowego) диалекта. Сравнительная статистика его составных компонентов представляется следующим образом. В фонетике польские элементы составляли 62,5 %, а беларуские — 37,5 %, в то же время в морфологии это соот-



Курная хата и курная печь в хате

ношение составляло соответственно 75 % и 25 %. Очевидно, литературные тексты XVI–XVIII вв. не могли столь точно отражать соотношение в виленском диалекте элементов двух соседних языков хотя бы из-за генетической близости последних. Однако то обстоятельство, что на местном беларуском субстрате сформировался новый «крэсовый» язык, свидетельствует об усилении польского влияния на территории Беларуси и реальном сближении (интеграции) двух этнолингвистических систем.

В условиях Речи Посполитой процесс межэтнических контактов и взаимопроникновения был многосторонним. Этот «язык крэсовы» оказывал заметное влияние на фольклорный, лингвистический и литературный процесс не только в Виленском крае, но и в Польше. Постепенно формировались характерные для Понеманья культурный ландшафт, цивилизационный облик городов и местечек, региональная межэтническая культура. Вначале это была преимущественно польская (или латино-польская) версия культуры элитарной. Однако с течением времени она постепенно распространялась на более широкие слои населения – мелкую шляхту, дворовых слуг, мещанство.

Сцена в литовской (беларуской) корчме в праздничный день (по А. Киркору)

Польский и латинский языки и европейское образование, получаемое в Виленской Академии (университете) не мешали шляхте сохранять местный патриотизм, любовь к своей «Ойчызне» – славянской Литве.

Доминирующая роль европейской культуры, оказывавшей мощное влияние прежде всего через элитарную польскую культуру, давала последней определенные преимущества. Влияние западноевропейской культуры вместе с польской

и беларуской продвигалось далее на восток в пределы Руси Московской, что отмечал в свое время Василий Ключевский:

> «Польша и была первой передатчицей духовного влияния Западной Европы на Русь: западноевропейская цивилизация в XVII в. приходила в Москву прежде всего в польской обработке, в шляхетской одежде. Впрочем, сначала даже не чистый поляк приносил ее к нам... Западнорусский православный монах, выученный в школе латинской или русской, устроенной по ее образцу, и был первым проводником западной науки, призванным в Москву».

XVI век называют «золотым веком» в истории ВКЛ (фактически он продолжался до середины XVII века). В этот период Вильня превратилась в один из крупнейших культурных центров Европы, став своего рода «культурным и литературным Вавилоном», перекрестком различных национальных и цивилизационных традиций. Это была эпоха беларуского Ренессанса и Реформации, которая в советской историографии неудачно синхронизовалась (и частично отождествлялась) с процессом этногенеза беларусов и украинцев. Эта эпоха характеризовалась бурным развитием естественных наук, небывалыми творческими достижениями в литературе и искусстве, философии и теологии, правоведении и этнографии, интеграцией их в западноевропейское культурное пространство. История и памятники эпохи Великого княжества, среди которых по своей цивилизационной значимости одно из наиболее видных мест занимают Статуты, являются неотъемлемой частью нашего культурного наследия. Оно еще ожидает своих заинтересованных и критически мыслящих исследователей.

* * *

Статут ВКЛ соответствовал лучшим европейским образцам документов подобного типа. Он словно опередил свое время и свидетельствовал о высоких правой культуре и моральных принципах наших соотечественников. Он базировался на глубокой национальной традиции и обычном праве, учитывал баланс интересов разных сословий, социальных и этноконфессиональных групп, вполне оптимально регулировал их взаимоотношения, высоко ставил личное достоинство человека, его права и свободу. Одновременно он обобщал и интегрировал в единое гармоничное целое многовековую практику местного и европейского законодательства. Фактически это была наша государственная конституция, одна из лучших и совершенных в Европе.

Статут ВКЛ предусматривали широкие возможности для демократического выбора и частной инициативы, что делало социальную структуру литовского общества динамичной (мобильной) и жизнеспособной. Исправно работал институт семьи и брака, в значительной мере сохранивший традиции народного (обычного) права. Соответствующие статьи семейного кодекса свидетельствовали о толерантности и отсутствии социально-кастовых предрассудков, они обеспечивали свободу выбора, естественный переход из одного сословия в другое, здоровый моральный микроклимат в обществе и стабильную демографическую ситуацию.

Язык статутов, сочный и выразительный, отражал народное правовое сознание и тогдашнюю этнолингвистическую ситуацию на территории ВКЛ. Он был

хорошо понятен на широком пространстве славянского расселения от Трок и Вильни до Киева и Львова. В тогдашних документах его называют русским (славяно-русским), близким к языку Библии Скорины и его Предисловий. Анализируя лексический и морфологический состав, современные исследователи называют его старобеларуским, ибо он по своей сути стоит ближе всего к беларуской языковой системе. Однако в нем довольно много так называемых полонизмов и украинизмов. Они указывали на интенсивно развивающиеся интеграционные связи и формирование национальных языков. Представляется не случайным, что Статуты ВКЛ создавались примерно в то же время что и Библия Франциска Скорины. Они имеют глубокую внутреннюю связь как две стороны единой ипостаси – беларуского (литвинского) культурного Ренессанса.

Официальная концепция советской историографии утверждала, что период XV–XVI вв. в истории ВКЛ был временем непримиримой вражды, деинтеграции, распада единой древнерусской народности. Однако многочисленные исторические документы, памятники духовной культуры, тексты действующих правовых статутов свидетельствуют не о распаде, а о культурном Ренессансе, об устойчивом процессе социального и конфессионального компромисса, о сближении разных групп населения и их интеграции в едином государстве.

Даже вырванный из привычного цивилизационного контекста в связи с утратой Литвой (Беларусью) независимости, Статут как идеальная модель правовой организации общества продолжал действовать в условиях Российской империи на протяжении более чем полувека, по-прежнему являясь образцом правовой культуры для многих стран и народов.

О роли ВКЛ в формировании беларуского этноса

Анатоль Тарас,
доктор наук (информационные технологии)

Сначала дадим определение – что такое этнос:

«Межпоколенная группа людей, объединенная длительным совместным проживанием на определенной территории, общими языком, культурой и самосознанием. Самосознание находит выражение в едином самоназвании (этнониме)». (П. Терешкович. Этнос. // Энциклопедия «Философия», Минск, 2001, с. 1279).

Этносы ко времени возникновения ВКЛ

К середине XIII века этническая ситуация на территории будущей Беларуси была (несколько упрощенно) следующей:

1) в бассейнах Немана и Западного Буга проживали ятвяжские племена, а также родственные им выходцы из Полабья и Поморья (возможно, что и из Пруссии);

2) в бассейнах Западной Двины и Днепра жили полоцкие и смоленские кривичи;

3) в бассейнах Березины и Припяти – племена дреговичей;

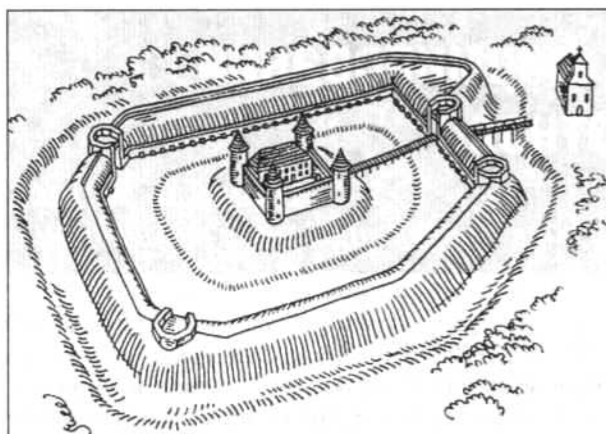
4) в бассейнах Ипути и Сожа – племена радимичей;

5) на стыке Беларуси и Украины – полешуки.

Что в этой картине непривычно для тех, кто учился в школе или в институте в советские времена? Ятвяги! Мол, ятвяги – это балты, тогда как остальные – славяне. Мол, на крайнем западе и северо-западе беларуских земель действительно жили племена балтов, тогда как на всей остальной территории – исключительно славяне. Тех и других резко противопоставляли друг другу. На самом деле и ятвяги, и кривичи, и дреговичи, и радимичи – все это балтские племена.

Более того, археологические, лингвистические и документальные данные не позволяют выделить среди них какую-то одну прабеларускую группу. Так, полоцкие кривичи были близки кривичам смоленским и псковским. Потомки родственных друг другу радимичей и вятичей влились затем в разные этносы. У дреговичей общие корни с волынянами и древлянами – предками украинцев. А полешуки уже к VII веку обрели специфику локального субэтноса.

Всех их постепенно «гомогенизировала» славянизация, происходившая на наших землях в течение тысячи лет – начиная с V или даже IV века, когда на наших землях впервые появились небольшие группы носителей славянского праязыка, славянской духовной и материальной культуры. О разной скорости славянизации говорит, например, тот факт, что в материальной культуре кривичей славянские черты стали преобладающими не ранее IX века, а балтские



Замок Гаштольдов в Гераненах (XVI—XVII вв.)

диалекты в языке кривичей отмечены даже в XIV веке!

Но на основе «племенной» концепции (она же «субстратная») нельзя объяснить, почему потомки дреговичей и радимичей стали беларусами, а потомки древлян и волынян – украинцами. Непонятно, что общее привело к слиянию в единый этнос пинских дреговичей с полоцкими кривичами. Что их объединило?

Концепция «древнерусской народности», в результате сложения которой якобы исчезли черты племенного своеобразия предшествующей эпохи, не выдерживает критики. Данные археологии, анализ региональных особенностей древней лексики и фонетики (по летописям и берестяным грамотам), а также территория распространения диалектов более поздних эпох, все это доказывает сохранение племенных особенностей не только в XIV, но даже в XIX веке.

Объединение предков беларусов в одно целое требует иного объяснения.

Что объединяло в одно целое?

Ученые долго не могли найти решения этой проблемы потому, что вели поиски только среди материальных факторов. Между тем, главная этноопределяющая черта (самосознание) – нематериальна.

Роль идей в формировании единых черт материальной культуры и языка у нас практически не изучена. Не только марксисты, но и позитивисты постановку вопроса в подобной форме (идея формирует материальные объекты) воспринимали в штыки. Те и другие считают, что «бытие определяет сознание». А ведь в Библии ясно сказано: «в начале было Слово»! Кстати говоря, Маркс и Энгельс признавали, что идея, овладев массами, становится материальной силой. Материальные же изменения, в свою очередь, способствуют появлению новых идей.

Важнейшую роль в этногенетических процессах, предопределивших формирование беларуского этноса, сыграло возникновение самостоятельного государства – ВКЛ.

Отметим главные факторы, влиявшие на формирование самосознания наших предков в Великом княжестве Литовском.

1. Фактор государства

Процесс образования ВКЛ начался в середине XIII века, сразу после татарского нашествия на Владимиро-Суздальские и Киевские земли. Княжества на территории Беларуси (Новогородское, Гродненское, Пинское и другие) пошли

на союз друг с другом, чтобы избежать гораздо более неприятного подчинения Золотой Орде.

В следующее столетие молодое государство отразило попытки подчинить его со стороны татар, Галицко-Волынского княжества и Тевтонского ордена, что доказало жизнестойкость новой государственной идеи, которую можно условно называть «литовской» («литвинской»). Как уже сказано, она охватила население, отличавшееся этнической пестротой.

Правящая династия в этом государстве была ятвяжского происхождения, она происходила из региона так называемой «летописной Литвы», находившейся на территории современной Беларуси (термин «литва», обозначавший воинские дружины, постепенно превратился в одно из самоназваний смешанного населения). А «языком межнационального общения» стал местный вариант общеславянского «койне» (он же «русский») – с большим массивом балтской лексики.

Вот основные сферы действия («механизм») «государственного фактора»:

– Наличие общепризнанного верховного правителя (начиная с Миндовга, т.е. с 1253 г.) и единого центра управления (Вильня, с 1323 г.).

– Наличие четкой системы административно-территориального деления единого государства (сначала – уделы, после 1413 года воеводства, автономные княжества и земли в составе воеводств)*.

– Наличие центральной и местной государственной администрации (Урад, Вряд) с присущей ей систематической ротацией кадров (маршалки, гетманы, канцлер и подканцлер, обозный, скарбный и подскарбии, писари, воеводы, каштеляны, войты, лавники, старосты, радцы, бурмистры и другие чиновники). Вот наглядный пример ротации: Казимир Обухович (1600–1656) последовательно занимал посты войта Мозырского, великого писаря (в Вильне), воеводы Витебского, затем Смоленского, старосты Гожского, Циринского, Бельского.

– Наличие общегосударственного законодательства (указы и уставные грамоты Великого князя и его канцелярии, постановления Сойма и Панов-Рады, Статуты ВКЛ) регулировавшего все стороны государственной жизни**.

– Наличие судебной системы (суды комиссарские, каптурные, земские, гродские, подкоморные).

Великий князь Литовский
со своими придворными (XIV век)

* После реформы 1566 года существовали 13 воеводств – Виленское, Трокское, Киевское, Полоцкое, Витебское, Новогородское, Смоленское, Подляшское, Брестское. Мстиславское, Минское, Волынское, Брацлавское.

** С 1440 по 1568 год заседали 58 соймов ВКЛ, в среднем один раз в 2 года.

Местечко Сенно Витебского повета

Чашники – местечко в Полоцком воеводстве

Вся эта управленческая сфера декларировала и проводила в жизнь принципы суверенности государства (вопреки церковному космополитизму), единство права на всей территории ВКЛ, приоритета письменного права (законов) над устным «обычным» правом (традициями).

2. Фактор военной угрозы

Внешняя угроза и необходимость постоянной борьбы с ней являлась постоянно действующим фактором.

Это, *во-первых*, угроза со стороны крестоносцев. С 1260 по 1410 год Тевтонский и Ливонский ордены совершили около 140 походов на земли наших предков.

Во-вторых, угроза со стороны Московии. С 1368 по 1667 год состоялось 10 больших войн на этом направлении, не считая сотен пограничных конфликтов.

В-третьих, угроза от крымских татар. С 1474 по 1569 год они 75 раз вторгались на территорию ВКЛ, в т.ч. 12 раз на территорию современной Беларуси.

Все это вызывало необходимость в общегосударственном ополчении – сначала в форме «Погони», затем в форме Посполитого рушения (до 50 тысяч человек).

В этой же связи надо упомянуть пожалование великим князем боярам и дворянам (шляхте) за заслуги на военной службе земель по всей территории княжества, в том числе в Жамойтии, на Волыни и Киевщине.

Все это способствовало осознанию единства разных частей страны в рамках одного государства.

3. Экономический фактор

Отметим здесь следующие моменты:

– Распространение единой денежной системы (копы, шелеги, пенязи). Чеканка мелкой монеты (пенязи) началась в ВКЛ еще в 1380-е годы. С этого момента и до 1700 года было выпущено около 300 основных типов и 1200 вариантов медных, серебряных и золотых монет.

– Постепенное формирование единого внутреннего рынка. При этом города и местечки являлись центрами местной торговли в радиусе 40–70 км вокруг них. К примеру: в 1595 году в Могилеве было около 400 крам (лавок).

– Введение Магдебургского права (Вильня в 1387 г., Брест в 1390 г., Гродно в 1391 г., Слуцк в 1441 г., Полоцк в 1498 г., Минск в 1499 г. и т.д.). Получение городом «магдебургии» автоматически влекло за собой систематическое проведение ярмарок (кирмашей) 1–2 раза в год, по 2–4 недели каждая. Ярмарки в огромной степени способствовали формированию единого внутреннего рынка.

– Постепенное распространение по всему государству общей системы мер и весов.

4. Языковый фактор

Литературный «рюский» язык ВКЛ сформировался к середине XVI века. Ныне беларуские исследователи называют его «старобеларуским», а украинские – «староукраинским», хотя от нынешних беларуского и украинского языков он отличается почти в такой же степени, как от великорусского.

Тогда же разговорный язык предков беларусов приобрел основной пласт лексики, отличающей его от русского языка. Основную часть этого пласта (70–80 %) составляют балтизмы, остальная часть – заимствования из польского и немецкого языков.

В XIV–XVI вв. сформировалась и фонетическая система беларуского языка, составляющая наиболее яркое отличие его от русского («дзеканье», «аканье», глухое фрикативное «г», твердое «р» и ряд других черт). Эта система сложилась в результате балто-славянских контактов, происходивших в городах.

Распространение ее по всей территории Беларуси происходило путем подражания престижным городским «гаворкам».

5. Религиозный фактор

Сначала в ВКЛ господствовала идея сохранения православной веры на фоне экспансии католицизма. В 1596 году ее сменила конструктивная идея церковной унии. Уния окончательно вывела местное православное население из-под контроля Московской патриархии. К середине XVIII века на территории Беларуси 70 % населения было униатским. Униатство пустило глубокие корни и весьма способствовало самоидентификации беларусов, их противопоставлению себя московцам (русским).

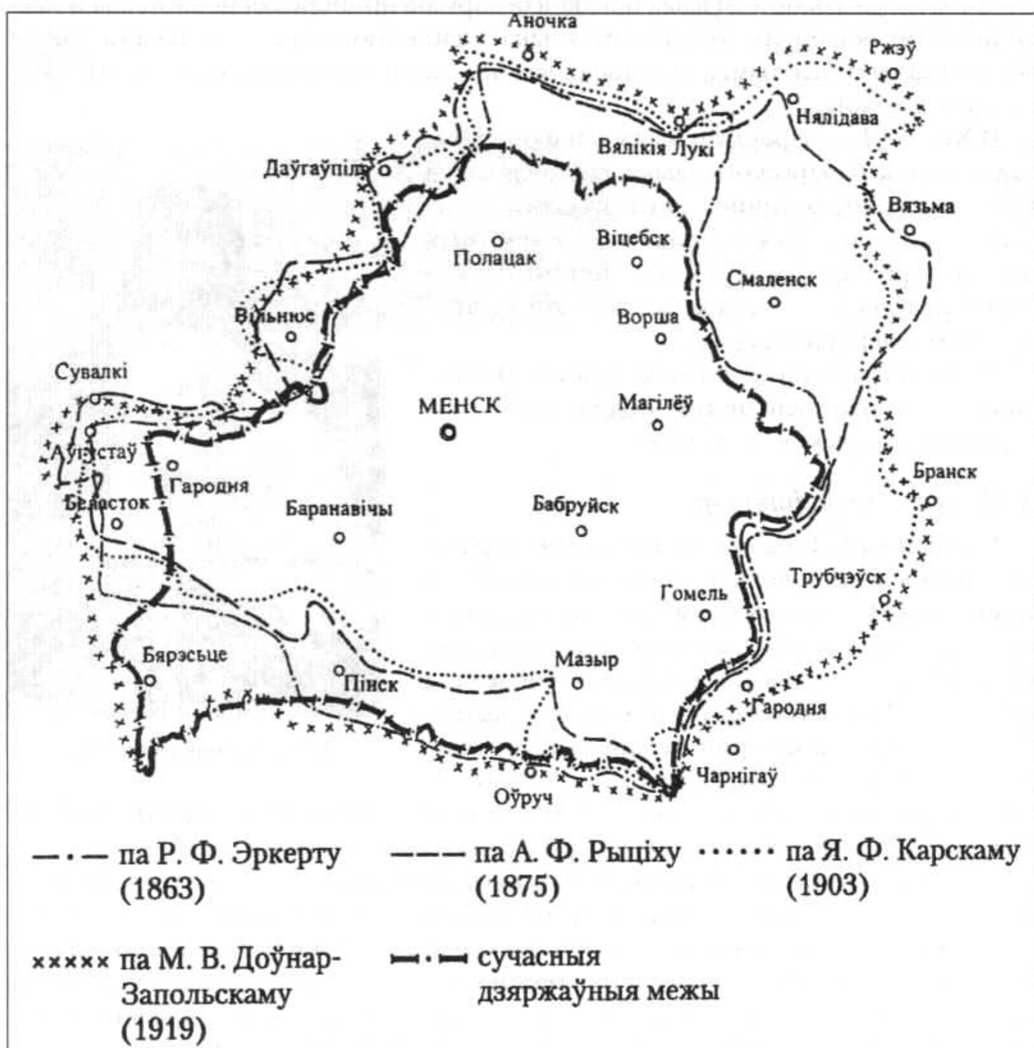
Типаж литвина-беларуса

Но все же униатству нельзя приписывать решающую этнообразующую роль. Ведь 30 % жителей страны остались либо православными (на востоке), либо католиками (на западе и в центре), причем среди шляхты и горожан процент католиков (а в XV–XVI вв. еще и протестантов) был намного выше, чем среди крестьян. Поэтому униатство не могло консолидировать наших предков в единую нацию. Его ролью можно объяснить лишь упрочение этнической границы между беларусами и русскими.

6. Казацкая угроза

Во второй половине XVI века зародилось, а к середине XVII века оформилось массовое движение, сыгравшее важную роль в этногенетических процессах. Это вольное казачество, появившееся на лесостепных просторах Украины в процессе их вторичной колонизации. Повторное освоение районов, опустевших после татарского нашествия XIII века, отмечено с конца XV века. Массовый характер оно приобрело после Люблинской унии 1569 года, причем на «Низ» (или «Украину») уходила наиболее мобильная и предприимчивая часть населения. Основной поток шел с Волыни (хотя были выходцы и с территории Беларуси).

Сформировалась новая элита (казацкая старшина), осознавшая собственные интересы, что воплотилось в идее гетманского государства. Оно вело активную



Этнические границы беларусов

Этнографическая карта Беларуси (по Яну Станкевичу)

экспансию (казацкие войны), стремясь подчинить обширные территории. Под воздействием этой экспансии формировались особенности материальной и духовной культуры, которые позже были осознаны как специфически украинские.

Но такая ассимиляция не могла распространиться на территорию Беларуси, где господствовала государственная идея «Литвы», а казаки («черкасы») воспринимались как чуждый и враждебный элемент.

В итоге произошло идейно-культурное размежевание между нашими предками и украинским казачеством, а затем вообще с населением Украины.

Выводы

Беларуский этнос формировался из населения, находившегося на территории огромного полиэтничного государства, под воздействием государственной идеи ВКЛ, фактора единения перед лицом внешних угроз, в результате формирования единой правовой, экономической и образовательной систем, униатской церкви и культурных влияний из Западной Европы (магдебургское право, книгопечатание, содержание образования и прочее). Но процесс этногенеза на территории ВКЛ не успел достичь своего завершения в виде политической общности всего населения государства – нации.

Об этом свидетельствует отсутствие общего самоназвания. Бытовали конфессиональные названия (люди «русской веры», «польской веры», «униаты»); политонимы («Русь» и «русины», «Литва» и «литвины»), региональные самоназвания (полочане, случаки, туровцы, мстиславцы и т.п.). Известно также самоопределение шляхты как «литовской русского происхождения».

Вспомним определение этноса, приведенное в начале статьи. Что из перечисленного в нем было у наших предков? Длительное совместное проживание на определенной территории, общий язык, общая народная культура – все это было. Но единого самосознания, отраженного в соответствующем этнониме, не было. Почему?

Сначала этому препятствовал конфессиональный раскол на православных и католиков (на русинов и литвинов).

Затем роковую роль сыграла война 1654–67 годов («потоп»). Население ВКЛ сократилось вдвое, в восточной части страны даже на 80–85 %. Влияние православия практически исчезло, но демографическая и экономическая катастрофа «открыла шлюзы» для полонизации. А она, в свою очередь, остановила процесс превращения шляхты, горожан и образованной части населения в отдельный этнос. Вот тогда и стала популярной формула «польской шляхты литовского происхождения».

Через полвека произошла Северная война России против Швеции, в результате которой на наших землях за 10 лет погибла примерно треть населения. То есть, произошла новая демографическая и экономическая катастрофа.

А довольно скоро после этого (примерно через 60 лет) начался прямой захват Россией беларуских земель, что повлекло за собой введение крепостного рабства, ликвидацию всех демократических элементов в управлении краем, уничтожение униатства и планомерную всеобъемлющую русификацию.

Эти крупномасштабные бедствия сильно затормозили и деформировали естественные этнические процессы на территории Беларуси.

В результате у нас так и не сложилась своя национальная идея, основанная на четком осознании своей особенности по сравнению с другими народами. Крестьянство на большей части страны фактически превратилось в единый этнос, но в силу своих социально-психологических особенностей не могло подняться до осознания этого факта. А образованные слои (шляхта, духовенство, горожане) были ориентированы на Польшу или на Россию.

Поэтому национальной интеллигенции, когда она появилась, было так трудно определить место своего этноса (народа) в системе исторических коор-

динат. Между тем, массовое сознание способно усвоить какую-то идею, в том числе национальную, только если она сформулирована в предельно простой и однозначной форме (таковы, например, концепции «Украины – Руси» М.С. Грушевского, «Истинной Литвы» Гедиминовичей у историков Летувы, Московской Руси как преемницы Киевской Руси у Н.М. Карамзина). Однако «принцип простоты» плохо соотносится с реальной сложностью исторических процессов. А этногенез беларусов был столь сложным и противоречивым, что невозможно описать его в виде простой однозначной формулы.

В заключение надо сказать, что превращение беларусов из этнической общности (народа) в политическую (нацию) происходит только сейчас. Главную роль в этом запоздалом – по сравнению с остальной Европой – процессе играют следующие факторы:

– Наличие собственного государства;
– Наличие единого внутреннего рынка;
– Превращение страны из аграрной в урбанизированную;
– Осознание своей «особенности» по сравнению с нациями-соседями;
– Выдвижение «своих» интересов на первый план по сравнению с «чужими».

Православная церковь в Великом княжестве Литовском XIII–XVI вв.

Анатоль Остапенко,
кандидат физико-математических наук

Началом борьбы за независимость своей Церкви беларуский народ может считать возникновение Великого княжества Литовского, главной составной частью которого были беларуские земли. Это, по мнению историков, относится примерно к 1240 году, когда Миндовг обосновался в Новогородке. В том же году Киев – резиденция Киевских митрополитов – был сожжен татаро-монголами. Церковная жизнь после этого переместилась в другие места – на Северо-Восток (во Владимиро-Суздальские земли) и на Северо-Запад (в ВКЛ). В те времена православное христианство на Востоке фактически разделилось на два независимых главных течения.

Время создания Литовской (Беларуской) митрополии точно не известно. По некоторым источникам это 1291 год, когда был поставлен отдельный митрополит, имя которого не сохранилось. Список известных нам литовских (беларуских) митрополитов начинается с 1315 года. Первым в нем значится грек Теофил. Но уже следующий митрополит Теогност (1328–1353) перенес кафедру в Москву. Митрополиты Теогност и затем Алексий (1353–1378), пребывая в Москве, вели свою деятельность в пользу Москвы, что совсем не удовлетворяло православных иерархов в ВКЛ.

Да и Константинополю невыгодно было иметь на востоке две митрополии – в Московии и в Великом княжестве Литовском. Потому патриарший престол стремился развивать на Востоке только одну митрополию, которая бы руководила церковной жизнью сразу двух государств. Константинопольский собор в 1353 году отдельным постановлением принял решение о том, что Русская митрополия не должна делиться, а митрополитов для Руси следует назначать из греков.

Великий князь ВКЛ Ольгерд не подчинился этому решению и поставил на престол Киевской митрополии (с помощью Тырновского патриархата в Болгарии) отдельного Литовского митрополита Хведорита (Феодорита) – несмотря на сопротивление Константинополя.

Однако эта попытка не удалась, и тогда Ольгерд добился назначения отдельного митрополита для ВКЛ от Константинопольского патриарха. Таковым стал митрополит Роман (1354–1362), резиденция которого размещалась в Новогородке (Новогрудке). Для Москвы был назначен митрополитом Алексий.

Между двумя митрополитами началась борьба за Киевскую митрополию и за титул «Киевский». После смерти митрополита Романа по инициативе Ольгерда в 1375 году в Константинополе произошла интронизация митрополита Литовского Киприана. Но когда Ольгерд умер (в 1377 г.) Киприан стал посматривать

на Москву и в 1390 году уехал туда, и был хорошо принят. К 1406 году он стал единым главой Церкви «всея Руси».

Православная Церковь в ВКЛ снова оказалась под враждебным ему руководством и перед старой проблемой – назначением своего митрополита.

Первая автокефалия беларуской православной Церкви

Таким образом, с 1390 по 1406 год ВКЛ жило без своего митрополита. В 1408 году Константинопольский патриарх прислал грека Фотия с титулом митрополита «Киевского и всея Руси», и с поручением объединить все епархии ВКЛ. Но, видимо, такая ситуация не вполне удовлетворяла великого князя Витовта, ибо назначаемые Константинополем митрополиты стремились управлять всей восточной православной территорией – и Московской Русью, и Русью Литовской (ВКЛ). На практике эта задача оказывалась неразрешимой и оставляла Церковь без верховной власти – как при Ольгерде. Поэтому в 1415 году Витовт созвал в Новогородке свой Православный Собор, участники которого избрали своим митрополитом болгарина Григория Цымблака – племянника бывшего митрополита Киприана. Константинопольский патриарх сначала был недоволен таким поворотом событий (ибо собор собрался не каноническим образом), но потом вынужден был согласиться. Кафедру перенесли из Киева в Новогородок.

Собор 1415 года стал первым соборным голосом нашей Беларуской Православной Церкви, на нем была установлена своя митрополия. Значимость Собора в том, что исходя из канонов православия и опыта других церквей, на нем удалось сформулировать правовые основы автокефалии. В постановлении Собора сказано:

> «Яко же прежде нас крещеніі Болгаре и нам сродницы створиша своими епископы поставльша собе прьвесвятителя. Такоже и Сербского языка епископи рассудише, яко по правилам есть и по апостальскому уставу створиша собе епископы прьвосветителя даже до днесь есть, посьпешествуюшу Богу, прьвосвятитель в Сербской земле, имея многи епископы под собою. Таже не толика есть Серьбская земля, елика есть Русская... И что глаголем о Болгарех, или о Сербех? От святых апостол тако уставлено бысть. Равно на всех епископех православных благодать действует Святаго Духа: ибо апостоли от Господа поставлены быша, они же иных поставиши, и паки они других и тако благодать Святаго Духа даже и до нас смиренных дойде: и имамы власть яко апостольстіи ученицы многими испытаньми и в прошеньи и сходитися и поставляти своему отечеству пастыря достойна...».

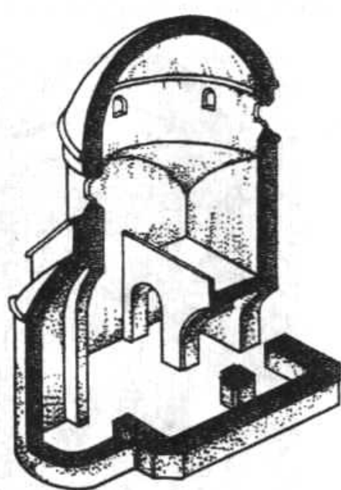
Христианский священник XIII века

Григорий Цымблак в действительности возглавил не оспариваемую Москвой Киевскую митрополию, которая приобрела статус Литов-

ской с престолом сначала в Новогородке, а потом – в Вильне. Цымблак усердно правил Литовской митрополией, проводя политику независимую и от Москвы, и от Константинополя, до тех пор, пока великий князь Витовт не послал его в 1418 году на Собор в Констанце (Германия), чтобы заручиться поддержкой церковных иерархов для своей коронации на короля. Между тем, главным вопросом Собора был вопрос объединения католической и православной церквей перед лицом непрерывно растущей угрозы Константинополю со стороны османов. Делегация, которую возглавлял митрополит Григорий, заявила, что «прибыли на зогод ихнего князя», но подчиняться князю не желают» и никаких договоров не подписала.

После смерти Цымблака в 1420 году Литовская митрополия снова осталась без митрополита. Православная церковь в ВКЛ опять подпала под власть Московского митрополита Фотия и такое положение продолжалось около 10 лет. Твердый защитник православия, великий князь Свидригайло, после смерти Фотия (в 1431 г.) добился от Константинополя поставления на престол митрополии в ВКЛ смоленского епископа Герасима (1433 г.). Однако вскоре Свидригайло заподозрил Герасима в связях с Московией и в 1435 году приказал его сжечь живьем на костре. И опять целые 21 год (до 1458 года) литовская кафедра оставалась не занятой.

Последующие события происходили уже в связи с идеей унии. Обычно унию вспоминают в связи с церковной жизнью Украины – Беларуси в XV–XVI вв. Большинство авторов считает, что эта идея созрела именно в ВКЛ, и здесь же потом осуществилась. Но факты свидетельствуют о другом. В XV веке приверженность к унии высказал Московский патриарх Исидор, который подписал униатские документы на Соборе во Флоренции в 1439 году. Однако в Москве «подписанта» не приняли, и ему пришлось бежать оттуда в Литву. В 1448 году



Верхняя церковь в Гродно (конец XII — начало XIII вв.; варианты реконструкции)

вместо него избрали митрополитом рязанского епископа Иону, который не поехал за благословением к Константинопольскому патриарху.

Как пишет историк церкви Н.М. Никольский, на соборе 1448 года «оказались законники» – епископ Пафнутий и боярин Василий Кутузов, которые заявили, что без разрешения патриарха нельзя избирать митрополита. Но князь Василий II расценил их заявление как «крамолу», велел заковать обоих в кандалы, а Иону избрали по «воле великого господина, великого князя Василия Васильевича».

Спасская церковь в Полоцке (XII век; реконструкция)

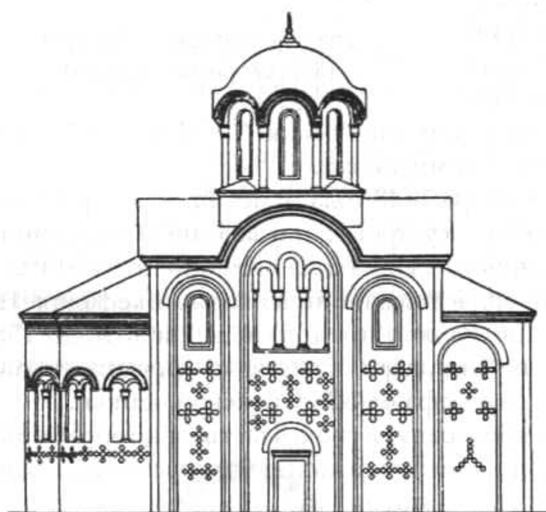
Как видим, в русской политике неуважение к закону имеет давние традиции. Правовой нигилизм принес русским очень много трагедий, среди которых наиболее ужасным событием стала так называемая Октябрьская революция, отбросившая Россию более чем на 70 лет в состояние безбожного, бесчеловечного коммунизма.

Максим Грек через 75 лет после Собора 1448 года отметил, что церковный порядок, установленный в Московском государстве, «незаконный и сделан по гордости». Но, несмотря на «незаконность», Иона стал митрополитом Московским, и с этого времени здесь установилась неканоническая автокефалия. Непризнанная автокефалия Московской церкви продолжалась вплоть до 1589 года, когда наконец Константинополь (благодаря стараниям «царского управителя» Бориса Годунова) согласился с автокефалией Московской церкви.

Митрополит Иона стремился распространить свою власть и на территорию Великого княжества Литовского. Он написал послание «литовско-галицкому людству», однако это не дало никаких результатов.

Тем временем в Беларуси события разворачивались следующим образом. После 21 года церковного безвластия, в 1458 году Константинопольский патриарх прислал в Новогородок митрополита-униата Григория Булгарина (ибо сам патриарх одобрил эту крамолу). Он получил титул «митрополит Киевский, Литовский и всея Руси». Но его миссия по обращению ВКЛ в униатство не дала результата. Тогда Григорий Булгарин вернулся в православие и в 1473 году его утвердил православный Константинопольский патриарх Дионис. В ответ на назначение Григория Булгарина митрополитом в ВКЛ московский митрополит Иона созвал собор епископов, оставшихся под его властью, и после этого за его митрополией закрепилось официальное название – «Московская Церковь».

И с этого же времени на Литве (Беларуси) и Украине на протяжении 123 лет действовала независимая Литовская, а в нынешнем понимании – Беларуская Православная церковь. Кафедра митрополита ВКЛ непрерывно действовала в Вильне с 1473 по 1596 год. Кафедру за это время занимали 15 митрополитов, проводившие церковную политику, независимую от Москвы. Хотя в канониче-



Церковь святых Бориса и Глеба в Гродно
(XII век; современный вид и реконструкция)

ском смысле она и не получила статус автокефалии, но фактически была полностью независимой, т.е. автономной.

Как видим, тернистым был путь Беларуской Православной церкви в те годы. После смерти митрополита Григория в 1473 году великий князь Казимир IV Ягайлович назначил на престол митрополита смоленского епископа Мисаила (Песируча), но Константинополь не утвердил его, более того, – на его место поставил монаха Спиридона, прозванного Сатаной.

Спор между великим князем ВКЛ и Константинополем удалось наконец разрешить путем следующего компромисса – кандидата в митрополиты должен избирать краевой собор, а утверждать – Константинопольский патриархат.

Так были избраны епископ Симеон (1480–1488), Иона (1488–1494), Макарий (1494–1497), Иосиф I (Болгаринович (1497–1501), Иона II (1503–1507).

Следующий митрополит, епископ смоленский Иосиф II (1507–1522) происходил из магнатского рода Солтанов, имел богатые земельные владения, полученные за заслуги от великого князя. Он проводил активную независимую политику. В 1509 году при великом князе Жигимонте II («Старом») митрополит Иосиф II созвал в Вильне собор, на котором были определены основы церковной жизни и управления Православной церковью в ВКЛ.

Постановления собора в 15 пунктах одобрили канонический, независимый от светского покровительства, контроль над выбором кандидатов на духовные должности, укрепили церковную дисциплину и очертили правовые особенности защиты церковных интересов.

Тем самым собор закрепил еще один важный признак автокефалии Православной церкви в ВКЛ – статус ее отдельного существования.

При Иосифе II была закреплена еще одна краевая особенность Православной церкви в ВКЛ – особенность участия в руководстве более низкими, но как показала история, очень сильными структурами – православными братствами. Эта страница истории беларуского и украинского православия требует специального рассмотрения и совсем не известна в Московской Церкви.

После Иосифа II Православную церковь в ВКЛ возглавляли Полоцкий епископ Иосиф III (1522–1534), Луцкий и Острожский епископ Макар II (1534–1555).

Православная церковь после унии

Однако положение Православной церкви с каждым годом продолжало ухудшаться в связи с изменением политической ситуации в пользу католического присутствия. Такое развитие событий усилилось после заключения в 1569 году между ВКЛ и Польшей Люблинской унии. Последние православные митрополиты ВКЛ Сильвестр (1556–1567) и Иона III (1568–1576) мало что внесли для исправления тяжелого положения Церкви.

Брестский церковный собор 1596 года нанес мощный удар православию в ВКЛ. Пришло время унии, число православных приходов стало быстро сокращаться, но все же они не исчезли совсем – благодаря деятельности православных братств.

Иерархию Православной церкви удалось восстановить только в 1620 году, когда Константинопольский патриарх Теафон благословил на престол Киевского митрополита Иова Барецкого, виленского архимандрита Милетия Смотрицкого – епископом Галицким, Исайю Конисского – епископом Смоленским, а в Турово-Пинскую епархию был поставлен грек Авраам. Но этот епископат не был признан королевской властью до тех пор, пока умер в 1632 году король и великий князь Жигимонт III и королем стал Владислав IV.

Благовещенская церковь в Витебске (XII век)

При новом короле православным было возвращено большинство прав и позволено воссоздать церковную иерархию. В результате с согласия Константинопольского патриархата митрополитом был поставлен Пётр Могила (занимал престол в 1632–47 гг.).

С 1620 по 1795 год в Беларуси действовала только одна православная епархия – Мо-

гилёвская. Остальные приходы – Виленские, Новогрудские, Пинские входили в состав митрополии Киевской епархии.

Таким образом, после размежевания в 1458 году Московская Православная церковь и Беларуско-Украинская Православная церковь, существовавшая в Великом княжестве Литовском, жили вполне самостоятельной жизнью.

Исторически, от основания и на протяжении веков Беларуская церковь находилась в канонической юрисдикции Вселенского Константинопольского патриарха. Однако это не мешало ей развивать свой церковный уклад и свою систему управления. Подобный тип церковной зависимости означал состояние фактической автокефалии.

Власть Константинополя ограничивалась актами высшего канонического порядка. Константинополь, в отличие от Москвы, был для Беларуси естественным духовным и церковно-религиозным центром. Беларуско-Украинская православная церковь имела полное самоуправление. Этот факт подтверждается и внешней атрибутикой: Константинопольские патриархи посылали киевским митрополитам грамоты с оловянными печатями, как для автокефальных архиепископов Востока.

Только в 1686 году, по Андрусовскому миру, Киевская митрополия была подчинена Московскому патриархату. Однако ее Могилёвская епархия еще долгое время пользовалась фактической автономией, хотя формально и подчинялась Москве. Сама же Киевская митрополия развалилась на две: Московскую и патриаршую Константинопольскую. «Вечный мир» между Россией и Польшей, подписанный в 1686 году, закрепил перенос центра православия из Киева в Москву. В результате через некоторое время Киевская митрополия была низведена до статуса рядовой епархии московского патриархата.

Таким образом, в течение почти всего исторического периода существования ВКЛ здесь существовала сильная церковная организация православной Церкви, фактически независимая от Константинополя и полностью независимая от Москвы. Иными словами, это была Автономная православная Церковь, которая в определенные периоды имела все атрибуты автокефалии.

1415 год можно считать датой основания Беларуской Автокефальной Православной церкви. Учитывая бессрочный характер правовых актов (XV века) и насильственный характер перевода церковных структур Речи Посполитой после ее разделов в конце XVIII века в состав Московского Патриархата, современная Беларуская Православная церковь имеет все канонические основания для восстановления своей автокефалии.

Об именах князей ВКЛ

***Вадим Деружинский**, филолог*

Имена — на каком языке?

Уже много веков продолжается спор ученых о происхождении имен князей ВКЛ. К сожалению, многие авторы ошибаются в вопросе о том, какому этносу они принадлежали.

Имена князей ВКЛ сегодня никто не может истолковать, хотя пытались делать это и на материале славянского языка, и летувисского (жамойтского), который неправильно называют «литовским», и на материале финно-угорских языков.

Эти имена состоят из повторяемых элементов (как в детском конструкторе), следовательно, имеют определенный смысл. Например, с элемента «оль», с которого начинается имя Ольгерд, начинается также имя Ольгимонт. Элемент «монт» присутствует в именах Видимонт, Гермонт, Жигимонт, Монтвил, Писимонт, Скирмонт, Ямонт. Элемент «вил», которым Монтвил кончается, мы видим в именах Радивил, Гинвил. Довгерд начинается с «дов» – как и Довмонт.

Есть и другие повторяющиеся элементы: «бут» (Бутов, Корибут), «вид» (Видимонт, Монивид), «гайло» (Кезгайло, Свидригайло, Скиргайло, Ягайло), «кор» (Кориат, Корибут, Коригайло), «мин» (Миндовг, Мингайло), «скир» (Скирмонт, Скиргайло), «товт» (Витовт, Товтвил).

Авторы энциклопедии «Литва» (А. Ваганас, З. Зинкявичус и другие), изданной в Вильнюсе в 1989 году, признали, что с точки зрения современного жамойтского (летувисского) языка смысл этих и других имен древней Литвы «трудно объясним». Иначе говоря, они не имеют отношения к языкам жамойтов и латышей – ни древним, ни современным.

О том же писал еще в 1864 году Владислав Юргевич в своей брошюре «Опыт объяснения имен князей литовских». На него ссылался Николай Ермалович в знаменитой книге «По следам одного мифа». Однако оба этих автора (а вслед за ними и другие беларуские историки) впали в другую крайность – стали объяснять указанные имена как «славянские». Но эта гипотеза точно так же «притянута за уши».

Славяне (точнее, носители славянских языков) не понимали смысла этих имен, а потому искажали их. Например, имя Кейстут в Псковской летописи пишется в двух вариантах: Кестуит и Кестутий. А непонятное славянам имя Жигимонт переделано в более понятное Жидимонт и Жидомонт (производное от «жид»). Что же удивляться тому, что псковский летописец называл короля Речи Посполитой Стефана Батория Степан Обатур, а нынешние беларуские авторы «приклеили» ему совершенно несуразное имя Сцяпан Батура.

Беларуский писатель и филолог Иван Ласков в книге «Летописная Литва» (2011 г.) выдвинул гипотезу, что это финно-угорские имена. Но Николай Ерма-

лович в своем письме И.А. Ласкову еще в 1989 году отметил, что эта экзотическая гипотеза столь несерьезна, что не нуждается даже в обсуждении.

По моему мнению, исследователи ошибаются потому, что не желают связывать имена древней («летописной») Литвы с местным населением. А оно было не восточнобалтским, не финно-угорским, не славянским. Оно было западнобалтским: это ятвяги на территории нынешней Западной Беларуси, это мазуры на территории нынешней Северной Польши, это пруссы (погезане) на территории бывшей Пруссии*. Но их языки исчезли еще в XVI веке, вот почему нам сегодня непонятен смысл древних имен Литвы.

Указанные имена бытовали в дославянском языке предков беларусов. Поэтому правильно называть их (имена) древнебеларускими.

Языческие или христианские?

Происхождение имен – только половина загадки. Еще больше удивляет исследователей то, что христианские имена у князей ВКЛ уживались с совершенно иными, которые традиционно называют «языческими».

Например, среди сыновей Ольгерда были Ягайло, Скиргайло, Свидригайло, Корыгайло, Лунгвен, Вигунт, Корибут – и одновременно Андрей, Дмитрий, Константин, Владимир, Федор.

Первые – от тверской княжны, вторые – от витебской.

Некоторые авторы делают вывод, что дети от тверской княжны были язычниками, тогда как от витебской – православными, и вдобавок «уже русскими» (как заявил один московский шовинист). Чушь! Эти «уже русские» точно так же имели и литовские имена, а христианами были все 12 сыновей Ольгерда! Когда в 1342 году псковичи приглашали Ольгерда на княжение к себе и предложили ему креститься, он ответил:

> «...уже крещен есмь, и христианин есмь, второе креститися не хощу я» (*см.: Белоруссия и Литва. СПб., 1890, с. 76*).

А вот что сказано в Воскресенской летописи, составленной в XVI веке: «у Ольгерда от Вел. Княгини Ульяны Тверской Яков, нареченный Ягайло». Оказывается, с рождения он был Яковом, а уже потом дали ему еще и имя Ягайло.

В 1864 году Владислав Юргевич так комментировал этот факт:

> «Очевидно, что Ягайло была фамильярная форма имени Яков, которое князю дали при крещении... то есть имя крестное Яков переделали в фамильярную форму и назвали его Ягайлом, ибо иначе летописец сказал бы: «был сын Ягайло нареченный Яков», поставив ранее его языческое имя. Так же, как видим, Евнутий, Витовт, Ольгерд и другие носили имена, данные им при крещении».

Действительно, Витовта при крещении назвали Юрием, Ольгерда – Александром, но они предпочитали имена, которые традиционно считаются «язы-

---

* Автор упоминал также племя «дайнова» со «столицей» в Лиде. Однако следует заметить, что дайнова – одно из племен ятвягов, наряду с судовами, полексенами, злинцами и другими. Кроме того, в районе города Лиды никогда не было Дайновского княжества. Оно находилось западнее, между Мазурскими болотами и рекой Бебж (Бобр). См. статью В. Сливкина в этом же выпуске «Дедов». – *Прим. ред.*

ческими». В чем причина такого предпочтения? И были ли эти имена языческими?

Придуманное Юргевичем объяснение о «фамильярной» форме кажется мне совершенно искусственным.

Во-первых, сначала дают языческое имя, а уже потом при крещении христианское – не наоборот.

Во-вторых, часто имена не имеют никакой связи, чтобы можно было говорить о такой «форме». Тот же Ягайло-Яков, принимая в Кракове католичество ради короны короля Польского, стал Владиславом. Если имена Ягайло и Яков хотя бы начинаются на общую букву, то Владислав является чем-то совершенно иным. И что схожего между Юрием, Александром и Витовтом – тремя именами одного и того же князя?

Великий князь Кейстут

В-третьих, сама идея о том, что князю после крещения дают еще и какое-то «фамильярное имя», просто нелепа. Например, Ивана IV никто никогда не смел фамильярно именовать «Ванькой» или «Ванюхой». С какой стати такое могло быть в ВКЛ?

Иван Ласков в книге «Летописная Литва» привел свой комментарий:

«Известно и много таких случаев, когда два имени одного князя не совпадают совсем. Так, сын Ольгерда Корибут получил при крещении имя Димитрий, брат Корибута Скиргайло – Иван. Еще один сын Ольгерда, прославленный Андрей Полоцкий носил языческое имя Вингольт. Между «Андрей» и «Вингольт» также явно нет ничего общего.

История имен Андрея-Вингольта интересна еще тем, что он был сыном христианки, Марии Витебской, и родился в христианском Витебске, где княжил его отец Ольгерд, но, оказывается, первым именем Андрея было все же Вингольт. Об этом свидетельствуют псковские летописи: в 1341 году, под угрозой нападения со стороны немцев «послаша послове в Витебско ко князю Ольгерду помощи прошати. (...) Князь же Ольгерд, послушав псковских послов, не оставя слова псковского, посла воеводу своего князя Георгия Витовтовича; а сам Ольгерд подъим брата своего князя Кестуита и мужин своих Литовъков и мужин видьблян, и приеха в помощь псковичам, месяца июля во 20 день (...) и приведе с собою сына своего Андрея, так обо бяше имя ему молитвенное, а еще бе не крещен» (*Псковские летописи. М.-Л., 1941, с. 18*).

Что такое «крещен» в представлениях псковских летописцев той эпохи? Этот термин имел узкое значение – крещен именно в православие. Увы, Иван Ласков попался в эту ловушку и сделал выводы, с которыми я абсолютно не согласен:

«Как видим, Андрей Полоцкий до 16 лет не был крещеным, а имя Андрей имел молитвенное, то есть его называли так, когда за него молились. Это ясно показывает,

что князья-литвины были не тайными христианами, а наоборот, откровенными язычниками, которыми оставались и в христианском окружении. В политических целях они принимали и православие, и католичество (в обе веры крестились Миндовг, Ягайло, Свидригайло), но, по сути, поклонялись языческим богам и именами пользовались преимущественно языческими. Иначе как понять, что чуть ни у каждого из них было по два имени: христианское и языческое? Андрей – Вингольт, Ягайло – Яков, Скиргайло – Иван, Корибут – Дмитрий, Лунгвен – Симеон, Коригайло – Казимир, Вигонт – Александр, Свидригайло – Лев...

Правда, Ольгерд имел еще четырех сыновей от первой жены, и нам известны их только христианские имена: Дмитрий, Константин, Владимир и Федор, но их языческие имена просто не дошли до нас. Очевидность таких именных пар окончательно подрывает гипотезу Юргевича, что языческие имена князей-литвинов – в реальности искаженные христианские, ибо зачем при одном христианском, пусть и искаженном, надо еще одно, неискаженное?»

На самом деле литовские князья не являлись язычниками.

Иван Ласков говорит о каких-то «языческих богах», которым поклонялись князья ВКЛ. Что это за «языческие боги» – выяснили в 2011 году молодые беларуские ученые. Ипатьевская летопись и «Хроника Быховца» сообщают, что Миндовг якобы поклонялся языческим богам даже после своего крещения в римско-католическую веру (т.е. после 1253 года):

«Крещение же его было обманным. Чтил богов своих потаенно. Первого Нанадая, и Телявеля, и Диверикза».

На самом деле эти «три языческих бога» – строки из христианской молитвы на ятвяжском языке (или на родственном ему прусском), где Нанадай – «numons dajs», Телявель – «tawo walle», Диверикс – «Deiwe riks». Вместе – фраза «Numons dajs tawo walle, Deiwe riks», то есть «Пусть будет воля Твоя, Господь Бог!». Это молитва «Отче наш». (Подробнее об этом рассказано в очерке Алексея Дайлидова и Кирилла Костяна «Тайна Нанадая, Телявеля, и Диверикса» в 6-м выпуске дайджеста «Деды»).

Внутри Трокского замка великих князей

Миндовга считали «язычником» из-за того, что он на этом языке двукратно произносил молитву «Отче наш»: «Пусть будет воля Твоя, Господь Бог!» («Numons dajs tawo walle, Deiwe riks») перед едой, перед сном, перед тем, как сесть на коня или в лодку, перед входом в город или на мост.

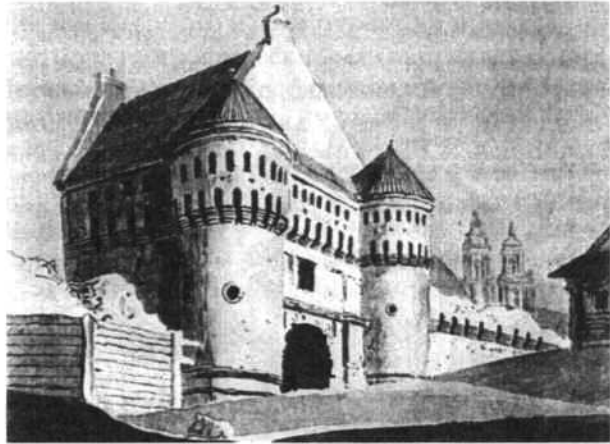
Дело в том, что в странах вокруг Балтийского моря долгое время были распространены «еретические» варианты христианства в виде арианства и (в меньшей степени) богомильства. Исключение составляли отсталые племена жамой-

тов и родственных им латышей, действительно сохранявшие языческие верования*.

И католики, и православные называли арианство и богомильство «язычеством», но на самом деле это были разновидности христианства. Другое дело, что в Риме и Константинополе их считали «еретическими». Так ведь и православных христиан Папы Римские долгое время называли не только «схизматиками» (раскольниками), но и «язычниками».

Решение загадки

Итак, Миндовг был не язычником, а христианином, он принадлежал либо к арианам, либо к богомилам. Это открытие позволяет иначе взглянуть на загадку парных имен князей ВКЛ.



Виленские укрепления в конце XVIII века

В контексте наших рассуждений очень важное значение имеет то обстоятельство, что как ариане, так и богомилы не признавали Ветхий Завет и святых. Ариане не принимали многих обрядов католической церкви, а богомилы вообще отрицали все обряды и католичества, и православия, не признавали также икон. Отметим, что богомилы не крестили детей, тогда как ариане не связывали крещение с необходимостью давать детям имена, приведенные в «Святцах» для всех 365 дней календарного года.

Так вот, у литвинских князей было по два имени именно потому, что они являлись приверженцами либо арианства, либо богомильства. Одно имя (главное!) у них было традиционным (и в этом смысле – языческим, несмотря на то, что они веровали в Иисуса Христа), другое – христианским.

Иван Ласков писал:

> «Как видим, Андрей Полоцкий до 16 лет не был крещеным, а имя Андрей имел молитвенное, то есть его называли так, когда за него молились».

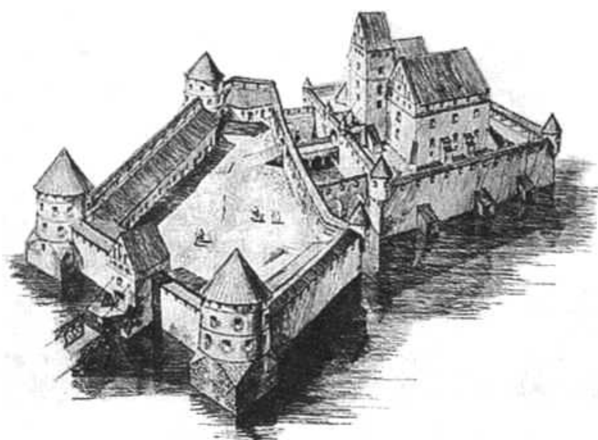
Вингольтом назвали Андрея Полоцкого родители при рождении. Жители западной части страны (ятвяги, пруссы, лютичи – одним словом, западные балты) не видели в этом ничего странного. Но для православной части Литвы (нынешней Восточной Беларуси) ему дали молитвенное имя Андрей. А в 16 лет Вин-

* В «Философской энциклопедии» сказано: «Арианство было осуждено Константинопольским собором (381 г.). Тем не менее ряд варварских королевств принял христианство в его арианской разновидности» (Том 1. Москва, 1960, с. 90). Что касается богомильства, распространившегося в X веке в Болгарии, Македонии и Сербии, то его в странах Северной Европы исповедали лишь отдельные группы населения. – *Прим. ред.*

гольт-Андрей принял греческое православие, хотя христианином был с младенчества – либо арианином, либо богомилом.

Почему сыновья Ольгерда от тверской жены носили литвинские имена, а от витебской – православные? Видимо потому, что детям от первой супруги не сочли нужным дать молитвенные имена, согласно которым за них могли бы молиться православные, несмотря на то, что княжичи не были православными. Понятно без лишних рассуждений и то, что дети Ольгерда от витебской жены тоже получили при рождении литвинские имена, подобно своим братьям и сестрам, а не только молитвенные.

Исходя из этого, я утверждаю, что князья «летописной Литвы» и их приближенные (бояре, придворные) не были «язычниками». Вполне вероятно, что значительная часть населения Западной Беларуси, Виленщины (Трокского воеводства) и Белосточчины тоже не была «языческой».



Трокский замок великих князей
(вид в начале XV века)

Упомянем в этой связи еще один факт. В исследованиях, посвященных Куликовской битве, всегда фигурируют литовские полки (хоругви) князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. На основании имен княжичей российские авторы называют их самих – «русскими». На самом деле якобы «русские имена» Андрей и Димитрий (в действительности – греческие) – всего лишь молитвенные имена для православной части населения ВКЛ.

Во времена Ольгерда (он правил в 1345–1377 гг.) «еретическая вера» (арианство или богомильство) все еще сохранялась среди членов правящей династии вместе с молитвами на языке западных балтов – ятвягов («Numons dajs tawo walle, Deiwe riks»), вместе с личными именами, употреблявшимися в этом языке.

Обращаю внимание на то, что жамойты (предки нынешних летувисов) при Ольгерде по-прежнему оставались идолопоклонниками («истинными язычниками»). Только в конце XIV века они начали переходить в католичество, однако этот процесс растянулся на целое столетие. Пресловутое «крещение Литвы» вовсе не было одномоментным актом. В декабре 1386 года католичество – по принуждению Ягайло, вдруг превратившегося в короля Владислава, – приняли только магнаты, часть шляхты и жителей Вильни. Да и то многие из них вскоре выбросили повешенные им на шеи крестики и вернулись к почитанию Перуна с Велесом.

Почему исчезли у князей и прочих жителей ВКЛ парные имена? А потому, что происходила славянизация Литвы.

Есть масса свидетельств о том, что у литвинов был до «рутенского» (русского) совсем другой язык – литвинский. Например, в 1501 году посол ВКЛ в Риме при Папе Александре VI Эразм Телак докладывал Папе, что литвины имеют свою собственную «мову». Но в связи с тем, что русины населяли всю восточную и южную части Княжества, литвины тоже стали пользоваться их мовой, так как она «удобная для использования».

Академик АН Республики Летува Зинкявичус утверждает, что канцелярский язык ВКЛ (так он называет рутенский язык) претерпевал изменения. Если в XIV–XV веках он был основан на диалектах северо-волынских и южно-беларуских земель, то в середине XV века этот письменный язык основывался уже на диалектах полосы от Бреста до Новогородка. К середине XVI века его сменил язык центральной полосы (от Минска до Вильни), который принято называть «старобеларуским».

В действительности, изменения письменного языка отражали процесс поэтапной славянизации литвинов, которая географически была направлена с юга (Волыни) на север (к Вильне). Переход литвинов на славянский (рутенский) язык произошел в три этапа в период с XIII до середины XVI века, а сам появившийся в результате этого «старобеларуский» язык сохранил весьма значительную часть местной балтской лексики (80 – 85 % слов имели балтские корни).

Есть много свидетельств о том, что литвинский и жамойтский языки были абсолютно разными языками. Например, вот что писал польский историк Ян Длугош (1415–1480) в 11-й книге своей «Хроники польской» о назначении епископа для Жамойтии:

> «На первого епископа кафедры в Медниках был предложен Матей, по происхождению Немец, который, однако, родился в Вильне. Он хорошо знал мовы литовскую /литвинскую/ и жемойтскую».

А разница между ними велика. Во всяком случае, молитва Миндовга «Numons dajs tawo walle, Deiwe riks» – непонятна жамойту, то есть летувису Летувы («литовцу Литвы», как сейчас ошибочно говорят).

Эразм Телак прекрасно знал языковую ситуацию в своей стране. Его слова о том, что литвины имеют свою «мову», но перешли на рутенскую (русинскую, русскую) ввиду ее удобства, вполне совпадают с выводами Зинкявичуса*.

Великий князь Ягайло на охоте

Вот еще факт. В том же 1501 году виленский католический епископ Альберт (Вой-

* Что касается удобства, то суть дела в большей гибкости и простоте славянского языка (койне) русинов по сравнению с балтским языком литвинов. – *Прим. ред.*

цех) Табар получил письмо от Великого князя Литовского и Русского Александра Казимировича. Речь в нем шла о том, что, не зная «литвинского говора», священники не могли научить паству слову Божьему (ибо службы велись на латинском языке). Великий князь рекомендовал епископу назначать сюда таких ксендзов, которые знают эту «литовскую говорку» — вовсе не «русинскую мову» и не «жамойтскую».

В письме указаны 28 населенных пунктов Литвы, население которых не знало «рутенской мовы» и говорило на литвинском языке. Среди них Волковыск, Воложин, Гродно, Дубичи, Койданово, Красное Село, Лида, Молодечно, Новогрудок, Радашковичи, Слоним, Слуцк... То есть, территория нынешних Гродненской, Брестской и Минской областей. Этот реальный факт показывает, что в 1501 году население западной половины нынешней Беларуси (включая значительную часть Минщины) еще говорило на своем «литвинском языке» (очевидно, ятвяжском) и не знало рутенской (славянской) «мовы»*.

Следы прошлого

В течение XV–XVI веков наши предки утратили свой прежний язык (ятвяжско-прусский) и прежние имена. Они сохранились (в виде балтских корней) только в некоторых фамилиях. Например, таких как Борткевич, Гоцманов, Гуринович, Дайнеко, Дидюля, Домаш, Домашкевич, Зыгмантович, Кебич, Корбут, Радивилов, Статкевич, Хацкевич, Чигирь, Шушкевич и т.д.

И еще следы прежнего языка сохранились в топонимах и гидронимах. Вот, например, деревня Скирмантово, что недалеко от Дзержинска (прежнего Койданово). Если исходить из смысловых значений современного беларуского языка, смысл топонима Скирмантово и фамилии Скирмантович не удается понять. Ведь ученые не могут расшифровать само имя «Скирмант» (или Скирмунт), составляющее основу топонима и фамилии.

Находятся авторы, которые из политических соображений наши древние двусоставные имена (о которых говорилось в начале статьи) называют «чуждыми беларусам». Мол, это не «русско-православное», а потому «не наше». С тем, что имена не русские и не православные — согласен. Но кто сказал, что древние предки беларусов были «русскими», да к тому же еще и «православными»?!

Вот невежды и выдумывают, будто имена князей древней Литвы «чужие для нашего племени», изначально якобы славянского. Мол, это имена «литовских завоевателей».

Откроем Переписи войска ВКЛ 1528 и 1567 годов. Там у абсолютного большинства наших предков фамилии, производные от имен — якобы «иноземных» и «необъяснимых наукой». Такие как Бутовтович, Видимонтович, Витовтович, Гермонтович, Гинвилович, Довгердович, Довмонтович, Жигимонтович, Корибутович, Миндовгович, Монтвилович, Писимонтович, Скирмонтович, Ягайлович, Ямонтович и т.п.

---

* См. книгу Павла Урбана «Старажытныя ліцьвины: Мова, паходжаньне, этнічная прыналежнасьць». Минск, 2001, с. 31–33.

Фамилии в ВКЛ XVI века образовывались по именам родоначальников. Следовательно, Переписи войска ВКЛ неопровержимо доказывают, что и в XVI веке и, тем более, в предыдущие времена наш народ использовал имена, якобы «необъяснимые наукой». Даже после принятия православия и католицизма фамилии остались прежние, «загадочные» для православных и католиков.

Переписи войска ВКЛ показывают, что как минимум у половины населения страны фамилии были образованы от древних литовских имен (ятвяжско-прусских). Возникает вопрос: если, как фантазируют некоторые авторы, беларусы изначально были славянами – то почему фамилии у них происходят от литовских (точнее, ятвяжских) имен пращуров?

Имена и фамилии люди всегда дают своим детям на родном языке. Этот факт означает, что во времена Переписей войска ВКЛ (в XVI веке) население западной половины Беларуси еще не было полностью славянизировано. Языком устной речи оставался родной литовский (западнобалтский), тогда как письменным уже стал рутенский (славянский).

Как говорил Ключевский, поскреби русского – и найдешь татарина. Примерно то же самое у нас: поскреби беларуса – и найдешь литвина с «загадочной» фамилией канувшего в Лету литовского языка – типа Монвилович или Гедминтович.

Напомню, что для восточнобалтского языка характерны архаичные формы на «-с». Их аналогом в языке наших предков западных балтов были формы на «-ч». Отсюда и фамилии на «-ич» – вместо славянского на «-ов».

Так что в 1864 году Владислав Юргевич неправильно назвал свою брошюру «Опыт объяснения имен князей литовских». Речь должна идти об «опыте объяснения» исконных имен беларусов.

Ненаучны в принципе попытки трактовать эти имена как «фамильярные формы княжеских имен». Потому что это вовсе не княжеские имена, а имена наших предков. Именно это «в упор» не хотят ни видеть, ни признавать некоторые ученые. Как они объяснят, беру наугад, фамилии Монтвилович или Гедминтович? Это никакие не князья, а обычная шляхта, и это не жамойты (они эти фамилии изменили бы на «Монтвиловичус» и «Гедминтовичус»).

В основе приведенных здесь для примера фамилий, – западнобалтские имена Монтвил и Гедминт. А сами фамилии у наших предков появились согласно с постановлением Виленского сейма 1507 года:

> «...паны, княжата, зямяне, удовы і уся шляхта абавязаны былі перапісаць людзей у сваіх маентках і под прысягай представіць спіскі гаспадару».

Вот так в фамилиях беларусов закрепился пласт западнобалтской лексики – в виде фамилий, производных от «загадочных для науки имен». Но какова их семантика (смысл, который вкладывали в них предки) – никто уже не знает. Ибо мы давным-давно забыли дославянский язык своих пращуров. Поэтому фамилии типа Монтвилович или Гедминтович – это осколки того, что безвозвратно исчезло...

Часть II. Средние века

Князь Тур: легенда или реальность?

Анатоль Тарас

Существовало когда-то на наших землях Туровское княжество, центром которого был город Туров на реке Припять (ныне – поселок городского типа в Житковичском районе Гомельской области с населением 3,5 тыс. жителей). Оно возникло в конце X века на территории расселения племен дреговичей. В начале XIV столетия княжество вошло в состав ВКЛ.

Город Туров впервые упоминается в «Повести временных лет» (ПВЛ) под 980 годом. Там сказано: «...бе бо Рогъволодъ пришелъ и-заморья, имяше волость свою Полотьске, а Туры Турове от него же и Туровци прозвашася».

Мнения историков о достоверности этого предельно краткого сообщения диаметрально противоположны.

Одни считали Тура исторической личностью – на том основании, что его имя приведено в ПВЛ рядом с Рогволодом, которого ученые признали реальной фигурой, пришельцем из Скандинавии. А имя Тор (или Оттар) популярно в скандинавских языках. Славяне немного изменили его – созвучно названию дикого быка тура. Этой точки зрения придерживались Василий Татищев (1686–1750), Василий Ключевский (1841–1911), Владимир Завитневич (1853–1927), Михаил Тихомиров (1893–1965).

Другие же воспринимают летописное упоминание о Туре всего лишь как легенду, объясняющую происхождение названия города Турова от прозвища племенного князя дреговичей. В эту группу входят Алексей Шахматов (1864–1920), Митрофан Довнар-Запольский (1867–1934), Михаил Грушевский (1866–1934), Дмитрий Лихачев (1906–1999).

Возможно даже, что подразумевался не один князь, а несколько. Дело в том, что во времена Киевской Руси сравнение с туром (диким быком) часто применялось для характеристики воинов. Так, в отношении князей (военных предводителей) в древних сочинениях используются выражения «Бой Тур», «Яр Тур», в отношении воинов – «рыкающие (ревущие) туры». Иначе говоря, тур выступал в качестве символа крайней воинственности, доходящей до безумия.

В 2005 году издательство Беларуского госуниверситета выпустило книгу минского историка Андрея Прохорова, специально посвященную поискам ответа на вопрос о достоверности существования Тура. Книга называется «Князь Тур: история легенды. Сакрализация княжеской власти у славян». В ней автор пока-

зал недюжинную эрудицию, провел множество лингвистических и исторических параллелей, но ответа на вопрос о достоверности персоны Тура не дал. Вместо этого он сказал следующее:

> «Образ летописного князя Тура – легендарный или исторический – это не начало беларуской истории, а результат ее долгого тысячелетнего предыдущего исторического развития, символ длительного формирования ее традиционной духовной культуры» (*с. 230*).

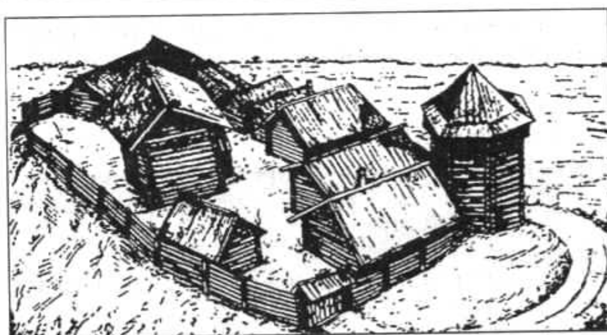
Таким образом, князь Тур остается одной из наиболее «темных» и загадочных фигур ранней беларуской истории.

* * *

Известные беларуские археологи, доктора исторических наук Петр Лысенко и Георгий Штыхов* высказали предположение, что Тур – это варяжский воин высокого ранга из личной дружины киевского князя – либо Святослава Игоревича (правил в 964–972 гг.), либо Ярослава Святославича (правил в 972–978 гг.),

Возможно, что князь Тур (или конунг Тор) выглядел именно так

* П.Ф. Лысенко – автор монографий «Города Туровской земли» (1974), «Дреговичи» (1991) и «Туровская земля, IX – XIII вв.» (1999). Г.В. Штыхов – автор монографий «Города Белоруссии по летописям и раскопкам. IX–XIII вв.» (1975), «Города Полоцкой земли IX–XIII вв.» (1982), «Кривичи. По материалам раскопок в Северной Беларуси» (1992), «Древние государства на территории Беларуси» (2002) и ряда других.



Первоначальное поселение на месте Турова

либо Владимира Святославича (правил в 978–1015 гг.).

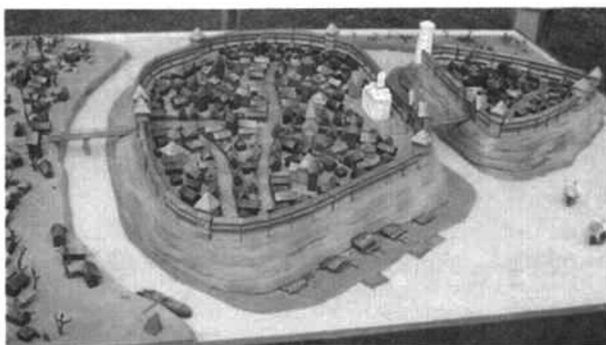
Надо учесть тот факт, что годы правления этих и других князей, даты приписываемых им деяний, указанные в имеющейся литературе, известны лишь приблизительно. Например, убийство Владимиром полоцкого князя Рогволода, по мнению А.А. Шахматова, произошло в 970 году, по мнению В.Н. Татищева – в 975 году, по сообщению «ПВЛ» – в 980. То же самое касается убийства Владимиром своего брата Ярослава: то ли 978 год, то ли 980.

Так вот, по мнению этих ученых, киевский князь (кто бы им ни был) послал Тура на Припять – найти место, удобное для строительства крепости, где могла бы постоянно находиться дружина с целью контроля стратегически важного района на судоходной реке, на стыке земель древлян и дреговичей. Тур, выполняя приказ, нашел такое место, основал город Туров и стал его первым князем.

Кстати говоря, фраза «..а Туры Турове от него же и Туровци прозвашася» ставит любопытный вопрос: как понимать это «от него же»? От Тура? Или от Ту-

Туровская земля

рова? Например, Ромул основал город Рома (Рим), от которого пошло наименование ромеи (римляне). Владимир основал город Владимир, жителей которого называют владимирцами. Именно так чаще всего воспринимался отрывок из «Повести временных лет», хотя об основании города в нем ничего не сказано. Просто название города оказалось созвучным с именем князя. Но на этот вопрос А. Прохоров дал достаточно ясный ответ:



Древний Туров. Макет-реконструкция

«В соответствии с летописной версией оказывается, что туровцы названы по имени князя, а не по названию города, что соответствовало бы лингвистическим представлениям о форме этого слова» (*с. 40*).

В «Туровских преданиях», записанных в конце XIX века, следующим образом описано создание города. Дескать, Тур шел со своей дружиной вверх по реке, а по пути он и его воины сходили с кораблей на берег и занимались охотой. И вот в одном таком месте, богатом дичью, он увидел во сне себя в повозке, стоящей на вершине холма. Тур воспринял этот сон как прямое указание места для основания города.

Действительно, город Туров возник на одном из двух холмов, стоящих рядом и разделенных ручьем – на более высоком из них (около 6 метров от уровня реки). Петр Лысенко, долгое время проводивший раскопки в Турове, утверждает, что на этом месте до середины X века не было никаких поселений.

Основатели города сначала построили на этом холме детинец (земляной вал с бревенчатым палисадом по верху), а внутри детинца устроили капище языческого бога воинов – Перуна. Это площадка, выложенная камнем, с деревянным идолом в центре, окруженная неглубоким рвом, в котором постоянно горел огонь.

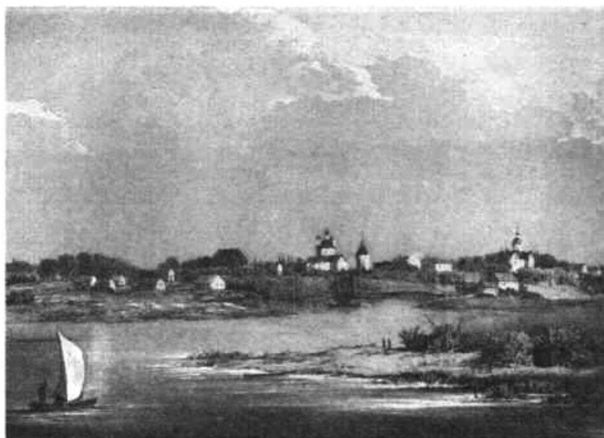
Позже на более низком холме возник посад, где жили мещане (ремесленники, рыбаки, купцы и пр.). Площадь древнего посада (окольного города) – около 1,5 га (т.е. примерно 125 × 120 м).

До середины XI века Туров оставался единственным городом в ареале дреговичей. Пинск, Клецк, Слуцк, Мозырь и другие возникли позже.

* * *

Возможно, что уже в это время Тур был христианином, что вызвало недовольство у князя Владимира, остававшегося язычником (напомним в этой связи, что дата крещения Киева – 988 год – легендарна).

По одной версии, Тур принял крещение в Византии, где какое-то время служил наемником в охране императора (базилевса). По другой версии – крестился в основанном им городе, в колодце, который выкопал собственными руками. В


Город Туров в XIX веке (гравюра Н. Орды)

этой связи туровские старожилы указывали на древний колодец, прозванный «Туровым» и находившийся недалеко от Борисоглебского монастыря.

Согласно церковной легенде, Владимир приказал Туру явиться в Киев вместе с сыном Комаром, где языческие жрецы (волхвы) объявили «волю богов» – принести княжеского сына (тоже христианина) в жертву Перуну. Отец и сын оказали сопротивление, но были убиты – 12 июля 978 года, примерно через месяц после восшествия Владимира на киевский престол*.

Позже, когда Владимир сам принял христианство, останки мучеников по его приказу отвезли в Туров и там перезахоронили по христианскому обряду.

Академик А.А. Шахматов предположил, что их именами после крещения были Феодор (Тур) и Иоанн (Комар). Между тем, Феодор-варяг и Иоанн считаются первыми на Руси святыми, погибшими за веру. Киевская церковь канонизировала их спустя примерно 100 лет после гибели.

Насколько соответствует действительности эта история – сказать трудно. Но вот любопытный факт.

24 августа 1909 года члены Минского церковно-археологического комитета произвели раскопки на кладбище Борисоглебского монастыря в Турове, где немного раньше (весной того же года) был найден в земле каменный саркофаг. Археологи открыли саркофаг и обнаружили в нем костные останки двоих мужчин и один череп со следами ударов чеканом (боевым молотком с клювообразным лезвием) в лоб и затылок, а также остатки парчовой ткани**. Отметим два обстоятельства: во-первых, в те времена, о которых идет речь (X–XI вв.) право носить одежду из парчи имели только князья и их ближайшие родственники; во-вторых, чекан – самое популярное оружие варягов того периода.

* * *

На основании всего изложенного выше мы делаем вывод, что князь Тур, скорее всего, не легендарный, а исторический персонаж. Именно он в последней четверти X века основал город на Припяти, получивший название в честь основателя. Отметим также, что мученическая смерть Тура и его сына от рук язычников не оказалась напрасной. Туров, наряду с Полоцком, стал одним из двух основных центров христианизации жителей земель будущей Беларуси.

---

* По другой версии, убийство произошло в 980 году, по третьей – в 983 году.

** Находку увезли в Минск, потом в Петербург, после чего следы ее затерялись.

Где находилось Дайновское княжество?

Валерий Сливкин

6 июля 1253 года на Великого князя Литовского Миндова (Миндовга) и его жену Марту были возложены королевские короны. Миндов стал первым, единственным и последним королём Литвы. Акт коронации осуществил Кульмский епископ Хейденрик (Гайденрик, Геденрих, Гейденрейх, Гейндрих) в присутствии магистра Ливонского ордена Андрея Стирланда (Стирланта, Стукланда, Штирлянда), Прусского архиепископа Альберта Зауэрбера (Суебера, Суербера), представителей Тевтонского, Доминиканского и Францисканского монашеских орденов, литовской знати.

При заключении договора присутствовали «пан Кульмский епископ, Андрей, мастер упомянутых братьев, и его братья Андрей, Ян чашник, Ситер стольник и Теодорик из Гасендорпа, от братьев проповедников Синдерам, от братьев меньших Адольф и его соратники и многие другие». Произошло это событие «в Летовии на нашем дворе, в год Господа MCCLIII (1253), в месяце июле».

В тексте договора новый король поблагодарил братьев Тевтонского ордена и Папу римского Иннокентия IV за коронацию и будущую поддержку в борьбе с неверными, подарил Тевтонскому ордену 12 земель (7 целиком, 5 наполовину) и пообещал им поддержку против врагов. Текст договора написан на латыни, перевод на беларуский язык осуществил Алесь Жлутка:

> «...мы с согласия наших дедичей передали их дому на вечное, свободное и безопасное владение ниже названные земли... Названия же земель такие: Расеене (Rasseyene) половина, Лукове (Lukowe) половина, Бетегале (Betegalle) половина, Эрегале (Eregalle) половина, Дейнове (Deynowe) половина, Кулене (Kulene) все, Карсове (Karsowe) все, Кроже (Crase) вся, Недарова (Nederowe) вся, Вейже (Weyze) вся, Вейсе (Weyse) вся, Ванге (Wange) вся» (*Міндаў, кароль Літовіі, у дакументах і сведчаннях. 1.2*).

Земля Дайнов

В этом официальном документе впервые упоминается земля Дайнов (Deynowe). Именно на договор 1253 года ссылаются историки, когда говорят о Дайновском княжестве. Названия перечисленных земель исследователи договоров Миндова уверенно связали с современными поселениями. Rasseyene это Расейняй, Lukowe – Лукове, Betegalle – Бетигола, Eregalle – Ариогола, Kulene – Калненай, Crase – Кражай, Karsowe – Каршува. Эти семь поселений находятся в Жамойтии (ныне Летува) на северо-запад от слияния Вилии и Немана.

Из журнала «Лідскі Летапісец», № 2 (50), апрель – июнь 2010 г., с. 24–29. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

Остальные земли определены с некоторой долей вероятности: Weyze – Вижайны в Польше у границы с Летувой, Weyse – Вейсеяй в Ладзияйском районе Летувы, Wange – Вангай в Пренайском районе Летувы, Nederowe – возможно бывшая прусская земля Надровия в Калининградской области. По поводу Deynowe мнения разделились: это либо Дайновишкяй в Лаздияйском районе Летувы, либо Данова в Сувалкии, либо вся прусская земля Дайнова.

Расеене, Лукове, Бетегале, Эрегале, Дейнове передавались Тевтонскому ордену по договору наполовину, тем самым эти земли признаны пограничными, а это, в свою очередь означает, что земля Дайнов в 1253 году находилась на западной границе королевства Летовия.

21 августа 1253 года папа Иннокентий IV утвердил передачу земель Немецкому Ордену, в том числе и половину земли Дайнова (Dainowe):

> «мы узнали, что дорогой во Христе сын наш, светлейший король Летовии... даровал, как вы утверждаете, вам и вашему госпиталю земли Ванги и Каршова, а также половину местностей, которые называются просто Дайнова и Расионы, и некоторые другие местности и имущества, которые насколько известно, принадлежали ему. Поэтому мы, ...апостольской властью это заверяем и утверждаем силой этого письма» (*Там же, II.9*).

12 марта 1254 года, Миндов:

> «...хорошо посоветовавшись со своими, приняли преподобного отца пана Христиана, которого попросили освятить на епископа нашего королевства, вводя его в обладание, а также назначая ему же в обладание половину Расейнов, половину Бетиголы, половину Лукова, на вечную память об этом деле мы дали утвердить это письмо нашей печатью. Устроено это в присутствии и с согласия наших сыновей Репли и Герстута, и нашего верного Парбуся» (*Там же,1.3*).

Этим дарственным документом три из пяти пограничных земель 1253 года, а именно половина Расейнов, половина Бетиголы, половина Лукова, были подарены епископу Христиану. Айрагола и Дайнова в документе не упоминаются, из чего следует, что эти две земли остались пограничными.

Третий раз земля Дайнов упоминается в договоре Миндова с Немецким Орденом в Ливонии от 7 августа 1259 года. Этот договор J. Latkowski (1892) и W. Ketirynski (1907) считали фальсификацией. K. Maleczynski (1936) доказывал его подлинность. Если это и фальсификация, то тех времен, что позволяет относиться к географическим названиям местностей и поселений как к достоверным. По договору 1259 года Миндов якобы уступил крестоносцам почти всю Дайнову:

> «...мы с согласия наших дедичей передали их дому на вечное, свободное и безопасное владение ниже названные земли, ничего не оставляя себе из права или юрисдикции или власти на них. ... Названия же земель такие: Данова (Denowe) вся, которую также некоторые называют Етвезь (Ietwesen), за исключением некоторых небольших земель, а именно Сентаны (Sentane), Дернав (Dernen) и Кресмав (Cresmen), и деревни, которая называется Губиниты (Gubiniten), с тремя деревнями в Вельцове (Welzowe), которые сохраняем в своем владении. Сверх того мы дали упомянутым братьям всю землю Скалову (Schalowen), всю Жамойть (Seymeteп), с исключением только тех

имуществ в самой Жамойтии, которые мы передали преподобному отцу и пану епископу Летовии» (*Там же, 1.8*).

W. Kętrzyński (1907) и H. Lowmianski (1932) локализовали три топонима из этого договора: Sentane – это Свентайна, Deinen – Дернова, Cresmen – Скаментна. Эти поселения находятся в Польше в южной части Судовии, между Мазурскими озерами и рекой Бебж (Бобр).

Итак, из договоров 1253 и 1259 гг. следует, что земля Дайнов (Дайнова) сначала была разделена на две половины, одна из которых подарена братьям Тевтонского Ордена в Ливонии, а через 6 лет, возможно, и вторая половина, за малым исключением, была передана в их владение. Земля эта размещалась на западном пограничье королевства, в Судовии.

Еще раз земля Дайнов упоминается в Салинском договоре 1398 года, когда Великий князь Литовский Витовт в очередной раз уступил крестоносцам половину Судовии.

Печать князя Тройдена (1341 г.) и прорисовка с печати

Дайновское княжество

Дайновское (Дайневское) княжество упоминается:

– в «Летописце Великих князей Литовских» (конец 1420-х гг.):

«А пятый брат Тройндень мешкал пры брате своем великом князе Нарымонъте. И доведался князь великий Нарымонт, што ж князи Ятвезъские померли, а люди их мешкают без господара. И князь Нарымонт поидеть на них. И они не противечыся поддалися и поклонилися ему. А так он, оставшы им господарем и вземшы их, дал брату своему Тройнденю за вдел. И князь великий Тройдень наидеть гору красную над рекою Бебрею. И сподобалося ему там вельми и зарубил город и назоветь его Райгород, и прозоветься князем Ятвезским и Дойновъским»;

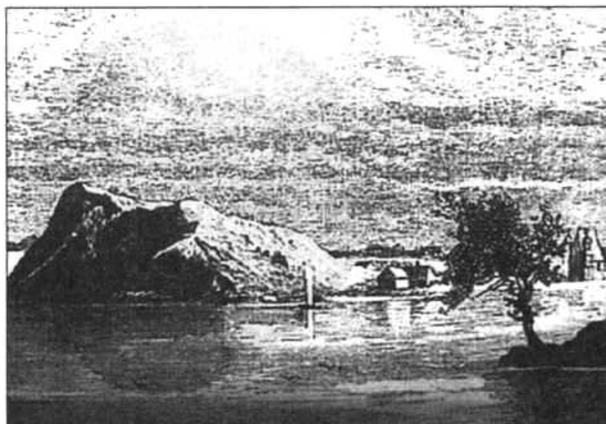
– в «Хронике литовской и жамойтской» (XVII век):

«Тройден ятвиги, где теперь Подляше и князство Дойневское, доброволне собъ поданое, опановал, который, заъехавши з пригоды в пущу на ловы, нашол гору роскошную над Бобром ръкою, которой положене собъ уподобавши, збудовал Райгородок замок» (*ПСРЛ. Том 32. М. 1975, с. 32*);

– в «Хронике Быховца» (конец XVII – начало XVIII века):

«Y kniaź weliki Troyden nayde hora krasnu nad rekoiu Bebroju, y spodobalosia jemu tam welmi, y zarubil horod, y nazowet ieho Rayhorod, y prozowetsia welikim kniazem jatwizskim y doynowskim» (*Там же, с. 135*).

Как видим, поздние беларуско-литовские хроники сходятся в том, что был такой князь Тройден, который без битв и насилия «опановал» территорию ят-



На этой горе находился Райгород
(старинная гравюра и современный вид)

вягов и дайнов; что ятвяги жили в Подляшье, рядом размещалось княжество Дайновское; на территории ятвягов над рекой Бобр Тройден нашел гору, на этой горе построил Райгород и стал князем ятвяжским и дайновским.

Современный Райгород с Замковой горой находится в Польше в Подлясском воеводстве, в Граевском повете, в 24 км от Августова на берегу Райгородского озера. Немного южнее протекает река Бобр (Бебжа по-польски), правый приток Нарева. В 10 км на юго-запад от Райгорода находится деревня Данова и немного дальше еще одна деревня Данова. Местные краеведы считают, что в средние века на острове, где возвышался холм, ятвяги заложили укрепленный город Рай. Этот город был главной резиденцией ятвяжского племени злинцев. Он охранял торговый путь, который вел из Мазовии в глубину ятвяжских земель. Город имел большое значение, его неоднократно завоевывали, сжигали и заново отстраивали. Около 1290 года был занят литовским князем Наримунтом, и с того времени за городом закрепилось название Райгород.

Отметим противоречие между текстом договора 1259 года и беларуско-литовскими хрониками. В договоре Данова – это земля, «которую также некоторые называют Етвезь (Ietwesen)», тогда как в хрониках князь Тройдень – князь ятвяжский и дайновский. Противоречие позволило исследователям разделиться в мнениях, одни считают, что Дайнова и Ятвягия – синонимы, другие, что это две разные территории (Ятвягия и Дайнова), на которых проживали разные прусские племена – ятвяги и дайны. Мнений в действительности еще больше, например: ятвяги общее название прусских племен; дайнова – литовское название ятвягов.

Несмотря на имеющиеся противоречия очевидно, что во второй половине XIII века земля Дайнов и Дайновское (Дейновское) княжество находились на западной окраине Великого княжества Литовского в Сувалкии (ныне Подлясское воеводство Польши).

Утверждение Т. Нарбута

Но, как это нередко случается, нашелся авторитетный историк, который имел свое мнение по поводу местонахождения Дайновского княжества. Теодор Нарбут (1784–1864), описывая весьма сомнительный поход легендарного великого князя Скирмунта в 1160 году на князя владимиро-волынского Мстислава Изяславовича и победу над волынянами в битве на берегу Ясельды, захват Пинска и Турова («откуда принес трофеи победы и радостные вести отцу своему в Дяволтве») завершил абзац совершенно неожиданной фразой:

«К этой, либо близкой эпохе относится полное присоединение к Литве Княжества Дайновского, теперь юго-восточная часть Лидского повета» (*Narbutt T. Dzieje staro ytne narodu litewskiego. T. 3. S. 298*).

И затем несколько раз упрямо повторил эту мысль в 4-м и 5-м томах своей «Истории литовского народа»:

«...в 1234 году Русь, лежащая между Дитвой и Пелясой, с одной, и Неманом с другой стороны, от устья Гауи до устья Котры, уже стала принадлежать Великому княжеству Литовскому, включая Дайнов, Лиду, Дубровно и по реке Жижме, которая сейчас есть граница между уездами Лидским и Ошмянским» (*T. 4. S. 74*).

«Был он одновременно князем Дайновским (*это о Тройдене*), ...названный от Дайновы, известной поныне волости в повете Лидском, приходы этого повета были русские, в то время как часть Пелюзии составляли приходы литовские. Дайнов, или как сегодня пишут, Дейнов, лежит недалеко от Лиды и Мыто» (*T.4. S. 285*).

«Это место, после завоевания Княжества Дайновского, около 1180 года, в котором находилось, есть поселение литовское; потому что Лида означает порубка, поле, очищенное от леса» (*T. 5. Dodatki... S. 1*).

Благодаря этим ничем не подтвержденным фантазиям Т. Нарбута, Дайновское княжество оказалось локализованным на Лидчине, а город Лида, как стали писать в некоторых энциклопедиях, появился в XII веке.

Должен отметить, что Нарбут был знаком с текстом договора Миндова с Немецким Орденом 1259 г. (см. T. IV Dodatki, s. 15) и с литовско-беларускими хрониками. Вслед за текстом «Хроники литовской» он писал:

«Великий князь Литовский Наримунт, около 1268 г., ворвался с войском в Ятвяжское Подлесье (Подляшье) и заставил народ принять хозяина от руки своей назначен-

Князь Тройден (реконструкция на основе печати)

ного. Был им Тройден, родной брат Наримунта, который стал князем Ятвяжским и Дайновским, с обязательством подчинения ВКЛ и уплаты определенной дани. Этот князь построил замок Райгород, и женился с мазовецкой княжной...» (*T. 2, S. 189*).

Последователи Нарбута

Вслед за Т. Нарбутом пошли Ю. Ярошевич, А. Киркор, Н. Барсов, Э. Вольтер, Ф. Покровский и другие авторы.

Юзеф Ярошевич (1793–1860):

«Дейна это теперешняя Дайнова, поселение на запад от Лиды» (1844 г.);

Адам Киркор (1818–1886):

«Древнѣйшая же столица Дейновцевъ, Дейново, въ 15 верстахъ от Лиды, нынѣ небольшая деревня. Дейновское княжество существовало еще въ начале XIII столѣтия.... В Дейновѣ сохранился большой камень, который народъ называет кобылкою, ибо, по преданію, на нем казнили преступниковъ» (1882 г.);

Николай Барсов (1839–1889):

«Область Денова находилась между Неманом и Вилией, по притокам Немана, Мереченки, Дитве иЖижме, в теперешних уездах Лидском, Ошмянском и в южной части Виленского, и, может быть, Вилейского. Здесь до сей поры находятся несколько населенных мест, сохранивших древнее областное название. Нам известны – по р. Мереченке и ее притокам: Дойнова и Дойновка к югу от Медников (верстах в пяти), Дайнова на юго-запад от них (верстах в двадцати), Дайнишки и Дайнова на р. Сольче, Дейново на юг от Сольчи (все в Вилейском уезде); по Дитве – Дойново к западу от Лиды верстах в пяти; по Жижме – Дайнувка у верховьев ее на Виленско-Ошмянской границе, Дайновка ниже Германишек; два селения Дайнова, между Жижмой и Ольшанкой, к северо-востоку от Лиды. Сверх того, подобноименные селения встречаются и в южной части Ошмянского уезда, на Минской границе, в области Неманского притока Березины: Дойнова Большая и Дойновка на речке Пурвиле» (1873 г.);

Эдуард Вольтер (1856–1941):

«Дейновское княжество XII в. находилось в пределах нынешнего Лидского у. Виленской губ. Около фольварка Дейнова (близ р. Дзитва) заметны следы замка и города, который был главным в Д. княжестве. Сохранился большой камень, называемый «кобылкой», на котором, по преданию, казнили преступников» (1893 г.).

Утверждение Нарбута, благодаря столь авторитетной поддержке исследователей, большинство из которых были скорей литераторами, чем историками, дожило до конца прошлого столетия:

«Дайновцы – потомки ятвяжского племени, проживавшие на правом берегу Немана. В 13–14 вв. имели княжество, которое занимало тер. между Неманом (правые притоки Дитва, Гауя с р. Жижма) и Вилией. Впервые княжество упоминается под 1259 в грамоте Миндовга. С 1260-х годов дайновцы, утратив своих князей, пригласили к себя кн. Тройденя. Постепенно ассимилировались, большинство в беларусов, остальные – в литовцев» (*Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Том 3. 1996, с. 195*).

К концу XX века обозначилось перенесение Дайновского княжества на северо-запад, в нижнее течение реки Меркис (Мяркис, Меречь):

> «Дайнава (Дайнова), ист. область в Литве и на Сев.-Зап. Беларуси. Впервые упомин. в 1255 в грамоте Миндовга крестоносцам (возможно, поддельной). Первоначально представляла собой, вероятно, территорию одноименного западнобалтского (ятвяжского) племенного княжества, которое во 2-й пол. 13 века вошло в состав ВКЛ и было постепенно ассимилировано на С. литовцами, на Ю. – беларусами...
>
> Основная территория Д. охватывала правобережье Немана на Сев.-Вост. от Гродно, в нижнем течении р. Мяркис (совр. Варенский р-н Литвы) и прилегающих частях совр. Гродненского, Щучинского и Вороновского р-нов, откуда происходило расселение далеко на Юг (даже на левобережье Немана) и на Восток. В 15 веке и позже большую часть этого пространства занимала слабо заселенная Дайновская пуща» (*Беларуская энцыклапедыя. Том 6. Мінск, 1998. С. 11*).

В нынешние времена Валерий Поздняков во 2-м томе энциклопедии «Великое Княжество Литовское» (2007 г.), собрав все сведения о Дайновском княжестве, оставил вопрос открытым.

Таким образом, существует закрепленное в исторической литературе убеждение, которое базируется на голословном утверждении Теодора Нарбута о расположении Дайновского княжества между Лидой и Мыто в Лидском повете. Нет никаких фактов, которые это подтверждают, кроме названия деревни и исчезнувшей «кобылки». Более того, оно противоречит документам XIII века.

Сомнения и споры о местонахождении Дайновского княжества давно утратили бы смысл, если бы не топонимы Дайнава и небольшая статья академика В.В. Седова.

Тройден.
Рисунок из «Хроники Европейской Сарматии» А. Гваньини

Мнение академика Седова

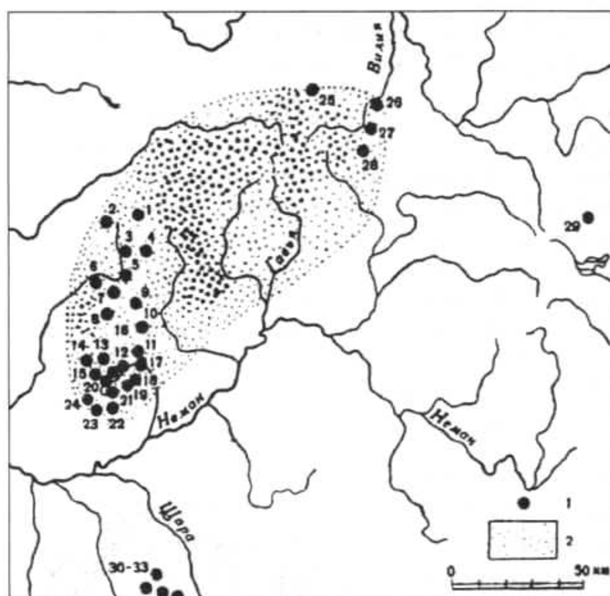
Валентин Седов (1924–2004) в работе «Ятвяжское племя Дайнова» подтверждает выявленное ранее Н.П. Барсовым и А. Каминским сосредоточение топонимов, производных от Дайновы, и приводит карту, на которой видно, что 80 % их концентрируются в междуречье Вилии и Немана.

Здесь же в бассейнах рек Меречь (Мяркис), Дитва и Гауя академик Седов выявил район широкого распространения каменных могил XIII–XIV веков (см. карту). Он обратил внимание на следующие моменты:

1. В конце XII и в XIII вв. в междуречье верхнего Немана и Вилии на смену каменным курганам пришли каменные могилы.

2. Захоронения в каменных могилах совершались по обряду ингумации (трупоположения).

3. Вещевой материал каменных курганов с трупоположениями и каменных могил однотипен.



Ареал каменных могил Верхнего Понеманья XIII–XIV вв.: 1 — каменные могилы; 2 — регион топонимов типа «Дайнова»

Исходя из сходства каменных курганов и каменных могил, однотипности их вещевого состава академик В.В. Седов утверждал, что каменные могилы на этой территории являются результатом эволюции каменных курганов и принадлежат к одной и той же этнической группе населения. Вывод он сделал однозначный:

> «Каменные могилы сосредоточены в тех районах междуречья Вилии и Немана, где выявляется концентрация топонимов типа «Дайнова» и где, согласно преданиям находилось Дайновское княжество».

Топонимы Дайнова

Действительно, поселений с названием производным от Дайнова (Дейнова, Дайнова, Дайновка, Дайнувка, Дайнишки) известно свыше 40. На территории современной Летувы А. Каминский насчитал 28, в Гродненской области в настоящее время имеется 10 таких селений. В границах Лидского уезда в начале XX века имелось 5 деревень и один фольварк с названием Дайнова. Казалось бы – много, если только не принимать во внимание того факта, что в то время на территории этого уезда насчитывалась более двух тысяч поселений, потому 6 топонимов на 2000 это всего 0,3 %.

Почему Т. Нарбут назвал придитвенскую Дайнову столицей княжества – непонятно. Наряду с Дайновой Дитвенского сельсовета поблизости от Лиды имеются еще три Дайновы – в Бастунском и Беняконском сельсоветах Вороновского района и в Геранёнском сельсовете Ивьевского района. Кстати, возле бастунской Дайновы лежат два валуна (4 × 1.85 × 0.3 м и 3,3 × 3,2 × 1.8 м) ничем не хуже киркоровской «кобылки». Только на территории Вороновского района известны 17 огромных валунов, два из них с ямками (*Аляшкевіч, 2006*).

В Гродненской области имеются многочисленные топонимы с названиями Бартяки, Гуды, Жамойдзь, Кривичи, Литва, Латыши, Ляховичи, Мазуровщина, Москали, Татарцы, Хохлово, Цыгановка, Черкесы, Чехи, Швабы, Шлавенцы, Ятвезь. Но ведь никто не пытается утверждать, что на Гродненщине существовали Ляховичское, Москальское и тому подобные княжества. Названия эти свидетельствуют о том, что население области полиэтничное. И не более того.

Я считаю, что деревни с названием типа Дайнова – это поселения дайновцев, беглецов из Сувалкии. Наличие таких поселений на широком пространстве юго-

восточной Литвы и северо-западной Беларуси свидетельствует о дискретном расселении племени в регионе Принеманья. Люди селились там, куда смогли дойти или там, где им предложили местные власти.

Каменные могилы

В.В. Седов отнес каменные могилы Понеманья к XIII–XIV векам, не к XII веку и не к XIII, а только к XIII–XIV. Попав под удары мазовшан, а затем под «тевтонский бульдозер» дайновцы вынуждены были переселиться на свободные земли в глубину Литовского государства. С собой они принесли на эти земли свои похоронные обряды и памятники, которые получили название каменных могил. В свое время эту мысль высказала Фрида Гуревич (1962 г.):

> «Есть все основания полагать, что во второй половине XIII века часть населения из Побужья переселилась в Понеманье и принесла с собой новый тип погребальных сооружений. ...не только тип погребальных сооружений, но и ряд специфических находок становится общим для Побужья и Понеманья».

Подтверждение этому есть и в «Великой Хронике»:

> «В этом же году (1260 – В.С.) окрещенные пруссы со своим королем Мендольфом из-за многочисленных невзгод, причиненных им крестоносцами, оставив христианскую веру, которую приняли раньше, ушли с некоторыми братьями Ордена крестоносцев к литовцам, отважно к ним присоединившись» (*гл. 132*).

Выводы

Придется отказаться от целого ряда устоявшихся ошибочных положений:

– На Лидчине никогда не было Дайновского княжества. Дайновское княжество, если такое было, в середине XIII века размещалось в Сувалкии между Мазурскими болотами и рекой Бобр (Бебж);

– Лидская Дайнова никогда не была столицей Дайновского княжества;

– Дайновцы не жили в X–XII веках на междуречье Дитвы и Гауи;

– Дайновцы поселились на Лидской земле в XIII – начале XIV века и быстро растворились среди местного населения.

Источники

Аляшкевіч Д.С. Сучасны стан геалагічнай спадчыны, помнікі прыроды і геолага-геамарфалагічная характарыстыка раёна. // З гісторыі краю і лёсаў людзей Воранаўшчыны. Ліда, 2006, с. 245.

Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. /2-е изд./, Варшава, 1885, с. 237.

Беларуская энцыклапедыя. Том 6. Мінск, 1998, с. 11.

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. Москва, 1987, с. 185.

Вольтер Э.А. Дейнова. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том X. СПб., 1893.

Гуревич Ф.Д. Древности Белорусского Понеманья. М.-Л., 1962, с. 139.

Деружинский В.В. Печать Миндовга. // Деружинский В.В. Тайны беларуской истории. Минск, 2010, с. 221–236.

Ілюстраваная храналогія гісторыі Беларусі. Мінск, 1995, с. 45.

Квятковская А.В. Ятвяжские могильники Белоруси (к. XI–XVII вв.). Вильнюс, 1998.

Киркор А. Литовское и Белорусское Полесье. // Живописная Россия. Репринт издания 1882 г./ Минск, 1993, с. 170.

Міндаў, кароль Літовіі, у дакументах і сведчаньнях. Мінск, 2005.

Насевіч В.Л. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы. Мінск, 1993.

Пазднякоў В. Дайнава. // Вялікае Княства Літоўскае: Энцыклапедыя. Том 1. Мінск, 2007.

Покровский Ф.В. Археологическая карта Виленской губернии. Вильна, 1893.

ПСРЛ. Том 32. М., 1975, с. 32, 135.

Седов В.В. Ятвяжское племя Дейнова. // Краткие сообщения Института археологии. Выпуск 113. М., 1968.

Narbutt T. Dzieje starożytne narodu litewskiego. Tom 2, s. 189; Tom 3, s. 298; Tom 4, s. 74, 285; Tom 5 (Dodatki), s. 15.

Витень и тевтонцы

Вильям Урбан

К 1309 году Орден снова держал ситуацию в Ливонии под контролем. Тевтонцы не одолели ни рижан, ни Витеня, однако и не проиграли им. Ситуация была настолько стабильной, что магистр Ливонии даже смог послать свои войска в Западную Пруссию, сначала – чтобы изгнать оттуда герцога Бранденбургского, а затем – польские гарнизоны. К 1311 году он был готов вновь вернуться к литовской проблеме и нанести удар по Гродно (Гародне) – ключевому пункту в верхнем течении Немана, охранявшему большинство путей по рекам и сухопутных дорог в Мазовию и на Волынь, а также дороги, ведущие через область Мазурских озер в Пруссию.

К этому времени Витень уже стал могущественным правителем. Сторонники и даже тевтонские летописи именовали его королем, хотя Папа и император признавали его лишь Великим князем. Витень положил конец эпохе убийств и междоусобных войн в Литве, и закрепил свою власть победами в Ливонии.

Он был способным правителем и хитрым военным командиром. Нередко он разделял свои войска и вел часть войск сам, а остальные отряды посылал в других направлениях, так что противнику приходилось гадать, где будет нанесен главный удар. При множестве путей, которые приходилось охранять рыцарям Ордена, эта тактика часто приносила успех.

Справка: Витень – великий князь литовский в 1295–1316 гг. Сведения о его происхождении противоречивы. По «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга он был сыном князя Путувера (иначе Лютувера или, по другой версии, Будзивида), родоначальника Гедиминовичей. Гедимин, возможно, был младшим братом Витеня.

В 1291 году Путувер послал Витеня с большим войском в Польшу воевать Куявскую землю. В 1294 году он с литовским войском напал на Ленчицкую землю в Польше, в 1295 году – на Малую Польшу. Кроме того, в 1294 году Витень подавил восстание жамойтских князей, склонявшихся к союзу с Тевтонским орденом. В 1300 году он вторгся в Добжинскую землю, в 1306 году ходил походом на Калиш. Еще один поход в Польшу состоялся в 1307 году.

По сообщению Густынской летописи, именно Витень установил герб ВКЛ: «Витен нача княжити над Литвою, измысли себе герб и всему князству Литовскому: рыцер збройны на коне з мечем, еже ныне наричут Погоня».

Витень, используя противоречия между ливонскими рыцарями и Рижским архиепископом, в 1298 году заключил союзный договор с Ригой, что позволило отразить наступление крестоносцев на Жамойтию. Тогда же он захватил замок крестоносцев Каркхауз. Союз ВКЛ с Ригой действовал до конца правления Витеня. В 1307 году Витень помог жителям Полоцка изгнать немцев, проникших туда в 1305 и установивших там свою власть. При этом почти все немцы в Полоцке были перебиты, а построенный ими костёл разрушен. Для борьбы с крестоносцами Витень построил по правому

---

* Из книги: Урбан В. «Тевтонский орден». Пер. с англ. М.: «АСТ», «Астрель», 2011, с. 230–245. Печатается с сокращениями.

берегу Немана несколько замков, в которых постоянно находились сменявшие друг друга гарнизоны. А по левому берегу построили замки крестоносцы, поэтому здесь постоянно происходили стычки.

Витень селил на землях Гродненщины пруссов, бежавших от крестоносцев из завоеванной ими Пруссии. Он присоединил к ВКЛ территорию до Западного Буга и Берестейскую землю.

Последний раз источники упоминают его в сентябре 1315 года, когда он руководил осадой замка Христмемель (Кристмемель). По одной версии, Витень погиб здесь в схватке. По другой версии его убил удар молнии, когда он гулял в саду. По третьей, он стал жертвой Гедимина, вступившего в сговор с очередной женой Витеня.

У Витеня были христианские союзники – горожане Риги и архиепископ Рижский, для которых он часто делал вид, что готов вот-вот принять христианство. Присутствие францисканских монахов при его дворах в Вильне и Троках придавало достоверность этим ухищрениям. Тем не менее, хотя он позволял и православным, и католикам исповедовать свою веру, он по-прежнему был предан язычеству. Любой намек на решение сменить веру – и опасность покушения, и так серьезная, возросла бы еще больше. Усилилось бы и сопротивление самогитов (жамойтов) его претензиям на власть в их стране.

Витень, будучи язычником, в глазах христиан воплощал собой отвагу, хитрость и коварство. Этими качествами он обладал в полной мере. Витень не смог бы править Литвой без непоколебимой отваги, хитроумия и жестокости, в которых он мог сравняться с худшими своими врагами и лучшими друзьями. По своему варварскому величию и простоте он был идеальным королем язычников и достойным противником крестоносцев.

Даже тевтонские рыцари возносили хвалу отваге и военному искусству Витеня, ибо они с гордостью считали себя более чем равными ему в этом. В 1311 году у них появился шанс проявить свою доблесть. В феврале Витень совершил нападение на Натангию и Самбию, перебив многих пруссов и захватив около 500 пленников. По опыту крестоносцы знали, что такие нападения невозможно предотвратить. Лучшее, что можно было сделать, – это организовать наблюдение и предупреждать население о вторжении, чтобы жители могли укрыться в убежищах, а ополчение успело собраться в определенных пунктах. Как только о набеге Витеня доложили маршалу Ордена, он поспешил из Кёнигсберга со своими мобильными силами и, собрав ополчение, последовал за войском Витеня. Он знал, что войско, совершившее набег наиболее уязвимо при возвращении назад, когда оно разделяется, чтобы отдельными отрядами возвращаться по домам. Он приказал напасть на язычников тогда, когда они пировали, делили добычу и пленных. Победа, одержанная крестоносцами, стала одной из величайших в этом столетии.

Со своей стороны, крестоносцы совершали по меньшей мере один набег каждую зиму, когда их конница эффективно действовала на замерзших реках и болотах, а литовцы не могли укрываться среди снегов так же легко, как среди пышной летней зелени. Зимой 1311/12 года шестеро рыцарей повели 400 ополченцев из Натангии через пущи Судовии к Гродно. Они преодолели болота, считавшиеся непроходимыми, хотя и проплутали в них два дня. Литовцы, тщательно охранявшие обычные дороги, были застигнуты врасплох. Пруссы гра-

били литовские селения, убивали, жгли, хватали пленников, убивая на месте тех, кто не выдержал бы долгого и трудного пути. Затем войско вернулось домой по кратчайшему пути. Эта страшная месть за прошлые страдания вызывала новую вспышку ненависти у литовцев.

Современные национальные историки часто забывают о взаимной вражде местных племен. Желание отомстить своим исконным врагам помогало крестоносцам собирать войска, устраивать набеги и находить работников для строительства укреплений. Эта вражда приводила также к ужасной жестокости.

Нападение на Гродно стало прямым вызовом Витеню, чей престиж основывался на военных победах и чьим главным божеством был бог войны. Уже в апреле 1312 года он в свою очередь вторгся глубоко в Пруссию с силами, которые летописцы, по своему обыкновению преувеличивая, оценили в 8 тысяч человек. Пройдя через озерный край во время оттепели, Витень избежал встречи с патрулями Ордена и князя Мазовецкого, а затем, стремительно преодолев Вармию, оказался возле замка Браунсберг (ныне Бранево в Польше – *Ред.*). Он выкрикивал оскорбления епископу, стоявшему на стене. Его воины разорили все поселения на балтийском побережье.

Особую ярость Витеня вызывали церкви, в которых он разрушал алтари, низвергал распятия и топтал их ногами, а затем сжигал сами здания. В один день он захватил свыше тысячи пленников, связав их веревками, а вечером издевался над ними, вопрошая: «Где же ваш Бог? Что же он не помог вам, как наши боги помогают мне сейчас и всегда?»

Легендарный портрет Витеня (из книги А. Гваньини «Хроника Европейской Сарматии»)

Но Витень радовался слишком рано. В действительности его войско находилось в серьезной опасности. Вармия располагалась далеко к западу от Литвы, и чем глубже литовцы проникали в Пруссию, тем больше времени было у местного ополчения, чтобы собраться, и тем легче было догнать медленно двигавшееся литовское войско, отягощенное добычей, чьи следы оставались на снегу. Именно в это время командор собирал большое войско в пункте, находившемся на том пути, по которому возвращался Витень.

Генрих фон Плотцке большую часть прожитой жизни (полсотни лет!) мечтал о таком случае. В его распоряжении находились 80 рыцарей и несколько тысяч ополченцев. Если удача не отвернется от него, он сможет разбить вторгшееся войско и, возможно, убить или пленить Витеня.

Витень тоже верил в удачу, но он понимал, что она благосклонна лишь к отважным и умелым воителям. Когда он увидел приближавшееся войско христиан,

приказал своим выстроиться на холме, за импровизированной стеной из деревьев и плетней. Он, должно быть, решил, что христиане не решатся атаковать укрепленную позицию, а если дело дойдет до осады, то у него есть угнанный скот, чтобы кормить своих людей, тогда как у христиан не могло быть с собой много припасов.

Фон Плотцке разгадал замысел врага и, хотя предпочел бы поле битвы, подходящее для своей конницы, был готов сражаться и в пешем строю. Гюнтер фон Арнштайн – наверное, самый отважный рыцарь среди своего поколения – получил приказ «прощупать» оборону язычников. Пробная атака была отбита, причем от 40 до 60 человек погибли, однако Гюнтер определил расположение и количество вражеских войск. Выслушав доклад Гюнтера, фон Плотцке отдал приказ об общей атаке.

Поэт-крестоносец описал волнующую сцену: вопли женщин и детей, зовущих своих родичей из прусского ополчения, ответные возгласы прусских воинов, крики людей, идущих на жестокую битву.

Когда христианское войско построилось для штурма, Витень рассмотрел знамена своих противников и понял, с кем он столкнулся. Он знал, что успех на поле боя зависит не от числа, а от умения. Глядя на яркие знамена комтуров (каштелянов) и знамя гроссмейстера – черный крест на белом поле, язычники поняли, что им противостоят лучшие из тевтонских рыцарей. Поэтому, как только началась атака, наименее отважные из литовцев (или самые здравомыслящие) стали ловить своих лошадей и поспешно бросались в бегство. Тем временем пленные женщины, вырвавшись из пут, устроили сумятицу в тылу.

Воины Тевтонского ордена (реконструкция)

Витень исчез и спасся, тогда как тысячи его воинов пали в завязавшейся битве. Христиане захватили почти три тысячи лошадей, тысячи мечей и копий, освободили пленных и вернули все награбленное литовцами. В плен попал канцлер Витеня. Один из летописцев сложил гимн в честь этой победы: «О благородные рыцари Господа! Господь воздаст вам честь на земле и небесах». Генрих

фон Плотцке почтил этот день основанием женского монастыря в Торне (ныне Торунь в Польше – *Ред.*).

Но, несмотря на одержанную победу, в общем ходе событий мало что изменилось. У Ордена не было достаточно сил, чтобы закрепить ее. Витень сумел улизнуть, перегруппировал свои силы, воодушевил подданных на решительную защиту своих крепостей и приказал избегать рискованных действий. (...)

Было ясно, что заметные успехи возможны лишь в том случае, если будут взяты ключевые замки, а это было делом непростым в Литве, где крепости располагались за труднопроходимыми лесами и болотами, и для их осады съестные припасы и осадные орудия пришлось бы везти на большие расстояния. Более легкими способами являлись подкуп и измена.

Как уже сказано, в плен к Плотцке попал канцлер Витеня, каштелян Гродно. Его можно было бы вернуть за выкуп или в обмен на кого-нибудь из пленников-христиан. Впрочем, Витень мог решить избавиться от потенциального соперника и найти ему замену. Поэтому в обмен на свободу с каштеляна взяли обещание сдать Гродно. Требовалось действовать быстро, чтобы он мог объяснить своё запоздалое возвращение тем, что прятался в лесах или заблудился по пути. Однако каштелян не исполнил своего обещания. Вместо этого он рассказал обо всем Витеню и приготовил засаду возле Гродно.

Генрих прекрасно понимал, что каштелян мог оказаться хитрым лжецом, ведь измена была обычным делом в ту эпоху. Поэтому он не пренебрегал опасностью. Генрих провел свое войско почти до Гродно, когда его разведчики поймали какого-то старика. Под пыткой он открыл им, что литовцы укрылись неподалеку от реки и ждут, когда половина христиан перейдет через реку, чтобы напасть на них. Генрих пощадил старика, как и обещал, а сам повернул назад.

Новый поход Плотцке предпринял уже в мае. Он созвал 140 братьев-рыцарей и большое конное ополчение местных рыцарей (пруссов – *Ред.*), а также около двух тысяч пехотинцев-кнехтов. Эти войска двинулись по разным маршрутам, переправляясь через реки и озера на лодках. Когда конница крестоносцев приближалась к Гродно, в густом лесу она наткнулась на четырех литовских разведчиков. Троих убили, четвертого взяли в плен. От него узнали, что их поход остался незамеченным. Витень чувствовал себя в безопасности, он послал отряд из 150 человек, в который входили и эти разведчики, для устройства охотничьего лагеря. Генрих уничтожил весь отряд, а затем переправился через Неман. Он оставил 12 рыцарей и пехотинцев охранять лодки, а имевшейся у него конницей принялся истреблять в окрестностях всех язычников, невзирая ни на возраст, ни на пол. Он захватил 700 пленников, а мертвым «только Господь знает счет».

Эти победы сделали Генриха фон Плотцке серьезным кандидатом на пост Великого магистра вместо умершего Зигфрида фон Фойхтвангена. Однако избранию помешал деспотический нрав Генриха. Выборщики предпочли ему Карла фон Триера. Плотцке получил в утешение пост Великого командора, а позже – маршала Ордена.

Цель наступления — Самогития

Карлу фон Триеру исполнилось к тому времени 46 лет. (...) Он хотел заключить мир с польским королем Владиславом, чтобы решить проблемы в Ливонии*. После завершения поездки в Пруссию для изучения ситуации на месте, новый Великий магистр приказал сосредоточить силы для нападения на Самогитию (Жамойтию) в надежде обеспечить Ордену безопасный и короткий проход в Ригу через эту страну, а также положить конец опустошительным нападениям язычников на Курляндию и Земгалию (Семигалию).

В апреле 1313 года Карл фон Триер погрузил в Кёнигсберге на корабли припасы, снаряжение и людей, и послал их вокруг Куршской косы в Куршский залив, а оттуда вверх по Неману. Хотя во время разразившейся бури погибли четыре рыцаря, около 400 воинов и моряков, а также множество припасов и строительных материалов, это не помешало фон Триеру продвинуться на 30 миль вверх по реке, где его люди построили большой наплавной мост. Когда тот был готов, рабочие перешли мост и заложили большой деревянный замок, получивший название Кристмемель. Именно он должен был стать главной базой для наступления в самое сердце Самогитии.

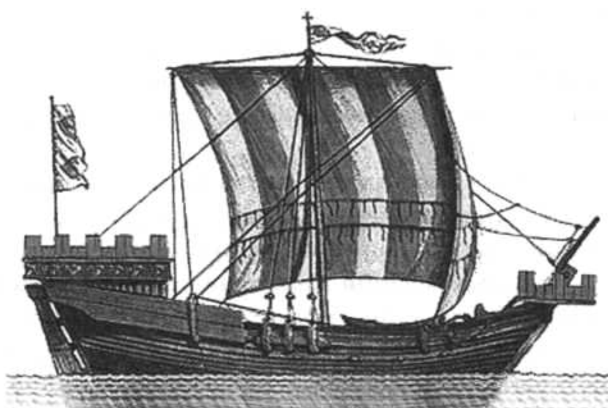
Замок Рагнит

Вскоре после этого крестоносцы напали на литовские замки, стоявшие выше по течению. Сам Великий магистр возглавил штурм замка Бизен, куда доставил осадные орудия. Однако штурм не увенчался успехом. Тем временем каштелян Рагнита проплыл еще дальше, к замку Велюн. Он хотел штурмовать стены прямо с большого военного корабля, но сильный порыв ветра бросил его на мель недалеко от замка. Эффект неожиданности был потерян, и лишь после отчаянной схватки команда корабля смогла отбиться от язычников и увести корабль обратно в Рагнит.

Эти два нападения обеспокоили Витеня. Особенно он опасался большого корабля, угрожавшего теперь всем прибрежным замкам на Немане. Великий князь приказал одному из своих вассалов как можно быстрее уничтожить корабль. Литовский командир послал сотню всадников к Рагниту, тогда как 600 пехотинцев отправились вниз по реке на двух сотнях маленьких лодок. Разведчики заметили отряд язычников, но те двигались столь быстро, что достигли Рагнита раньше, чем весть о них.

* Король Владислав I Локеток (1260–1333) сыграл важную роль в объединении польских земель. В 1296 он подчинил себе Малую Польшу, Поморье и Великую Польшу. Подавил восстания немцев в Познани (1310) и Кракове (1311). Вел войны с Бранденбургом и Тевтонским орденом.

Следующую часть плана было не так легко выполнить. Хотя язычники застали корабль стоявшим на якоре посреди реки всего с четырьмя лучниками на борту, он был настолько велик, что литовцы не могли взобраться на борт, к тому же лучники поражали их одного за другим. Это нападение могло закончиться поражением литовцев, если бы к лучникам пришла помощь, но в критический момент литовская конница пресекла попытку вылазки из замка. Вскоре после этого нападавшие перерезали якорный канат, и корабль заскользил вниз по течению, сопровождаемый флотилией литовских лодок. Вскоре он сел на мель, и тогда язычники смогли поджечь его.



Немецкий корабль XIV века на реке

Великий магистр не стал восстанавливать корабль или строить новый. Он увидел, что пользы от него нет даже летом. А зимой он окажется скованным льдом.

Принципы войны

Летописи Ордена содержат подробные описания военных действий. Их рассказы позволяют нам понять стратегию крестоносцев. В этот период очень мало крестоносцев прибывало из Германии, их место занимали пруссы и ливонцы, сражавшиеся из любви к войне, славе и военной карьере.

Лучшим временем для набегов крестоносцев были февраль, июнь и ноябрь. В феврале замерзшие реки могли использоваться как удобный путь, июнь был теплым, к тому же еще рано было собирать урожай, а в ноябре ополчение уже было свободно от сельскохозяйственных работ, тогда как снег был еще не слишком глубок для пехоты.

Походы крестоносцев были хорошо организованы. В лесах и пустошах войско не могло прокормиться, поэтому припасы приходилось везти с собой. Часто припасы оставляли в определенном месте на предполагаемом пути возвращения, иногда с охраной, иногда закапывая, а иногда просто маскируя. Замки служили складами для припасов и местом отдыха, корабли перевозили провиант и снаряжение, когда внезапность нападения не была важна.

Рыцари знали много троп, ведущих в Самогитию. Они собирали описания путей, используемых торговцами и самими рыцарями, и давали им названия по именам людей, проходивших этими путями. Рыцари записывали число дней, нужных для похода по каждому из маршрутов, и другую полезную информацию.

Обычной практикой было разделение войска на несколько отрядов, каждый из которых разорял весь день определенную область, а на ночь подходил к условленному месту сбора, где и ставился лагерь. В нем оставляли сильный

отряд для охраны добычи и припасов, а также как резерв на случай неожиданного подхода сил противника. Так как дня обычно хватало, чтобы разорить небольшую территорию, войско переходило каждый день на новое место, следуя зигзагом и часто меняя общее направление движения, например, поворачивая иногда назад.

Делалось все для того, чтобы застать противника врасплох. Иногда вперед высылались маленькие отряды, обращавшиеся в бегство при появлении противника и старавшиеся заманить его в засаду.

Каждая кампания тщательно планировалась, и каждый год в общую тактику действий вносились новые изменения. И христиане, и язычники придерживались одной и той же тактики, потому что она была единственно возможной, — истощать силы противника, разоряя сельское хозяйство и нарушая торговлю.

Смерть короля Витеня

Витень не позволял крестоносцам безнаказанно вторгаться в Литву и Самогитию. Это был опытный и целеустремленный воин, имевший способных помощников. Одним из них был Давид Гродненский, впервые упоминаемый в летописях крестоносцев в 1314 году. Он был самым известным среди языческих воинов своего времени и занимал пост каштеляна Гродно — второй по значению крепости в стране после Вильни (куда подевался его предшественник — канцлер Витеня, мы не знаем).

Набег крестоносцев на Литву

Сцена из осады замка Кристмемель (худ. Анджей Кляйн)

Первым известным деянием Давида стало уничтожение съестных припасов, заготовленных фон Плотцке во время дерзкого сентябрьского набега на юго-восточную Литву, далеко за Вильню. Давид перебил стражу, побросал в огонь припасы и угнал 500 лошадей. Тем самым он поставил Великого командора перед трудным выбором: пытаться пробиться со своими голодными воинами через расположение противника, явно находившегося где-то поблизости или уйти кружным

путем. Фон Плотцке выбрал второе – 500-мильный путь в обход. Этот поход был ужасен – крестоносцы ели лошадей, павших от голода, искали съедобные корневища. Многие из них погибли по пути домой, а те, кто вернулся, были настолько истощены, что надолго вышли из строя. Без единой битвы Давид Гродненский почти уничтожил целое войско врагов. (...)

Как известно, Неман и его притоки вели в глубь литовских земель. Поэтому тевтонцы строили мощные замки вдоль Немана – сначала Рагнит, вблизи широкого устья, потом выше по течению – Кристмемель и Велюна. (...) В начале августа 1315 года самогиты незаметно пробрались к Рагниту и влезли на стены прежде, чем поднялась тревога.

Гарнизон укрылся в донжоне – хорошо укрепленной башне, демонстрировавшей техническое превосходство крестоносцев. Донжон был достаточно высоким (чтобы служить смотровой вышкой) и мог выдержать любое нападение. Башня стояла на каменном основании толщиной 6 метров и имела всего один вход – высоко над землей, к которому вела узкая лестница. Изнутри вход закрывала крепкая решетка. Любую попытку осаждающих приблизиться к донжону

Похороны литовского князя по языческому обычаю (на заднем плане виден пленный рыцарь, предназначенный к принесению в жертву путем сожжения заживо)

встречал град камней с высоты 20 метров и ливень арбалетных болтов. Даже раненые и истощенные люди могли успешно защищать донжон в течение нескольких дней. К тому же с башни было удобно вести обстрел всей внутренней площадки замка. Язычники не пытались штурмовать ее. Они сожгли уже созревшие посевы вокруг замка и ушли.

А через 6 недель, в сентябре, под стенами Кристмемеля появился сам Витень. Он привел многочисленных лучников и по его приказу построили две катапульты. Войско начало рубить деревья и стаскивать их на сухие места, откуда было легко свалить их в крепостной ров. План Витеня состоял в том, чтобы навалить вокруг замка побольше дров и зажечь возле стен такие костры, от которых треснут каменные стены, а гарнизон задохнется в дыму.

Как только Великий магистр узнал об осаде Кристмемеля, он стал собирать войско. Он не мог выступить до тех пор, пока не соберется ополчение, а пока послал на кораблях 10 рыцарей и 150 простых воинов. Витень, предусмотревший такое развитие событий, не дал им пройти к замку. Все, что могли сделать крестоносцы, так это издалека осыпать осаждающих стрелами, в надежде замедлить их работу.

На 17-й день осады пришли сведения о приближении орденского войска. Витень еще не был готов к решительному штурму, но шанс взять Кристмемель все же оставался. Он приказал заполнить ров бревнами, соломой и бочками со смолой, а потом поджечь все это. Тысячи литовцев ринулись к замку, подтаскивая дрова. Литовские лучники непрерывно обстреливали стены, пытаясь согнать оттуда защитников замка, или, по крайней мере, затруднить им стрельбу по пехоте. Но гарнизон надежно укрывался за зубцами стен и непрерывно стрелял из арбалетов. Потери среди литовцев были столь велики, что Витень отдал приказ прекратить атаку, сжег катапульты и ушел восвояси.

Это был последний раз, когда крестоносцы слышали о нем. Никто не знает, что с ним случилось. Есть легенда, что он погиб от удара молнии, но она, скорее всего, появилась в результате неправильного перевода текста.

О генеалогии правителей Литвы известно так мало, что веками историки считали Гедимина сыном Витеня, тогда как они, очевидно, были братьями. Существует версия, согласно которой Гедимин убил своего старшего брата. Но, возможно, это всего лишь более поздняя попытка запятнать репутацию Гедимина.

Или же Витень погиб при осаде Кристмемеля? Если это так, то тевтонские рыцари ничего об этом не знали и потому не упомянули этот факт в своих летописях, что они точно бы сделали в противном случае. Ибо Витень был великим человеком, подлинным национальным героем древней Литвы..

Примечание: События, описанные в материале В. Урбана, отражены в главах 306–324 «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга. Это примерно 9 страниц книжного текста. (*Ред.*)

Забытое княжество Городецкое

М.В. Шелехов, краевед

Княжеские могилы

Всё началось с пожара. 6 мая 1936 года, в день святого Юрия, в первой половине дня, когда большинство взрослых были на богослужении в древней Юрьевской церкви, в восточной части Давыд-Городка вспыхнул пожар*. Внезапно поднявшийся ветер буквально за несколько минут разнес огонь на весь квартал. Прибежавшие люди из-за ужасного жара почти не могли бороться со стихией, в результате чего сгорела едва ли не треть города.

С этой же стороны, на правом берегу Горыни, находится Замковая гора, на которой располагалась деревянная Воскресенская церковь. В тот день она не работала. Под воздействием сильного ветра пожар перебросился сюда, и церковь сгорела.

По инициативе общественности было решено построить на горе новую, только уже каменную церковь. Начали копать котлован под фундамент и никак не могли докопаться до грунта – культурный слой оказался толщиной около пяти метров. При копании все время встречались колья, доски, бревна, настилы, которые распиливали и выбрасывали. Докопались до помоста из толстых дубовых досок, его разобрали, и под ним оказался подвал: в ряд стояли 13 гробов. И здесь местный священник Беляев сделал непростительную ошибку. По его распоряжению гробы были разбиты, а останки покойников зарыты в другом месте. Находились ли в гробах какие-то вещи – осталось неизвестно.

Получив сообщения об этом, из Вильни в Давыд-Городок приехал известный ученый-краевед, председатель Беларуского научного товарищества Антон Иванович Луцкевич (1884–1946).

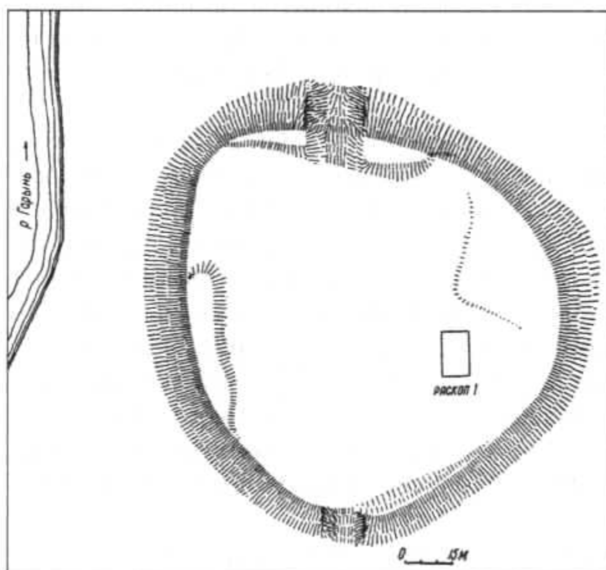
Вот выдержки из его протокола, часть которого была помещена в виленском литературно-научном журнале «Калоссе» (1937 год, № 2) в статье «Княжеские могилы в Давыд-Городке»:

> «Так называемая Замковая гора в Давыд-Городке предоставляет округлую возвышенность, более высокие склоны которой обращены к Горыни. Верх горы обведен земляным валом. В южной части вала – выемка: въезд... Вокруг в раскопе в разных местах остатки деревянного замка. В северной части городища, на глубине 4 – 5 метров под деревянным помостом, открыли подвал, в котором правильными рядами, с отступом около полуметра, стояли дубовые гробы – числом 13. При нас были открыты в раскопе еще два таких же гроба.
>
> Гробы предоставляют очень интересный и редко встречающийся тип. Это ящики из дубовых досок, длиной 2,30 метра. В концах днища и крышки сделаны пазы, в

Из книги «Памяць. Столінскі раён», с. 49–55. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

* Давыд-Городок находится в Столинском районе Брестской области, на реке Горынь, в 15 км от впадения ее в Припять. Сейчас в нем около 8 тысяч жителей.

Остатки холма, на котором стоял древний замок



План древнего замчища в Давыд-городке

какие установлены концевые и боковые стенки без наклона ко дну и крышке. Нигде нет гвоздей и вообще следов железа. Доски грубые, вырублены топором, признаков использования пилы нет.

В гробах были кости, но во время переноса все они перемешались. Никаких вещей при них не было найдено, кроме туфель из лосиной кожи (две пары их привезены в Беларуский музей)... Под черепами везде следы густых волос».

После изучения места находок и их самих Луцкевич пришел к выводу, что землекопы дошли до остатков замка и места захоронения его владельцев – здешних князей. Это место он так и назвал – Княжеские могилы.

Черепки посуды, найденные Луцкевичем в раскопе, были посланы на экспертизу известному специалисту по славянской керамике профессору Пастернаку во Львов. Ученый пришел к выводу, что черепки из нижних слоев относятся к XII веку, из верхних – к XVII–XVIII вв.

Открытие княжеских могил в Давыд-Городке стало сенсацией и обошло всю польскую печать. В то время в Люблине находилось учреждение по охране памятников польской древности. По его просьбе в Давыд-Городок была направлена исследовательская экспедиция, которую возглавил известный ученый – доктор философии и истории Роман Иванович Якимович (1889–1951). Раскопки Замковой горы он вел два летних сезона в 1937–1938 годах.

По сути, был раскопан средневековый населенный пункт городского типа, самый древний слой которого относился к XII веку.

Главная улица была выложена колотыми дубовыми плашками, которые держались на своеобразном деревянном каркасе из многочисленных лаг, положенных под настилом вдоль и поперек. Другие улицы были узкими, шириной 1,5 – 2 м; они не имели сплошного покрытия, а только с одной стороны были свое-

образные тротуары – отесанные длинные бревна. Вдоль улочек, почти впритык друг к другу, стояли жилые дома.

Было раскопано 12 таких строений. Каждое из них представляло собой однокомнатный квадрат 4 × 4 м и строилось из очень прочной сосны. С внешней стороны они обмазывались животным навозом, смешанным с корой. В лачуги вели двери шириной в полметра, в них были деревянные полы и глинобитные печи. К лачугам примыкали плетенные из лозы строения, являвшиеся хлевами для домашней скотины.

При раскопках было найдено значительное количество хозяйственных инструментов и предметов домашнего обихода, главным образом деревянных и костяных. Это клепки и днища деревянной посуды, вытесанные топором, двусторонние гребни, ложки, лучина для освещения. Из кости рога найдены шила, иглы для плетения рыбацких сетей, плитки художественного изготовления. Из металлических предметов – ножны, наконечники копий, шило из рога с бронзовой ручкой, бронзовый колокольчик. На центральной улице найдено много остатков стеклянных браслетов разного цвета восточного происхождения. В кучах-свалках много костей, среди которых кости диких животных.

И все-таки самое интересное – это княжеские могилы, как назвал их А. Луцкевич. Несколько удалось найти и Р. Якимовичу. Он открыл остатки двухкамерной небольшой церкви с остатками деревянного креста рядом со звонницей, под которой были предыдущие постройки. Под церковью снова был открыт подвал, где находились 10 деревянных саркофагов, как их назвал ученый: сделанные из красных дубовых досок, свыше двух метров длиной, весьма совершенно обработанные топором. Соединение отдельных частей – исключительно плотное, с применением пазовых запусков, без единого гвоздя. В саркофагах лежали останки взрослых мужчин и женщин, детей. У них были густые светлые волосы.

В гробах никаких ценностей не нашлось. Сохранились только остатки одежды из полотна, фрагменты обуви из мягкой кожи, женского капюшона, куски очень тонкой ткани, а также кружева с тесьмой голубого шелка.

По результатам своего исследования доктор Роман Якимович издал интересную работу «Давыд-Городок», которая вышла в 1939 году в Пинске. Он первым высказал мысль, что основателем Давыд-Городка явился один из Рюриковичей, князь Давыд Игоревич (1057–1112), внук Ярослава (Мудрого), и что Княжеские могилы – это семейные склепы похороненных потомков владельцев этого замка.

Материалы исследований и экспонаты А. Луцкевич передал Беларускому музею в Вильне, а Р. Якимович – Археологическому музею в Варшаве.

Последние раскопки Замковой горы производила в 1967 году, через 30 лет, археологическая экспедиция Института истории Академии наук БССР под руководством Петра Федоровича Лысенко (1931 г.р.; доктор исторических наук, профессор).

На восточной части Замковой горы сделали раскоп, в котором открыли культурный слой, имевший толщину свыше четырех метров. В свою очередь он делится на пять стратографических слоев, каждый из которых относится к соответствующему периоду, охватывающему одно – два столетия. Здесь тоже были

открыты остатки строений, которые воздвигались ярусами – друг на друге – по мере разрушения предыдущих. Жилые и хозяйственные помещения относятся к единому типу, который был также в Турове и Пинске. В Древней Руси жилище традиционно строили углами по направлениям стран света. С учетом этого, улицы здесь имели ориентацию северо-запад – юго-восток.

Раскопки дали интересный материал о довольно высоком уровне ремесленничества в XII–XIII вв.: найдены топор, клещи слесарного типа, пружинные ножницы, пробойник, долото, бондарная пилка, ложкарь, веретена, иглы, сапожные колодки и прочее, а также деревянные и костяные заготовки. Еще были найдены гребни, подвески, перстни, браслет, что говорит об использовании украшений.

П. Лысенко подтвердил выводы Р. Якимовича, что время основания Давыд-Городка – начало XII века, и связано с князем Давыдом Игоревичем. Свои выводы ученый изложил во многих публикациях, а также в научных работах «Города Туровской земли» (1974) и «Туровская земля» (1990).

Археологическими раскопками была охвачена незначительная площадь Замковой горы. Впереди исследователей еще ждет множество открытий.

Князь Давыд

Наивысшего экономического, политического и культурного расцвета Древняя Русь достигла в период княжения Ярослава Владимировича (1019–1054), которого Н.М. Карамзин в своей «Истории Российской» назвал «Мудрым». Его стольный град Киев был одним из крупнейших экономических и культурных центров Европы того времени. Великий князь породнился со многими королевскими дворами, в частности, его дочь Анна была в 1049–60 гг. женой французского короля Генриха I, а ее сын стал королем Филиппом I. Однако еще при жизни Ярослава возникли причины, которые привели к распаду этого крупного государства. Одна из них – поставление Ярославом своих сыновей на княжение в наиболее крупные города Руси. По завещанию Ярослава в 1054 году его старший сын Изяслав остался в Киеве великим князем, Владимир получил Новгород, Вячеслав – Смоленск, Всеволод – Переяслав, Игорь – Владимир Волынский, Святослав – Чернигов. Так начался период феодальной раздробленности, когда в отношениях между князьями действовал принцип, что великий князь – только первый среди равных.

Игорь Ярославич княжил на Волыни до 1057 года, а после смерти младшего брата Вячеслава по решению своих братьев был переведен на его место в Смоленск, где через три года тоже умер. После его смерти Смоленское княжество было разделено между тремя Ярославичами.

Сын Игоря Ярославича Давыд не получил никакого наследства от своих дядей. Он одним из первых на Руси стал князем-изгоем (князем без княжества). Такие изгои в то время искали себе владения на стороне, которые добывали силой оружия. По мнению российского историка XVIII века Василия Татищева (1686–1750), Давыд некоторое время находился в Турове, но вскоре был заменен двоюродным братом Ярополком Изяславичем.

Тогда он отправился на Таманский полуостров, где находилось княжество с центром в городе Тмутаракань (ныне г. Тамань Краснодарского края) – в устье Кубани. Княживший здесь Олег Святославич, двоюродный брат Давыда, в 1079 году попал в плен к хазарам, а они отослали его в Византию, с которой находились в союзных отношениях. В 1080 или в начале 1081 года Давыд занял Тмутаракань, и княжил здесь, ведя непрерывную борьбу с соседними племенами. Но в конце 1083 года вернувшийся из плена Олег Святославич отобрал у него свою Тмутаракань.

Давыд уехал восвояси и начал борьбу за княжеский стол на Волыни, который он считал своей вотчиной, дарованной Ярославом (Мудрым) его отцу. В 1084 году ему удалось захватить Владимир-Волынский у Ярополка Изяславича, однако последний сумел вернуть его с помощью великого князя Всеволода Ярославича.

После этой неудачи, не имея никакой поддержки от родственников, Давыд с дружиной спустился в устье Днепра и захватил город Алёшки (ныне Цюрупинск Херсонской области), служивший торговой факторией на пути из Константинополя в Киев. Давыд сам стал собирать с греческих купцов налоги (говоря теперешним языком, занялся рэкетом). Это резко сократило доходы Киева и вызвало неудовольствие императора Византии. Великий князь Всеволод Ярославич (правил в 1078–1093 гг.) вызвал Давыда в Киев и, чтобы как-то утихомирить его, дал ему во владение город Дорогобуж на Волыни.

Недовольный этим решением волынский князь Ярополк начал борьбу с великим князем, был разбит и бежал в Польшу. С согласия Всеволода Давыд занял Владимир, но Ярополк с помощью поляков изгнал Давыда. Однако вскоре Ярополк был убит, и Давыд опять завоевал Владимир-Волынский.

Памятник князю Давыду

Междоусобная борьба на Руси продолжалась. Первый съезд русских князей в Любече в 1097 году подтвердил права потомков Ярослава (Мудрого) на их вотчины и с целованием креста объявил о всеобщем примирении. Да не так-то оно было. Не успели князья разъехаться по своим вотчинам, как клятву уже нарушили. Давыд смог убедить великого князя киевского Святополка Изяславича (занимал престол в 1093–1113 гг.), что Василько Ростиславич, князь Теребовля, готовит заговор против великого князя, и с его согласия ослепил Василько.

Опять вспыхнула борьба. Претендентами на волынский стол выступили князья Ростиславичи, братья и родственники Василько.

Давыд искал себе союзников и на востоке, и на западе. Он дважды был в Польше, заключал союз с половецким ханом и своим далеко не рыцарским поведением нажил себе множество врагов. Так продолжалось три года.

Наконец, летом 1100 года в селе Витичеве под Киевом состоялся второй съезд князей, по сути, представлявший собой семейный суд. Ведущую роль на нем сыграли великий князь Святополк Изяславич и князь переяславский Владимир (Мономах). Их подсудимым был Давыд Игоревич. Все они являлись двоюродными братьями. Действия Давыда признали вероломными и жестокими, а потому его навсегда лишили права на Волынское княжество.

Вот в это время и основал князь Давыд свой Городок (так первые три столетия назывался Давыд-Городок). Он заложил его на месте прежнего городища при слиянии рек Горыни и Неправды (или Неволи), к настоящему времени пересохшей. На холме он построил жилые дома и церковь, которые окружил мощным земляным валом с бревенчатым палисадом на нем и глубоким рвом (шириной 15 м внизу и 10 м наверху) с внешней стороны периметра.

После раскопок доктор Роман Якимович писал:

> «...Князь Давыд Игоревич, получив под свою власть земли вдоль Горыни, вынужден был оценить все значение владения водным путем, который представляют Припять и Горынь, впадающая в нее в одиннадцати верстах от Давыд-Городка.
>
> Горынь и Припять – это были водные пути, которые с Волыни, Галиции, западнобеларуских земель, начиная от Берестья, Новогородка, с края ляшского вели к Днепру – на международный торговый путь «из варягов в греки», которым можно было доплыть от Балтийского моря до Черного, и наоборот. В то время, когда Давыд Игоревич получил Погорынское княжество, главным городом в нем был Дорогобуж, но он стоял на среднем течении Горыни – далеко от Припяти. Поэтому надо считать вполне естественным, что этот очень живой и предусмотрительный князь надумал перенести столицу своего удела к месту впадения Горыни в Припять. Это давало ему возможность контролировать Припять и иметь с этого большие материальные выгоды».

Десять лет после съезда князей в летописях не встречается имя Давыда. Видимо, витичевское решение исполнялось твердо, и он находился среди своих князей-родичей в фактической изоляции.

В ответ на грабительские набеги половцев на восточные русские земли князь Владимир (Мономах) организовал против них в 1111 году поход на Дон, в результате которого степные кочевники потерпели сильное поражение. В этом походе принял участие и Давыд Игоревич, как писал в своей «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин. Умер князь Давыд в Дорогобуже в возрасте около 55 лет.

О его смерти в «Повести временных лет» сказано:

> «В год 6620 (1112)... скончался Давыд Игоревич месяца мая 25 и погребено тело его 29 в церкви святой Богородицы Влахерны на Клове».

Кловом назывался ручей около Киево-Печерского монастыря. Возможно, что в последние годы жизни князь проявлял набожность, так как его похоронили в довольно престижном месте того времени.

Дополнение редактора

Известны и другие версии основания Давыд-городка. Одна из них такова:

«Быть может, в названии местечка сохранилась память о том волынском князьке Давыде Игоревиче, который ослепил Василька, князя Теребовльского, но вероятнее, судя по местным преданиям, что Давыд-Городок несравненно древнее и был построен туровским князем, принявшим крещение под именем Давыда»*.

По этой версии основателем Давыд-городка был князь одного из ятвяжских племен. Ей противоречит другая:

«Давыдгородцы – выселенцы киевские, которые в качестве ратной дружины ходили воевать в Туровском княжестве вместе со своим князем Давыдом из племени киевского удела: какой это был князь, не определено в привилегиях, но то достоверно, что он со своею дружиной после разных воинских неудач променял меч на спокойную жизнь и основал городок неподалеку от Турова; может быть, судьба его была тесно связана с Туровским княжеством, по крайней мере, между его дружиною – нынешними давыдгородцами и туровцами существует самая тесная дружеская связь»**.

Упомянутый выше беларуский археолог П.Ф. Лысенко отметил:

«Расходясь в мнениях о происхождении легендарного князя Давыда (киевский или ятвяжский), предания единодушно и неразрывно связывают возникновение Давид-городка с городом Туровом. Основателем Давид-городка в них выступает или сам туровский князь, или же князь, ему подчиненный, от него зависящий. По-видимому, в преданиях нашли свое отражение близость и неразрывность исторических судеб Турова и Давид-городка»***.

Заметим попутно, что расстояние от Давыд-городка до Турова по прямой линии составляет примерно 38 км.

Вот что писал об этом городе известный беларуский историк Михаил Ткачёв:

«Из-за особенных, чисто полесских условий своего су-

Старинное здание в Давыд-городке

* Семенов П.П. Россия: Полное географическое описание нашего отечества. Том IX. СПб., 1905, с. 559.

** Шпилевский П.М. Мозырщина.

*** Лысенко П.Ф. Города Туровской земли. Минск, 1974, с. 118.

ществования, укрытый среди пущ и болот Давыд-городок даже в периоды своего наибольшего расцвета как феодального владения не имел городской линии укреплений. Она полностью основывалась на мощи замка, получившего в наследство от древнего детинца его природные и искусственные оборонные качества, значительно усовершенствованные в средние века.

Замковая гора возвышалась на 5 метров над июньским урезом воды в Горыни и имела площадку округлой формы диаметром 100–110 м. Вся она была окружена мощным земляным валом, насыпанным из речного песка. Внутри насыпи находились ступенчатые деревянные конструкции. Это поддерживало определенную заданную крутизну склонов вала, особенно внешнего... Сохранившиеся остатки бывшего вала достигают высоты около 2-х и ширины в основании до 10 метров»*.

Княжество Городенское или Городецкое

После смерти Давыда Игоревича его удел был передан сыну великого князя Ярополку Святополчичу. Единственный сын Давыда Всеволод упоминается впервые под 1127 годом среди участников похода великого князя Мстислава Владимировича на Полоцк. В летописи он называется князем Городенским. В современной исторической науке закрепилась гипотеза, что это первое упоминание Гродно (Гародни, Городеня) и его князя.

Но есть и другое мнение. Крупные русские ученые прошлого Василий Татищев, Константин Неволин (1806–1855), Петр Семенов-Тян-Шанский (1827–1914) считали, что Городень надо искать на юге Беларуси между притоками Припяти – реками Горынь и Стырь. Той же мысли придерживался известный беларуский историк Митрофан Довнар-Запольский (1867–1934).

Известный современный историк Николай Ермалович, автор основательного исследования «Древняя Беларусь: Полоцкий и Новогородский период» (1990 г.), посвятил в своей книге этому вопросу специальный раздел «Две загадки». Подробно проанализировав все источники, он отверг утверждение о том, что Всеволод Давыдович и его сыновья княжили в Гродно:

«...скорее всего под ним надо понимать другое княжество рядом с Туровом и Пинском, возможно, ближе к последнему... Городеней, как и Городных, в то время было немало, и потому к их географической локализации надо подходить очень осторожно, учитывая все другие данные».

Рассматривая эту версию историка и изучив карту Погорынья, мы нашли на Столинщине в указанном месте между Туровом и Пинском деревню Городная, которая в документах впервые упоминается в середине XV века. Эта деревня находилась в труднодоступной болотистой местности, далеко от речных путей сообщения, бывших главными в то время. Основного признака тогдашнего города – замка – здесь нет.

Совсем другое дело Давыд-Городок.

Женой Всеволода была Агафья, дочь великого князя Владимира (Мономаха). У них было трое сыновей и две дочери. Последних выдали замуж за удельных князей Владимира Давыдовича и Юрия Ярославича. Сыновья Всеволода и

* Ткачоў М. Замкі і людзі. Мн., 1991, с. 42.

Агафьи Борис, Глеб и Мстислав упоминаются в летописях главным образом в событиях междоусобной княжеской борьбы.

В 1144 году Борис и Глеб участвовали в походе великого князя Всеволода Ольговича на Галич. В 1151 году Борис Всеволодович участвовал под началом великого князя Изяслава Мстиславича в осаде и захвате Киева у суздальского князя Юрия (Долгорукого). Полк Бориса преследовал отступавшего Юрия до Белгорода. Больше имя Бориса в летописях не упоминается.

Князь Глеб Всеволодович в 1167 и 1170 году помогал Мстиславу Всеславичу в его борьбе за киевский стол, а в 1173 году оба брата, Глеб и Мстислав Всеволодовичи, вместе с туровским и пинским князьями опять воевали за Киев, теперь уже помогая владимиро-суздальскому князю Андрею Боголюбскому.

Вид на Давыд-городок с Горыни

Последнее упоминание третьего сына Всеволода, Мстислава, относится к 1184 году. Из всех детей Всеволодовичей сохранилось в летописях только имя Юрия.

Панорама Давыд-городка

О следующих полутора столетиях никаких документальных сведений нет, хотя княжество Городецкое (или Городенское) существовало, и правили им князья, потомки Давыда Игоревича, о чем убедительно свидетельствуют княжеские могилы, о которых сказано выше.

В XIV веке все удельные княжества, в основном мирным путем, великие князья литовские Гедимин и его сын Ольгерд объединили в единое государство. Это государство стало официально называться Великим княжеством Литовским и Русским. Однако русские удельные княжества, пользуясь наследственной автономией, существовали еще довольно долго.

В 1895 году в Варшаве вышло единственное в своем роде исследование польского историка Юзефа Вольфа «Князья литовско-русские с конца XIV ст.»*. В этой работе в алфавитном порядке перечислены все известные в истории княжеские роды. При этом перечисляются все известные представители княжеских семей, их родственные и имущественные отношения, должности, участие в государственно-политических событиях.

* Эта ценная работа напечатана в переводе на беларуский язык в журнале «Спадчына», №№ 4–6 за 1992, №№ 1–6 за 1993, №№ 2 и 5 за 1994 год. – *Прим. ред.*

Княжеский титул известен на Руси с IX века. Но только потомки легендарного князя Рюрика, прозванные Рюриковичами, имели право на владение наследными уделами. С XIV века в Великом Литовско-Русском княжестве появилась другая ветвь князей – Гедиминовичи, потомки великого князя Гедимина.

А князья городецкие, потомки Давыда Игоревича, были Рюриковичами.

В составе ВКЛ

Со второй половины XIII века в истории Беларуси начался новый этап, который связан с объединением ее земель в Великом княжестве Литовском. Именно в рамках этого государственного образования постепенно сформировался беларуский народ со своим языком, культурой и этническим самосознанием.

Под 1235 годом летопись впервые упоминает «Литву Миндовга». Уже к 1240 году под властью Миндовга оказалось большинство земель беларуского Понеманья. В 1253 году Миндовг короновался и принял титул короля в своей резиденции в Новогородке. Созданное им государство стало ядром ВКЛ.

Объединение западнобеларуских земель князьями «летописной Литвы» происходило мирно. Это объяснялось в первую очередь политическими причинами. Создание нового государства диктовала необходимость противостояния внешней опасности, исходившей с запада от немецких рыцарских орденов и с востока от татаро-монгольской Золотой Орды.

Турово-Пинское княжество вошло в состав ВКЛ при Гедимине (княжил в 1316–1341 гг.). Впрочем, тогда уже не существовало этого княжества в цельном виде. В XIII веке шел процесс дробления его на уделы, которыми владели местные династии. Столинщина тогда входила в три удельных княжества. Ее восточная часть – в Городецкое, западная – в Дубровицкое, северная – в Пинское княжество.

Пинское княжество, по отрывочным сведениям, вначале принадлежало сыну Гедимина – Наримонту (ок. 1294–1348). Городецкое и Дубровицкое княжества, видимо, сохранили местных князей, ставших вассалами Гедимина и его потомков.

Южные княжества сначала пользовались автономией: проводили самостоятельную налоговую политику, имели свой суд и аппарат чиновников, даже свое войско. Но такая автономия сохранялась только на первом этапе существования ВКЛ. В дальнейшем были упразднены сами носители автономии – удельные княжества, и заменены воеводствами.

Первые документальные записи о Городецком княжестве относятся ко второй половине XIV века. В «Волынской краткой летописи» под 1383 годом упомянут городецкий князь Давыд Дмитриевич, видимо, потомок основателя Давыд-Городка Давыда Игоревича. Женой князя Давыда Дмитриевича была Мария, дочь великого князя Ольгерда. Митка, сын Давыда и Марии, стал князем городецким после смерти отца.

15 июля 1410 года под Грюнвальдом объединенные польско-литовские войска разгромили немецких крестоносцев. Известно, что в составе пинской дружины

участие в этой великой битве принял и городецкий князь Митка со своими воинами.

Вторая половина XIV века отмечена в ВКЛ борьбой против идеи заключения унии с Польшей, в которой беларуские православные феодалы не без оснований видели опасность для своего привилегированного положения. Вместе с волынским, галицким, туровским и пинским князьями Митка участвовал в боевых действиях против фанатика католицизма, короля Польши и великого князя Литвы Жигимонта Кейстутовича (правил в 1432–1440 гг.), поддерживая сторонника православия Свидригайло. Однако в этой борьбе победила католическая партия. В битве под Вилькомиром Свидригайло потерпел поражение и бежал на Волынь. Очевидно, с ним был и Митка, поскольку последние сообщения свидетельствуют, что он был выдан Жигимонту и убит.

О дальнейшей истории края можно узнать из исследования польского автора Романа Горошкевича «Столинский повет: Исторические заметки». Эту небольшую (30 страниц) брошюру издал в Бресте в 1930 году на польском языке Институт распространения практических сельскохозяйственных знаний. В течение XX века она оставалась, пожалуй, единственной работой, специально посвященной истории Столинщины. Здесь много внимания уделено, в частности, хозяевам края начиная с XV–XVI вв.

Кто же они были, эти хозяева?

Со смертью Митки династия князей городецких, потомков Ярослава (Мудрого), перестала существовать.

После убийства Жигимонта Кейстутовича в 1440 году новый великий князь и король Казимир IV проявил сострадание к разбитому Свидригайло, нашедшему приют на Волыни, и дал ему во владение размещенный недалеко от Волыни Городок Давыдов. После смерти Свидригайло в 1452 году Городком до 1486 года владела его вдова Анна из рода князей Тверских.

Когда Анна умерла, удел перешел на короткое время в собственность упомянутого выше польского короля и великого князя литовского Казимира IV Ягеллона (был великим князем Литвы в 1440–1492 гг.), а затем к роду русских князей Ярославичей.

Ярославичи оказались на территории ВКЛ потому, что из Московии бежала вместе с сыном Иваном жена князя Василия Ярославича, спасавшаяся от преследований со стороны великого князя московского Василия III. Княгиня вынуждена была искать защиты у своих могучих родичей. В 1486 году король и великий князь Казимир IV даровал Городок Давыдов во владение ее сыну, князю Ивану Ярославичу – вдобавок к Клецку и Рогачеву. Таким образом, владельцами Городецкого княжества на некоторое время снова стали Рюриковичи.

Тогда же Казимир IV отдал Пинск вдове слуцкого князя Семена Олелько – Марии. Ее дочь, княжна Елена Слуцкая (Р. Горошкевич ошибочно называл ее Александрой. – *Авт.*), в 1501 году вступила в брак с единственным сыном городецкого князя Ивана Васильевича (из рода Ярославичей) – Федором, который после женитьбы стал княжить в Пинске.

После смерти в 1508 или 1509 году отца Федора – князя Ивана Васильевича – Городецкое княжество было включено в состав Пинского. Этим завершилась его 400-летняя история.

Литовско-московская граница в 1368 г.

***Виктор Тёмушев**, кандидат исторических наук*

В 1368 г. произошел первый серьезный конфликт между Великими княжествами Литовским (ВКЛ) и Московским (ВКМ). Раньше литовско-московские интересы уже пересекались в смоленских землях (с 1335 г. шла борьба за Ржеву [1], а в 1341 г. Ольгерд совершил неудачный поход на Можайск [2]), но до полномасштабной войны дело не доходило, видимо потому, что еще отсутствовала общая граница между двумя государствами [3].

Активная внешняя политика московского великого князя Дмитрия Ивановича (правил в 1359–1389 гг.) вызвала недовольство ряда княжеств Северо-Восточной Руси расширением власти Москвы и, соответственно, потерей своей самостоятельности. По словам тверского летописца, москвичи «князи Русьскыи начата приводити въ свою волю, а который почалъ не повиноватися ихъ воле, на тыхъ почали посягати злобою» [4].

Московский великий князь проявлял значительный интерес и к Великому княжеству Тверскому, которое в середине XIV века переживало очередной этап княжеских усобиц. Казалось бы, они должны были утихнуть после смерти одного из претендентов на власть в Твери князя Василия Михайловича Кашинского (24 июля 1368 г.) и занятия тверского престола князем Михаилом Александровичем, однако такой ход событий не удовлетворил Москву. Летом 1368 г. «князь велики Дмитреи Иванових[ь] събравъ воя многы и посылалъ рать на князя великаго Михаила Александровича Тферьскаго, князь же Михаило бежа въ Литву къ князю Олгерду, зятю своему, и тамо многы оукоры изнесе и жалобы изложи, прося помощи собе и оборони, дабы сътворилъ месть его въскоре, паче же вабячи и завучи его ити ратию къ Москве» [5].

Ольгерд, чья жена Ульяна была сестрой тверского князя Михаила [6], быстро и решительно отреагировал на просьбы родственника. Уже осенью он собрал большое войско, в котором находились, кроме самого Ольгерда, его брат Кейстут, сын Кейстута Витовт («тогда бо еще младъ и неславенъ»), сыновья Ольгерда, много литовских князей, а также рати великого князя тверского и из Смоленска [7].

Маршрут Ольгердового войска к границам ВКМ остался неизвестным, что летописец объяснял особой привычкой великого князя литовского. Он потому «и превзыде княжешемъ и богатьствомъ паче многихъ», что никто не знал ни его планов, ни зачем собиралось многочисленное войско, ни куда оно шло, все

Из журнала «Беларускі гістарычны агляд», том 13, сшытак 2, с. 135–174. Перевод и редакция А.Е. Тараса. Печатается с сокращениями. В частности, оставлены номера ссылок на источники, но сами источники не указаны, т.к. их слишком много — 171.

это он делал «в режиме максимальной секретности», и в результате «многи земли поималъ и многи гряды и страны попленилъ» [8].

Московские власти не сумели быстро собрать силы, потерпели поражение от великого князя литовского и пережили осаду Москвы. Ольгерд почти беспрепятственно прошел по владениям ВКМ до самого его центра и вернулся в свои пределы с большим числом пленных и богатой добычей. «Преже сего таково зло не бывало Москве отъ Литвы» [9], – резюмировал летописец. В тверской летописи в повествовании о литовском походе 1368 г. мы видим удовлетворение: Ольгерд «отъиде въ своаси, учинивъ лихо за лихо» [10]...

О продвижении литовско-смоленско-тверского войска на московскую территорию великий князь Дмитрий Иванович узнал только тогда, когда оно начало воевать «порубежныя места» [11].

Сбор войск – дело медленное, и пока по всему княжеству бежали гонцы с грамотами с приказом «съвокупляти воя», навстречу Ольгерду вышли те, кто находился в Москве («обретошас[я] тогда въ граде») [12]. Под воеводством Дмитрия Минина (от великого князя) и Акинфа Федоровича Шубы (от московского удельного князя Владимира Андреевича Серпуховского) в поход вышли московская, коломенская и дмитровская рати.

В это время Ольгерд достиг волости Холхла [13], где убил «на встрече» князя Семена Дмитриевича Стародубского-Крапиву, а потом в Оболенске казнил князя Константина Юрьевича. И вот от реки Протва (на ней находился центр Оболенского княжества) войско Ольгерда перешло к реке Тросне (вариант – Тростне) [14], где встретилось с московской заставой. В результате боя Ольгерд «ту изби сторожевыи плъкъ князя великаго, заставу Московьскую и князи и воеводы и бояры своя поби. Се же сдеяся тогды въ осенине въ Филипово говение, месяца ноября въ 21 день, на Введение святые Богородица во вторникъ» [15].

Далее Ольгерд двинулся к Москве, где в осаде уже сидели великий князь московский, его двоюродный брат Владимир Андреевич, митрополит Алексий, множество бояр и простых людей. Москва была подготовлена к обороне: заранее сожжен посад, а новые каменные стены города, построенные за год до появления Ольгерда [16], гарантировали относительную безопасность. Три дня стоял Ольгерд возле Москвы, штурмовать ее не стал и вернулся назад.

Тем не менее, результаты поход принес. Великий князь тверской Михаил Александрович снова занял свой престол, Дмитрий Московский отказался в его пользу от части тверской территории (от удела умершего князя Семена Константиновича с центром в Городце), которую удерживала за собой Москва с зимы 1368 г. [17]. Пленного тверского удельного князя Еремея Константиновича отпустили в Тверь. Кроме того, Ольгерд вернул Ржевскую землю, которая перед этим в том же 1368 году в очередной раз была захвачена Москвой [18].

Вот так закончилась «первая литовщина» [19], событие, которое неоднократно рассматривалось в специальных исследованиях и научно-популярных книгах, нашло отражение на исторических картах. Однако ряд обстоятельств похода Ольгерда на Москву в 1368 г. все еще не выяснены. Не определены:

1) маршрут движения войск Ольгерда;

2) места боевых действий;

3) где находилась река Тросна, возле которой произошла битва.

Отдельную проблему составляет локализация линии московской границы, от которой Ольгерд воевал московские «порубежные места». Данная статья посвящена поиску ответов на эти вопросы.

* * *

Прежде всего автор хочет дать общее представление о геополитической ситуации в регионе, разделявшем территории ВКЛ и ВКМ, а затем определить литовско-московское пограничье в 1368 году.

Территории ВКЛ и ВКМ в то время разделяли массивы земель, ранее принадлежавших Смоленскому, Черниговскому и Рязанскому княжествам. В XIV веке Смоленское и Черниговское (Брянское) княжества были раздроблены на ряд уделов [20]. Эти уделы постепенно прибирали к рукам более сильные соседи. В 1303 г. Москва присоединила Можайский удел Смоленского княжества [21]. Большая часть Торопецкого княжества около 1320 г. отошла к ВКЛ [22]. Черниговское княжество еще до середины XIV века тоже стало склоняться под литовскую власть [23, 24]. От него в это время окончательно отделились Карачевское, Новосильское и Таруское княжества на верхней Оке [25]. Но столь маленькие государства не могли долго сохранять свою самостоятельность.

В середине XIV века территориальные интересы ВКЛ и ВКМ пересеклись в верховьях Волги, в Ржевской земле. Ржева была частью бывшего Торопецкого княжества и даже столицей уменьшившегося в размерах княжества после присоединения к ВКЛ Торопца [26]. Поэтому претензии литовских великих князей на Ржеву вполне понятны. Летом 1356 г. «Сижьскаго сынъ Иванъ сяде съ Литвою во Ржеве» [27]. Так один из удельных ржевских князей (Сижка – волость в Ржевской земле), который уже лишился своих владений (его самого не называют Сижским князем, а только сыном Сижского князя), был посажен в Ржеву с литовской помощью. Однако летом 1358 г. войска Волока Ламского и Можайска отбили Ржеву, захваченную Литвой [28].

Примерно в 1357 г. к ВКЛ был присоединен Брянск. В этот год летом «бысть въ Брянске мятежь отъ лихихъ людей, и замятия велия и опустение града, и потомъ [через некоторое время. – *В.Т.*] нача обладати Брянскомъ князь велики Лйтовский» [29].

В 1359 г. «Смольняне воевали Белоую» [30], значит, до этого времени город Белая уже вошел в состав ВКЛ, причем отвоевать Смоленскому княжеству свое бывшее владение не удалось. В ответ в том же году великий князь литовский Ольгерд напал на Смоленск, захватил Мстиславль («а Литвоу свою въ немь посадилъ»), потом зимой послал сына Андрея на Ржеву и опять отвоевал ее [31]. Видимо, литовский государь стремился основательно закрепиться в таком стратегически важном пункте, как Ржева, поэтому в 1360 г. сам приезжал «Ржевы смотрйт[ь]» [32].

На этот раз ВКЛ довольно долго удерживало верховья Волги и даже развивало экспансию из этого региона. В 1368 г. Андрей Ольгердович Полоцкий, очевидно из Ржевы, напал на соседние тверские волости Хорвач и Родню [33]. Сразу после этого московский удельный князь Владимир Андреевич Серпуховской пошел на Ржеву и захватил ее [34]. Как уже сказано, в том же году Ольгерд благодаря походу на Москву в очередной раз вернул Ржеву. Только через 8 лет

князь Владимир Серпуховской попытался отвоевать Ржеву, но неудачно [35]. До короткого периода правления в ВКЛ Кейстута (1381–1382 гг.) город оставался под властью Литвы [36].

В отличие от ВКЛ, территория которого увеличивалась на востоке большими массивами земель, ВКМ доставались на западе значительно меньшие куски. В середине XIV века московские князья приобрели определенные владения из состава Великого княжества Рязанского и Верховских княжеств.

К началу 50-х гг. XIV века Москва приобрела волость Заберегу [38]. Как выясняется из духовной грамоты князя Семена Ивановича, Заберега была куплена «оу Семена оу Новосильскаго» [39]. Это был остаток владений черниговских князей. Находилась Заберега, судя по названию, за рекой Берегой, притоком верхней Протвы, по левой ее стороне [40].

Но Заберега составила только небольшую часть западной московской границы. Далее на юго-восток граница терялась среди неосвоенных, почти пустых «мест Рязаньских», присоединенных к Москве в 50-е гг. XIV века, а раньше, согласно названию, принадлежавших Рязани [42].

«А что ся мне достали места Рязаньская на сей стороне Оки, и с тыхъ местъ дал есмь князю Володимеру, в Лопастны места, Новый городокъ на оусть Поротли, а иная места Рязаньская отменьная сыномъ моимъ, князю Дмитрью и князю Ивану, поделятся наполы, безъ обиды» [43]. Так в своей духовной грамоте великий князь московский Иван Иванович («Красный») сказал об обмене землями между Московским и Рязанским княжествами. Видимо, этот обмен был осуществлен между весной 1353 г. (смерть князя Семена Гордого и занятие престола Иваном Ивановичем) [44] и 1356 годом (время составления завещания этим князем) [45].

Великий князь Ольгерд (1345—1377) с дружиной (рис. Ю. Каштанова)

Указание конкретных территорий, полученных Москвой и Рязанью, содержится в московско-рязанской докончальной грамоте 1381 г. [46]. К Москве отошли земли, находившиеся на левой (московской) стороне Оки, в том числе «почен Новый городок, Лужа, Верея, Боровескъ», а также «и иная места Рязанская» [47]. Рязань получила земли на правой (рязанской) стороне Оки, то «что доселе потягло къ Москве» [48]. Таким образом, Москва приобрела большую по площади территорию вдоль реки Протвы и ее притоков. Постепенно грамоты московских князей указывают все большее число волостей, слободок и сел, которые возникают или впервые упоминаются на недавно присоединенной территории.

Волость Халхол исследователи отождествляют с погостом Халхол (Халахолна), известным из грамоты рязанского великого князя Олега Ивановича игумену Ольгова монастыря Арсению (составлена в декабре 1370 г.). Там перечислены погосты Песочна, Халахолна, Зайчатины, Веприя, Заячков. По соответствию названий большинство этих погостов относится к тем «рязанским местам», которые приобрела Москва в середине XIV века.

Перечисленные пункты имели отношение к освоенному ядру «рязанских мест», где ко времени присоединения к Москве уже существовали такие центры, как Боровск, Лужа, Новый Городок и другие [55]. Периферия же бывшей рязанской территории оставалась пустошью. Вероятно, между рязанскими, смоленскими землями и владениями верховских князей не существовало точек соприкосновения. Но активная деятельность московских князей на юго-западной окраине Московского княжества привела к тому, что постепенно под их власть перешли как некоторые смоленские владения (Медынь), так и остатки бывших черниговских земель (Калуга и Роща, Таруса, Алексин и т.д.). Таким образом, условная московская граница шла от волости Забереги на юго-запад, параллельно реке Луже.

С левой стороны оставались земли, принадлежавшие Медыни – части Великого княжества Смоленского, вероятно, его Вяземского удела [69]. В 1371 году (по мнению В.А. Кучкина – в 1368) [70] Медынь была присоединена к Москве [71]. Сама медынская территория была в то время довольно скромной. В XIV веке Медынь являлась всего лишь центром волости. Медынские земли простирались до реки Шани (левого притока Угры) и не достигали Угры, на левобережье которой выходили смоленские волости [73]. Границы волости на северо-востоке терялись в лесах и, возможно, не достигали реки Лужи. Московская граница в 1368 г., таким образом, продолжала свое движение далее на юго-восток вдоль Лужи и вскоре встречалась с владениями верховских князей. Здесь, в районе притока Угры Суходрева и притоков Оки Протвы и Тарусы находились земли Новосильского [74] и Таруского (Таруско-Оболенского) княжеств.

Таруские князья постепенно распродавали свои владения [75]. Их приобрели и смоленский князь Федор Святославич («Въезд Мстиславль» и др. – перешли потом к Москве и к 1381 г. обменены с Рязанью) [76], и митрополит Петр (Алексин – около 1390 г. обменян московским великим князем Василием I на слободу Караш в Ростовском княжестве) [77], и даже московский боярин Александр Пересвет (Пересветова купля) [78]. Наконец, в 1393 г. великий князь Василий I купил в Орде у Тохтамыша ярлык на Таруское княжество и тем самым приобрел

верховную власть над тарускими князьями [79]. Часть таруских князей после этого перешла на службу к великому князю литовскому Витовту, который выделил им значительные владения из состава карачевских, козельских и белевских земель [80]. По названию центра этих владений – Мезецк (Мезочаск, Мещовск) – одна из ветвей таруских князей получила фамилию Мезецких.

Представители другой части таруских князей Оболенские на 1368 г. были союзниками Москвы. Недаром Ольгерд направил свои войска на Оболенск, где был убит старший таруский князь Константин Юрьевич Оболенский [81]. Существует мнение, что вообще Оболенск в то время являлся столицей Таруского княжества [82]. Поэтому поход Ольгерда можно расценивать как акцию против всего княжества, которое ориентировалось на союз с Москвой.

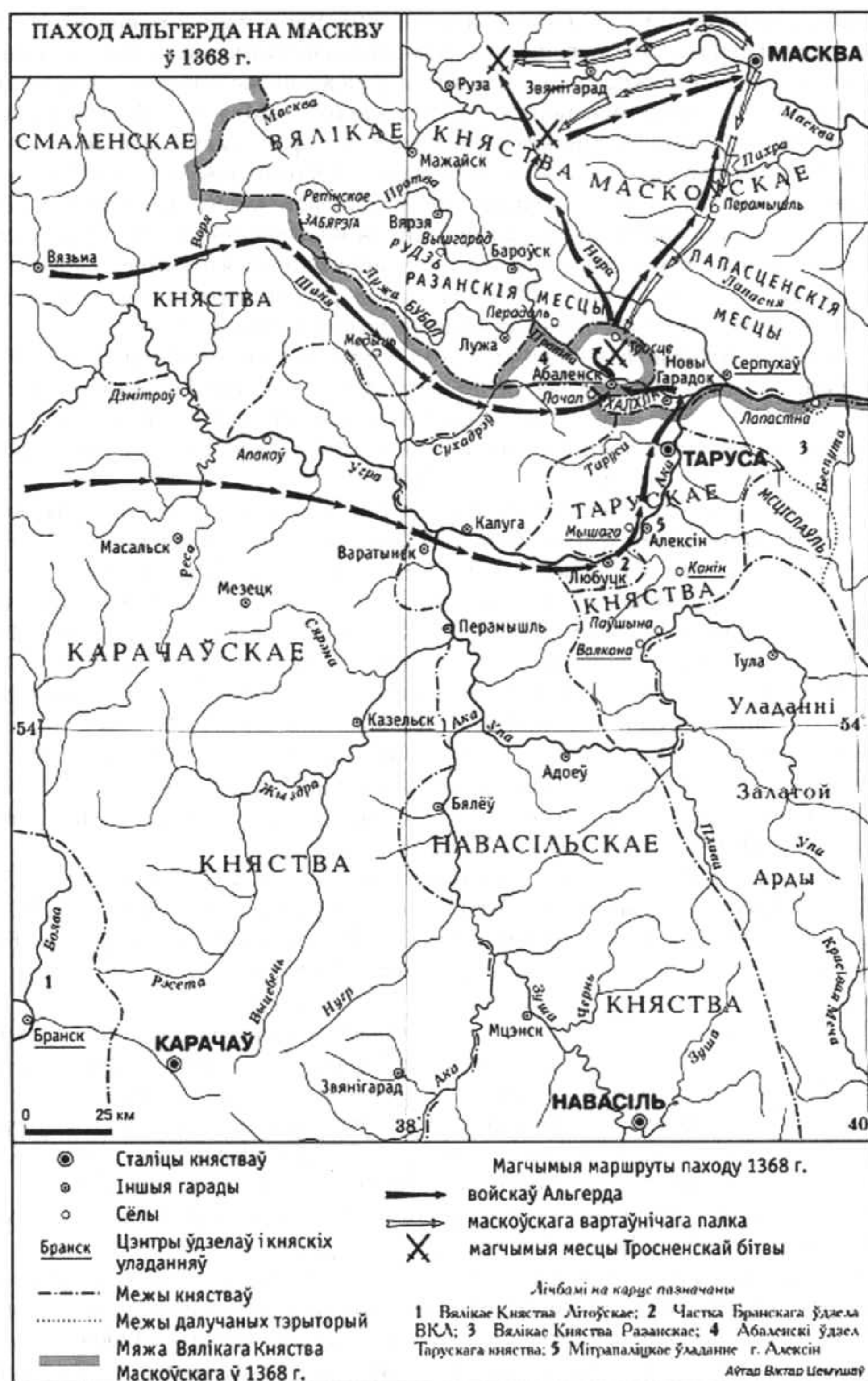
Владельцы остальных мелких уделов Таруского княжества (Канинский, Мышегский, Волконский) [83], вероятно, вели ту же политику, что и князья Оболенские [84]. Однако позже часть таруских князей (Волконские) отъехала на периферию, непосредственно в свои вотчины, а где-то в середине XV веке стала вассалами великого князя литовского [86].

Владения таруских князей в XIV веке простирались по обеим сторонам Оки и включали притоки последней Мышегу, Тарусу, часть Протвы (все на левой стороне), Крушму, Вашану, среднее течение Упы и другие (на правой стороне). Столица княжества находилась при устье реки Тарусы. Теперь это центр района Калужской области. К Тарусе принадлежали такие населенные пункты, как Мышега (на одноименной реке недалеко от устья), Канин (современная деревня Спас-Конино Алексинского района Тульской области) [87], Балкона (Тимофеевское городище на одноименной реке при впадении в Упу) [88] – все центры уделов. Почти в центре княжества, у реки Оки, примерно с 1308–1326 гг. находилась территория, принадлежавшая митрополии. Позже на ней возник город Алексин. Восточная часть княжества была отрезана в пользу князя Федора Святославича. В 1368 г. ею уже владела Рязань.

Оболенск – древний центр удельного княжества – находился на правом берегу реки Протвы на северо-запад от Тарусы. Теперь это село Оболенское [89], а сам город не надо путать с современным Оболенском в Жуковском районе Калужской области (последний возник только в 1975 г. в качестве научного центра).

Территория Оболенского удельного княжества врезалась в «рязанские места» – на 1368 г. уже московские владения. Она занимала пространство вдоль обоих берегов Протвы, немного не достигая устья последней на востоке (здесь нижнее течение Протвы контролировал московский Новый Городок) и встречалась с противоположной стороны с нижним течением Лужи (на Протве возле устья Лужи находилось село Спасское Загорье). С севера и с юга оболенские земли [94] ограничивали волости Передол и Почеп, со второй половины XV века принадлежавшие Троице-Сергиеву монастырю.

Исходя из географии Оболенского княжества, обозначим еще один отрезок московской границы 1368 г. как линию, которая шла к устью Лужи, потом оставляла в стороне часть земель левобережья Протвы (т.е. владения Оболенского княжества) и замыкалась в устье Протвы. Далее московская граница проходила


ПАХОД АЛЬГЕРДА НА МАСКВУ ў 1368 г.
МАСКВА
Руза
Звянігарад
Масква
СМАЛЕНСКАЕ
ВЯЛІКАЕ КНЯСТВА МАСКОЎСКАЕ
Мажайск
Пахра
Перамышль
Вязьма
Вопра
Вярэя
Барoўск
Нара
ЛАПАСЦЕНСКІЯ МЕСЦЫ
Лапасня
РАЗАНСКІЯ МЕСЦЫ
КНЯСТВА
Лужа
Трасце
Новы Гарадок
Серпухаў
Абаленск
Почал
Дзмітраў
Апакаў
Угра
Сухадрэў
ТАРУСА
Таруса
Лапасня
ТАРУСКАЕ КНЯСТВА
МСЦІСЛАЎЛЬ
Калуга
Масальск
Варатынск
Мышага
Алексін
Любуцк
Конін
Мезецк
Перамышль
Паўшына
Валкона
КАРАЧАЎСКАЕ
Тула
Уладанні
Казельск
Ака
Упа
Адоеў
Залатой
Жыздра
Бялёў
НАВАСІЛЬСКАЕ
КНЯСТВА
Плава
Упа
Арды
Болва
Рэсета
Вытебець
Нугр
Зуша
Чернь
КНЯСТВА
Мцэнск
Бранск
КАРАЧАЎ
Звянігарад
НАВАСІЛЬ
0 25 км
54
38
40
Сталіцы княстваў
Іншыя гарады
Сёлы
Бранск Цэнтры ўдзелаў і княскіх уладанняў
Межы княстваў
Межы далучаных тэрыторый
Мяжа Вялікага Княства Маскоўскага ў 1368 г.
Магчымыя маршруты паходу 1368 г.
войскаў Альгерда
маскоўскага вартаўнічага палка
магчымыя месцы Тросненскай бітвы
Лічбамі на карце пазначаны
1 Вялікае Княства Літоўскае; 2 Частка Бранскага ўдзела ВКЛ; 3 Вялікае Княства Разанскае; 4 Абаленскі ўдзел Тарускага княства; 5 Мітрапаліцкае ўладанне г. Алексін
Аўтар Віктар Цемушаў

точно вдоль Оки. Так было установлено рязанско-московским договором, составленным между 1353–1356 гг. Московских владений на правобережье Оки уже не было. А вот с правобережьем Протвы следует разобраться. Там находилось село (или даже волость) Почеп, принадлежность которого на XIV ст. пока не выяснена.

С запада к Тарускому княжеству в целом и к южной части его Оболенского удела примыкали территории волостей Калуги и Рощи. Мы знаем об их московской принадлежности из духовной грамоты Дмитрия Донского 1389 г. Московский великий князь передавал «Колугу и Рощу» своему сыну Андрею [95]. Когда появились эти владения в составе ВКМ – точно неизвестно.

В 1371 г. Ольгерд направил константинопольскому патриарху Филофею письмо, в котором жаловался на действия московского великого князя. Последний девять раз нападал на самого Ольгерда и плохо обошелся с его родственниками. Так, вопреки клятвенным обещаниям, был захвачен тверской князь Михаил (свояк Ольгерда); нижегородский князь Борис (зять Ольгерда) тоже был захвачен, а княжество у него отобрали, пострадал новосильский князь Иван: его мать и жену (дочь Ольгерда) взяли в плен, а княжество «повоевали» [96]. Наконец «противъ своего крестного целования» у литовского великого князя были взяты следующие города: Ржева, Сишка, Гудин, Асечен, Горишино, Расна, Луки Великие, Кличень, Уселук, Волга, Козлова, Липица, Тёсов, Хлепень, Фомин городок, Березуеск, Калуга, Мценеск [97]. От Ржевы до Волги – это все города, принадлежавшие Ржевской земле (даже и Луки Великие – центр одной из ржевских волостей, его не надо путать с известными Великими Луками) [98]. Козлова (Козлов) – один из центров Вяземского княжества [99]. Липица и Тёсов пока не локализованы. Хлепень, Фомин Городок и Березуеск – это резиденции мелких князей так называемого Фоминско-Березуйского княжества [100].

Захват перечисленных городов следует соотнести с походом московской и волоцкой (Волока Ламского) ратей на «Смоленьскую волость» зимой 1369 г. [101]. А вот удержание Калуги и Мценска можно связать с карательным походом московского войска в направлении Брянска. Летом 1370 г. «князь велики Дмитрей Ивановичь събравъ воиньства много и посылалъ рать къ града Бряньску» [102]. До самого Брянска Дмитрий Московский, видимо, не дошел, и больше пострадало Новосильское княжество [103]. Именно к нему историки относят как Мценск, так и Калугу [104]. Соответственно, временем присоединения Калуги, а также Рощи к Москве считается 1370 год.

Нарисованная схема выглядит вполне правдоподобной. Только один маленький недостаток делает ее несовершенной. Фраза в письме Ольгерда о нарушении московским властелином «крестного целования» [105], после которого и произошли захваты городов, была написана не случайно. Но договор о вечном мире, закрепленный процедурой целования креста, Ольгерд с Дмитрием Московским впервые заключили только в декабре 1370 г., то есть уже после описанных событий. Поэтому связывать удержание Москвой Калуги с походом в направлении Брянска через Новосильское княжество вряд ли возможно. Тогда остается неизвестным, кому исконно принадлежала Калуга, и почему на нее претендовал Ольгерд.

Впрочем, Ольгерд в своем письме к патриарху обозначил именно город Калугу [107], тогда как Дмитрий Донской в завещании упоминал волости Калугу и Рощу. Территории последних охватывали пространство вокруг речек Калужки (левый приток Оки) и Рощи (левый приток Тарусы). Обе волости протянулись с севера на юг примерно от Почепа до Оки. Возможно, территория волости Калуга подходила к устью Угры, впадающей слева в Оку. Западной границей волостей можно допустить реку Суходрев (левый приток Угры), а на востоке они встречались с землями Таруского княжества.

Таким образом, за некоторым исключением (не определено, кому принадлежал Почеп) мы можем реконструировать московскую границу накануне похода Ольгерда и сделать вывод о порубежной территории к началу боевых действий в 1368 г.

Пограничная линия как таковая отсутствовала на довольно большом расстоянии. Граница только начинала формироваться, ее условным обозначением на юго-западе Московского княжества являлась полоса неосвоенной лесной зоны, которая протянулась с правой стороны от реки Лужи до самого ее устья. Далее граница шла вдоль Протвы [108], потом отрывалась от нее на левую сторону (на север), чтобы вернуться к устью Протвы, где находился московский Новый Городок.

Нападению Ольгерда подверглись земли именно в этом регионе – так называемые «рязанские места», лишь недавно присоединенные к Москве. К ним относилась и волость Халхла (Халхол), через которую литовское войско шло к Оболенску и достигло реки Тросны, где разбило московский сторожевой полк.

* * *

Заметим, что кроме возможных претензий Ольгерда на Калугу никаких других территориальных противоречий между Москвой и Вильней в этом регионе пока не было, как не было и общей границы между двумя государствами.

На 1368 год известен только один небольшой регион, где сталкивались территориальные интересы Москвы и Вильни – Ржевская земля. Однако и остальные буферные княжества все более втягивались в сферы влияния двух главных претендентов на господство. С середины XIV века шла конкурентная борьба Москвы и Вильни за преобладающее влияние в Смоленском и Брянском княжествах.

Определенная зависимость Смоленска от Вильни (сложившаяся еще при Гедимине) [109] была нарушена в 1352 г., когда московский князь Семен Иванович совершил большой поход на Смоленское княжество. Но литовские послы встретили московское войско еще до смоленских границ (в Вышгороде на Паратве) и быстро заключили договор [110], по которому Москва получила свободу действий в отношении Смоленска [111]. Смоленск тоже не пошел на конфронтацию. К реке Угре прибыли смоленские послы, а потом в Смоленске московские послы «миръ взяша» [112]. Так литовское господство в Смоленске на время сменилось московским [113]. Вместе со Смоленском московское влияние распространилось и на Брянск, где с конца XIII века правили представители смоленской линии князей [114].

С 1356 г. возобновилось активное литовское наступление на Смоленское и Брянское княжества. Смоленск утратил часть своих владений (Белая, Мстислав, Ржева), а Брянск вообще был присоединен к ВКЛ. В это время новый московский князь Дмитрий Иванович лишился ярлыка на владимирское великое княжение (переданный ханом Наврузом нижегородскому князю Дмитрию Константиновичу) и ничего не мог сделать с распространением власти ВКЛ. Смоленску пришлось признать новый порядок вещей, хотя иногда он проявлял непослушание [115]. В 1365 г. «Смолняномъ бысть розмирие съ Литвою, многаа Литовскаа места повоевали» [116], а после этого Ольгерд «осень всю стоялъ оу Смоленска ратию и много зла сътворивъ и волю свою возма поиде въсвояси» [117]. Как видим, утвердить зависимость Смоленска от ВКЛ было не так просто.

Присоединение Брянска не гарантировало полного контроля властями ВКЛ черниговских земель. Во-первых, Верховские княжества только на короткий момент попали под влияние ВКЛ. Во время похода 1370 г. Дмитрия Московского в сторону Брянска зависимый от Ольгерда князь Иван Новосильский был замещен промосковски ориентированным его братом Романом [118]. Во-вторых, в самом Брянском княжестве существовали сторонники московской власти. Князь Роман Михайлович, посаженный на брянский стол с литовской руки (около 1360 г.) [119], в скором времени лишился власти от этой же руки и бежал сначала в Коршев (на реке Сосне), а потом в Москву [120]. В 1363 г. Брянск был передан литовскому князю Дмитрию, сыну Ольгерда [121].

Великий князь Ольгерд (реконструкция)

Характерным явлением того времени была ориентация мелких княжеств, граничивших с Ордой, на антиордынские силы [122]. Битва при Синей Воде 1362 г. имела большой резонанс и содействовала успешному распространению власти великого князя литовского не только на юг, но и на восток [123]. В 1368 г. на территориях между ВКЛ и ВКМ безусловно доминировала Литва. Поэтому поход Ольгерда происходил в благоприятных условиях – через земли, правители которых положительно относились к литовскому господарю.

Приближение литовско-смоленско-тверского войска к московским юго-западным границам могло происходить по трем направлениям:

1) через территорию Смоленщины и владения верховских князей (Карачевских и Новосильских), возможно, вдоль реки Угры;

2) через территорию Смоленского княжества, от Вязьмы в район Медыни и далее в московские владения вокруг реки Протвы и ее притока Лужи.

3) от Брянска, принадлежавшего ВКЛ, тоже через Верховские княжества;

Наличие в Ольгердовом войске смоленской рати делало возможным беспрепятственное и, главное, тайное продвижение по территории Великого княже-

ства Смоленского. Напомним, что и новосильский князь был союзником Ольгерда.

Ряд данных позволяет утверждать, что окончательный сбор союзного войска происходил возле города Любуцка.

* * *

Следующее нападение Ольгерда на Москву (ноябрь – декабрь 1370 г.) в помощь вынужденному снова бежать в ВКЛ тверскому князю Михаилу происходило в другом регионе (в направлении Волок Ламский – Москва) [124]. Таким образом, во второй поход («вторая литовщина») Ольгерд пошел на Москву с севера.

В то же время в Москве противника, вероятно, опять ждали с юга. Об этом свидетельствует размещение сильного московского войска во главе с князем Владимиром Андреевичем в Перемышле (на реке Мочи), к югу от Москвы («князь Володимеръ Андреевичь събрався съ силою и стоаше въ Перемышле, ополчився»). На помощь Москве в Перемышль пришел также пронский князь Владимир Дмитриевич с рязанской ратью. Наличие угрозы вынудило Ольгерда пойти на заключение мирного соглашения. Однако, по легенде, возникшей в ВКЛ, это сам Дмитрий Московский поспешил выехать из-за московских стен навстречу Ольгерду, принес ему дары и помирился. Легенда утверждает, что в знак победы великий князь литовский «копие свое к городу приклонил». Мирные отношения были закреплены браком дочери Ольгерда Елены с князем Владимиром Андреевичем [125].

Но в 1372 г. войска во главе с Ольгердом опять появились на юге от московских владений («третья литовщина»). По словам летописца, «того же лето, месяца июля въ 12 день, князь великий Михайло поиде съ Твери ратию, и совокуписся со Олгердомъ подъ Люботьскомъ; а съ Москвы прииде противь князь великий Дмитрей» [126]. И снова дело кончилось мирным соглашением.

В этот раз московские власти отреагировали довольно быстро, и пока войска ВКЛ и Великого княжества Тверского собирались возле Любуцка, к городу успели подойти московские силы. Последние даже разбили сторожевой отряд Ольгерда («Москвичи изгониша сторожевый ихъ полкъ Олгирдовъи побита») [127], и только широкий овраг помешал началу большой битвы.

Отметим попутно, что летом 1402 г. сын Олега Рязанского Радослав шел походом к Брянску, но возле Любуцка его встретила группа литовских князей, разбила войско, а его самого взяла в плен [129].

Как видим, во второй половине XIV – начале XV века Любуцк был местом сбора войск и начала военных действий. Такую роль он стал играть не случайно. Любуцк с окрестностью являлся частью Брянского княжества в окружении Новосильского и Таруского княжеств [130]. А постоянное использование Любуцка в военных действиях властями ВКЛ ясно указывает на его принадлежность [131]. Любуцк находился на правом берегу Оки при устье реки Любутки. Ныне это городище возле деревни Троицкой (Любуцкое городище) в Ферзиковском районе Калужской области [133]. Но в свое время это был город со своим престолом, боярством и зависимыми волостями [134–136].

В походе 1368 г. Ольгердово войско собралось возле Любуцка, а потом двинулось через Оку на территорию ВКМ (правда, надо было еще пересечь тарусские владения).

Из указанных выше вариантов маршрута похода Ольгерда 1368 г. два первых должны были иметь промежуточным пунктом Любуцк. Более правдоподобен тот вариант, что ближе к реке Угре и, соответственно, к Смоленскому княжеству. Вести войска к Брянску, а потом преодолевать оттуда большое расстояние до Любуцка представляется нецелесообразным.

Итак, войско во главе с Ольгердом вступило в московские границы и стало воевать окрестность. Досталось новым московским владениям из числа «рязанских мест». На пути Ольгерда оказалась здешняя волость Халхла. Случайно здесь находился московский служилый князь Семен Дмитриевич Стародубский-Крапива [137]. Появление большого вражеского войска явилось для него полной неожиданностью. Князь Семен «на стрече» был убит Ольгердом [138], а это свидетельствует, что стародубский князь не ожидал нападения.

Исследователи размещали волость Халхла вокруг речки Халхол, которая якобы слева впадает в Протву неподалёку от московского Нового Городка [139]. На самом же деле с левой стороны Протвы такой речки нет. Поэтому автор внимательно просмотрел доступные источники. В материалах XVII века о смежных с Протвой районах нашелся Халковский стан «в Ерославецком уезде Малого» [140]. Халховский стан существовал и в XVIII веке [141] и, что важно, отыскался в XVI веке [142]. Село Почеп принадлежало именно к этому стану.

Интересно, что село Почеп в середине XIX века еще существовало. Оно находилось на реке Ичи (правый приток Протвы). Каково ж было удивление автора, когда рядом с селом Почеп вдруг обнаружилась речка Халаховка – *правый* приток реки Протвы! Существовала также волость Передол, которая опиралась на Протву с северо-запада, а с другой стороны заходила за реку Дырочную (Дирачну), на которой стоял центр владения [150].

Как Почеп, так и упоминаемый обычно вместе с ним Передол, а также еще одно село (волость) – Илемна – составляли массив владений Троицкого монастыря на юго-западе ВКМ (в Верейском и Малоярославском уездах). На севере территория волости упиралась в леса (Сосновский и др.) [144], на западе границей ей служила река Лужа, на юге и востоке она встречалась с волостями Бубол (по реке Бабольской) [145] и Рудзь (по реке Руть) [146]. Центром волости было село Троицкое (Илемны). Таким образом, выяснение территории Почепа точно локализует местоположение Халхола с правой стороны реки Протвы.

Мы можем констатировать, что территория древней волости Халхол размещалась на восток от села Почепа на реке Ичи и включала в свои границы лесное пространство между реками Протвой и Тарусой. Однако места вокруг самих этих рек волость уступала вотчинам князей Оболенских с севера и тарусским землям с юга. Возможно, только возле устья реки Халаховки территория волости достигала самой Протвы и соединялась там с московскими владениями. Немного в стороне, тоже на правом берегу Протвы, находился московский Новый Городок (городище возле села Спас-Городец, ныне не существующее) [156].

Как видим, Москва с середины XIV века контролировала все течение реки Протвы. Более того, волость Халхла (Халхол) фактически отрезала владения

князей Оболенских от основного массива Таруского княжества (в том случае, если Калуга и Роща не принадлежали Тарусе). После присоединения к Москве Калуги Оболенское княжество уже оказалось в окружении московских земель.

В связи с определением местонахождения волости Халхол надо уточнить обозначенную выше юго-западную московскую границу. Она занимала некоторое расстояние не только параллельно Протве на левой стороне (северной) от ее, но и делала в самом нижнем ее течении резкий поворот на правую сторону. С правой стороны от устья Протвы московская граница приобретала стабильный характер, обозначаясь далее на большом расстоянии линией реки Оки.

Непосредственно на указанный выступ в глубине Таруского княжества – территорию волости Халхол – почти сразу попал со своим войском Ольгерд, когда начал воевать московские порубежные места. Отсюда недалеко было идти до Оболенска (15–20 км). А от последнего недалеко и до реки Тросны, где произошла знаменитая битва.

* * *

О том, где встретил войско Ольгерда сторожевой московский полк, существуют три суждения. Наиболее распространен взгляд, по которому место битвы относится к речке Тростянке (Тростне), впадающей в Тростенское озеро (Тростяное, Тростна) [157]. Вокруг озера располагалась территория волости Тростны [158], известной из духовной грамоты великого князя московского Ивана Калиты (около 1339 г.) [159]. В целом, это регион между московскими городами Рузой и Звенигородом, с левой стороны от реки Москвы. Немного севернее от реки Тростянки проходила дорога из Москвы (Волоцкая) [160].

Таким образом, если бы Москва ожидала нападения со стороны Твери или Смоленска (дорога от Волока Ламского шла к тверскому Зубцово и спорной между Москвой и Вильней Ржеве, а далее – в Новгородскую землю) – место для сторожевого полка в районе Тростянки было бы идеальным [161]. Но как раз в актуальности обороны западного от Москвы направления существуют сомнения. В Москве узнали о приходе Ольгерда только тогда, когда он уже начал опустошать ее порубежные места.

Об этом конкретно свидетельствуют все летописи. Например, тверской летописец передавал события таким образом: «И то слышавъ князь великий Дмитрей Олгирда приближающася къ собе, разосла грамоты по градомъ, и повеле въскоре силамъ многымъ бытии къ собе; и ничтоже успеша събрати силы, занеже въскоре. И отпусти князь великий заставу противу Олгирда» [162]. Зачем тогда надо было посылать войско не навстречу врагу, а в противоположную от него сторону? И еще один вопрос. Зачем понадобилось Ольгерду специально искать встречи с московской заставой, которая находилась так далеко, что никак не мешала ему беспрепятственно идти вплоть до Москвы?

Если все же согласиться с, условно говоря, рузско-звенигородской локализацией места Тросненской битвы, то надо признать, что нападение Ольгерда заранее ожидалось московскими властями, притом именно с тверских, или соседних смоленских земель. Чтобы защитить это направление, в район реки Тросны и был послан сторожевой полк. Однако это допущение не выдерживает никакой критики.

Как видим, первая (наиболее распространенная) версия места Тросненской битвы [164] не вписывается в реальность событий 1368 года. Но существуют и другие взгляды на географию первого значительного военного столкновения между Москвой и Вильней.

В самом верховье реки Нары в так называемые Нарские столы с левой стороны впадает маленькая речка Трасна [165]. Сходство названия Тросна – Трасна привлекло внимание исследователей. Вторая, Нарская, локализация места Тросненскай битвы обрела значение и даже попала в энциклопедии [166].

Ольгерд использовал хитрости варягов, например высадку десанта в тыл противника с лодий

Речка Трасна находится совсем рядом с Москвой-рекой и, что немаловажно, – рядом с дорогой из Москвы к Можайску и далее на Вязьму – Смоленск. «Книга Большому чертежу», составленная в 1627 г. по материалам более раннего времени, так описывает окрестность: «А река Нара вытекла по Можайской дороги от озера, близко от реки от Москвы. На реке на Наре, от Москвы 70 верст, село Баибирино, а на то село с Москвы в Колугу дорога Оболенская» [167].

Таким образом, выставленная на Можайскую дорогу московская застава могла прикрыть западное направление (со стороны Вязьмы – Смоленска) и, в некоторой степени, наблюдать за угрозой с юго-запада (со стороны Оболенска). Однако здесь тоже непонятно, зачем направлять войска на Можайскую дорогу, на запад ВКМ в тот момент, если было уже известно, что Ольгерд находится в районе Оболенского княжества? Такой поступок имел бы смысл, если бы прямой дороги на Москву в 1368 г. не было и, чтобы попасть туда, требовалось сначала достичь Можайской дороги, например, вдоль реки Нары. Но данные более поздних источников («Книга Большому чертежу» XVII века) и карт XIX – начала XX вв. свидетельствуют о существовании прямой дороги от Оболенска

до Москвы, которая, между прочим, проходила недалеко от московского Перемышля, где собирались московские войска в 1370 г.

Существование Оболенской дороги уже в XIV веке, которую якобы прикрывало московское войско в 1370 г. с расчетом на очередной приход Ольгерда с юго-запада, заставляет с большим вниманием проследить ее протяжение от Оболенска до Москвы. Долго искать не надо. На отрезке между Оболенском и Тарутиным (на реке Наре) находим село Тросте (Тростье) на реке Аложе [168]. Никаких намеков на реку Тросну (Тростну) в районе села Тросте нет, если только не увидеть ее в безымянных ручьях с левой и правой стороны от Аложи. Село Тросте вполне могло существовать и в XIV веке. [169, 170].

Как видим, оболенская локализация места Тросненской битвы из всех наличных точек зрения наиболее логичная. В случае ее принятия события 1368 года выглядят следующим образом. В Москве узнали о появлении Ольгерда и мгновенно послали навстречу ему сторожевой полк. Пока литовско-смоленско-тверское войско с остановками для грабежа шло от московских границ через Халхол и Оболенск к дороге на Москву, московская застава по прямой дороге успела подойти к границам Оболенского княжества. Здесь и произошла битва, после которой уже ничто не мешало Ольгерду направиться к Москве [171].

Надо заметить, что из Оболенска до Трости Ольгердовому войску надо было идти только 15 км, а если прямо – то 11 км, вместо 70 км до Тросны и вместо 110 км до озера Тростенского. Скорость событий, проступающая в тексте летописей, дает преимущество именно оболенской локализации места битвы.

Вот к таким выводам можно прийти при изучении историко-географических обстоятельств событий 1368 г. Мы видим, какое пространство для размышлений дают только три топонима, упомянутые в источниках. В самом деле: за упоминанием волости Халхол обозначилась проблема формирования юго-западной московской границы; за упоминанием Оболенска – проблема судьбы буферных княжеств между Литовским и Московским государствами; за замечанием о реке Тросне – проблема определения места наиболее значительного литовско-московского военного столкновения XIV века.

К этому присоединились отдельные вопросы: каким маршрутом шел Ольгерд к московским местам, существовали ли точки соприкосновения между литовскими и московскими владениями?

К сожалению, ценные данные источников исследователи использовали очень невнимательно. Халхла (Халхол) из книги в книгу называлась не на своем месте, река Тросна (Тростна) искалась слишком далеко от района военных действий, наблюдения за московским пограничьем не делались, общий маршрут войска Ольгерда не определялся...

Ссылки автора

[2] Можайск с 1303 г. находился в составе московских владений.

[13] Летописные варианты названия этой волости таковы: «Хвольхла» (Рогожский летописец), «Холхмъ» (Симеоновская летопись), «Холъхла» (Московский летописный свод конца XV в.), «Холхла» и «Холохла» (Никоновская летопись).

[14] Вариант названия реки, у которого произошла битва, в форме «Тросна» встречается только в Никоновской летописи. В большинстве случаев употребляется вариант «Тростна». Но для беларуского языка на месте этимологического «стна» в слове Тростна характерно сн — Тросна. Итак, беларуское название Тросненская (русское — Тростненская).

[20] Брянский князь одновременно считался черниговским князем, и в целом Брянское княжество явилось преемником Черниговского. К середине 90-х гг. XIII века Брянском владели князья из смоленской династии.

[27] В Никоновской летописи: «Того же лета [1358 г. — В. Т.] Тверская рать да Можайская взяша Ржеву, а Литву изгнаша». У Рогожского летописца: «Того же лета [1358 г. — В. Т.] Волотьская рать да Можаиская взяли Ржевоу, а Литвоу выслали вонь».

[55] Лужа (или Луза) считается старым названием г. Малоярославца.

[66] Датируется временем между 1219–1237 г.

[74] Так считали В.А. Кучкін, а за ним А.А. Горский. М.К. Любавский утверждал, что Калуга и Роща принадлежали таруским князьям. Последние и продали свое владение Дмитрию Донскому

[83] Выделились из состава Таруского княжества уже к началу XIV века.

[104] В.Л. Янин высказал предположение, что в письме Ольгерда упомянуты не Мценск и Калуга, а смоленские волости Миценки и Калуговичи.

[107] Большинство перечисленных в письме «городов» были всего лишь центрами волостей — сёлами.

[108] В левый берег Протвы упирались волости Передол и Угота.

[121] «Дмитрии Брянский» упомянут в литовско-московской перемирной грамоте 1372 г.

[131] М.К. Любавский считал, что Любуцк первоначально был рязанским владением.

[135] В 1408 г. среди литовской знати, перешедшей на службу к московскому великому князю, были и любуцкие бояре.

[137] Он был сыном стародубского князя Дмитрия Фёдоровича (умер летом 1355 г.), владевшего маленьким Стародубским княжеством в среднем течении реки Клязьмы. После Дмитрия в Стародубе правил его младший брат Иван, а в 1363 г. этого последнего согнало с престола московское войско и заменило еще одним их братом — Андреем, сторонником Москвы. С этого времени Стародубское княжество утратило самастоятельность и позже вошло в состав ВКМ.

[142] Сёла Троице-Сергиевого монастыря Передол и Почеп в 1537 г. были приписаны к Малому Ярославцу для отбывания зелейной (пороховой) повинности.

[164] Уверенность в рузско-звенигородской локализации Тросненской битвы столь велика, что сопровождается даже легендой о погребении воинов, погибших возле Тростенского озера, на берегу реки Переволочня (приток Озёрный) в селе Аннино.

[169] Родоначальник князей Тростенских — Александр Андреевич (внук Константина Оболенского, убитого Ольгердом) жил в середине XV века.

[170] В Жуковском районе Калужской области на реке Аложе не найдено ни одного археологического памятника.

[171] О том, что битва на реке Тросне произошла в пределах Оболенского княжества, писал С.Б. Веселовский.

Миф о союзе Мамая с Литвой

Ростислав Почкаев

О «ярлыке» Мамая великому князю Ольгерду

Последовательно проводя идею изначального противостояния Мамая и Руси /Московии – *Ред.*/, российские историографы стараются параллельно «удревнить» историю его союза с другим злейшим врагом Северо-Восточной Руси – Великим княжеством Литовским. При этом нередко отсутствие фактов подкрепляется фикциями – то есть современными мифами, в которых истинная информация затушевывается некими косвенными фактами источников или домыслами исследователей.

Справка: Мамай (ум. 1380) – тёмник (командир тумена) или бекляри-бек при хане Бердибеке (1357–61). Был женат на дочери Бердибека и после его смерти стал фактическим правителем Золотой Орды. Не относился к чингизидам (потомкам Чингиз-хана), поэтому правил через «своих» (подставных) ханов, которых часто менял. За 20 лет (1361–1380) в Золотой Орде сменилось 25 ханов! В 1373 разорил Рязанское княжество, в 1378 – Нижегородское. Но в том же году его предводитель Бегич потерпел поражение от соединенного московско-рязанского войска на реке Вожа, а в 1380 Мамая разбило московско-литовское войско на Куликовом поле. Вскоре после этого его разбил еще и Тохтамыш – новый хан Золотой Орды (до 1398). Мамай, утратив власть, бежал в Кафу (ныне Феодосия), где был убит (*Ред.*).

Ранее мы уже рассмотрели этот историографический феномен на примере обвинения Мамая в союзе с Папой Римским /в предыдущих главах книги. – *Ред.*/. Однако не менее ярким примером подобного подхода является и утверждение ряда историков о союзе Мамая с Литвой – причем не только с Ягайло, который в «памятниках Куликовского цикла» представлен союзником Мамая, но даже с его отцом Ольгердом.

Интересно отметить, впрочем, что определенные основания для таких утверждений имеются. Так, в нескольких редакциях «Сказания о Мамаевом побоище»* в качестве союзника Мамая в Куликовской битве фигурирует не Ягайло, а именно Ольгерд, который на самом деле умер в 1377 году, за три года до этого сражения. Напрашивается логический вывод: автор XV века простонапросто спутал двух литовских монархов. Однако так ли это на самом деле?

Стремясь представить Мамая главным врагом Руси, средневековые (а за ними и современные) историографы готовы были приписать ему союз с кем угодно.

Глава из книги Р.М. Почкаева «Мамай. История «антигероя» в истории». Санкт-Петербург, 2010, с. 132–140. При перепечатке устранены номера сносок на источники.

* «Сказание о Мамаевом побоище» – памятник литературы 1-й четверти XV века. Текст известен во многих копиях и редакциях. По мнению академика А.А. Шахматова, основой для него послужило «Слово о Мамаевом побоище», составленное при дворе серпуховского князя Владимира Андреевича, но не сохранившееся. – *Прим. ред.*

А если его союзником представить еще одного злейшего врага русского народа*, то это лишь усилит впечатление от создаваемого образа!

Великий князь литовский (впоследствии еще и польский король) Ягайло на роль такого врага не подходил. За время своего долгого, почти 70-летнего правления (1377–1434 гг.) он практически не вел крупных войн с русскими княжествами, а отдельные набеги литовских войск на русские рубежи в его правление не могли быть расценены как последовательная враждебная политика. Другое дело – его отец Ольгерд, который в течение 1350–1370-х гг. регулярно совершал опустошительные рейды на московские земли и неоднократно доходил до стен Москвы. Именно на правление Ольгерда приходятся три так называемые «литовщины», представлявшие собой ужасающее опустошение московских земель литовскими войсками в 1368 (когда была сожжена практически вся Москва**), 1370 и 1372 гг.

Кроме того, имеются сведения о совместных военных действиях Ольгерда с ордынцами в борьбе против венгров и поляков за галицко-волынские земли – правда, еще в правление хана Джанибека (в 1350-е гг.). Таким образом, Ольгерд в средневековой русской /московской. – *Ред.*/ историографии представлен как еще один опаснейший враг Руси /Московии. – *Ред.*/, практически равноценный Мамаю. А его прежнее сотрудничество с Ордой давало основания приписать ему союз и с самим Мамаем. Поэтому не так уж важно было хронологическое соответствие – главное, что в «Сказании о Мамаевом побоище» против Руси выступают совместно два деятеля, олицетворявших собой главную в XIV веке угрозу для Руси /Московии – *Ред.*/ с Востока и с Запада!

Тёмник Мамай (худ. В. Маторин)

Однако от последующих историков этот символический смысл мнимого союза Мамая с Ольгердом по какой-то причине ускользнул, и они принялись искать фактологические подтверждения словам средневековых публицистов. В

---

* Никакого «русского народа» в XV веке не было. Российские историки, руководствуясь принципами великодержавной идеологии, применяют этот термин к населению Великого княжества Московского, представлявшему собой смесь коренных финских племен и пришлых тюрков (татар). – *Прим. ред.*

** Как отмечено в статье В. Тёмушева в этом же выпуске альманаха, московские предместья (посад) в 1368 г. сожгли сами москвичи. – *Прим. ред.*

результате возник миф о том, что союз между Мамаем и Ольгердом был заключен еще в 1360-е годы, т. е. задолго до Куликовской битвы. Поскольку в исторических источниках об этом, естественно, нет ни слова, современные историки в качестве метода доказывания своей позиции избрали новую трактовку исторических событий 1360-х гг., в частности – обстоятельств, связанных с битвой на реке Синие Воды.

Как известно, в 1362 году /в середине сентября. – *Ред.*/ войска Ольгерда нанесли на Синих Водах сокрушительное поражение трем золотоордынским правителям – Кутлуг-Буге, Хаджи-беку и феодоритскому (мангупскому) князю Дмитрию*. Историки, ставящие своей целью завершить формирование образа Мамая как врага Руси, предпочитают игнорировать многочисленные подтверждения того, что эти правители являлись вассалами и союзниками Мамая.

Так, Л.Н. Гумилев заявляет, что Ольгерд разгромил этих «князей» едва ли не с согласия бекляри-бека /бекляри-бек – официальный титул Мамая. – *Ред.*/: якобы они не признавали власть Мамая, и поэтому их поражение было выгодно бекляри-беку, поскольку в итоге он сумел вернуть себе контроль над Крымом и Причерноморьем. То, что в результате разгрома на Синих Водах от причерноморских владений Мамая осталась только одна узкая прибрежная полоса (которую ему и то удалось вернуть только год спустя, покинув Сарай), а южнорусские степи /не южнорусские, а украинские. – *Ред.*/ почти полностью перешли под контроль Литвы, Гумилев как-то забывает. Равно как и то, что до 1362 года в Киеве правил князь-Рюрикович Фёдор, признававший власть Ольгерда, но деливший власть с ордынскими баскаками, а после Синеводской битвы город и формально, и фактически перешел под власть Литвы, и в нем утвердился Владимир /ок. 1332–после 1398/, сын Ольгерда.

Еще дальше пошел в своих выводах современный украинский историк Ф.М. Шабульдо**. Если Л.Н. Гумилев и его последователи ограничивались только собственной трактовкой исторических фактов, то Ф.М. Шабульдо выдвинул версию, которая подозрительно напоминает попытку исторической фальсификации. Ибо он не только поддержал тезис Гумилева об общих целях Мамая и Ольгерда, но и заявил, что бекляри-бек выдал великому князю литовскому ярлык (от имени очередного «своего» хана Абдаллаха) на земли, захваченные литовцами в результате победы на Синих Водах! По словам Шабульдо, именно этот ярлык Мамая стал первым из ярлыков, которыми ханы Золотой Орды, а затем и Крымского ханства подтверждали право литовских князей (впоследствии – королей Речи Посполитой) на владение южнорусскими /украинскими. – *Ред.*/ землями при условии выплаты ханам «выхода» с них.

В результате союз между Мамаем и Ольгердом, первоначально отраженный в недостоверном (вернее – символическом) сообщении автора «Сказания о Мамаевом побоище», в историографии получил продолжение в форме очевидной

---

* Феодоро, или Мангупское княжество существовало на юго-западе Крыма с XII века по 1475 год. Этнический состав населения был пестрым: греки, аланы, караимы, крымские готы. Столица – Дорос (ныне Мангуп), порт – Каламита (ныне Инкерман). Княжество упорно отстаивало свою автономию. Разгромлено турками. – *Прим. ред.*

** См.: Шабульдо Ф.М. «Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского» (Киев, 1987) и другие его работы. – *Прим. ред.*

фальсификации – «ярлыка Мамая». Версия эта выглядит вполне убедительной, практически не подвергается сомнению, и в результате добавляет еще один, весьма существенный штрих к образу Мамая как «антигероя в истории».

Однако никаких прямых или даже косвенных указаний о союзе Мамая с Ольгердом в источниках не встречается. Зато хорошо известны факты, противоречащие утверждениям о таком союзе. Вспомним, что в 1359 году Мамай содействовал митрополиту Алексию в освобождении его из литовского плена – что вряд ли являлось дружеским шагом по отношению к правившему тогда в Литве Ольгерду*. Не был дружеским жестом по отношению к Литве и факт выдачи Мамаем в 1372 году ярлыка польским купцам из Кракова – в ущерб литовским торговцам Львова, ранее имевшим широкие связи с Золотой Ордой. В 1374 году Литва нанесла поражение ордынскому «князю Темиру», вызвав очередное обострение с Мамаем. А в 1378 году в битве на реке Воже в составе войск Мамая принял участие Хаджи-бек, являвшийся, таким образом, не врагом, а вассалом бекляри-бека, подданным «его» хана.

Наконец, ни на какой ярлык Мамая (или пусть даже «его» хана Абдаллаха) не ссылаются ханы Золотой Орды и Крыма, выдававшие ярлыки литовским князьям на южнорусские земли впоследствии.

Шабульдо пытается объяснить это тем, что факт выдачи этого ярлыка последующие золотоордынские ханы «замалчивали», якобы потому, что считали Мамая узурпатором и старались не упоминать. Однако это противоречит принципам золотоордынской правовой практики: ханы и Золотой Орды, и Крыма в своих подтвердительных ярлыках ссылались на предыдущие ярлыки, даже если их выдавали предшественники, которых новые ханы сами же и свергали.

Об участии Ягайло в Куликовской битве

Великий князь литовский Ягайло (впоследствии – польский король Владислав II, основатель династии Ягеллонов), как уже отмечалось, фигурирует в «памятниках Куликовского цикла» в качестве главного союзника Мамая перед Куликовской битвой.

Авторы «Задонщины», «Летописной повести...» и нескольких вариантов «Сказания о Мамаевом побоище» в самых мрачных красках расписывают Ягайло и его качества – как личности и как правителя. Литовский правитель, подобно Мамаю, именуется «поганым» и «злочестивым», а также «льстивым сотоньщиком, диаволю съветником» и обвиняется в намерении разделить Русь с Мамаем и Олегом Рязанским**.

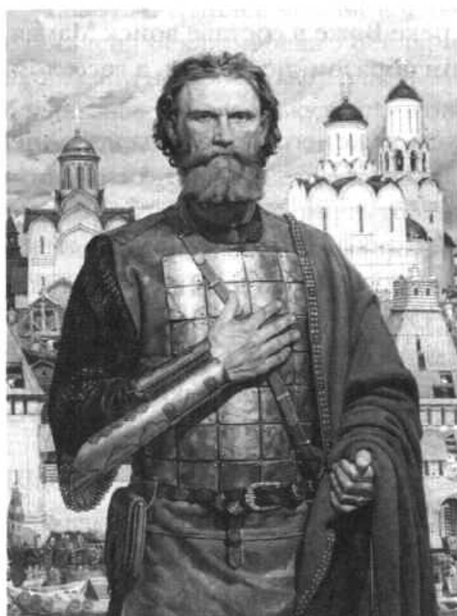
---

* Алексий (ок. 1298–1378), сын черниговского боярина Ф. Бяконта, перешедшего на службу к московским князьям. С 1354 – митрополит московский. Во время княжения Ивана II «Красного» (1353–1359) и малолетства Дмитрия Ивановича «Донского» фактически управлял Московским княжеством – улусом Золотой Орды. В 1449 причислен к лику «святых». – *Прим. ред.*

** Олег Иванович, великий князь Рязанский в 1350–1402. Его отношения с Москвой неоднократно менялись от союзных к враждебным. В 1385 нанес ряд поражений московитам, после чего в 1386 между сторонами был заключен «вечный мир». – *Прим. ред.*

Автор «Сказания...», стремясь придать своим обвинениям в адрес Ягайло большую достоверность, приводит содержание его переговоров с Мамаем и даже текст его послания бекляри-беку:

«Восточному вольному великому царю Мамаю. Князь Ягайло Литовский, присяжник по твоей милости, челом тебе бьет и обращается с мольбой. Я узнал, о господин, что хочешь ты устрашить свой улус, своего служебника московского князя Дмитрия. Поэтому прошу тебя, царь: ведь я знаю, что великие обиды приносит князь Дмитрий Московский твоему улуснику Олегу, князю рязанскому, да и мне он вреда много причиняет. Оттого мы оба просим тебя, всесветлый вольный царь, чтобы ты научил его не творить таких неправых дел, чтобы, царь, ты сам потрудился прийти сюда и, придя, увидел наше смирение, а его гордыню. Тогда ты поймешь наше смирение против грубости московского князя Дмитрия»*.



Московский великий князь Дмитрий Иванович «Донской» (худ. В. Маторин)

Средневековые русские /московские. – *Ред.*/ авторы в противовес Ягайло представляют в самом благоприятном свете его родных братьев Андрея Ольгердовича Полоцкого и Дмитрия Ольгердовича Брянского, принявших участие в Куликовской битве на стороне Дмитрия Донского**. Причем тот факт, что они, сражаясь против Мамая, выступали, следовательно, и против собственного брата, не смущает этих средневековых авторов и не умаляет положительного образа братьев-Ольгердовичей.

Между тем есть серьезные основания полагать, что Ягайло вообще не мог столь явно пойти на сотрудничество с Мамаем.

Начнем с того, что союз Ягайло с Мамаем не мог быть заключен ранее 1380 года: еще в этом году ордынцы Мамая сражались с Литвой за Подолию, причем в сражении с ними погиб подольский правитель Александр Кориатович. Соответственно, ни о каком союзе Ягайло с Мамаем до этого времени говорить не приходится. Да и условия союзного договора нам неизвестны.

Однако маловероятным представляется намерение Мамая «поделить» Русь /Московию – *Ред.*/ со своим литовским союзником – как это намеревались сделать 20 лет спустя хан Тохтамыш и великий князь Витовт.

---

* Все это «послание» сочинил автор «Сказания о Мамаевом побоище». Впрочем, Р.М. Почкаев квалифицирует его именно как фальшивку. – *Прим. ред.*

** Андрей Полоцкий (1325–1399) и Дмитрий Брянский (1348–1399) были недовольны тем, что великим князем Литвы стал их младший брат Ягайло (1350–1434). Поэтому они вели с ним борьбу, но потерпели поражение. Андрей и Дмитрий не поступали на службу к московскому князю Дмитрию Ивановичу, как обычно пишут российские авторы, а договорились с ним о взаимной поддержке. – *Прим. ред.*

Практически все «памятники» сообщают, что Ягайло спешил к месту битвы, но в день сражения находился еще в двух переходах от Куликова поля. Авторы приписывают такое поведение Ягайло его трусости и вероломству. Такие качества литовского князя, безусловно, тоже добавляют штрих к негативному образу Мамая: дескать, будучи вероломным сам, он выбирает себе таких же вероломных союзников (вспомним, в каких выражениях Л.Н. Гумилев и его последователи описывают его «союзников»-генуэзцев!).

Причины же того, что Ягайло «не успел» к битве, историки видят в стратегических дарованиях Дмитрия Ивановича («Донского»), который якобы поспешил завязать сражение с Мамаем, чтобы не дать бекляри-беку соединиться со своим союзником. Однако подобное объяснение вызывает ряд возражений.

Во-первых, решительные действия Дмитрия Ивановича не вписываются в «оборонительный» характер Куликовской битвы, который отечественные историки не подвергают сомнению.

Во-вторых, стратегия великого князя Дмитрия /в изложении средневековых фальсификаторов. – *Ред.*/ до мельчайших деталей напоминает действия его потомка Ивана III, который ровно сто лет спустя, в 1480 году, именно так повел себя во время противостояния с ханом Ахматом, выдвинув свои войска на реку Угру, чтобы не дать ордынцам соединиться с их союзником, литовским князем и польским королем Казимиром IV – кстати, родным сыном Ягайло!*

Весьма вероятным представляется, что у Ягайло вообще не было намерений участвовать в Куликовской битве. Как мы уже отмечали, за время его правления литовцы не вели активных боевых действий против Московской Руси – войны шли уже в тот период, когда Литву возглавил великий князь Витовт Кейстутович, двоюродный брат Ягайло (правил в 1392–1430 гг.).

Ягайло, великий князь Литвы

Союз Мамая с Ягайло, по-видимому, преследовал в большей степени экономические цели, нежели военные. Как уже отмечалось, около 1380 года купцы города Львова, входившего в состав Великого княжества Литовского, получили от «Мамаева» хана Мухаммада ярлык, предоставляющий им льготы в торговле с Золотой Ордой. В источниках не упоминается ни одна совместная акция ордынских и литовских войск в период, когда у власти в Орде был Мамай, а в Литве – Ягайло.

Кроме того, Ягайло, вступивший на великокняжеский престол в 1377 году, с 1379 года был вынужден разделить власть и трон со своим дядей Кейстутом, братом Ольгерда, с которым сначала исподволь, а затем и открыто враждовал. Только в 1382 году Ягайло удалось предательски заманить дядю в ловушку, после чего по его приказу Кейстут

* Автор намекает, что все это было придумано именно во времена Ивана III. – *Прим. ред.*

Место Куликовской битвы по легенде

был брошен в темницу и там задушен. Кстати, сам Кейстут проводил довольно миролюбивую политику по отношению к Москве и на рубеже 1381–1382 гг. даже, вероятно, заключил с ней мирный договор в отношении спорных земель.

Наконец, не прекращалась борьба Ягайло и с братьями по отцу – Андреем «Горбатым» Полоцким и Дмитрием Брянским. Русские /московские. – *Ред.*/ средневековые авторы объясняют противостояние Ягайло с братьями тем, что Андрей и Дмитрий якобы являлись сторонниками и защитниками православия, а Ягайло был «язычником». Однако Ягайло был воспитан матерью-тверянкой в православных традициях и до 1385 года сам оставался православным. На самом деле вражда его с братьями объяснялась тем, что Андрей «Горбатый» претендовал на трон Литвы как старший сын Ольгерда, а следующий по старшинству Дмитрий Брянский поддерживал его. Таким образом, их противостояние с братом носило чисто политический характер.

Лучшим подтверждением тому является факт, что как только великим князем Литвы стал Витовт, Андрей и Дмитрий Ольгердовичи немедленно вернулись в Литву, признали его власть и, в конце концов, погибли в 1399 году в битве на реке Ворскле, сражаясь за Витовта против ордынских войск хана Тимур-Кутлуга и его бекляри-бека Едигея.

Таким образом, в то время, когда Мамай сражался с русскими /московитами. – *Ред.*/ на Куликовом поле*, Ягайло был полностью поглощен междоусобицами в Литве и вряд ли намеревался покидать ее, чтобы полностью уступить контроль Кейстуту или своим братьям.

Стоит также отметить, что литовские и польские хроники ничего не сообщают о союзе Ягайло с Мамаем и его намерении принять участие в Куликовской битве. Ничего не говорят об этом союзе и польско-литовские хронисты – М. Меховский, М. Стрыйковский, Б. Вельский, А. Гваньини и другие историки Великого княжества Литовского. Биографы Ягайло (Ф. Софонович, М. Смирнов, П. Брянцев и др.) также много пишут о союзе с Польшей и Тевтонским орденом, но ни слова не упоминают о союзе с Мамаем и намерении совместно участвовать в походе на Москву.

---

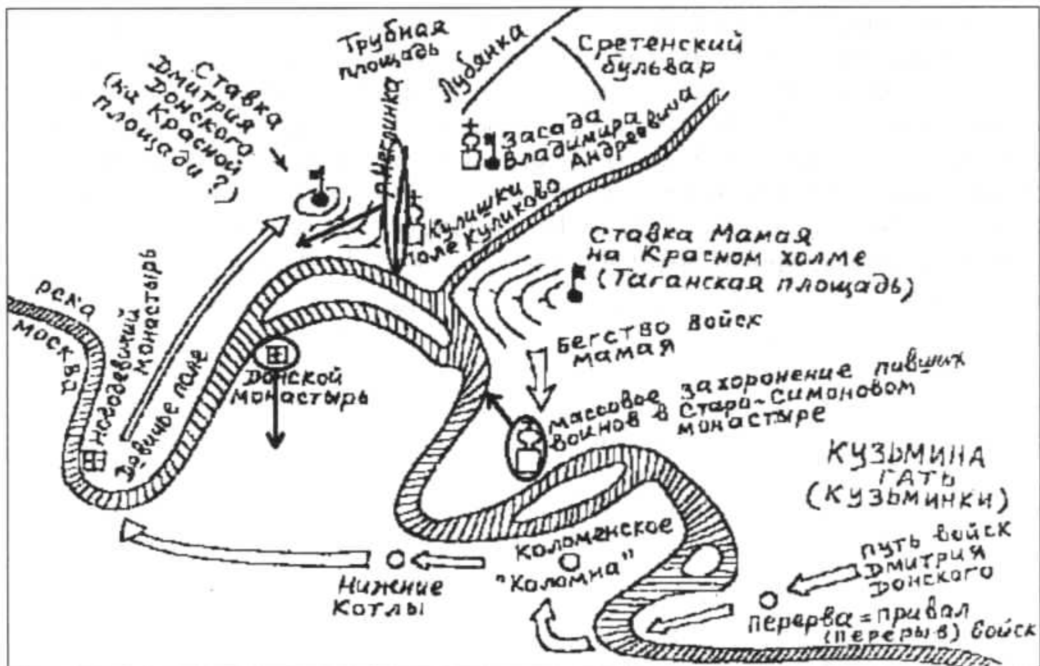
* В настоящее время подвергается резкой критике традиционная версия, согласно которой Куликово поле находится в районе впадения Непрядвы в Дон – в 260 км от московского Кремля. Вероятнее всего, сражение произошло недалеко от Москвы, примерно в 40 – 50 км по прямой линии от Кремля. – *Прим. ред.*

Правда, в отечественной историографии довольно широко распространено утверждение, что «согласно немецким хроникам» Ягайло якобы воспользовался тем, что русские /московиты. – *Ред.*/ после битвы с Мамаем понесли тяжелые потери, напал на них при возвращении с Куликова поля и отнял у них добычу, которую они сами захватили у ордынцев. Однако в качестве источника авторы этих утверждений обычно приводят... статью В.Т. Пашуто, в которой сказано буквально следующее: «Ягайло, которого весть об исходе битвы настигла у Одоева, пограбил русские арьергарды, как *смутно сообщают немецкие хроники* (курсив Почкаева), и повернул обратно». Никаких ссылок на пресловутые немецкие хроники автор статьи не приводит.

Что же заставило авторов «памятников» навязать Ягайло роль самого активного участника антимосковской коалиции, созданной Мамаем перед Куликовской битвой, к которой литовский князь, якобы лишь благодаря счастливой (для Москвы!) случайности, не успел?

Видимо, причиной стали последующие действия Ягайло. Как мы знаем, он был сыном Ольгерда от православной супруги, тверской княжны Ульянии, дочери князя Александра Михайловича Тверского (и, соответственно, сестры Михаила Александровича Тверского – упорного, но неудачливого соперника Москвы в борьбе за престол Великого Владимирского княжения), был воспитан в православной вере.

Более того, одно время Дмитрий Иванович даже прочил его себе в зятья. Московская церковь связывала с Ягайло надежды на обращение Литвы в православие /Здесь Р. Почкаев абсолютно не прав. Московская митрополия надея-



Место Куликовской битвы по Фоменко

лась подчинить своей власти православную часть населения ВКЛ, которая приняла эту веру совершенно независимо от Москвы и намного раньше ее, она весьма значительно превышала в то время католическую часть. – *Ред.*/. Однако брак литовского князя с дочерью Донского не состоялся: московский князь предпочел выдать дочь замуж за рязанского княжича Федора Ольговича (кстати, сына того самого Олега Рязанского, который в «памятниках Куликовского цикла» также представлен как союзник Мамая в Куликовской битве!).

А в 1385 году по условиям Кревской унии Ягайло женился на польской королеве Ядвиге, принял католичество и взошел на трон Польши под именем Владислава II. После этого он начал активную католизацию Литвы, включая и входившие в ее состав южнорусские земли. /И здесь Почкаев тоже неправ: Ягайло «крестил Жамойтию», точнее – жамойтскую знать. Южнорусские (т.е. украинские) земли он не трогал. – *Ред.*/.

Естественно, московские ревнители православной веры не могли простить Ягайло его измены православию, и летописцы, сами являясь представителями православного духовенства, постарались представить литовско-польского монарха в самых мрачных тонах.

Но наиболее вероятно то, что Ягайло «пострадал задним числом»: на него могли возложить вины его преемников, в самом деле активно сотрудничавших с правителями Золотой Орды. К ордынской помощи прибегали литовские князья Свидригайло Ольгердович (1430–1432) – брат Ягайло, его преемник Сигизмунд (Жигимонт – *Ред.*) Кейстутович (1432–1440), Казимир IV (1440–1492) – сын Ягайло, а затем – Александр (1492–1506) – сын Казимира, которые вели непрекращающиеся войны с Русью /Московией. – *Ред.*/ за пограничные территории.

Для русских /московских. – *Ред.*/ летописцев было весьма соблазнительно представить их потомственными врагами Руси /Московии. – *Ред.*/ и объяснить их союз с Ордой традицией, берущей начало во времена Мамая, современником которого являлся Ягайло! Не будем забывать, что большинство русских /московских. – *Ред.*/ летописей, содержащих сведения о Мамае, равно как и значительное число «памятников Куликовского цикла» было создано или, по крайней мере, отредактировано при Иване III и его преемниках – на рубеже XV–XVI веков, в период острого противостояния Москвы с Литвой.

Софья Гольшанская: мифы и реальные факты

Л. П. Соболева

Дзівосная знойдзена дзева.
Дачка зямлі Беларускай, слынная,
слаўная ва ўсіх краінах,
Німфаў, багіняў пераўзыдзе, пекнаты
не адымеш,
Софьяй яе наракаюць у людзе,
аратыя славяць,
Воблік чаруе яе, як и бляск
красамоўства.

(Ян Вісліцкі.
«Пруская вайна». 1516 г.)

Софья Гольшанская – беларуская княжна, польская королева, основательница 180-летней династии Ягеллонов, отпрыски которой царствуют в Европе до сих пор*. Ее личность вызывала интерес современников не только в Польше и ВКЛ, но и за их пределами. Обстоятельства ее жизни стали предметом не только разнообразных хроник, но и политических памфлетов.

Противоречия в источниках и исследованиях относительно генеалогических корней, происхождения, биографических данных Софьи, ее положения и статуса: женщины, матери, политика – вот предмет данной статьи.

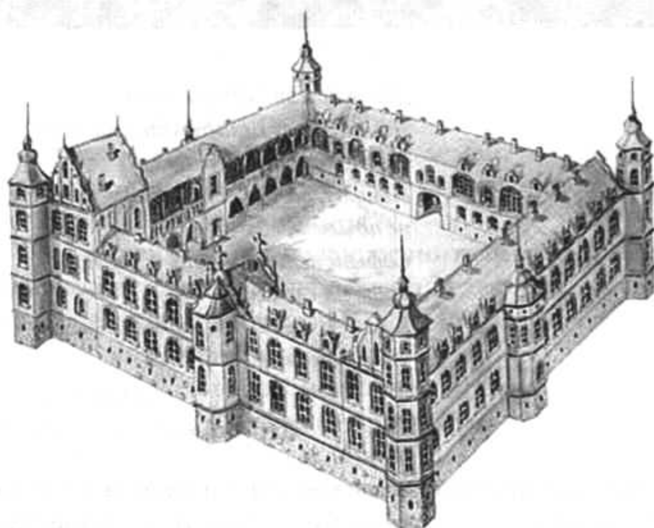
Летописный памятник «Хроника Быховца», самый полный общегосударственный летописный свод, составленный во второй четверти XVI века, повествуя о последнем браке польского короля Владислава II (Ягайло) упоминает избранницу короля – юную княжну Софью Гольшанскую, дочь родной сестры князя Семена Друцкого – Александры, выданной за литовского князя Андрея Гольшанского. По этой летописи, обручение Ягайло произошло в 1401 году во время возвращения Ягайло и Витовта через Друцк из смоленского похода – при непосредственном участии князя Семена, в семье которого воспитывалась будущая королева (1). Однако известный польский историк, исследователь генеалогии Юзеф Вольф считал, что Софья Гольшанская родилась в 1405 году, а замуж за Ягайло вышла в 1422 году, когда тому исполнилось 74 года (2).

Польский хронист Мацей Стрыйковский (1547–1590) считал, что Софья была дочерью князя Андрея Ивановича Друцкого и особо подчеркивал: «...не

Перевод и редакция А.Е. Тараса.

* Ее сын Казимир IV Ягеллон (1427–1492) – отец семи дочерей – является по женским линиям предком всех нынешних европейских королей и великих князей, а также тех династий, что утратили троны в результате революций в XIX–XX вв.

Гольшанского, как кладет летописец» (3). Источником исследования М. Стрыйковского была, очевидно, «Хроника Великого Княжества Литовского и Жамойтского». Кроме того, М. Стрыйковский ссылается на летописи: «как свидетельствуют все летописцы» (45) и на авторитетных исследователей, таких как Кромер, Длугош, Ваповский.



Гольшанский замок в XVII веке (реконструкция Н. Орды)

Однако версия о женитьбе Ягайло во время возвращения из Смоленска присутствует только в «Хронике Быховца» (5). Отметим, что среди известных на сегодняшний день беларуско-литовских летописей князя Андрея Гольшанского называет только «Хроника Быховца». Этот источник действительно считает Софью его дочерью (6). Правда, в «Хронике Быховца» князь Андрей фигурирует как Альгимонтович.

На самом деле Андрей был не сыном, а внуком Альгимонта. Сына же Альгимонта звали Иван. Был он активным сторонником Витовта во время его борьбы за великокняжеский престол. Дочь его, Ульяна, в 1418 году стала женой великого князя. Древний княжеский род Гольшанских, представители которого занимали высокие государственные должности в ВКЛ, имел родовое поместье в Гольшанах (недалеко от Ошмян). В конце XIV века он принадлежал Ивану Альгимонтовичу, наместнику киевскому. После его смерти поместье перешло к старшему сыну Андрею, который болел и безвременно умер в первом десятилетии XV века. Опекуном трех его дочерей – Василисы, Софьи и Марии – стал дядя, родной брат матери, Семен Дмитриевич Друцкий. О детстве Софьи ничего не известно, кроме того, что она воспитывалась вместе с шестью сыновьями дяди в Друцке. Именно он дал согласие на брак (7).

Трудно решить, на основании каких фактов и мнений М. Стрыйковский делал свои выводы, но они в дальнейшем сильно повлияли на историографическую традицию. Так, Каспар Несецкий (1682–1744) (8) заимствовал у него сведения о женитьбе князя Андрея Ивановича Друцкого на сестре Витовта, от этого брака будто бы и происходит Софья Гольшанская (9).

В родословной Друцких, составленной на основе преданий и сохранившейся среди тех представителей рода, что позже перебрались в Россию, тоже имеется предание о женитьбе одного из предыдущих членов рода на сестре Витовта. Но он назван Андреем, и, очевидно, спутан с Андреем Гольшанским, так как считается отцом жены Ягайло (10).

Польский средневековый хронист Ян Длугош (1415–1480) сообщает, что Ягайло находился в третьей и четвертой степенях родства со своей четвертой женой Софьей (11). Если принять во внимание, что Софья была дочерью сестры Семена Дмитриевича и учесть, что ее мать была дочерью Дмитрия Ольгердовича, действительно получается, что Софью Гольшанскую соединяла с Ягайло третья степень родства (12).

Вероятно, что брак Ягайло с Софьей не обошелся без интриги. Как известно, после смерти третьей жены Ягайло – Эльжбеты Пилецкой, король венгерский Сигизмунд Люксембургский, заинтересованный в союзе с Польшей, предложил ему кандидатуру вдовы своего брата (чешского короля Вацлава) – королевы Офки. Проект был согласован с королевской Радой. К Сигизмунду для дальнейших переговоров был послан Завиша Черный, но он попал в плен к гуситам (13). Великий князь Витовт использовал этот момент, чтобы настроить двоюродного брата и отменить переговоры. Именно Витовта считают основным посредником в браке Ягайло и Софьи.

Скорее всего, и это подтверждают источники, факторами, побудившими Ягайло жениться на молодой девушке, стали не ее родственные связи, а привлекательная внешность. По Длугошу, отличалась княжна «красотой больше чем невинностью». В «Хронике Быховца» летописец так записал обращение Ягайло к Витовту: «...Было у меня три жены, две ляховицы, а третья немка, но плоду с ними не имел, а теперь прошу тебя, сосватай мне у князя Семена племянницу меньшую Софию, чтобы я за себя ее замуж взял, может хоть с рода русского мне Бог детей даст» (14). По стародавнему беларускому обычаю нельзя было выдавать младшую сестру замуж раньше старшей. Поэтому Василису срочно сосватали за князя Ивана Бельского, а Софью обручили с королем Ягайло.

Софья Гольшанская с Ягайло в первые годы брака

Брак Ягайло с Софьей состоялся в Новогородке (Новогрудке) 24 марта 1422 года. Венчание произошло в фарном костеле, фундатором которого был Витовт. Коронация Софьи в Кракове произошла почти двумя годами позже – 12 февраля 1424 года. Так литвинская княжна Софья Гольшанская стала польской королевой. По Длугошу, недавняя «ruska dziewica» («ruthena virgo») после этого почувствовала себя в новом отечестве более уверенно.

Отношение Длугоша к Софье критическое, а местами неприязненное. Бесспорно, Ян Длугош один из самых авторитетных историков своего времени и его «Анналы» (Annales) (1455–1480) – это кладезь информации. Кроме польских, в сочинении использованы русские, литовские, чешские, венгерские летописи, сочинения античных авторов. Но к фактам, которые приводит этот хронист, надо относиться очень осторожно. Их подбор и интерпретация отражают не только личное мнение Яна Длугоша, но и мнение его покровителя – епископа Кракова и кардинала Збигнева Олесницкого, одного из глав-

Фарный костёл в Новогрудке,
где Софья обвенчалась с Владиславом (Ягайло)

ных оппозиционеров королевской династии Ягеллонов. То, что Хроника написана во время 13-летней войны Польши и Немецкого Ордена, в которой ВКЛ не принимало участия, тоже не добавляет хронисту любви к ВКЛ. Это признают и немецкие, и польские историки.

Однако вместе с критическими замечаниями насчет королевы Софьи, Ян Длугош не отрицает политической роли Софьи в государстве, ее личным достижением считает коронацию, получение регентства и т.д.

Участие в политической жизни она приняла сразу после брака. В 1422 году Папа Римский для изучения положения на месте послал в ВКЛ своего посланника Антония Зено, юриста, образованного референта. Ягайло вместе с Витовтом приняли его в Лиде. На этой встрече присутствовала будущая королева Польши – Софья Гольшанская (15).

Софья Гольшанская
(реконструкция О. Белоусова)

О политической роли королевы Софьи в государстве в период 1422–1434 гг. свидетельствует Ева Малечынская, монография которой увидела свет в 1936 г. (16). Искусство политики заключается в приспособлении к условиям и в использовании различных способов для осуществления определенных целей на практике. Один яркий пример: возвышение Софьи мешало 14-летней дочери Ягайло – Ядвиге (обрученной с Фредериком, сыном магдебургского электора) – получить польскую корону. Возможный сын Софьи и Ягайло своим рождением мог лишить ее трона.

Королева Софья быстро оценила ситуацию: она приспосабливалась, шла на примирение с бывшими противниками ради их поддержки. Надо иметь сильный характер, смелость и политическую предусмотрительность, чтобы выступить про-

тив тех, кто вынес ее наверх, имеется в виду избрание ею сторонников Люксембургов, и разрыв связей с народно-куриальной партией, которую поддерживал Витовт, и которая способствовала браку Ягайло и Софьи.

Оправдывала ли цель средства?! В данном случае – да. Актом признательности со стороны протеже Софьи стала ее коронация в Вавеле. Создание представительного окружения сторонников, среди которых были воевода Петр Рутерский, профессор университета Анджей из Кокоржина и другие, тоже свидетельство достаточной мудрости молодой королевы (17).

Позиции королевы усилились с рождением сына Владислава 31 ноября 1424 года. В письме Папе Мартину V Ягайло назвал сына «дедичем во всем крае», но положение законного наследника великокняжеской короны в самой Польше оставалось неясным. Именно Софья начала борьбу за признание сына наследником польской короны, а также за назначение себя регентшей на случай, если бы Ягайло умер до совершеннолетия сына. С целью поддержки королевская семья посетила ряд городов. Потомка трона первым признал Краков (февраль 1425 г.), позже Конин (март 1425 г.), Львов (октябрь 1425 г.). С течением времени Владислава признала преемником трона (а Софью и Витовта возможными регентами) вся Красная Русь. Коррективы в жизнь внесли последующие драматические события.

10 мая 1426 года Софья родила второго сына – Казимира, который прожил мало и был похоронен в королевском кафедральном соборе.

30 ноября 1427 года появился третий сын, которого окрестили Казимиром Андреем (второе имя в честь деда, князя Андрея Гольшанского). За несколько месяцев до его рождения среди королевских приближенных распространились слухи, будто ребенок рожден Софьей не от мужа, за королевой стали следить, чтобы, по Длугошу, «...при привычных плоти своей недостатках не попала в худшую беду» (18). Вероятно, политический успех Софьи (признание Владислава наследником трона, Софьи и Витовта кандидатами на регентство) активизировал врагов. По мнению Евы Малечынской, за кулисами сплетен стояли люди Збигнева Олесницкого, не желавшие возвышения королевы.

Две челядницы Софьи, Екатерина и Эльжбета Щуковские, обвинили ее в измене мужу с Генриком из Рогова, а затем в списке любовников появились еще семь молодых людей. Началось долгое дознание. Год искали доказательства Софьиной неверности. Сейм в Гродно поставил точку на этом скандале: королева принесла очистительную присягу.

Однако полной реабилитации не произошло, авторитет ее и в определенной мере монаршей власти значительно покачнулся. На съезде в Едлине Ягайло пришлось согласиться на жесткие условия: выборность короля, отказ от проекта регентства Софьи и Витовта, коро-

Король Владислав II (Ягайло)
(худ. Ян Матейко)

Владислав III «Варненский» (1424–1444), старший сын Софии (худ. Ян Матейко)

нация наследника только после утверждения привилегий шляхты.

Эхо скандала откликнулось в начале XVI века: в Кракове был издан «Трактат о двух Сарматиях» М. Меховского, в котором автор ставит под сомнение законность рождения Казимира, и соответственно династическую правомочность правившего в то время его сына Сигизмунда (1467–1548) (19). Несмотря на то, что историческая часть произведения была преимущественно компилятивной, и политические симпатии автора очевидны, тем не менее, произведение Меховского выдержало несколько изданий и долгое время оставалось источником для постоянного заимствования, а также одним из самых популярных.

В мае 1434 года 80-летний Ягайло заболел и вскоре умер (1 июня). Последние его просьбы были об избрании королем старшего сына и поручении опеки над королевичами Олесницкому. Нет свидетельств, чтобы он упоминал Софью. Возможно, сплетни об измене уязвили старого Ягайло. Тем более, что известно, что публичные обвинения король позволял себе и в отношении двух первых жен. Ко дню смерти Ягайло королеве Софье исполнилось 29 лет, ее сыновьям — 10 и 7. Страна осталась без короля, и Софья сделала все возможное ради избрания своего старшего сына Владислава монархом. Она пошла на примирение со Збигневом Олесницким, который выиграл дискуссию на съезде в Опатове и не допустил принятия решений, направленных против Владислава.

Епископ Кракова кардинал Збигнев Олесницкий (1389–1455)

Но примирение было недолгим: после коронации Владислава в 1434 году пути их разошлись. В мае 1439 года Спыток из Мельштина организовал в Новом мясте и Корчине конфедерацию против краковского епископа (Олесницкого), в которую входили и приближенные Софьи. Как считает Ян Длугош, акция была организована благодаря «подбиванию и посулам со стороны королевы Софьи» (20). Накануне решающей битвы с войском краковского епископа, по неизвестным причинам, некоторые из близких людей Софьи перешли на сторону Олесницкого. Конфедераты потерпели поражение, а поли-

тическая роль королевы Софьи с 40-х гг. значительно уменьшилась. Разумеется, не обошлась без Софьи попытка перевода в 1448 году Олесницкого в Гнезно, что явилось его личным поражением (21).

Казимир IV (1427–1492), третий сын Софьи (худ. Ян Матейко)

Успехи старшего сына, Владислава III Ягелонна (Варненского; 1424–1444), который вдобавок к польской получил еще и венгерскую корону, а в 1443–1444 гг. организовал крестовый поход против турок и добился победы, были предметом особой гордости для его матери. Молодой монарх стал образцом католического рыцаря. Его гибель под Варной в 1444 году заставила Софью вернуться к политической жизни, чтобы охранять интересы младшего сына Казимира.

Коронацию в 1447 году Казимира Ягеллона (1427–1492) польские историки считают личной победой Софьи. Казимир в своей внешней политике опирался на давних сторонников матери, и весьма показательно, что он сделал советником того самого Генрика из Рогова, сына подскарбия Ягайло и доверенного лица матери, с которым было связано эхо длительного скандала*. С именем Казимира связано строительство в 1447 году шести православных церквей в Литве – в Бешенковичах, Витебске, Кричеве, Могилеве, Орше и Черикове. Все они получили название Ильинских, как память об избавлении его жены Эльжбеты от опасности в Ильин день.

Помнил он и про неоднозначные отношения королевы-матери с епископом Збигневом Олесницким. Казимир ограничил права церковных иерархов и Костёла, который совсем недавно был «государством в государстве».

В 1491 году в краковской типографии Швайпольта Фиоля увидели свет первые печатные кириллические книги. По мнению Казимежа Моравского, не обошлось без участия Казимира. К сожалению, нет документальных оснований для подтверждения этой гипотезы. Но, вероятно, он знал про типографию Фиоля и, во всяком случае, не ставил преград в ее работе. При Казимире королевский двор, при поддержке ученых Краковского университета, превратился в один из центров гуманистического движения. Итальянский гуманист Филиппо Буанакорси-Каллимах (1437–1496), которого преследовала папская полиция, нашел приют при королевском дворе и стал учителем детей Казимира (предшественником был Ян Длугош). «Государством без костров» /инквизиции/ назвал Польшу XV – начала XVI вв. современный польский историк Я. Тазбир (22).

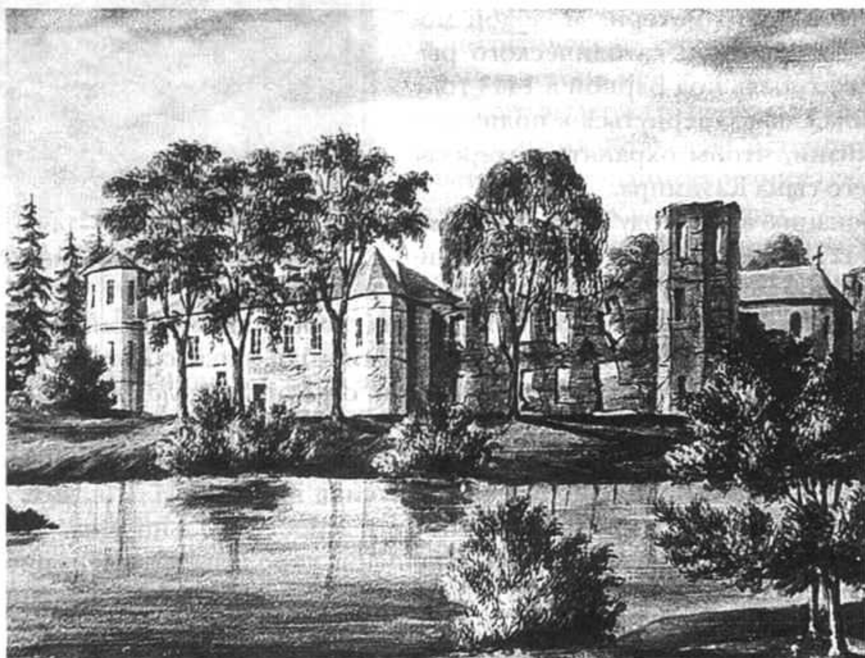
Широта взглядов Казимира Ягелонна, его благожелательное отношение к разным конфессиям, были результатом веротерпимости и толерантности, которую воспитала в нем мать, королева Софья.

---

* Весьма вероятно, что этот Генрик на самом деле был его отцом. – *Прим. ред.*

Софья всегда поддерживала хорошие отношения с литовско-беларуским окружением, до последних дней жизни имела в своей свите православных шляхтичей.

Значение рода Друцких оставалось долгое время весьма значительным. Договор великого князя Свидригайло (1430–1432) с его братом Ягайло, королем Польши, в 1431 году засвидетельствовали среди прочих князья Иван и Путята Семеновичи, а также их брат Василий Красный, занимавший пост витебского наместника («гауптмана»). Его и второго брата Софьи, Юрия Семеновича Гольшанского, источники упоминают среди почетных гостей во время коронации Казимира 25 июня 1447 года (23).



Руины замка в Гольшанах в XIX веке

Не случайно и ее взаимопонимание с великим князем Свидригайло-Болеславом (ок. 1370–1452), избранным на трон в Вильне после смерти Витовта. Большую часть своей жизни он провел среди беларусов и украинцев – княжил в Витебске, Чернигове, Брянске. Став великим князем, он ввел в Великую раду православных бояр ВКЛ. В Польше это сочли нарушением условий Кревской унии. Фанатичный защитник католичества краковский епископ Збигнев Олесницкий писал в январе 1432 года, что Свидригайло «во всем слушается русских схизматиков», отдал им наиболее важные замки и т.д.

В ночь на 1 сентября 1432 года Свидригайло был свергнут, великим князем провозгласили младшего брата Витовта Жигимонта Кейстутовича (1432–1434), которого признали Литва, Берестейская и Менская земли, принёманские волости. Среди тех, кто сохранил верность Свидригайло, были князья Гольшанские и Друцкие.

Значительный вклад внесла королева Софья в духовную и культурную сокровищницу польского народа. В 1433 году по ее воле и приказу начался первый в истории Польши перевод Библии на польский язык, титульная страница которой была украшена гербами Короны и Литвы. Осуществил перевод чех, капеллан королевы Энджи Ясшович.

Как известно, Софья благосклонно относилась к гуситам. В 20–30-е годы XV века влияние гуситских идей в беларуском обществе настолько усилилось, что правительство было вынуждено издать несколько постановлений, направленных против сторонников гусизма. В 1436 году для борьбы с гусизмом в ВКЛ была введена инквизиция (24). Надо отметить, что большого успеха она не имела, ибо гуситам симпатизировали многие представители правящих кругов страны, в том числе Софья Гольшанская. В течение XV века большинство студентов-литвинов получали образование в Кракове и Праге. Краковский университет являлся вторым после Пражского интеллектуальным центром гусизма. В Кракове определенное время преподавал Иероним Пражский (25). По свидетельству Луки Гурницкого, владение чешским языком считалось в тогдашней Польше признаком образованности (26).

Первый том Библии увидел свет в 1455 г., второй – около 1460 г., 185 страниц из 470 дошли до наших дней. Это – историческое и культурное наследие Республики Польша, известное под названием «Библия королевы Софьи».

Софья дождалась четырех внуков и одной внучки (всего у Казимира было 6 сыновей и 7 дочерей). В пожилом возрасте Софья приказала, чтобы ее похороны прошли в соответствии с обычаями ее родины – Литвы (Беларуси).

Умерла она 21 сентября 1461 года в возрасте 56 лет. Королеву похоронили в Вавельском кафедральном костёле в часовне св. Троицы, около западной стены. Именно эта сторона света у православных символизирует вечность. Показательно и то, что часовня расписана русскими, беларускими и украинскими мастерами. Многие фрески скомпонованы по православному канону.

Памятная монета «Софья Гольшанская (Друцкая)» — август 2006 г.

В беларускую историю Софья Гольшанская вошла своим происхождением, делами, отношением к соотечественникам. Такие фигуры составляют гордость каждого народа и должны вечно оставаться в его памяти. Выпуск в августе 2006 года Национальным Банком Республики Беларусь памятной монеты «Софья Гольшанская (Друцкая)» свидетельствует о поддержке усилий ученых и общественности на государственном уровне.

Литература

1. Хроника Быховца // ПСРЛ. Москва, 1975. Том 32, с. 149.
2. Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od konca czeternastego wieku. Warszawa, 1895, s. 57.
3. Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. Cz. 2, s. 159–160.
4. Там же, s. 159–160.
5. Улащик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985, с. 115.
6. Хроника Быховца. С. 149, 150.
7. Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od konca czeternastego wieku. Warszawa, 1895, s. 96, 115.
8. Niesiecki K. Herbarz Polski. Lipsk, 1839. T. III, s. 409.
9. Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. Cz. 2, s.159–160.
10. Петров П. Н. История родов русского дворянства. С.-Петербург, 1886, с. 48.
11. Dlugosz J. Roczniki czyli kroniki slawnego Krolestwa Polskiego. Warszawa, 1985. Ks. 11, s. 165.
12. Tegowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczow. Poznan, Wrocław, 1999, s. 76.
13. Klubowna A. Zofia // Cztery panie Jagiellowe. Olsztyn, 1983, s. 247.
14. Цит. по: Сведкі беларускай мінуўшчыны (зборнік дакументаў і матэрыялаў па гісторыі Беларуси VI-XV вв.) / Склад. С.К. Ганцова і інш./ Мінск, 1996, с. 137.
15. Кулага А.Ф. Город Лида: история, легенды, факты. Лида, 1994, с. 35.
16. Maleczynska E. Rola polityczna krolowej Zofii Holszanskiej na tle walki stronnictw w Polsce w latah 1422–1434. Lwow, 1936, s. 36.
17. Klubowna A. Zofia // Cztery panie Jagiellowe. Olsztyn, 1983, s. 249.
18. Rudzki E. Zofia Holszanska. Czwarta zona Wladyslawa Jagielly // Polskie Krolowie. Zony Piastyw i Jagiellonyw. Warszawa, 1990. T. 1, s. 105.
19. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. /Пер., коммент. С.А. Аннинского/ М.-Л., 1936, с. 32.
20. Rudzki E. Zofia Holszanska. Czwarta zona Wladyslawa Jagielly // Polskie Krolowie. Zony Piastyw i Jagiellonyw. Warszawa, 1990. T. 1, s. 121.
21. Bogucka M. Kazimierze Jagiellonczyk i jego czasy. Warszawa, 1981, s. 29.
22. Немировский Е.Л. Швайпольт Фиоль и возникновение славянского книгопечатания. [Интернет].
23. Rudzki E. Zofia Holszanska, s. 120; Насевіч В.Л. Род князёў Друцкіх у гісторыі Вялікага княства Літоўскага (XIV-XVI вв.) // Старонкі гісторыі Беларусі. Мінск, 1992, с. 96.
24. Падокшын С.А. Гусізм и грамадскі рух Беларусі і Літвы XV–XVI ст. // 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск, 1968, с. 34.
25. Krasinski W. Zarys dziejow powstania i upadku reformacji w Polsce. Warszawa, 1904. T. 1, s. 42.

Князь Свидригайло и его авантюры

Сергей Полехов

К концу XIV века Великое княжество Литовское (ВКЛ), одно из крупнейших государств Европы, представляло собой пестрое сочетание народов, вер и культур. За предшествующие десятилетия князья из династии Гедиминовичей вместе со своими боярами подчинили себе значительную часть Руси. Одновременно ими приходилось защищаться от агрессии Тевтонского ордена, заявлявшего о необходимости огнем и мечом обратить в католицизм язычников-литовцев, к которым добавились еще и схизматики-русины.

Воевать на два фронта было нелегко, и в 1385 году литовцы заключили союз с Польшей, согласившись принять католическое крещение. Князь Ягайло Ольгердович женился на польской принцессе Ядвиге и стал королем Владиславом II, сохранив за собой верховную власть над ВКЛ. Реальная же власть с 1392 года принадлежала его двоюродному брату Витовту, энергично принявшемуся укреплять свои позиции в государстве и за его пределами. Понятно, что такая политика пришлась по душе не всем – и в самом ВКЛ, и за его пределами.

Своеобразным символом этого недовольства стала деятельность князя Свидригайло Ольгердовича (ок. 1370–1452), которая напоминает авантюрный роман (недаром писатель Ф.М. Достоевский в его честь назвал Свидригайловым персонажа с подобным складом характера). Историки конца XIX – начала XX века охотно писали о чрезвычайной популярности на русских землях ВКЛ этого князя, который не раз угрожал сложившемуся порядку вещей (А. Левицкий, 1892; М. Любавский, 1910).

Столетие назад, в эпоху национальных возрождений и великих империй, эти представления были частью бытовавшего тогда образа ВКЛ как неестественного и внутренне слабого государства. Русские историки выводили отсюда мысль о неправомерности литовской власти над Русью, а польские – о жизненной необходимости унии Литвы с Польшей. Со временем ученые стали задавать прошлому новые вопросы и по-новому искать ответы. Очень важным стало сформулированное в 1930-е годы понимание средневекового государства как основанного на личных связях, что принципиально отличает его от государств Нового времени.

Образ же князя Свидригайло, возникший сто лет назад, порой можно встретить на страницах научных изданий и сегодня. Но если этот князь – брат короля Польши! – был столь популярен в ВКЛ, то почему ему пришлось ждать своего звездного часа целых четыре десятилетия, до самой смерти Витовта? Кто были его действительные союзники и противники?

Из журнала «Родина», 2011, № 10, с. 82–84.

***

Имя Свидригайло (или Швитригайла) составлено из двух литовских корней, означающих «проворный» и «сильный» (1)*. Это имя получил младший сын великого князя Ольгерда, родившийся незадолго до его смерти, в 1370-х годах. В 1380-е годы Свидригайло был крещен в католичестве, предписаниям которого строго следовал всю свою жизнь, и получил имя Болеслав. Подобно другим князьям в ВКЛ, он обычно называл себя сочетанием имен («Болеслав, иначе Свидригайло»), а вот потомки запомнили его под языческим именем. До поры до времени он жил в согласии со старшими братьями.

Все изменила смерть его матери Ульяны Александровны в 1392 году. Она владела Витебском, а после ее смерти Ягайло назначил туда наместником своего сокольничего, боярина Фёдора Весну. Оскорбленный тем, что боярин «градом володееть, а его не послушан», Свидригайло в 1393-м убил Фёдора и сам стал править Витебском. В ответ Витовт по просьбе Ягайло организовал поход туда и после сдачи Витебска отправил князя-бунтовщика в Краков – к Ягайло (2).

Князь Свидригайло /Болеслав/ (ок. 1370–1452) в расцвете сил

Спустя несколько лет тому удалось перебраться в Венгрию, во владения короля Сигизмунда Люксембургского. Сопровождал его князь Фёдор Любартович, который незадолго до этого получил от Витовта Новгород-Северское княжество взамен отобранных ранее обширных владений на Волыни (т.е. князь Фёдор тоже был из числа недовольных – *Ред.*).

Находясь в Венгрии, оба князя в 1397–98 гг. завязали контакты с великим магистром Тевтонского ордена Конрадом фон Юнгингеном, надеясь с его помощью вернуть себе некие «вотчины», откуда они, по их словам, были изгнаны. Юнгинген отнесся к этой идее без энтузиазма: он готовился заключить выгодный договор с Витовтом, и поддержка противников последнего не отвечала интересам магистра. Пока Свидригайло и Фёдор добивались благосклонности главы Ордена, тот успел заключить предварительный договор с правителем Литвы. В итоге беглецы получили вежливый отказ.

А 12 октября 1398 года на острове Салин, у впадения реки Невежис в Неман, был утвержден «вечный мир» между Орденом и Литвой. Его ценой стала уступка Ордену Жамойтии (Жмуди) – точнее, ее основной части, простиравшейся от Невежиса до Балтийского моря. В XIII–XIV веках князья Литвы неоднократно передавали этот край Ордену (начало положил Миндовг – *Ред.*). Стороны также

---

* Это выдумка летувисских авторов К. Кузавиниса и Б. Савукинаса, датированная 1994 годом. Авторы энциклопедии «Литва» (А. Ваганас, З. Зинкявичюс и другие), изданной в Вильнюсе на пять лет раньше, в 1989 г. (еще при советской власти), признали, что с точки зрения современного летувисского (т.е. жамойтского) языка смысл имен князей древней Литвы «трудно объясним». Иначе говоря, они не имеют никакого отношения к языку летувисов (жамойтов) – ни древнему, ни современному. – *Прим. ред.*

разделили сферы влияния на северо-востоке: Литве – Новгород, Ордену – Псков.

Одна из статей договора гласила, что каждая из сторон обязывается не принимать к себе тех, кто может представлять опасность для другой стороны.

Великий князь Витовт, с которым Свидригайло враждовал более 30 лет, на съезде монархов в Луцке

После этого состоялся пир, на котором приближенные Витовта, участники церемонии по заключению договора, объявили его королем Литвы (3).

Все это означало, что Свидригайло и Фёдор не могут рассчитывать ни на венгерского короля, который не собирался ссориться с Польшей и Литвой, ни на знать ВКЛ, ни на Тевтонский орден. Им пришлось ни с чем вернуться на родину и примириться с Витовтом и Ягайло.

***

В августе 1399 года Свидригайло принял участие в битве на реке Ворскла, где войска Витовта и его союзников сошлись с туменами могущественного ордынского эмира Едигея и его ставленника хана Темир-Кутлука. Витовт потерпел сокрушительное поражение и спасся бегством, как и Свидригайло. Среди пропавших без вести в этой битве был краковский воевода Спытко Мельштынский, владелец Западного Подолья с центром в Каменце. Ягайло передал эту землю Свидригайло на то время, пока Спытко не объявится.

Казалось, что Свидригайло, получив выгодное пожалование, останется послушным вассалом своего старшего брата (4). Спытко так и не вернулся домой: выяснилось, что в кровопролитном сражении на Ворскле он погиб. Но Свидригайло владел его наследием менее двух лет. На новую авантюру его толкнуло возобновление польско-литовской унии в начале 1401 года, по условиям которой Ягайло признал Витовта великим князем Литвы до конца его жизни. Уже в конце февраля авантюрист заключил договор с мазовецким князем Семовитом IV, фактически направленный против Витовта.

Этим дело не ограничилось. После обновления польско-литовской унии все удельные князья ВКЛ должны были присягать на верность королю Владиславу (Ягайло). При этом каждый князь давал присяжную грамоту, которая затем хранилась в польском коронном архиве. Но Свидригайло, по словам прусского хрониста, скрепил такую грамоту «неправильной печатью» – чтобы она не имела силы» (5).

Свои планы неугомонный князь и на этот раз попытался подкрепить помощью извне. К концу 1401 года он снова завязал контакты с Тевтонским орденом. В начале 1402 года Свидригайло не явился в Краков на свадьбу Владислава II (Ягайло). Вместо этого он под видом купца отправился в Мариенбург (Мальборк). Там 2 марта 1402 года великий магистр заключил с ним договор, почти

дословно повторявший условия Салинского трактата. Отличие состояло в том, что поддержка Свидригайло в ВКЛ была ничтожной, поэтому он обещал утвердить договор после «возвращения вотчины». Под ней, как следует из текста договора, подразумевались «земли Литвы и Руси», то есть все Великое княжество Литовское.

В день заключения договора Свидригайло получил первую субсидию из кассы Ордена. С тех пор содержание беглого князя стало одной из крупных расходных статей орденской казны. Согласно «Мариенбургской книге казначея», куда заносились все расходы орденского руководства, только за 1402 год на него потратили более тысячи марок – при общих расходах Ордена около 34 тысяч марок. В ноябре 1402 года Свидригайло переехал в специально выделенную ему крепость Безлаг, откуда удобно было совершать походы на земли Литвы.

Он делал ставку и на своих влиятельных сторонников в Западном Подолье, укрывшихся в своих замках и ждавших помощи от него. По этому поводу прусский хронист спустя несколько лет отметил, что «русины опять провозгласили его своим господином, и многие поляки тоже бросились к нему» (6).

Свидригайло прибыл в Орден в тот момент, когда (несмотря на Салинский договор) снова начинался конфликт крестоносцев с Литвой. Незадолго до этого против них восстали жамойты, а Витовт неофициально поддержал их. В 1402–1403 годах Орден организовал несколько походов в Жамойтию и Литву, в одном из которых участвовал и Свидригайло. Крестоносцы рассчитывали посадить его на престол в Вильне, тем более, что у него нашлись сторонники в ВКЛ. Но Витовт вовремя их казнил, а походы рыцарей кончились ничем. Обещания помочь своим сторонникам в Подолии Свидригайло тоже не выполнил, и они сдались польскому королю (7). Вскоре снова был заключен мир, после чего Орден потерял интерес к содержанию дорогостоящего претендента на литовский престол.

Мятежный князь опять помирился со своими недавними противниками – Ягайло и Витовтом. Он получил от них денежное обеспечение и земли в ВКЛ, в том числе обширные владения на литовско-московской границе с городами Брянском и Стародубом. Он участвовал в походах Литвы на Смоленск в 1404-м году и на Московское великое княжество в 1406-м году (8).

Эта идиллия длилась недолго. К лету 1408 года у Витовта появились небеспочвенные опасения, что Свидригайло хочет перейти на службу к великому князю московскому Василию I. Витовт вызвал князя из Брянска для объяснений, а тот, желая убедить господаря в верности, заявил, что готов вернуть свои владения Витовту, если он хочет. Но, когда в Брянск к Свидригайло приехали бояре Витовта с целью осуществить предложенное, тот арестовал их, сжег свои замки и отправился в Москву. Его сопровождали брянский епископ Исаакий, ряд местных князей, а также «бояре Черниговские, и Дьбрянские, и Стародубьские, и Любутьские, и Рославские». Но, как справедливо отметил польский историк Стефан Кучинский, все это больше походило на поспешное бегство, чем на заранее спланированную акцию (9).

26 июля 1408 года неугомонный авантюрист со свитой и заложниками (боярами Витовта) прибыл к Василию, который устроил ему торжественную встречу и пожаловал обширные владения – города Владимир, Переяславль, Юрьев-

Польский, Волок Ламский, Ржеву и половину Коломны. В этой связи летописец сокрушался о судьбе Владимира: «еже есть стол земля Русскыа и град Пречистые Богоматери... И таковаго града не помиловавше Москвичи, вдаша в одержание Ляхов». В сентябре того же года отряды под общим командованием Свидригайло успешно отразили попытку войска Витовта переправиться через Оку (10).

Но в том же сентябре Витовт и Василий I заключили мир. По его условиям Василий должен был выдать Свидригайло Витовту. Однако беглый литовский князь узнал об этом и сумел избежать ареста. А в конце 1408 года войска эмира Едигея разорили Московское княжество, в том числе те города, которыми управлял Свидригайло. По этому поводу летописец ехидно заметил, что «лях» и его сторонники «на бег токмо силу показаша».

Вскоре литовский князь оказался уже в Орде у Едигея и его очередного ставленника хана Пулада (Булата). У них были свои счеты с Витовтом: Едигей добивался выдачи сыновей хана Тохтамыша (что и стало одной из причин его похода на Москву, вступившую в союз с Литвой). В противном случае он угрожал разорить владения Витовта «вдоль и поперек до самой немецкой границы». Свидригайло воспользовался этим, чтобы в очередной раз напомнить Витовту о своей «вотчине». Его союз с татарами даже планировалось скрепить женитьбой на ханской дочери. Но к лету 1409 года у Свидригайло созрело решение вернуться в Литву (11).

Луцкий замок в XV веке

В сентябре он уже был при дворе Витовта, хотя и остался в немилости: на пирах Витовт не сажал его за свой стол. Тем временем разгорелся конфликт, вошедший в историю под названием Великой войны Польши и Литвы с Тевтонским орденом. Орден объявил войну польскому королю и к началу сентября захватил ряд приграничных земель Польши. На литовском фронте дела у немцев шли куда хуже. Чтобы поправить их в дальнейшем, великий магистр Ульрих фон Юнгинген (младший брат Конрада, умершего в 1407 году) решил заручиться поддержкой «пятой колонны» в самой Литве. Предателей возглавлял все тот же Свидригайло, в надежде, что эта война наконец-то поможет ему получить долгожданную «вотчину».

Но люди Витовта перехватили письма, которые Юнгинген отправил Свидригайло. Когда Витовт узнал о новой измене младшего Ольгердовича, – уже четвертой по счёту! – его немилость сменилась гневом*. Он приказал обезглавить двоих князей, поддержавших Свидригайло. Говорили, что такая же судьба ждет

* Перечислим эти измены: в 1393, 1402, 1408, 1409 гг. – *Ред.*

и его самого. Однако Витовт ограничился тем, что посадил изменника в Кременецкий замок, где тот томился «в оковах» восемь с половиной лет (12).

Возможно, Свидригайло так и умер бы в заточении в Кременце, если бы ему на помощь не пришли князья Даниил Острожский и Александр Нос, недовольные политикой Витовта. Им удалось обмануть тогдашнего кременецкого воеводу немца Конрада Франкенберга: тот принял на службу людей, подосланных заговорщиками. Новые слуги 24 марта 1418 года («в великий четверток») опустили подъемный мост замка перед полутысячным отрядом князя Острожского. Войдя в замок, Даниил убил Франкенберга, «приставов королёвых и Витовтых изсече» и освободил Свидригайло (13).

Эти события встревожили Витовта: узнав о бегстве Свидригайло, он каждый день держал совет со своими вельможами, опасаясь измены, и сообщил Ягайло, что из-за этого происшествия ему придется отложить войну с Орденом. Перебежчик из Литвы рассказывал орденскому сановнику, что «вся Литва радуется» освобождению Свидригайло, а литовские и русские вельможи вот-вот выступят в поддержку его.

Вполне возможно, что именно такова была первая реакция определенной части знати в ВКЛ на слухи о происшествии в далекой Луцкой земле. Но дальнейшее развитие событий гораздо лучше любых слухов и прогнозов показало реальные силы и возможности Свидригайло. Хотя он вместе со своими освободителями взял Луцк, не чувствовал себя настолько сильным, чтобы противостоять Витовту. Поэтому, отняв у волынских бояр полторы сотни лошадей, он отправился в Молдавию, где стал договариваться с воеводой Александром «Добрым» о совместном выступлении против Ягайло и Витовта.

Видимо, особых успехов он не добился. Об этом свидетельствует тот факт, что вскоре Свидригайло отправился в путешествие по странам Центральной Европы. Как и 20 лет назад, он нашел приют при дворе Сигизмунда Люксембургского, ставшего к этому времени императором Священной Римской империи.

Не забыл князь и о Тевтонском ордене. Уже летом 1418 года он установил контакт с великим магистром Михаэлем Кюхмейстером. Поначалу Свидригайло рассчитывал сколотить отряд из своих сторонников, бежавших в Орден из Литвы, но из этого ничего не вышло. Зато к концу года слухи о его бегстве дошли до Жамойтии, население которой проявляло серьезное недовольство властью Витовта и деятельностью католических ксендзов. Жамойты возлагали большие надежды на Свидригайло. По их словам, стоило ему только появиться в их земле с небольшим отрядом, как все они перешли бы на его сторону и помогли завоевать Литву (14).

Все изменилось через несколько месяцев. В мае 1419 года в городе Кошице (в нынешней Словакии) состоялась встреча короля Владислава II (Ягайло) с императором Сигизмундом. Последний согласился выступить посредником в конфликте короля с Тевтонским орденом. Здесь же Свидригайло помирился со своим венценосным братом, после чего получил владения в Польше. Однако сношений с Мариенбургом он не прервал.

С Витовтом, правившем Литвой, Свидригайло помирился год спустя, когда стало ясно, что надежды Ягайло и Витовта на посредничество императора не

оправдались и новой войны с Орденом не избежать. 10 августа 1420 года Свидригайло перед угрозой светских и церковных наказаний присягнул на верность Витовту. В обмен на присягу он получил от него огромные владения на юго-востоке ВКЛ с городами Брянск, Чернигов, Новгород-Северский и Трубчевск (15).

Таким образом Свидригайло приобрел максимум того, на что мог рассчитывать, пока у власти находился Витовт. От возобновления былых авантюр его удерживала и международная обстановка. Война Тевтонского ордена с Польшей завершилась в 1422 году миром, крайне невыгодным для Ордена. Император Сигизмунд увяз в борьбе с гуситами, отказавшимися признавать его власть после смерти чешского короля Вацлава IV. Московское великое княжество шло в русле литовской политики, особенно после смерти Василия I (1425 г.), когда Витовт стал одним из опекунов его малолетнего сына Василия II (16).

Свидригайло не оставалось ничего другого, как играть роль послушного вассала великого князя Литвы. Теперь он, как и другие литовские удельные князья, защищал южные границы ВКЛ от татар, участвовал в походах Витовта против Тевтонского ордена в 1422 и против Новгорода в 1428 году, раздавал земли своим подданным, дарил подарки Витовту, когда тот в 1427 году объезжал свое государство (17).

Олесский замок был укрытием Свидригайло

Перемены принес лишь 1430 год, когда Витовт умер. Сложившиеся к тому времени напряженные отношения ВКЛ с Польшей и собственная расторопность позволили 60-летнему Свидригайло занять престол, которого он столько лет добивался. Но это уже другая история...

На кого только не делал ставку Свидригайло, стремясь осуществить свои планы, – на великих магистров Тевтонского ордена, московского великого князя Василия I, ордынского эмира Едигея... Отношения с ними складывались у него куда успешнее, чем с жителями ВКЛ. Дело в том, что активными сторонниками Свидригайло, на поддержку которых он мог реально опереться, были в основном люди, лично с ним связанные, – его слуги, политические союзники, соседи. Заметим, что их ряды не ограничивались русинами, были среди них и литвины, и поляки. Вряд ли он мог рассчитывать на большее в условиях той эпохи, когда огромные расстояния служили серьезной помехой для коммуникации, а информация распространялась в форме слухов, при этом причудливо искажаясь.

За этими относительно узкими пределами о беспокойном королевском брате в лучшем случае помнили или же вспоминали время от времени, иногда даже симпатизировали ему, но это не влекло за собой никаких далеко идущих последствий. Чтобы противостоять Витовту – правителю огромного государства,

этого было недостаточно, поэтому локальные успехи оказывались призрачными. А главное, судьба государства зависела от позиции его правящей элиты, и пока она оставалась верной правителю (великому князю), младшему Ольгердовичу нечего было рассчитывать на успех своих мятежей...

Литература

1. Kuzavinis K., Savukynas B. Lietuvir vardr kilmes zodynas. Vilnius, 1994, p. 340.
2. Nikodem J. Bunt Swidrygielly w Witebsku. Bialoruskie zeszyty historyczne. Tom 32. Bialystok, 2009.
3. Scriptores rerum Prussicarum. Bd.3. Leipzig, 1866 (далее — SRP), s. 219-224.
4. Kurtyka J. Podole pomiedzy Polska i Litwa w XIV i 1. polowie XV wieku. / Kamienec Podolski. Studia z dziejow miasta I region. Tom 1. Krakow, 2000, s. 31-33.
5. SRP, s. 244-245.
6. SRP, s. 255.
7. Kurtyka J., s. 33.
8. Lewicki A. Powstanie Swidrygielly. Krakow, 1892, s. 57.
9. Kuczynski S. Zieme czernihowsko-siewierskie pod rzadami Litwy. Warszawa, 1936, s. 220-222.
10. Kuczynski S. Там же.
11. ПСРЛ. Том 18, с. 156-157.
12. Jozwiak S., Kwiatkowski K., Szweda A., Szybkowski S. Wojna Polski i Litwy z Zakonem Krzyzackim w latach 1409-1411. Malbork, 2010, s. 117-149.
13. ПСРЛ. Том 18, с. 165.
14. Codex epistolaris Vitoldi. № 322. Cracoviae, 1882.
15. Dlugosh J. Opera omnia. Tom 13. Cracoviae, 1877, p. 218.
16. Иванов Д.И. Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия. / Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999.
17. Dlugosh J. Opera omnia. Tom 13, p. 365.

Гражданская война Свидригайло

Максим Петров

Исполнение мечты Свидригайло

Великий князь Витовт умер 27 октября 1430 года. Буквально через десять дней в Вильне собрались на съезд князья и бояре всего Великого княжества Литовского. По сообщениям беларуско-литовских летописей и немецких хроник, король Владислав II (Ягайло) предложил съезду избрать великим князем своего родного брата, 60-летнего Свидригайло (в католичестве Болеслава). Это предложение было принято 7 ноября большинством голосов. Наконец-то Свидригайло получил то, о чем мечтал уже 28 лет – начиная с 1402 года, когда он впервые попытался занять великокняжеский престол с помощью крестоносцев.

Однако польские вельможи из коронной рады, упорно считавшие Литву после Кревской унии 1385 года частью Польского королевства, не хотели видеть этого человека великим князем.

Женатый на дочери великого князя Тверского, Свидригайло демонстрировал явную доброжелательность к православной церкви. Его выступления против Витовта в Витебске, на Подолье, в Северских княжествах всегда опирались на русинов, видевших в нем защитника своих интересов. Ян Длугош подчеркнул, что этот Ольгердович, хотя сам был католиком, парадоксальным образом «великую склонность проявлял к вере» русинов. Поэтому власть такого князя поставила бы под вопрос все успехи 40-летней деятельности Костёла в ВКЛ.

Кроме того, Свидригайло не собирался уступать Польше что-либо из владений Литвы. А играть роль послушного исполнителя воли польских вельмож он просто не был способен по своему характеру. Следовательно, с утверждением его на престоле перспективы инкорпорации Литвы в состав Польши развеивались как дым.

Свидригайло был яркой неординарной личностью. Позже недоброжелатели, в первую очередь Ян Длугош, а под влиянием Длугоша и некоторые беларуско-литовские летописцы [1] изображали его неуравновешенным, недалеким человеком, интриганом, склонным к пьянству и приступам бешенства. Однако трудно верить словам этого хрониста – фанатичного католика и горячего польского патриота, особенно если учесть те симпатии, которые питали к Свидригайло самые разные люди во многих странах, не говоря уже о самом ВКЛ.

Правда, Свидригайло пообещал решить все споры на съезде с поляками летом будущего года [2]. Но члены коронной рады не питали иллюзий на этот счет. Они предпочли форсировать события. Пока Ягайло находился в Вильне, паны-рады приказали польским войскам вступить в Подолию, занять Каменец и Подольск. Узнав об этом, Свидригайло потребовал от своего венценосного брата принять меры. Ягайло послал в Краков приказ о выводе войск и возврате захваченных городов комиссару великого князя литовского. Но, чтобы сорвать

исполнение этого приказа, паны коронной рады объявили, что король арестован Свидригайло, а свое распоряжение издал под принуждением.

Пока Ягайло возвращался в Краков, ситуация еще больше ухудшилась. Свидригайло отдал приказ об удержании пограничных замков под своей властью. Были заняты Владимир Волынский, Збараж и ряд других пунктов. Это повлекло за собой вооруженные столкновения между литовцами и поляками в Подолии и на Волыни.

Готовясь к войне против Польши, Свидригайло искал союзников. Одним из первых стал молдавский воевода Александр «Добрый». Удалось заключить договор с прежним ставленником Витовта – ханом Золотой Орды Улуг-Мухаммедом*.

В январе 1431 года был заключен мирный договор с Великим Новгородом, обеспечивший нейтралитет республики Святой Софии в разгоравшемся конфликте. В конце года такой же договор был заключен с Псковом.

Благодаря стараниям Жигимонта Корибутовича вырисовывался союз с гуситами**, однако этим еретикам Свидригайло предпочел более важного союзника – императора Священной Римской империи. Еще 8 ноября 1430 года (на следующий день после своего избрания) он послал письмо Сигизмунду с предложением совместного выступления против турок, взамен за такое же предложение коронации, которое было сделано Витовту и за поддержку в борьбе против Польши. Сигизмунд не только согласился, но и посоветовал магистру Немецкого ордена поддержать Свидригайло. Сигизмунд Люксембургский поддержал великого князя литовского и обещал ему королевскую корону. Стороны обменялись посольствами. А 9 июня 1431 года Свидригайло подписал договор с великим магистром Немецкого ордена Паулем Русдорфом (1422–1441), направленный против Польского Королевства и гуситов. Правда, Орден был сильно ослаблен***.

Польские магнаты не собирались уступать Свидригайло, пошедшему на сближение с их давними врагами и явно взявшему курс на полный разрыв с Польшей. Во второй половине февраля 1431 года на съезде польской шляхты в Сандомире паны коронной рады обвинили короля Владислава (Ягайло) в самовольном назначении великого князя литовского и продиктовали те условия, на которых они могли бы терпеть Свидригайло. По их мнению, ему следовало заново просить полномочий на престол великого князя (согласно Городельской унии 1413 года), а также без каких-либо условий отдать Короне земли Подолии и Волыни вместе с Луцком. Свидригайло ответил в апреле на эти наглые требования ка-

* Улуг-Мухаммед (ум. 1445) – сын Джелал-эд-Дина, внук Тохтамыша. Хан Золотой Орды в 1419–1423 и 1426–1437 гг. В 1438 со своей ордой переселился на среднюю Волгу, где основал Казанское ханство.

** В 1422 году Витовт послал своего племянника, князя Жигимонта Корибутовича (1385–1435) с 5-тысячным войском в Чехию на помощь гуситам. Войско Жигимонта заняло Прагу, жители избрали его «паном господарем Праги». Но вследствие конфликта, разгоревшегося между умеренными и радикальными фракциями гуситов (чашниками и таборитами), ему в 1426 году пришлось уехать в польскую Силезию. Там он жил и проповедовал идеи Яна Гуса.

*** Напомним, что Орден проиграл войну полякам летом 1422 года. Естественно, крестоносцы мечтали о реванше.

тегорическим отказом, после чего обе стороны стали интенсивно готовиться к военным действиям.

В июне 1431 года король Владислав II (Ягайло) объявил войну ВКЛ и направил свое войско на Волынь. В июле польские отряды подошли к столице Луцку, где столкнулись с немногочисленными формированиями Свидригайло, которые после боев отступили. Зато Луцкий замок во главе со старостой Юршем весь август держал осаду, пока послы Владислава и Свидригайло не подписали 1 сентября двухгодичное перемирие, которое распространялось и на союзников (Немецкий орден, молдавского воеводу, хана Золотой Орды).

Свидригайло (худ. Ю. Каштанов)

Польская коронная рада планировала после окончания срока договора объявить войну Ордену. До ее начала важно было заручиться помощью союзников или нейтралитетом соседей. Но Свидригайло действовал с точностью наоборот: он восстановил договор с немцами: 15 мая 1432 года в замке Кристмемель представители орденского руководства, рыцарства, прусских и ливонских городов, с одной стороны, бояре и города Литвы и Руси, с другой, своими подписями подтвердили договор 1431 года о союзе между Великим княжеством и Немецким орденом.

Раскол в ВКЛ

Тем временем в самом Великом княжестве возникла довольно сильная оппозиция Свидригайло. Перспектива полного разрыва с Польшей и утраты тех преимуществ, которые гарантировала Городельская уния, вызвала противодействие католической части боярства ВКЛ. Их тревога не была напрасной. Свидригайло сразу после прихода к власти, в нарушение 9-й статьи Городельской унии, стал раздавать важные государственные должности православным боярам («схизматикам»). Краковский епископ Збигнев Олесницкий в 1432 году возмущенно писал, что в ВКЛ «русины взяли перевес над литовцами, они держат в своих руках почти все важнейшие города и должности, чего не бывало при покойном Витовте». Были недовольны действиями Свидригайло и те, кто имел власть при Витовте, но потерял ее после утверждения его соперника.

Все же оппозиция сама по себе не решалась замахнуться на великого князя. План его свержения возник в коронной раде, активно готовившейся к войне с Орденом [3]. Полякам важно было перетянуть Свидригайло на свою сторону или хотя бы заручиться его нейтралитетом. Но все старания их дипломатов разбивались о твердую позицию князя Литвы; он ни при каких условиях не желал разрывать союз с немцами. «Ничто на свете не может нас с вами разлучить», — писал он великому магистру, а полякам категорически ответил, что в случае их нападения на Орден он вместе с татарами ударит по Короне.

Поскольку разорвать союз великого князя с Орденом не удавалось, осталось лишь одно средство – устранить его самого. Известно, что польское посольство

во главе с серадским воеводой Зарембой Вавринцом, посланное в ВКЛ 30 мая 1432 года, имело тайное поручение подстрекать литовских князей и бояр, чтобы те «не дали Свидригайле господствовать», а 20 июля новое коронное посольство снова прибыло в Вильню с таким же заданием. Пропольская партия в Великом княжестве приготовилась к выступлению и ждала сигнала. Знак был подан в конце лета, когда Свидригайло с женой, свитой и слугами выехал в Брест, на встречу с Ягайло. Покушение произошло в ночь с 31 августа на 1 сентября 1432 года в Ошмянах, где великий князь остановился по пути. Переворот осуществили его двоюродный брат 67-летний Жигимонт Кейстутович, княживший в Стародубе, и Симон Гольшанский, издавна близкий к Кейстутовичам. Предупрежденный в последний момент Ивашкой Манивидовичем, Свидригайло сумел бежать в Полоцк, но его жена, придворные и слуги попали в плен.

Так началась гражданская война между двумя группировками феодалов.

Власть Жигимонта Кейстутовича признали Вильня, Троки, Ковно, Гародня, Жамойтия, Подляшье и Минская земля. Этому признанию в огромной мере способствовало католическое духовенство. Позже силой был подчинен Брест. В результате земли Западной Беларуси пошли за Жигимонтом. Владение Вильней дало ему право на роль великого князя. Однако вся Восточная Беларусь (включая Смоленскую землю), а также вся Украина не признали Жигимонта и попрежнему считали своим великим князем Свидригайло. Так государство временно разделилось на Литву и Русь. Как отметил автор «Хроники Быховца», «князья и панове литовские при помощи короля Ягайлы взяли себе господарем великого князя Жигимонта, князья русские и бояре посадили князя Свидригайлу на великое княжение Русское» [4].

Получив власть благодаря полякам, Жигимонт сразу же восстановил унию с Польским королевством, подписав ее в Гродно 15 октября того же года [5]. По новому договору, король Владислав II (Ягайло) как верховный правитель («princeps supremus») Литвы передавал Жигимонту Кейстутовичу ВКЛ только в пожизненное владение. За это тот обязался помогать Королевству Польскому при каждой нужде. После смерти Жигимонта все земли ВКЛ должны были перейти во владение Польского Королевства:

> «Великое Княжество Литовское и надлежащие ему земли вместе с Русью до того же короля Владислава, его достойных сыновей Владислава и Казимира и их преемников, а также до короны Королевства Польского должны вернуться по праву дедичному».

Только Троки оставались вотчиной великого князя и его детей, но на условиях лена. Жигимонт отказался от всех прав на Подолию и согласился на раздел Волыни между Короной и Княжеством. Во внешней политике он обязался разорвать все международные договоры, заключенные Свидригайло, и никогда не примыкать к антипольским выступлениям.

Многие исследователи (А. Левицкий, М. Грушевский, А. Копыстянский и др.) отмечали, что в тексте Гродненской унии 1432 года содержалась небольшая уступка литовским панам: дважды упоминалось о том, что для избрания будущих великих князей литовских требуется согласие обеих сторон. Но в целом она стала триумфом польской политики, направленной на инкорпорацию ВКЛ. По

Русинские княжества ВКЛ, поддерживавшие Свидригайло

сравнению с Городельской унией 1413 года, предусматривавшей относительно равноправные отношения Короны и Княжества, теперь правовой статус последнего был снижен до уровня вассала Польши. После смерти Жигимонта вся власть должна была перейти к Ягайловичам. Именно так понимали унию 1432 года польские паны. Подписывая в 1437 году акт ратификации Гродненской унии, они отметили, что литовскими замками могут владеть только те князья, которые присягнут, что после смерти Жигимонта вернут их польскому королю.

Начало гражданской войны

Свергнутый Свидригайло вовсе не считал свое дело проигранным. Он сохранил власть в восточной части государства, а на западе ВКЛ его сторонниками были социальные низы (в большинстве православной веры). Опираясь на По-

лоцк и Витебск, с осени 1432 года Свидригайло начал совершать походы на земли, подвластные Жигимонту.

В конце ноября он с войском, состоявшим из полочан и смолян, а также включавшим отряд из Твери, пошел на Вильню, владение которой было решающим в борьбе за потерянный престол. Вскоре после выхода из Ошмян войско встретило силы Жигимонта Кейстутовича, состоявшие из жамойтов и литвинов, в том числе жителей дрогичинской земли.

Сражение произошло 8 декабря. Бой продолжался до ночи. Численный перевес был на стороне Свидригайло, и сначала он брал верх, три мили гнал противника. Жигимонт, однако, сумел переломить ход битвы и принудил Свидригайло бежать. В плен попали многие сторонники Свидригайло, в том числе князья Юрий Гедигольд, Митка Зубровицкий, Василий Красный, Юрий Лугвеневич, Федор Одинцевич.

Свидригайло пришлось отступить к Полоцку. Великому магистру он написал, что потери Жигимонта в битве были намного больше его собственных, но это не соответствует действительности. Впрочем, сообщение Яна Длугоша, будто бы Свидригайло потерял 10 тысяч убитыми и 4 тысячи пленными – тоже большое преувеличение [6].

Базельский собор предложил враждующим сторонам свое посредничество. В начале 1433 года посольство собора, во главе с епископом Дельфином, пыталось примирить Корону с Немецким орденом. Но его старания ушли впустую, разве что были ясно очерчены требования обеих сторон. Поляки, как и раньше, хотели возвращения Поморья, Хелминской и Михаловской земель, а также компенсации за другие потери в сумме 400 тысяч гривен, а немцы требовали от поляков признать наличные границы орденских владений, вернуть Свидригайло Ольгердовичу великокняжеский престол и разорвать союз с чешскими еретиками*.

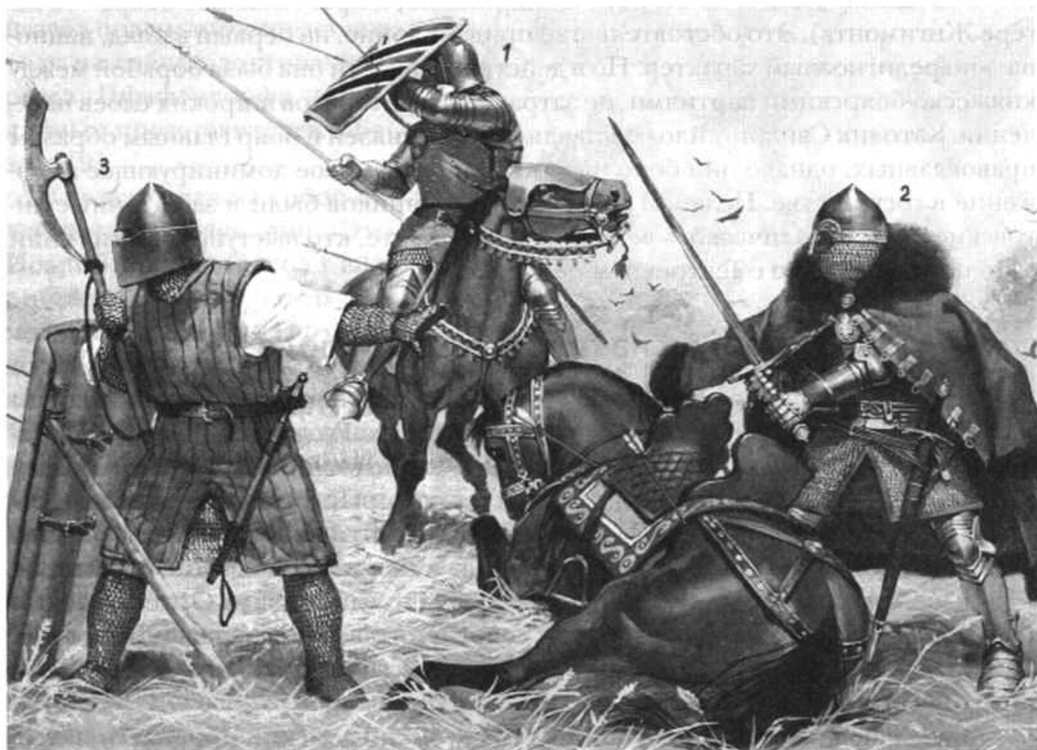
После поражения Свидригайло под Ошмянами его главный союзник Пауль Русдорф начал проводить двурушническую политику. С одной стороны, он продолжал подстрекать свергнутого литовского князя, в письмах к императору и к Базельскому собору писал, что должен спасать Свидригайло. А с другой стороны трактовал его как уже проигравшего борьбу, которому, чтобы решить проблему, вполне достаточно дать «пару далеких закутков земли». Видимо, на позицию магистра повлияла мобилизация в Польше и особенно в Чехии. Иероним Пражский на соборе в Базеле угрожал Ордену вторжением 200-тысячной армии еретиков (хотя в реальности войско гуситов едва достигало 7 тысяч). Главную услугу Польше гуситы оказали еще в сентябре 1432 года, когда написали угрожающее письмо Русдорфу, чем обеспечили его невмешательство в дела свергнутого Свидригайло.

Зато ливонский магистр осуществил зимой 1433 года грабительский набег на земли Жамойтии. Отвечать за этот 10-дневный поход, не принесший желаемых результатов, пришлось всему Ордену. Жамойты напали на Пруссию в труд-

* Вселенский собор католической церкви начал заседать в Базеле с 7 декабря 1431 г. Победы гуситов в Чехии вынудили участников собора пойти на компромисс с умеренными гуситами (чашниками). Позже этот компромисс был официально оформлен Пражскими компактами 30 ноября 1433 г.

ный для Ордена момент, когда после подписания окончательного соглашения между Польской Короной и гуситами (апрель 1433) поляки вместе с чехами атаковали летом Новую Марку и Восточное Поморье.

Князь Свидригайло обещал великому магистру выступить против общего врага большой армией (к его силам в Беларуси должны были присоединиться отряды князя Федора Острожского и татары), но боевые действия начал только в конце августа. Общая ситуация в Великом княжестве была достаточно благоприятной для него, так как своей неоправданной жестокостью Жигимонт Кейстутович успел настроить против себя многих панов ВКЛ. Правда, к Свидригайло пришли на помощь только ливонский магистр и тверской князь Ярослав Александрович. Их силы соединились под Браславом и, не встречая существенного сопротивления, дошли до Ошмян, Вильни и Троков.



Воины ВКЛ первой половины XV века: 1 — вершник; 2 — князь; 3 — пехотинец

Противник уклонялся от большой битвы, укрываясь в городах и лесах. Но Свидригайло не стал штурмовать города. После незначительных стычек были взяты Заславье и Крево, а также несколько неукрепленных местечек. Не добившись никакого важного результата, Свидригайло пришлось вернуться назад. Сначала он пришел в Лукомль, где отпустил по домам большую часть войска, затем с оставшимися воинами пошел к Киеву. Безрезультатно закончились и действия ливонского магистра Франца фон Керскорфа. Если в середине августа 1433 года он еще находился под Вильней, то уже 19 сентября сообщил великому магистру, что возвращается из ВКЛ, притом с потерями.

Более успешно действовал князь Федор Острожский, захвативший на Волыни ряд замков с польскими гарнизонами. Луцкий староста Александр Нос опустошал Брестский повет, пока не потерпел поражение под Клецком от князя Олельки [7].

Тем временем поддерживаемый поляками Жигимонт Кейстутович осуществил поход в глубь беларуских земель. В октябре 1433 года он дошел до Мстислава и три недели держал город в осаде, но тоже безуспешно.

На землях Восточной Беларуси и в Украине князь Свидригайло все еще пользовался широкой поддержкой, благодаря чему имел количественный перевес в силах, однако не умел эффективно его использовать. Его основной социальной базой были зажиточные православные фамилии, сохранившие верность ему как великому князю, тогда как Жигимонт опирался главным образом на католиков (хотя католики были и на стороне Свидригайло, а православные бояре – в лагере Жигимонта). Это обстоятельство придает войне, на первый взгляд, национально-религиозный характер. Но в действительности она была борьбой между княжеско-боярскими партиями, не затрагивала интересов широких слоев населения. Католик Свидригайло возглавлял лагерь князей и бояр главным образом православных, однако они боролись не за веру, а за свое доминирующее положение в государстве. Недаром среди его сторонников были и зажиточные литовские роды католического вероисповедания – те, кто выступал против унии с Польшей и за союз с Тевтонским орденом.

Борьба на политическом поле

С вторжением польско-чешского войска в Новую Марку и его приближением к Данцигу (Гданьску) положение великого магистра Русдорфа серьезно осложнилось. Хотя император Сигизмунд Люксембургский по-прежнему требовал спасать Свидригайло, Русдорф, будучи еще и герцогом Пруссии, не мог игнорировать интересы своих подданных. Ему надо было выйти из конфликта. Согласившись на переговоры, он 15 декабря 1433 года в Ленчицах подписал перемирие с Польшей сроком на 12 лет. Условия договора предписывали Ордену прекратить войну и отказаться от поддержки свергнутого великого князя Литвы. Так Свидригайло потерял главного союзника и остался один на один с Польшей и с Жигимонтом Кейстутовичем.

Определяющим для исхода войны стал великий земский привилей, изданный Жигимонтом 6 мая 1434 года в Троках. Этот акт провозгласил равноправие русинов и литвинов в границах всего государства. Иными словами права, гарантированные католикам по условиям Городельской унии, распространялись теперь на всех подданных независимо от вероисповедания (католики сохранили монополию только на должности воеводы и коменданта Вильни и Трок). Теперь и беларуско-украинское боярство получило гарантии неприкосновенности своих земельных владений, свободу распоряжения землей, льготы в государственных повинностях, а также право на рыцарские гербы.

Трокский привилей, издание которого обусловила исключительно необходимость борьбы со Свидригайло, стал первым после 1385 года законным основанием равноправия православных и католиков в ВКЛ. Уравняв права всех зе-

мель государства, он способствовал консолидации боярства. Фактически это был первый общегосударственный привилей, который издавался, как подчеркивалось в тексте, для того, чтобы не было больше неравенства и раздора между народами Княжества, чтобы все в согласии заботились об общем государстве.

Привилей 1434 года стал фатальной преградой для противника Жигимонта. Свидригайло надеялся на помощь католической Европы, в глазах которой хотел быть покровителем латинской веры. По совету великого магистра Пауля фон Русдорфа он решил обратиться к Базельскому собору и декларировать готовность привести своих подданных к унии [8]. Собравшиеся в Витебске, православные паны и бояре 22 марта 1433 года написали письмо в Базель, в котором высказались за унию с римским костёлом и решительно поддержали права Свидригайло на великокняжеский стол. Тогда же Свидригайло назвал орденского представителя на соборе доктора Андреаса Пфафендорфа своим личным представителем в Базеле [9].

Князь послал на собор делегацию из двух лиц. Это Иоанн Перлинг (посол Свидригайло) и прокуратор Немецкого ордена Пфафендорф. Впервые они появились на соборе 16 июня 1433 года. Пфафендорф зачитал это витебское письмо, утвержденное печатями подписантов, и послание великого магистра от 25 апреля. Но никакого решения принято не было, в протоколе лишь отмечено, что легат кардинала высказал посланцам князя благодарность собора [10].

Бой литвинов и русинов (худ. М. Горелик)

Свидригайло действительно верил в возможность объединения церквей. Письмо из Витебска в Базель стало началом его бурных усилий по подготовке унии. Главным было добиться согласия от киевского митрополита Герасима. В 1434 году в Рим от Свидригайло поехала новая делегация, которая засвидетельствовала, что Герасим готов прибыть в Апостольскую столицу по делу церковной унии (11). Однако вряд ли это соответствовало реальности. После того как Жигимонт Кейстутович предоставил православным права католиков, действия Свидригайло по введению унии подрывали его авторитет, отталкивали православных сторонников, увеличивали число недовольных. С весны 1435 года в лагере Свидригайло начались измены и восстания. Во

главе заговора встал митрополит Герасим [12]. Выяснилось, что Герасим готовил сдачу Смоленска князю Жигимонту. Так ли это на самом деле – трудно сказать. Настораживает тот факт, что измену раскрыл католик – смоленский комендант Юрий Бутрим! Главное другое – Свидригайло поверил. Киевского митрополита арестовали, привезли в Витебск и 28 июля 1435 года живьем сожгли на костре.

Поражение Свидригайло. Воссоединение государства

Теряя сторонников, Свидригайло спешил нанести решающий удар по неприятелю. Он готовил общее выступление со всеми союзниками. Летом 1435 года в Поморье против Польши должен был начать действия Русдорф (в нарушение перемирия!), а с юга в коронные земли собирался вторгнуться император Сигизмунд Люксембургский (забегая вперед, надо отметить, что его выступление сорвала польская дипломатия.). Война на трех фронтах не позволила бы полякам оказать значительную помощь Жигимонту и увеличила бы шансы Свидригайло.

В июле 1435 года в Витебске Свидригайло собрал силы для генеральной кампании. Они состояли из воинов городов и земель Восточной Беларуси (включая Смоленщину), Волыни и Киевщины. Из Чехии через Мальборк и Ливонию к нему с отрядом наемников (силезцев и чехов) пришел Жигимонт Корибутович, давно рвавшийся на помощь брату.

К ним присоединились около 6 тысяч татар [13]. Из Витебска Свидригайло пошел к Браславу, где встретился с ливонцами (около сотни рыцарей и пехотинцы-кнехты, число которых не установлено, под командованием магистра Франца фон Керскорфа). Объединенные силы возглавил герой гуситских войн князь Жигимонт Корибутович. По оценкам исследователей, войско Свидригайло насчитывало немногим более 10 тысяч человек (при небольшом преобладании русинов) и состояло в основном из конницы.

От Браслава союзники двинулись на запад и захватили Вилькомир. Далее они планировали наступать в район Троки – Вильня.

Войско Жигимонта Кейстутовича (до 10 тысяч человек) состояло из литвинов и жамойтов, а также посланного ему на помощь из Польши конного корпуса Якуба Кобылянского. Литвинов-жамойтов и поляков было поровну. Это войско выступило из Трок в направлении на Вилькомир, навстречу Свидригайло.

Сражение произошло 1 сентября 1435 года под Вилькомиром (ныне Укмерге) на реке Святой (Швента) – через два с половиной года после Ошмянской битвы. Противники встретились примерно в 10 км от Вилькомира и два дня стояли, разделенные рекой Святой. Судьбу сражения определила мелочь: 1 сентября Корибутович приказал своим войскам отойти на более выгодные позиции. Но как только его силы начали отход, Кобылянский мгновенно бросил в атаку через неглубокую реку свою конницу. В ходе этой атаки был разрушен табор (вагенбург), устроенный противником по образцу чешских таборитов. Затем началась борьба на флангах. Сеча продолжалась около часа и привела к панике, а затем и бегству войска Свидригайло и крестоносцев. Главной причиной их неудачи

стало то, что часть русинско-ливонского войска не успела занять своего места в боевых порядках.

Во время сражения и, особенно, во время бегства побежденные понесли огромные потери. Из 25 князей, бывших в войске Свидригайло, погибли 13, остальные попали в плен вместе с тысячами бояр. Как отмечено в Густынской летописи, именно в результате этого разгрома «руские князи начата оскудевати и обнищевати». Раненый Жигимонт Корибутович был отравлен в плену [14]. У ливонского рыцарства погибли магистр Керскорф, несколько комтуров и много рядовых воинов. Свидригайло бежал в Полоцк буквально «на 30 конех». Современники сравнивали битву под Вилькомиром с Грюнвальдским побоищем, надо полагать – не случайно.

Эта победа определила перелом в войне в пользу Жигимонта Кейстутовича. После катастрофы на реке Святой руководству Немецкого ордена пришлось подписать 31 декабря 1435 года в Бресте-Куявском «вечный мир» с Ягайло и Жигимонтом Кейстутовичем. Великий магистр Русдорф отказался от всяких связей со Свидригайло и признал великим князем ВКЛ Жигимонта Кейстутовича, обязался в будущем признавать только того монарха Литвы, который будет избран с согласия Польского королевства, и не поддерживать антипольские выступления великих князей литовских.

Трактат подтвердил государственные границы между сторонами в соответствии с договором 1422 года и декларировал свободу торговли.

Памятник Свидригайло, великому князю ВКЛ в 1430–32 гг.

Завершение войны и дальнейшие события

Разбитый Свидригайло сохранил поддержку Полоцка и Витебска. Еще в начале своего великого княжения он дал этим городам в наместники князя Михаила Ивановича Гольшанского и князя Василия Семеновича Красного из друцких Рюриковичей. Но если в 1435 году Полоцк и Витебск еще отбились от войска Жигимонта, то в конце лета следующего года, не имея никакой помощи, признали его власть [15]. Смоленск подчинился Кейстутовичу в 1435 году. Дольше всего Свидригайло держался на Киевщине и Волыни. В его союзниках оставалась Золотая Орда. Хан Улуг-Мухаммед прислал старому Ольгердовичу свое войско, с помощью которого тот в 1436 году воевал на Подолье, а в 1437 разбил литовский отряд, посланный Жигимонтом Кейстутовичем для овладения Киевом. Позже Свидригайло пришлось покинуть и Украину. Он получил пристанище в Молдавии.

Полную победу Жигимонта летописец отметил как установление его «на великом княжении на Литовском и Русском», что означало объединение обеих частей государства. В этом также проявилось укрепление централистской, «пролитовской» ориентации населения беларуских земель.

От Жигимонта к Казимиру

Жигимонт Кейстутович занимал великокняжеский стол более 7 лет.

С целью расширения своей опоры он назначал на государственные посты мелких бояр, лично преданных ему, что вызвало недовольство среди магнатов и князей. Кроме того, Жигимонт был очень подозрителен, везде ему мерещились заговоры и он жестоко карал подозреваемых – конфисковал имения, выносил смертные приговоры (см. «Хронику Быховца»).

Кроме того Жигимонт хотя и отдал Подолию в собственность Польше, стал все чаще перечить Кракову и отдаляться от него, вследствие чего утратил поддержку поляков.

В такой ситуации против Жигимонта объединились князья и бояре обеих конфессий. Князь Александр Чарторыйский, виленский воевода Довгирд и трокский воевода Лелюша (эти двое были сторонниками Свидригайло) подготовили покушение на великого князя. 20 марта 1440 года его осуществили упомянутый князь Чарторыйский и киевлянин Скабейка, тайно проехавшие в Трокский замок, спрятав своих вооруженных людей в возах с сеном.

Со смертью Жигимонта прервалась на великокняжеском престоле линия рода Кейстута. Остались Ольгердовичи, но из них только потомки Ягайло утвердили свою династию – Ягайловичей.

Сразу после убийства Жигимонта Кейстутовича на Волыни опять появился Свидригайло, который уже называл себя «верховным князем Литвы». Занять виленский престол рассчитывали также сын Жигимонта Кейстутовича князь Михалюшка (Михалка) и Владислав III Ягайлович, который с 1434 года был королем Польши. Однако последний задержался в венгерском походе.

29 июня 1440 года в Вильне рада вельмож Великого Княжества Литовского во главе с Яном Гаштовтом, без согласования с радой Польского королевства объявила великим князем 13-летнего Казимира, сына Ягайло от Софии Гольшанской. Он занимал литовский престол на протяжении 52-х лет, до самой смерти! (А в 1447 году стал еще и польским королем).

Несовершеннолетнему государю Казимиру и его регентам пришлось срочно объединять государство, так как после убийства Жигимонта земли-области опять «отпали» от центра. Жамойтия почти сразу признала Казимира великим князем, быстро приняли его Полоцкая и Витебская земли, зато для подчинения Смоленска, где с титулом «господаря Смоленского» засел Юрий Лугвенович, новому монарху пришлось посылать войско. Наконец в 1442 году мятежный потомок Ольгерда бежал в Новгород, и наместником великого князя в Смоленске стал Андрей Сакович (до 1458 г.). Лояльность смолян Казимир Ягайлович обеспечил уставной грамотой, закреплявшей местные нормы и обычаи.

Быстро удалось привести к повиновению и украинские земли, где Киевская земля вернулась князю Олельке – младшему сыну Владимира Ольгердовича. Что

касается Свидригайло, то ему Казимир отдал Волынское княжество, где он прожил последние 12 лет своей жизни.

После его смерти, наступившей 10 февраля 1452 года, еще около четырех лет княжество возглавляла вдова старого бунтовщика.

Источники

[1] Например, такова характеристика Свидригайло в «Хронике Литовской и Жамойтской». См.: ПСРЛ. Том 32. М., 1982, с. 81.

[2] Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellónyw. T. 1 (1377–1499), s. 166.

[3] Сам Свидригайло обвинял в развязывании войны за Луцк и всех других конфликтов гнёзненского архиепископа Ястребца, краковского епископа Олесницкого и других членов коронной рады.

[4] ПСРЛ. Том 32, с. 154.

[5] Барвінськйй Б. Жигимонт Кейстутович. Жовква, 1905.

[6] В Псковской летописи эта битва упомянута как крупная и с большими потерями (правда, она датирована 8 декабря 1438, а не 1432 г.): «и бысть сеча и бой велик, и побегну князь Свитригайло с побоища к Полотьску, а князь Жиднмонт ста на костех, а паде рати много и того князя и сего князя, у Свитригаила падоша полочани, а инех много руками поимаша» (Псковская летопись. Том 1. 1941, с. 40).

[7] Halecki O. Z Jana Zamoyskiego inwentarza archiwum koronnego. Kraków, 1917, s. 6.

[8] Dombrowski L. Die Beziehungen des Deutschen Ordens zum Baseler Konzil bis zur Neutralitaterklarung der deutschen Kurfiirsten. Berlin, 1913, s. 47.

[9] Forstreuter K. Preussen und Russland. S. 52.

[10] Dombrowski L. Die Beziehungen des Deutschen Ordens zum Baseler... S. 50.

[11] Lewicki A. Powstanie Swidrygiełły. Ust p z dziejów unii Litwy z Koron . Kraków, 1892. S. 371.

[12] Puzyna J. Switrigail von Litauen. Die politische Bedeutung seiner Erhebung zum Grossfursten. Freiburg, 1914. S. 128-129.

[13] Skrzypek J. Bitwa nad rzeką Świętą // PHW. T. X (1938). Z. 1. S. 43.

[14] Prochaska A. Książe Husyta // Księga pamiątkowa ku czci B. Orzechowicza. T. 2. Lwyw, 1916. S. 273.

[15] Новый ливонский магистр сообщил об этом П. Русдорфу в письме от 15 сентября 1436 г.

Часть III. Картины далекого прошлого

О чем говорят камни...

Эдвард Зайковский,
кандидат исторических наук

Несмотря на то, что вопросы археологического изучения материальных памятников духовной культуры древнего населения Беларуси ставил еще зачинатель беларуской археологии Зориан Даленга-Ходаковский (1784–1825), до недавнего времени им все же не уделялось должного внимания. Специальные исследования языческих культовых памятников не проводились. Исключение составляют, пожалуй, раскопки святилища X–XI вв. на берегу озеро Святое, возле деревни Ходосовичи в Рогачевском районе. Да еще Валентин Седов назвал несколько памятников на территории Беларуси аналогичными городищам-святилищам смоленских кривичей.

Хотя на Беларуси много культовых камней, у нас ими мало интересовались не только археологи, но и этнографы, если не считать основательной этнографической работы Михаила Мелешко (1892–1941), опубликованной в 1929 году. Это объясняется, помимо прочего, эхом вульгарного социологизма 1920–30-х гг., недооценивавшего роль морально-психологических факторов в жизни народа, и объявившего сознание придатком трудовой деятельности.

Нами исследовано несколько памятников дохристианского культа, что дает новые сведения о месте камней в системе беларуского язычества. Среди этих памятников особенно интересен Святой, или Дажбогов, камень. Он находится в 6 километрах на северо-восток от деревни Кременец Логойского района, в лесу. Длина камня 1,03, ширина – до 0,7, высота около 0,6 м. Верх его плоский, на нем заметны 5 отшлифованных углублений. Среди этих углублений три овальной формы, длиной 0,2–0,28 м и два круглой формы, диаметром 0,2–0,24 м и глубиной около 0,03 м, похожие на тарелки или миски.

Еще в XIX веке камни с тарелкообразными углублениями были описаны возле Вороничей Полоцкого района – под названием Витовтовых тарелок (1), в Махирове под Полоцком, в Погосте под Миорами. Три камня с тарелками есть на Гродненщине, между деревнями Палашки и Каргавды, и возле деревни Падитва Вороновского района, недалеко от границы с Летувой. Местное население сохранило их литовское название – «Дева блюдас», что означает «Блюда

Перевод и редакция А.Е. Тараса.

Бога» (2). Несколько таких камней зафиксированы на юге Летувы, теперь один из них находится в государственном историко-этнографическом музее республики Летува; встречаются они и в других местах Прибалтики, например, в Тарту.

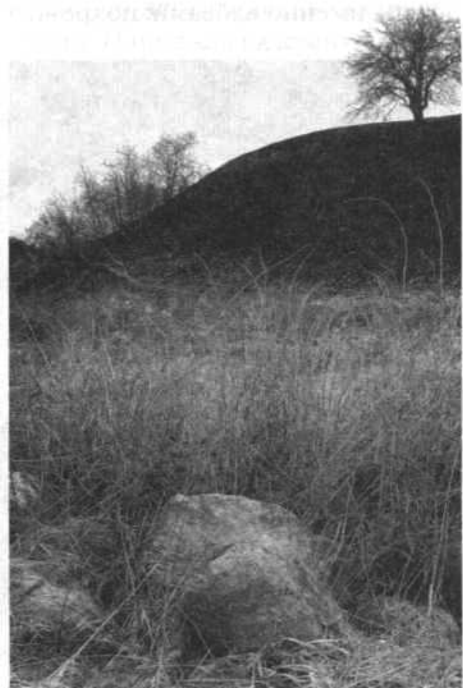
Камни эти, как правило, почитались. Само название – Дажбогов – свидетельствует о связи с культом древнеславянского бога солнца. До последнего времени на камень у Кременца приносили пожертвования, особенно на Пасху, клали монеты и цветы. Согласно поверьям, это должно помогать в разных обстоятельствах, например, при болезнях домашней скотины. Некоторые старые люди клали монеты даже во время археологических раскопок. Считалось, если долго нет дождя, надо собраться (желательно вдовам) и немного повернуть камень.

Интересные результаты дали раскопки вокруг камня на площади 19 квадратных метров. Под слоем гумусовой земли (толщиной 0,1–0,2 м) обнаружилась кладка из небольших камней прямоугольной формы. Ее размеры: по линии запад – восток 2,8 м, по линии север – юг около 3 м. Она ориентирована точно по странам света. По сторонам кладки камни чуть больше. С западной стороны к ней примыкает выступ, похожий на крыльцо трапециевидной формы, составленное из небольших камней. Находок на кладке и между камнями было немного – преимущественно монеты XX века, бесформенные остатки железных изделий, необработанные кремни.

В 6,5 метрах на запад от каменных конструкций заметен фундамент, скорее всего от часовни, ширина которой была 2,8 м (длина прослеживается хуже). Фундамент в целом ориентирован по линии север – юг, с некоторым отклонением на северо-запад. К югу от остатков часовни заметно углубление – видимо, следы колодца, о котором рассказывали местные жители.

Вернемся к кладке вокруг Дажбогова камня. Какое она имела назначение? Вряд ли это остатки христианской часовни. Если бы так, то, во-первых, из камней был бы выложен только фундамент, но не все пространство внутри прямоугольника. Во-вторых, ориентация по странам света для христианских церквей и тем более – часовен, как объясняет П. Рапопорт, характерна далеко не всегда. Можно полагать, что эта кладка – часть языческого культового памятника. Ориентация строго по странам света характерна именно для языческих святилищ, например, для Ходосовичского в Рогачевском районе (В. Власов считает этот памятник культово-астрономической площадкой).

Например, капище в древнем Киеве было сложено насухо (без раствора) из неотесанных камней и образовывало непра-



Холм святилища XI–XVI вв.
у деревни Лоск Воложинского р-на

вильный прямоугольник с закругленными углами и четырьмя выступами, ориентированными по странам света. Размеры его были 4,2 × 3,5 м. Памятник датируют VIII–X вв. При раскопках поселения VI–VII вв. в урочище Гнилой Угол возле Городка на Подолии (Украина) открылось святилище с прямоугольной площадкой плоской каменной кладки и круглым очагом с восточной стороны. Вообще, строгая географическая направленность, ориентация на небесные светила определяет дохристианские культовые постройки на широком пространстве Европы, взять хотя бы знаменитый Стоунхендж в Англии.

Имеются сведения, что на острове Городище Богинского озера под Браславом до 1860-х годов «имелся высокий бурт, внутри которого была старой веры божница с одним оконцем, через которое луч солнца попадал внутрь только ровно в полдень». Там же нашли идола в половину человеческого роста с отбитой головой и сложенными на груди руками. При обследовании автором статьи этого острова на Богинском озере в 1986 году обнаружено городище железного века, некогда заселенное балтами. Вероятно, что «старой веры божница» и идол остались от них или от славян, которые позже могли превратить заброшенное городище в культовый центр.

Но вернемся к Дажбогову камню. Современные исследователи славянской мифологии считают, что Дажбог (Даждьбог) был языческим богом солнца, света и тепла, небесным всадником, сыном Сварога, обеспечивавшим благополучие. Академик Борис Рыбаков считал, что в значительной мере Дажбог аналогичен древнегреческому Аполлону – Гайтасиру. А также, что он исполнял функции покровителя семей. Это объясняет обычай поворачивания камня, чтобы вызвать дождь, именно вдовами: покровитель семьи должен быть особенно милостив к несчастным одиноким женщинам, волею судьбы оставшимся без мужей.

Святой (Дажбогов) камень у деревни Кременец Логойского р-на (фото 2007 г.)

По мнению Б. Рыбакова, празднование Дажбогова дня приходилось на зимнее солнцестояние. Это подчеркивает его связь с астрономическими явлениями, годовым движением Солнца, а значит, и строгую ориентацию каменной площадки вокруг Дажбогова камня по сторонам света или – в глубине времен – по расположению небесных светил. Возможно, что круглые тарелкообразные углубления на камне сделаны по ассоциации с формой Солнца.

Как в Киеве идол стоял на каменном пьедестале, так и в Кременце Дажбогов камень

был поставлен на каменную кладку. Непонятно, правда, почему здесь отсутствуют (кроме поздних находок) остатки жертвоприношений. Возможно, жертвы приносились поодаль от площадки, так как с южной стороны от нее видны в земле какие-то камни. В киевском капище, например, жертвенник размещался чуть поодаль от площадки. А может быть, жертвы были из органических веществ и поэтому не сохранились? Очевидно, что исследования в Кременце следует продолжить. Но уже сейчас удалось выяснить конструкцию этого памятника духовной культуры наших предков, где суровый дизайн культовой площадки гармонично сочетается с молчаливой массой Дажбогова камня.

Своеобразная эстетизация камней ощущается в таком же ансамбле, сохранившемся возле деревни Горка Дятловского района. В XIX веке сообщалось о поклонении в этой местности группе из нескольких больших камней (3). Холм, от которого, вероятно, получила свое название деревня, виден на окраине леса. На его вершине в давние времена стояла часовня. Ниже по склону, на небольшой площадке, – живописное нагромождение из пяти огромных камней (высотой в 2–3 метра). В центре под ними имеется довольно широкий проход высотой около метра. По преданию, когда-то через него можно было проехать на коне, но с того времени камни якобы глубже опустились в землю. На этих глыбах стоял деревянный крест, увешанный венками и вышитыми полотенцами. Возле камней молились, клали деньги и другие пожертвования.

Интересный памятник находится между деревнями Гудовичи и Верхлес Червеньского района, к востоку от Смиловичей. Александр Ельский еще в 1890 году писал, что там есть так называемая Святая Горка, на которой среди кучи камней лежит камень с отпечатком человеческой стопы. По легенде, след оставила Мать Божия, трижды проходившая через эти места. Народ клал к камню цветы и ставил здесь кресты.

Автор статьи выяснил, что Святая, или Марьина Горка представляет собой холм, обведенный по краям невысоким валом. Между валом и площадкой был вырыт ров. Вал не имел оборонительного значения, так как он ниже площадки. В сходных памятниках на Смоленщине и Северной Буковине, как правило, нет культурного слоя. Они были языческими святилищами VIII–X вв. и функционировали до прочного установления среди восточных славян христианства (т.е. до XI–середины XII века). Святая Горка, как видим, и после христианизации осталась местом поклонения камню-следовику, адаптированному к понятиям новой религии.

Правда, сам камень позже был поврежден. Еще в одной легенде, возникшей уже в XX веке, говорится, что его положили в фундамент хаты, но хата сгорела. Устрашившись, люди вернули камень на холм. Камень обступали кресты – архаический каменный и высокие деревянные и металлические, на которые вешали вышитые полотенца; рядом были посажены ирисы. При раскопках возле камня на глубине 0,2–0,25 м встретились угольки от костров и положенные как бы цепочкой небольшие камни, а также монета 1811 года. Вход на площадку, к камню «с отпечатком стопы Магдаленки», как его называли в народе, – с запада, навстречу восходу солнца.

Примерно в километре на восток от Святой Горки раньше стоял каменный идол в виде столба с человеческим лицом. Его называли «Царь Давид». Хотя фо-

тографии или зарисовки идола не сохранились, народное название позволяет догадываться о его облике. В беларуском народном искусстве, в частности скульптуре, царя Давида было принято изображать с короной на голове и подпоясанного. Видимо, идол был таким. К сожалению, он уничтожен в 1930-е годы при строительстве шоссе.

Еще один холм с названием «Марьина Горка» существовал когда-то возле деревни Новоселки в Пуховичском районе. Как свидетельствует предание, в языческие времена на нем происходили тризны и игры (4).

Святилище около деревни Верховляны Берестовицкого района известно среди местных жителей под названием «Городище». По легенде, на нем стояла церковь, которая потом провалилась под землю. Размер площадки не более 7 × 7 м. Ее окружает довольно высокий вал, только с запада оставлен проход к площадке. Между валом и площадкой вырыт ров. Как мы уже упоминали, такое размещение вала и рва характерно именно для святилищ.

Перунов камень у деревни Плики Вороновского р-на (фото 2005 г.)

При шурфовке центра площадки на глубине около 0,2 м найдены угли, кремни с первичной обработкой и обломки ранней гончарной керамики. Площадку не довелось раскопать всю, поэтому яма от идола не найдена. Скорее всего, на площадке отправляли религиозный обряд, приносили жертвы. В культурном слое рва (до глубины 0,4 м) встречаются угольки, фрагменты керамики, кремни. Глубже шла кладка из крупных и мелких камней. Между камнями тоже лежали находки, в частности кости животных и угли. Под камнями найдена керамика, датируемая XI–XII вв. К этому времени можно отнести возникновение памятника, точнее кладки. Труднее определить верхнюю дату его ритуального действия.

Впервые такие святилища начали исследовать на Смоленщине в 1920-е годы. Но в основном их изучали в наше время в бассейне Прута и на среднем Днестре Б. Тимашук и И. Русанова. Там рвы имеют плоское дно, на котором много раз разжигались костры – часто на специальных кладках. В так называемые «пылающие жертвенники» бросали мясо жертвенных животных и ритуально разбитую посуду. Площадки исполняли роль капищ – мест, где стоял деревянный или каменный идол. На святилищах Буковины имелись, кроме того, культовые колодцы, источники (родники) и каменные глыбы.

Кстати, один интересный камень находится и возле Верховлян. Немного западнее «Городища» из родника вытекает неширокий ручей. Там, почти спрятавшись в воде, лежит большой камень. Говорят, что родник бьет из-под него. Ранее он якобы был таким мощным, что приходилось затыкать его мешками с овечьей

шерстью. По местному преданию, если камень сдвинуть с места, то источник разольется и затопит деревню. Вероятно, когда-то этот камень тоже был культовым.

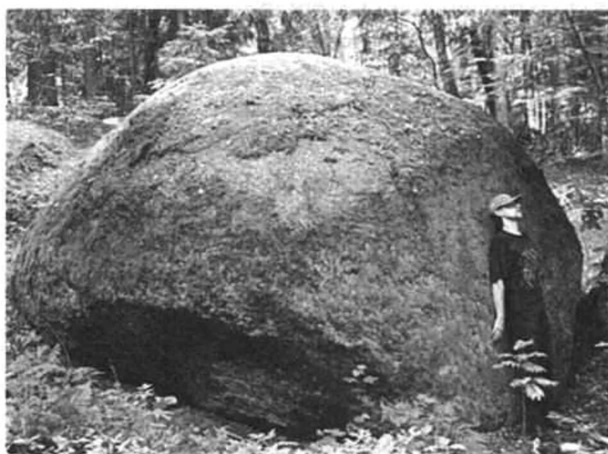
Аналоги известны и в других местах Беларуси. В деревне Покрашево (регион Слуцка) существует предание, что исток тамошней речки завалила камнем ведьма, разъяренная смертью дочери. А в Порозове Свислочского района рассказывают, что ручей возле местечка высох, когда цыганка бросила в его исток клок овечьей шерсти и приказала больше не течь (5). Именно с памятником «Городище» связано поверье о «Перуновом поле», которое находится в километре на юго-восток от него, в долине. Говорят, что если во время грозы на этом поле окажется человек, то в него обязательно ударит молния. Не является ли это отголоском того, что святилище когда-то посвящалось Перуну?

Большинство таких святилищ перестало действовать, как утверждают Б. Тимашук и И. Русанова, в XI – середине XII века. В западной же части современной Гродненщины проживали ятвяги, у которых язычество официально существовало до конца XIV века. Поэтому и среди местного славянского населения языческие верования могли сохраняться более длительное время.

Почитание камней нашло широкое отражение в беларуском фольклоре. В ряде сюжетов говорится, что камни когда-то росли (или что они растут и теперь). Камень как символ вообще популярен в мифах древних индоевропейцев, где с камнем обычно сопоставляется дерево. Одно из беларуских преданий повествует о том, как могучий силач разбил огромным молотом огромный камень и достал оттуда жизнь дракона. Все три стихии – камень, вода и огонь – выступают оружием противника дракона в беларуских заговорах. В беларуском фольклоре, как и в древнеиндийской «Ригведе», подчеркивается связь Громовержца с камнем, откуда герой извлекает животных и клад. В народной сказке про Ильюшку есть вариант финала, когда герой превращается в камень: «Дотоле бился, пока сам по колени не въехал в землю и не сделался камнем. Он и теперь стоит там...» (6).

Интересно, что топография окрестностей Верховлянского святилища тоже имеет параллели в мифологии. Перун и его противники владеют одновременно и огнем, и водой. Но при этом стихию воды воплощает противник Перуна. В заговорах упоминается змея на камне в связи с овечьей шерстью. Такое специфическое сочетание прослеживается не только в славянских и балтских ритуальных текстах, но и в хеттских ритуалах. В вавилонском мифе положительный герой бросает камни, чтобы преградить путь горько-соленым во-

Святой камень между деревнями Палашки и Каргавды Вороновского р-на



Два святых камня на Воложинщине

дам. И в беларуской сказке о силачах (асілках) воды запруживают камнями, только не плохие воды, а хорошие, несущие плодородие.

Сопоставление святилища на холме и ручья, заваленного камнем или овечьей шерстью – внизу, это наглядный пример бинарной оппозиции по линии «верх – низ». В древних мифах верх соотносится с правыми полюсами такой оппозиции: добрым, светлым, восточным, небом, огнем, четным, живым, а низ – с левыми: злым, темным, западным, землей или подземным (подводным) царством, нечетным, мертвым. Громовержец (Перун) связывается с правыми, верхними полюсами оппозиции, его противник дракон (или змей) – с левыми, нижними. Как полагают, в Киеве идол Перуна стоял на горе, а идол Велеса, близкого к противоположным силам, – на Подоле, в нижней части города.

Кроме описанных памятников на территории Беларуси есть множество камней: идолов, следовиков (со следами человека и животных), камней-шевцов (кравцов), с углублениями и разных других, о которых бытуют многочисленные легенды и предания. Несомненно, такое почитание камней было пропитано культовым значением. Дальнейшее изучение каменной летописи Беларуси позволит полнее раскрыть мировоззрение и систему ценностей наших предков.

Литература

1. Живописная Россия. Том III. СПб.-М., 1882, с. 247.
2. Легенды і паданні. Мн., 1983, с. 351.
3. Гродненский исторический архив. Фонд 14, опись 3, дело 62, лист 17.
4. Мялешка М. Камень у вераньнях і паданьнях беларусаў. // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Книга 4. Том 1, сшытак I. Менск, 1928, с. 162.
5. Легенды і паданні, с. 376.
6. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

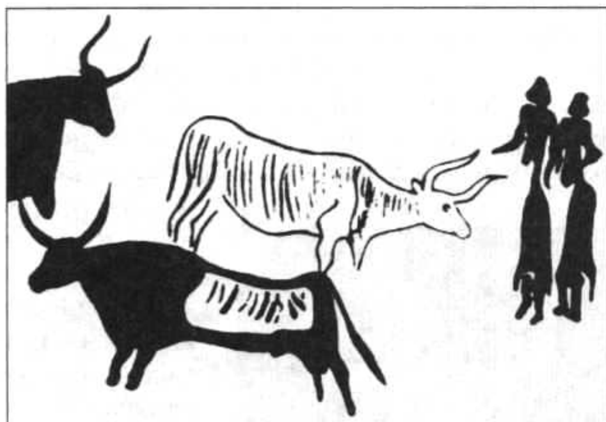
Культ быка у предков беларусов

Эдвард Зайковский,
кандидат исторических наук

Образ быка является одним из древнейших архетипов мифологического сознания. Изображения быков встречаются еще в пещерных росписях эпохи палеолита, но особенного расцвета культ быка достиг с началом неолита – на территории древней Европы, Малой Азии, Крита, Ближнего Востока. Большинство исследователей мифологии связывают образ быка с мужскими божествами.

В период позднего неолита (3-е тысячелетие до нашей эры) культ быка проник и на территорию Беларуси. Так, в могильнике культуры шаровидных амфор возле поселка Красносельский (Гродненская область) рядом со скелетами других домашних животных лежали кости девяти быков. Между скелетами стояли четыре глиняные посудины. С восточной стороны ямы на валуне лежала челюсть быка. Человеческих костей не было (Чернявский М., 1972).

На городище милоградской культуры Горошков (Гарошкаў) в Гомельской области помимо глиняных фигурок лошадей и собаки встречаются изображения крупного рогатого животного. Зубы одомашненного быка находили в погребениях раннего этапа культуры длинных курганов возле деревни Дорохи (Дарахі) в Городокском районе Витебской области, а в одном из погребений найдены пережженные кости коня и быка.



Быки и пляшущие женщины (мезолит, тер. Испании)

Завитневич при раскопках дреговичских курганов в Минской губернии нашел в одном из них шесть бычьих голов, в одной куче с головами других животных – лошадей, коз, свиней (Завитневич В., 1894). Останки людей, погребенных в таких курганах, в большинстве случаев ориентированы головой на восток, что характерно для погребальных обычаев балтов (Богомольников В., 1994).

На территории расселения радимичей – в деревне Улазовичи (Улазавічы) на реке Ипуть – были обнаружены круглые металлические подвески с изображением головы быка в середине круга. На лбу быка двойной треугольник, опущен-

Э. Зайкоўскі. Бык у язычніцкіх вераньнях на тэрыторыі Беларусі. // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Том 4: Общество, экономика, культура и искусство славян. Москва, 1998, с. 349–355. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

ный углом вниз. Вокруг головы размещены 7 схематичных фигур: три – между рогами, и по две – по бокам от головы. Борис Рыбаков считал их женскими фигурами (Б.А. Рыбаков, 1987).

В одном из курганов радимичей возле деревни Годиловичи (Гадзілавічы) в Рогачевском районе Гомельской области найдены 7 монетоподобных подвесок, украшенных зернью. На четырех из них изображена голова быка. Аналогичная подвеска известна по кургану возле Нарина в Латвии. Подвеска с бычьей головой найдена и возле деревни Янушковичи (Янушкавічы) в Логойском районе Минской области. Монетоподобная женская оловянная подвеска с головой быка в центре обнаружена в Полоцке в пласте XII века. На городище Даугмале в Латвии найдена формочка для отливки подвесок с изображением бычьей головы (А. Радиньш, 1994). Аналоги таких находок известны и по владимирским курганам (Б.А. Рыбаков, 1987).

Справка. Согласно мифу, древний критский царь Минос заключил Минотавра в построенный Дедалом подземный лабиринт и кормил преступниками, а также юношами и девушками, которых присылали афиняне в качестве искупления за убийство в Афинах сына Миноса – Андрогея. Минотавра убил афинский царевич Тесей, нашедший путь в лабиринте с помощью нити Ариадны, дочери Миноса. В мифе о Минотавре сплелись древнейшие воззрения людей: он одновременно связан с солнцем (внук бога Гелиоса), с морем (сын бога Посейдона) и с подземным миром (обитал в лабиринте).

Примечательно то, что хронология всех этих предметов ограничивается периодом XI – XII веков. Нарин и Даугмале находятся вблизи низовий Западной Двины (Даугавы), где в тот период имело место мощное влияние Полоцкого княжества. На Даугмальском городище неоднократно находили предметы, характерные для славян. Поэтому традиция отливать подвески с изображением бычьей головы могла здесь появиться под славянским влиянием. С другой стороны, является фактом и то, что в курганном могильнике Улазовичи явно ощутимы следы балтской традиции. В частности, там имеются захоронения людей, ориентированных головой на восток, а найденные здесь подвески-уточки имеют аналоги в латгальских древностях и в материалах длинных курганов смоленских кривичей.

Минотавр – человеко-бык

Янушковичи же находятся в местности, где остатки балтского населения дожили до позднего средневековья. В курганном могильнике Годиловичи погребения мужчин ориентированы в основном на восток, а в соседних памятниках балтское влияние проявляется еще сильнее. Поэтому нельзя однозначно утверждать, что подвески с головой быка были характерны только для славян или только для балтов. Эта категория предметов встречается на таких памятниках, где ощущается влияние и тех, и других.

Сведения о культе быка у славян имеются в средневековых письменных источниках. Еще Прокопий Кесарийский (VI век), характеризуя славян, писал: «Они считают, что только один бог, творец молний, является владыкой над всем, и ему приносят в жертву быков и осуществляют другие священные обряды». В «Слове о полку Игоревом» для обозначения воинской доблести одного из князей использован эпитет «буй-тур». В Киеве существовала «Турова божница».

В церковном поучении периода Киевской Руси сообщается, что язычники «на тых жа своих законопротивных соборищах некоего Тура-сатану... воспоминают и иныи лица своя и всю красоту человеческую, по образу и по подобию сотворенную, некими харями или страшилами закрывают» (по Н.М. Гальковскому, 1913). По летописной легенде, князь Гедимин при основании города Вильни убил тура во время охоты на горе, которую позже прозвали Туровой. Некоего «Тура-сатану» упоминал в XVII веке Иннокентий Гизель.

Игра с быком во дворе кносского царя на Крите перед таинством в Лабиринте

Следы поклонения быкам сохранились в топонимии. В Беларуси известно достаточно много названий населенных пунктов с корнем «тур» — Туров, Туровля, Турийск, Турец и другие. Возле деревни Замечек (Замэчак) в Чашникском районе находится Турова гора, по форме напоминающая городище, но без культурного пласта. В нескольких местах Северной Беларуси встречаются названия типа Воловья гора. По преданию, на Воловьем озере в Полоцке когда-то существовали капища Перуна и Бабы-яги (М.О. Без-Корнилович, 1855).

По этнографическим данным, в Украине был известен обычай «водить тура». Колядники пели песни о туре с золотыми рогами. Тур также упоминался в свадебных песнях. У южных славян «турицами» называют весенний карнавал на Масленицу, а у западных «турицы» празднуют на Троицу (Сёмуху).

Предки русских в старину практиковали в период с 25 декабря по 6 января «игру в быка». Юноша, изображавший быка, держал под покрывалом в руках

большой глиняный горшок с прикрепленными к нему настоящими бычьими рогами. Смысл игры заключался в том, чтобы бодать рогами девчат и притом так, чтобы им было не только больно, но и стыдно. Девушки, понятное дело, поднимали визг и крик, после чего один из парней бил поленом по горшку, горшок разбивался, «бык» падал и его вытаскивали за плетень (Рыбаков Б.А., 1987).

Тур – священный бык наших предков

В окрестностях Турова еще в XIX веке девушки носили специальный головной убор с большими «турьими» рогами. Священники не пускали таких «рогатых» девушек в церковь.

В украинских свадебных песнях невеста и жених называются турицей и туром, а сватовство символически сравнивается с охотой на тура. Герои русских (киевских) былин превращаются в тура как по своей воле, так и под воздействием злых чар. Первая ситуация представлена в наиболее архаичных по сюжету былинах о Волхе и Вольге (Р.С. Липец, 1972).

В одном из беларуских заговоров от болезней животных упоминаются «двенадцать цариков», идущих на Туру-гору. Ряд песен, исполняемых при обряде «гуканье весны», начинается словами «вол бушует – весну чует». По некоторым сообщениям, в прежние времена на территории Беларуси воловье мясо не употребляли в пищу. Традиционным беларуским танцем является «Бычок», наиболее старый вариант которого близок к хороводу, в котором танцоры имитируют бодание бычков. В частности, «Бычок» является составной частью «Женитьбы Терешки» – распространенной на севере Беларуси игры, приуроченной к Колядам.

Голова быка и 7 женщин на подвесках радимичей

* * *

Существенным является вопрос о семантике образа быка в мифологии, в частности о семантике его разновидностей. В древнеиндийской «Ригведе» змееподобный демон Уритра, враг бога грома и молнии Индры, характеризуется как «вол, который хотел стать противником быка». Следовательно, противопоставление кастрирован-

ного вола и полноценного быка, соотнесение их с нижними и верхними полюсами бинарных оппозиций известно задолго до нашей эры.

Напомним, что образ человеко-быка впервые фигурирует еще в палеолитических рисунках Западной Европы. В мустьерских погребениях находят кости быка, положение которых свидетельствует о том, что они помещены в могилу специально. Согласно позднейшим мифам, критскому человеко-быку Минотавру приносили в жертву людей. Порфирий, автор III века, писал, что «души тех, кто похоронен в земле, принадлежат быку».

Справка: Тур – это первобытный бык, живший в лесостепях и степях Евразии. Высота в холке до 2 м, масса до 800 кг. Приручение тура началось около 8 тыс. лет назад, от него произошли домашние быки. Сам тур был постепенно истреблен.

Тур – мощное животное с крепкими острыми рогами – не уступал ни одному хищнику. Кроме человека, у него не было конкурентов. Охота на тура была коллективным предприятием, а со временем стала привилегией аристократов (царей, вождей, князей и т.д.). Вместе с тем уже во времена палеолита тур стал объектом культового почитания. Некоторые части его тела стали считаться сакральными, в первую очередь голова и рога. Из последних делали специальные сосуды для питья – ритоны, которые у многих народов очень долго использовались в культовой практике.

Совсем не случайно определенные качества тура послужили у многих народов основой для метафорического обозначения мужских способностей. Более того, слова со значением «бык» и «человек мужского пола», «мужчина», «муж» часто были одни и те же.

Зубр – близкий родственник тура, еще в XIX веке обитал в лесах Европы в большом числе, ныне живет только в заповедниках. Длина тела до 3,5 м, хвоста до 110 см, высота в холке до 2 м; масса до 1000 кг.

Вол – кастрированный бык. (*Ред.*)

Славянский Велес представлялся в образе человеко-быка. В одной из чешских рукописей раннего Средневековья он сравнивается с древнегреческим богом Паном. Еще об одном боге плодородных сил земли – Дионисе, существовало представление, по которому он тоже фигурировал в образе быка. Пан и Дионис имеют ряд аналогий со славянским Велесом, которому у летувисов (жамойтов) соответствует фольклорный Вяльнес. Зафиксированы представления о том, что Вяльнес может превращаться в быка или хотя бы надевает бычью шкуру.

Туровская девушка в головном уборе, символизирующем рога тура

Итак, представление о божестве в образе быка дает основания связывать домашнего быка (или вола) с левыми, нижними полюсами бинарных оппозиций: влажным, холодным, тёмным, черным, ночью, покойниками, подземным миром, водой. Связь вола с нижними полюсам бинарных оппозиций подтверждается беларускими загадками, где вола обозначает мороз: «Прыйшоў вол, выпіў вады дол», «Адзін сівы вол выпіў вады дол».

В ряде мест Беларуси известны ледниковые валуны, с которыми связаны предания о том, что это якобы волы и пахарь, превращенные в камень за грех – работу в Великдень (деревни Лазовичи Несвижского района, Гурины Мозырского района, Клёсин Вилейского района, Рачень Любанского района, Головли Дятловского района и др.). Про «окаменевших волов» возле деревни Гурины рассказывали, что раньше у них были «ноги» (возможно, каменные столбики, на которых лежал камень). По преданию, Рогволодов камень возле деревни Дятловка Оршанского района когда-то «стоял на четырех ногах, имел голову и был похож на животное». В свое время известный собиратель фольклора Александр Афанасьев (1826–1871) обратил внимание на сходство надписей на Рогволодовом камне и на амулетах-змеевиках. Значит, «окаменевшие волы» тоже связаны с хтоническим культом, как и упомянутые амулеты.

Внешне, своими аморфными очертаниями, эти валуны ничем не отличаются от так называемых камней-«кравцов». Часть камней-«кравцов» местное население называло «Степан» (Сьцяпан). По нашему мнению, имя Степан в фольклоре – один из заменителей языческого Велеса. День святого Степана отмечается 26 декабря, в период «волчьих праздников», связанных с культом Велеса. Упоминание Степана в песнях волочобников тоже свидетельствует о нем как о синониме Велеса.

Название «кравец» ассоциируется с разрезанием, крошением, дроблением. Такие понятия используются в мотиве наказания Луны в мифологическом сюжете небесной свадьбы.

В преданиях о камнях-«кравцах» обычно подчеркивается, что там жил змей-портной (реже – «шавец», т.е. сапожник). Нельзя исключить и того, что слово «кравец» в данном случае этимологически связано с польским «karw» (вол, особенно в отношении старого, ленивого) и с жамойтским «karve» (корова). В северопольских диалектах корень «karw» обозначает и быка, и корову, и вола, а в прусском языке вол назывался «curwis».

Как правило, культурный слой возле камней-«кравцов» отсутствует. Однако сохранились сведения о том, что в старину балты приносили на валуны в жертву пастушескому богу Goniglis Dzievos тестикулы быка, жеребца, козла и других животных*. Понятно, что никаких археологических следов от таких жертв быть не может.

Кроме распространенных «окаменевших волов» известен единичный случай, когда валуны называются «Турэ» (деревня Засулье Столбцовского района). Но и о них существует предание, что это – окаменевшие волы и пахарь.

Выше уже сказано об ассоциативной связи названия камня-«кравца» с разрезанием, крошением Луны. Однако еще в палеолите люди заметили, что в новолуние серп ночного светила напоминает рога быка. В древнеиранской и древнеиндийской традициях бык является образом лунного божества. В «Ригведе» Сома, бог Луны, наделен эпитетами «бык» и «самец». В «Авесте» сказано, что Луна «содержит в себе семя быка». По мнению М.В. Поповича и Б.А. Фролова, символическая связь быка и Луны, коня и Солнца обусловлена тем, что солнеч-

* Тестикулы (тестикулус на латыни яичко) – литературное название половых органов (яичек) людей и животных. – *Прим. ред.*

ный год с 12-ю месяцами и лунный год с 10-ю месяцами совпадают по продолжительности с периодами беременности кобылы (12 месяцев) и коровы (10 месяцев).

Прослеживается связь «священной сферы» с символикой быка. В авестийском материале бык входит в один лексический ряд со жрецом, а конь – с панцирным верховым воином. В индийской мифологии бог Луны – сын Атри, породившего «великих богов и подобных богу жрецов».

Возвращаясь к подвескам с изображением головы быка, можно достаточно уверенно признать семь фигурок – женскими. Так, в двух купальских певческих зачинах, записанных в бывшем Велижском повете на Смоленщине, упоминается, что «...семь девок пропало, а семь мальцов прибыло – и тех надуло»; «Купала, Купала, семь мальцов пропало, а на то место семь девок воскресло». Сергей Санько, анализировавший эти записи, полагает, что под Семью Девками (Семью Мальцами) подразумевается созвездие Плеяды (по-беларуски Валасажары)*. А этимология названия Валасажары связана с богом Велесом. Древние греки насчитывали в Плеядах 6 ярких звезд и одну менее яркую*. Семь фигурок могут обозначать и 7 звезд Большой Медведицы.

Треугольник на лбу быка известен в Европе по изображениям эпохи бронзы. В древнем Египте бога Аписа изображали быком с белым треугольником на лбу. А. Голан в отношении изображений быков считает такой знак символом богини неба, так как он является знаком женщины, женского лона. Соединение головы быка и треугольника выражало идею связи бога Земли и богини Неба, то есть идею связи мужского и женского начал в природе.

Бог Велес в шкуре и с головой быка

Однако бык в языческих верованиях имел отношение не только к хтоническому божеству, но и к его противнику Громовику. В ряде мифологий индоевропейских народов бык считался зооморфным воплощением таких громовержцев как Индра у индийцев, Зевс у греков, Юпитер у римлян. Скандинавский бог грома Тор представляется с бычьими рогами, а само его имя означает «бык». Славянское «тур» (tur), греческое «tauros», латинское «taurus» имеют подобия в других языках – не индоевропейских. Так, у шумеров бог грозы Ишкур носил эпитет «дикий бык ярости».

А.М. Афанасьев обосновал связь тура с Перуном на основе загадок: «Ревнул вол за сто гор, за сто речек» (гром); «Тур ходит по горам, Турица – по долам, Тур – то свистнет, Турица – то мигнет» (гром и молния). В Беларуси известны

* Плеяды – семь дочерей Атланта, превращенных Зевсом в созвездие.

аналогичные загадки: «Раўнуў вол на сто гор, за дзесяць балот», «Раўнуў вол на сто гор, на тысяцу азёр», «Чорны вол раве на сто гор». Темная грозовая туча могла ассоциироваться с туром, для которого была характерна черная окраска с белой полосой вдоль спины. Слово «вол», вероятно, появилось в загадках тогда, когда туры уже исчезли.

Собран значительный этнографический материал, описывающий принесение быка в жертву святому Илье, ставшему христианским заменителем Перуна. В некоторых местах на севере России в жертву приносили невыхолощенного быка, обязательно черного цвета, в надежде, что тогда Илья даст хорошую погоду для уборки урожая. На Ильин день (20 июля) община на общие средства покупала заранее откормленного быка, его убивали и съедали. Для этой общей трапезы варили пиво.

О весьма древнем происхождении обычая жертвоприношения быка свидетельствует легенда, распространенная на территории бывшей Новгородской земли. В ней говорится, что когда-то в этот день прибегал олень, которого и резали. Но однажды люди не дождались оленя и вместо него закололи быка, после чего олени больше не приходили. Значит, в древности было принято приносить в жертву именно дикое животное.

Отсутствие костей тура в культурных пластах раннефеодальных городов Беларуси (за исключением Пинска и Берестья), как и предыдущих городищ железного века, скорее всего свидетельствует о сакральном значении этого животного. В таком случае охота на него была возможна только как обрядовое деяние князя или языческого жреца. Кстати говоря, первоначально князь у славян в значительной мере совмещал функции военного вождя и первосвященника, являлся сакральным правителем.

Кроме того в беларуском фольклоре присутствуют загадки о быке как символе прихода нового дня, что прямо связано с восходом солнца. Например: «Сівы бык у вакенца шмык» (рассвет), «Белы бык у акно тык» (день), «Прыйшла чорная карова, усіх людзейц папарола; прыйшоў белы бык, пад вакно нік, усе людзі паўставалі» (ночь и день). Встречаются также изображения над воротами солнца и бычьих рогов.

* * *

Таким образом, культ быка на территории Беларуси был известен еще в период неолита. На начальном этапе, возможно, этот культ был единым и связывался с богами подземного мира. В дальнейшем в мифологии произошло разделение образа этого бога на два противоположных персонажа: хтонического бога (типа Велеса) и его противника – небесного Громовержца (Перуна). Первому был посвящен вол, второму – тур.

Велесу приносили быков на праздник, который позже совпал с днем святого Николая (Міколы) – 6 декабря, Перуну – 20 июля (день Ильи-пророка).

Балты и балтские диалекты в древней Беларуси

Владимир Свежинский,
доктор филологических наук

Древнейшее население Беларуси

Судя по языку и другим этнографическим признакам, балты принадлежат к индоевропейским народам. Но если языки других индоевропейских народов в своем развитии далеко ушли от предка – праиндоевропейского языка, то языки балтов сохранили в грамматике и лексике многие его особенности. По мнению ученых, этому содействовал природный фактор: балты, проживая на окраине Европы, среди пущ и болот, надолго изолировались от общеевропейского культурно-исторического движения и от внешних культурных влияний.

На территории Беларуси в Среднем и Верхнем Поднепровье (современные Гомельская и Могилевская области, восток Брестской, юг Минской) в эпоху раннего железного века (V–III вв. до н.э.) была распространена так называемая милоградская культура (от названия городища Милоград в Речицком районе). Большинство ученых считает эту культуру балтской.

К северу от ареала милоградской культуры, в средней части республики (в VII–VI вв. до н.э. – IV–V вв. н.э.) располагались племена культуры штрихованной керамики (восточнобалтские), которые исчезли, не оставив после себя даже названия.

На севере Беларуси, в Витебской области и соседних районах (в VIII веке до н.э. – IV веке н.э.) жили племена днепро-двинской культуры, принадлежавшие, как и племена штрихованной керамики, к балтоязычному населению.

С конца 1-го тысячелетия до н.э. в Верхнем и Среднем Поднепровье, там, где раньше находился основной ареал милоградской культуры, сложилась зарубинецкая культура. Ряд ученых считает, что язык племен зарубинецкой культуры занимал промежуточное положение между славянским языком и близкими к нему западнобалтскими диалектами.

Поэтому не удивительно, что названия преимущественного большинства рек на территории Беларуси сохранили корни и характерные окончания, которые есть в литовском и латышском языках (1). Данные гидронимии послужили одним из важных аргументов для вывода ученых о том, что на территории Беларуси с глубокой древности и примерно до середины 1-го тысячелетия новой эры (в ряде мест еще позже) жили балтоязычные племена.

Благодаря балтской языковой основе (субстрату), современный литовский и беларуский языки имеют ряд общих черт в фонетике, морфологии и синтаксисе: это позиционная мягкость согласных, йотация при стечении гласных, звательный падеж, сравнительная степень прилагательных и наречий с предлогом

«за», особая форма повелительного наклонения для выражения совместного действия, дробные числительные, структурно-семантическая близость некоторых местоимений, общая валентность отдельных глаголов, конструкции типа *«хвораму палепшала»*, преимущественное употребление родительного падежа с отрицанием, конструкции с глаголом *«мець»*, дословное совпадение сочетаний типа *«ставіць хату»* и другие особенности (2).

С IV века славяне (склавины и анты) начали расселяться на территории Южной, Средней и Восточной Европы. А в V–VI вв. н.э. древние славяне впервые поселились на юго-западе будущей Беларуси.

В середине 1-го тысячелетия на беларуских землях культуры штрихованной керамики и днепро-двинскую заменила так называемая банцеровская (от названия городища Банцеровщина под Минском), сформировавшаяся на основе культур и балтских, и славянских племён. Беларуский этнолог Ф. Климчук утверждает, что племена банцеровской культуры являются прямыми предками беларусов.

Другая археологическая культура третьей четверти 1-го тысячелетия н.э. получила название калочинской (от названия деревни Калочин в Речицком районе Гомельской области). По мнению ученых, это балтская культура, находившаяся под сильным влиянием славян.

В VIII–IX вв. славяне в Восточной Европе разделились на 13–15 так называемых племенных княжений. На территории Беларуси это были кривичи (полочане), дреговичи и радимичи.

Ятвяги

Средневековые польские хронисты Мартин Бельский и Мацей Стрыйковский утверждали, что Беловежская пуща получила свое название от древнего замка с белыми башнями, построенного одним из ятвяжских князей (а не от той одинокой башни, что стоит сегодня в Каменце)*.

Как писал в путевых заметках этнограф Павел Шпилевский, то место, где был этот замок, в его времена имело вид возвышенной насыпи, окруженной со всех сторон буртами, курганами и волатовками (древними языческими могилами), и известное под названием Замчище, или Займище**. Некоторые из этих буртов и волатовок были раскопаны, в них находили человеческие скелеты и различной величины глиняные сосуды (видимо, погребальные урны) — убедительное доказательство того факта, что пуща во времена ятвяжского язычества была заселена[3].

Литовский археолог Адолфас Таутавичюс, обобщив результаты исследований истории балтов на Беларуси и данные исторических источников, в своей итоговой статье «Ятвяги, дайновы, судовы, полексены и...» попытался выяснить этнический состав балтского населения польско-беларуско-литовского пограничья и его историческую судьбу (3). Он, в частности, пишет, что после появления работ историков С. Зайончковского, А. Каминского, В. Пашуто, археологов

* См. труды М. Бельского «Хроника всего света» (Краков; 1551 г.) и М. Стрыйковского «Хроника польская, литовская жамойтская и всей Руси» (Кёнигсберг; 1582 г.).

** См. его работу «Путешествие по Полесью и Полесскому краю», 1853–55 гг.

Е. Антоневича, Я. Ясканиса, М. Качинского, Я. Акулича, В. Седова, языковедов В. Мажюлиса, Я. Налепы и других утвердилась мысль, что группу ятвяжских племен – значительной части прежнего балтского населения Беларуси – образовали 4 наиболее крупных племени.

На северной окраине их ареала жили дайновы*. На северо-западной окраине проживали судовы, чья территория граничила с прусскими землями Надровией и Бартой. В юго-западной части – на реке Элка (Лыха) жили полексены – соседи галиндов (голяди) и мазуров. А в центре и на востоке этого ареала проживали ятвяги, которые раньше всех столкнулись с Киевской Русью, распространявшей в X–XI веках свою власть на север. Известно, что существовали и более мелкие племена, названия которых, однако, не сохранились.

Вопрос происхождения ятвягов остается нерешенным. Польские археологи считают, что эти племена образовались в начале I века до н.э., когда на восточную окраину характерной для восточных балтов курганной культуры проникли пришельцы из области милоградской культуры (из бассейна Припяти). Большинство исследователей придерживается мысли, что упомянутые во II веке в «Географии» Клавдия Птолемея судины и галинды это и есть судовы и их соседи галинды. Таким образом, в начале нашей эры эти племена уже существовали.

По археологическим данным известно, что во II–III вв. свойственные группам ятвяжских племен обычаи захоронения покойников различались некоторыми своими чертами. Например, в это время судовы окрестностей нынешних Сувалок хоронили покойников в курганах, не сжигая их, а над могильной ямой складывали кучу камней. Ятвяги, жившие в окрестностях современного Августова, сжигали своих покойников, а потом ссыпали пепел в урны, которые опускали в могилы.

Не хватает данных, чтобы охарактеризовать взаимные отношения дайновов, судовов, ятвягов и полексенов; неясно также, почему они не попытались в XIII веке создать свои государства или объединиться с Литвой. Письменные сведения о культуре этих племен в XII–XIII вв. весьма противоречивы. Трудно установить и границу территорий их проживания, потому что по этому вопросу тоже не хватает данных – и письменных, и лингвистических, и археологических, а иной раз эти данные явно противоречат друг другу.

На основании комплекса имеющихся данных А. Таутавичюс пытался очертить границы проживания рассматриваемых балтских племён (отметив попутно, что границы ареала проживания ятвягов изменялись на протяжении веков).

Наиболее четко определена западная граница. Она проходила по современной территории Польши и Летувы – начинаясь от Бебжа (Бобр – правый приток Нарева) на северо-запад от великих Мазурских озер, далее по их восточным берегам, а еще дальше поворачивала на северо-восток в направлении озера Вищицис. От озера Вищицис условная линия шла по старой границе между Летувой и Германией (Восточной Пруссией) до нижнего течения Немана. Правда, из-за недостаточной исследованности археологических памятников надровов,

* Вопрос локализации племени дайновов рассмотрен в статье В. Сливкина, публикуемой в этом выпуске альманаха. – *Прим. ред.*

галиндов и бартов граница между этими племенами и ятвягами точно не установлена.

Придерживаясь сообщения Яна Длугоша (вторая половина XV века) о том, что столицей ятвягов был Дрогичин на Буге, большинство историков проводит южную границу территории проживания ятвягов по Бугу в районе Дрогичин – Брест. В частности, так считал выдающийся российский археолог Валентин Седов, который более всех других российских археологов интересовался историей ятвягов.

Но литовский языковед Гярулис утверждает, что ятвяги жили и дальше на юг от Буга. Российский лингвист В. Топоров тоже полагал, что ятвяги проживали южнее Нарева и Буга*. Все же большинство литовских и польских историков и археологов придерживается мнения, что наиболее вероятной границей проживания ятвягов являлись Буг, его приток Нарев и, наконец, Бебжа (Бобр), приток Нарева.

Восточная граница, как и южная, остается спорной. Из опубликованных данных (М. Цёпен, Г. Ловмяньский, Ц. Энгель, А. Каминский, Я. Налепа, М. Гимбутене, К. Буга, В. Седов, Я. Зверуго) следует, что на территорию между верхним течением Немана и Припятью группы ятвягов переселялись только в XI–XIV вв. Какие балтские племена здесь жили до VIII–IX вв., пока неясно.

При определении северной границы большинство указанных выше авторов придерживаются границы, установленной Мельникским договором 1422 года между ВКЛ и Немецким орденом (Пруссией) до Немана.

Следует согласиться с Седовым, что границу территории проживания ятвяжских племен можно установить по распространению характерных для них курганов. Из исследований, проведенных в окрестностях Сувалок польскими археологами известно, что во II–IV вв. судовы хоронили покойников с многочисленными металлическими предметами (оружие, инструменты, украшения). В могильной яме умерших обкладывали камнями, а поверх ее накладывали большую кучу камней, заполняли ее землей и насыпь окружали каменным венцом. Поэтому такие могилы называют «каменными курганами» или «каменными могилами».

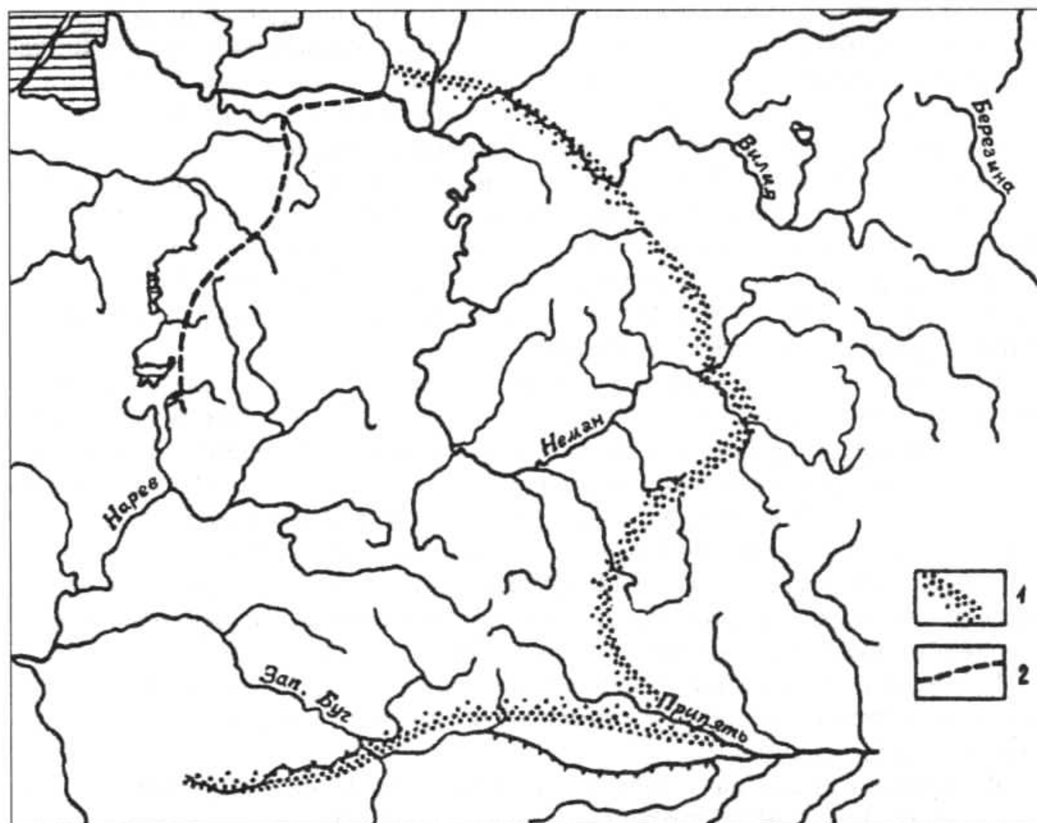
В VI–VII вв. покойника сжигали, его останки ссыпали в глиняную урну и помещали в кургане, насыпанном из камней и земли, в могилы же клали только украшения и другие предметы, или вообще ничего. Могилы судовов (ятвягов) периода VIII–IX вв. менее известны, но умерших по-прежнему хоронили сожженными, в курганах, либо в могилах, обложенных камнями.

В северной части Занеманья и у низовий Немана, а также рек Дубисы и Невежи такие могилы, сложенные из камней, не найдены. Здесь в I–IV вв. умерших тоже хоронили не сжигая, но без каменных настилов или насыпей поверх могильных ям. (Эти могилы ученые Летувы называют «аукштайтской группой» и утверждают, что на берегах Немана ниже Ковно, на северной окраине Зане-

---

* Отметим, что Давыд-городок на реке Горынь, лежащий в 245 км восточнее Бреста, по преданию был основан ятвягами, проживавшими в этих краях. Знаменитый географ Семенов писал: «Легенды приписывают основание местечка ятвяжскому князьку, по крещении названному Давыдом». //П.П. Семенов. Географическо-статистический словарь. Том 2. СПб., 1865, с. 2.

монья, аукштайты жили уже с начала новой эры)*. Данные проведенных исследований показывают, что в II–XII вв. ятвяги в Занеманье жили только к югу от среднего течения Прены – Шилавоты и Шешупе. На Меркине – Пренском участке Немана, а может и дальше на юг, в II–IV вв. восточными соседями ятвягов были племена культуры штрихованной керамики. Их поселения находились на правом и левом берегах Немана и далее на восток до окрестностей Минска.



Границы ареала ятвяжских племен:
1 — восточная и южная границы расселения ятвягов по данным археологии и гидронимики;
2 — граница ятвягов с пруссами и галиндами по А. Каминскому

Историческая судьба ятвягов оказалась трагической, хотя в определенной степени они сами ее предопределили.

П.М. Шпилевский приводит предание, по которому в Беловежской пуще некогда жило балтское племя ятвягов, одевавшихся в медвежьи шкуры; здесь когда-то получил известность набегами на соседние владения Древней Руси и Польши князь их Комат (или Комят), деяния которого во время Шпилевского (т.е. в середине XIX века) воспевали народные песни Гродненщины и Ковенщины (4). Судя по этому и многим другим сообщениям, ятвяги были очень воинственны.

---

* Никаких аукштайтов тогда не было. Это выдумка хрониста Немецкого ордена Петра из Дусбурга.– *Прим. ред.*

В летописи Нестора сказано, что великий князь киевский Владимир подчинил ятвягов, вятичей и радимичей; на ятвягов он ходил в 983 году. Однако его победа над ятвягами была, видимо, кратковременной, так как сын Владимира – Ярослав (Мудрый) в 1038 и 1040 гг. снова ходил походами в ятвяжские земли.

С начала XII века войны с ятвягами вели князья Волыни и Галича: в 1112 г. на ятвягов ходил Ярослав; в 1196 г. – его сын Роман; в 1227–1256 гг. настойчиво стремился покорить ятвягов сын последнего – Даниил. Он в 1227 году разбил ятвягов под Брестом, а в 1251 г. выступил против них из Дрогичина. В Ипатьевской летописи утверждается, что в том же 1251 году ятвяги и войско Даниила оказали помощь жамойтскому князю Выкинту, когда тот напал на Воруту, замок Миндовга. Выходит, что одна часть ятвягов воевала с галицко-волынским князем, а другая – вместе с войском Даниила помогала Выкинту.

Правитель Польши Болеслав IV (правил в 1146–1178 гг.) около 1166 г. пытался покорить полексенов, которых летописец назвал «страшными врагами». В битвах и непроходимых болотах тогда погибло много поляков и полексенов (последних летописец именовал еще и гетами). Другой правитель Польши – Казимир Справедливый – в 1192 г. снова пытался поработить полексенов, являвшихся, по словам летописца, родичами пруссов.

В исторических источниках названия Полесье, Подлесье, Подляшье противопоставляются топонимам «Литва», «Волынь», «Жмудь», «Киевская земля», «Поднепровье». Показательно также использование некоторыми польскими историками средневековья, например, Длугошем и Кадлубком, особого этнонима «полесяне» для обозначения населения этого региона, а также жителей Подляшья (5). Есть мнение, что название «полекшане» («полексяне», «полесяне»), которым в XIV – начале XVI вв. определяли жителей западных районов Брестчины и смежных земель Подляшья, генетически восходит к этнониму одного из племён (полексены) западнобалтского союза ятвягов (6).

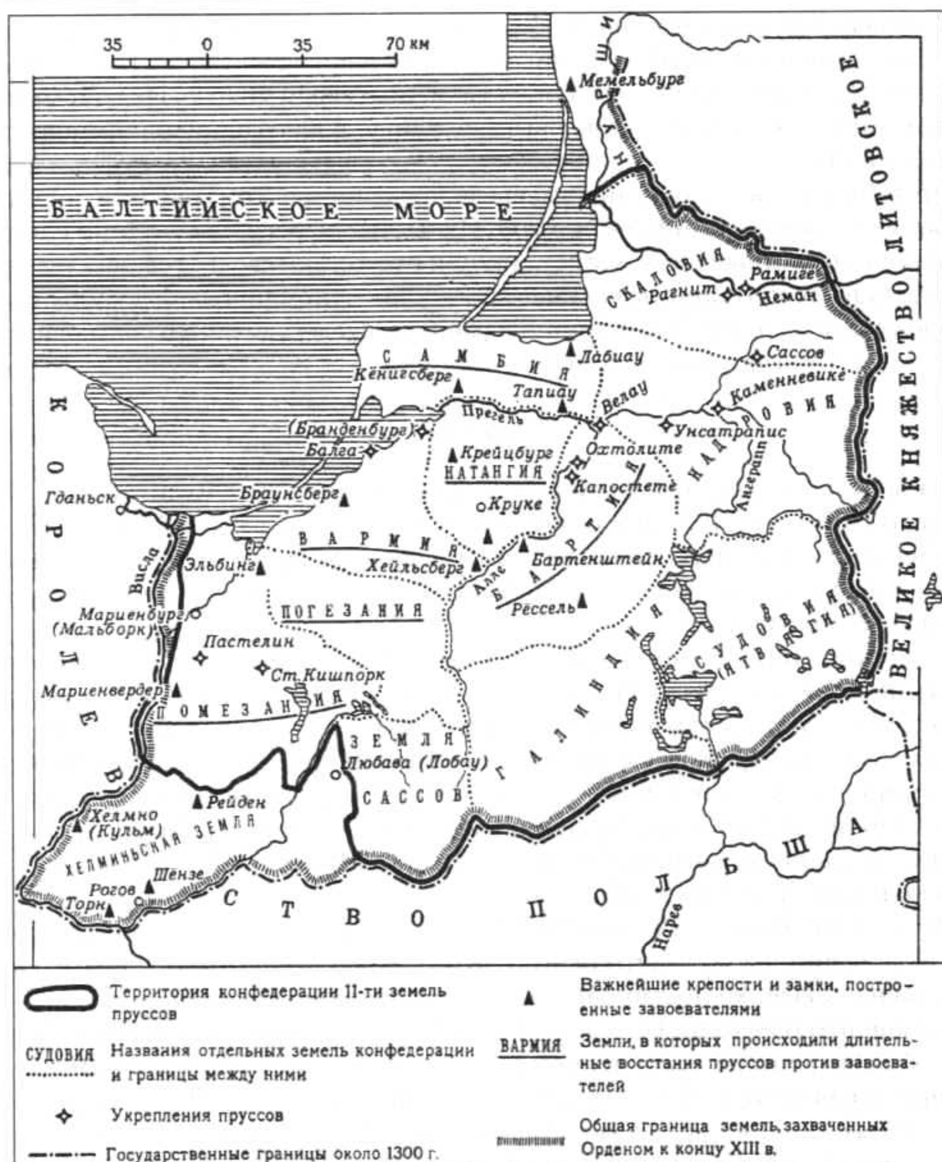
В середине XIII века в исторических источниках неоднократно приводится название ятвяжского племени «дайнова». В частности, дайнова упоминается в документах Миндовга.

В «Хронике Быховца» сообщается, что великий князь Наримонт сделал своего брата Тройдена правителем ятвягов (судовов). Тройден основал Райгород (на жамойтском языке – Райгардас) и успешно воевал с польскими князьями.

Немецкий орден, который обосновался в Пруссии и подчинил ее себе, в своих документах и хрониках не использует названий ни ятвяги, ни дайнова, ни полексены, а все эти племена называет «судова». Как уже сказано, в действительности так называлось одно из племен ятвягов, жившее в северо-западной части ятвяжских земель, по соседству с галиндами и надровами.

Племена ятвягов не смогли создать свое государство. А соседи в третьей четверти XIII века начали жестокие войны с ними. В 1254 г. упомянутый галицко-волынский князь Даниил, мазурский князь Земовит и Немецкий орден создали союз против ятвягов (имеются в виду судовы – *Ред.*), договорившись, что две трети их земель достанутся Ордену, а треть разделят между собой Даниил и Земовит.

Несмотря на попытки отдельных ятвяжских князей объединить силы и отбить наступление, противники опустошали не только окраины их земель, но и



Земли Пруссии

центральную часть. Так, князь Даниил в 1256 г. разбил объединенное войско судовов возле Привищи (примерно в 15 км на запад от современного Августова). В 1264 г. судовский край опустошило войско короля Польши Болеслава V Стыдливого. Судовы попытались поддержать пруссов, восставших в 1260 году против Немецкого ордена, но орден подавил восстание и уже в 1277–1283 гг. окончательно опустошил Судовию – города и деревни были сожжены, часть людей уничтожена, часть бежала в Литву, часть немцы превратили в рабов, часть поселили в Самбии, западнее Кёнигсберга. Так в конце XIII века трагически завершилась история ятвягов-судовов.

В начале XIV века Петр из Дусбурга написал в «Хронике Прусской земли», что судовы были самыми благородными из всех племен, живших в Пруссии. Они превосходили других не только богатством, но и своей мощью. Их войско было самым многочисленным: судовы выставляли до 6000 всадников и множество пеших воинов.

Этот факт наряду с упомянутым выше преданием о Комате (Комяте) свидетельствует о воинственности судовов. Их частые набеги на соседние племена вызывали адекватные меры в ответ, что при отсутствии своего государства предопределило их историческую судьбу. Вследствие упомянутых факторов племя судовов стало жертвой более организованных соседей, так как в решающий момент не смогло защитить себя от уничтожения.

Литва

На восток от ятвягов находилась Литва. Р.К. Волкайте-Куликаускене, В.С. Седов, В.П. Пашуто, Г. Ловмяньский и другие связывают Литву XI века с археологической культурой восточнолитовских курганов, ареал которой охватывает территорию от среднего течения Немана и реки Швянтойи (Святой) до Свири, Постав, Молодечно.

На территории современной Летувы в XIII веке существовали два разных культурных ареала: западный и восточный. Первый, который почти совпадал с территорией Жамойтской земли (староства) более поздних времен, определяется грунтовыми захоронениями без курганных насыпей. Второй охватывал восточную часть современной Летувы и прилегающие районы Беларуси (до озера Нарочь, Налибокской пущи, правобережья Немана в районе Лиды). Это была культура так называемых «восточнолитовских курганов» – бесспорно балтской по их похоронному инвентарю*.

По летописным сообщениям XII–XIII вв. и позднейшей топонимии Николай Ермалович локализовал «летописную Литву» между Минском на востоке, Новогрудком на западе, Молодечно на севере, Ляховичами на юге (7).

По мнению Вячеслава Носевича, Ермалович, локализуя «летописную Литву» полностью в границах современной Беларуси на основе топонимов «Литва», игнорирует один из основных законов топонимики: название «Литва» деревня не могла иметь там, где все населенные пункты литовские, а только – в иноязычном окружении**. При таком подходе Литва оказалась расположенной в пространстве лесов (в т.ч. в огромной Налибокской пуще), болот и неурожайных песчаных почв. Ядром этноса, а тем более такого активного, как древняя Литва, эти земли физически не могли быть. Главное то, что на очерченной Ермалови-

* Далеко не бесспорной. Автор повторяет выдумки ученых из Летувы, стремящихся присвоить все наследие ВКЛ, оставив предков беларусов «за скобками». «Литвой» называлось не племя, а сообщества (дружины) профессиональных воинов разного этнического происхождения, селившихся на землях ятвяжских племен (см. карту ареала ятвягов)). Но постепенно это название распространилось на все население западной части нынешней Беларуси. Так ятвяги стали литвинами. См. статью Д. Ситько в этом выпуске «Дедов», а также работу М. Петрова «Литвины и жамойты» в сборнике «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века». Мн., 2010, с. 258–395. – *Прим. ред.*

** Топонимы «литва» имели не этническое, а социальное (сословное) происхождение. В поселениях с названиями такого типа жили профессиональные воины, тогда как вокруг – крестьяне. – *Прим. ред.*

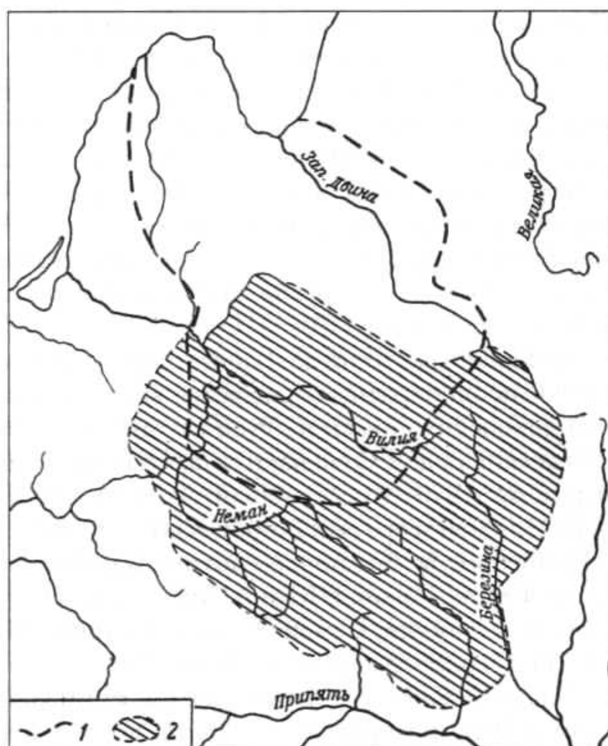
чем территории (8), как показывают археологические исследования, нет не только балтских, но практически никаких археологических памятников, которые бы датировались XIII веком.

С ареалом исторической (или летописной) Литвы по северному периметру соседствовали Дяволтва, Нальщаны и Аукштайтия*. По карте В.Н. Носевича, Нальщаны занимали значительную часть территории нынешней Беларуси на запад от Браслава и Логойска, на восток от реки Вилия и от местечка Крево (9).

В Жамойтии, как свидетельствуют русские летописи XII века, имелись такие же территориальные единицы, как в землях самостоятельных балтских народов (Цеклис, Коршев и другие), что позволяет считать ее население особым этносом, завоеванным литовцами.

Этническая граница между Литвой и западными землями Руси, проходившая примерно по линии Браслав – Поставы – Сморгонь – Лида (далее Русь граничила с ятвяжским племенем дайнова), не была похожей на современные границы. В обе стороны ее пересекали течения миграции: отдельные литовские семьи селились на русских землях, а русские – на литовских. Позже, после образования Великого княжества Литовского, славянская колонизация берегов Вилии еще более усилилась.

Одновременно со славянской колонизацией Литвы и литовцы /жамойты – *Ред.*/ продвигались на земли понеманских княжеств. Некоторые группы жамойтов, спасаясь от крестоносцев, мигрировали на территорию соседних ВКЛ и Польши. Возможно также, что литовские князья селили их там в качестве военнопленных.



Поселения культуры штрихованной керамики (КШК) и так наз. «восточнолитовских» курганов: 1 — граница ареала КШК (А.Г. Митрофанов, П.Ф. Тарасенко); 2 — граница ареала курганов (Х.А. Моор)

* Как уже сказано, многие историки не признают существование Аукштайтии. М. Петров показал в своей работе «Литвины и жамойты», что историки Летувы и деятели национального движения назвали так (задним числом) территорию Виленского края, с захвата которой началось подчинение князьями «летописной Литвы» всей Жамойтии. Иначе говоря, они в своих идеологических интересах все перевернули с ног на голову. А для «доказательств» широко используют весьма вольные переводы текстов с латыни, немецкого и польского языков, используя термины, не существовавшие в древние времена. – *Прим. ред.*

Белорусизация групп литовского (жамойтского – *Ред.*) населения кое-где продолжалась до 1920–30-х гг. В середине XIX века жители некоторых деревень Ошмянского, Лидского и Слонимского уездов еще пользовались литовским (жамойтским – *Ред.*) языком (10).

Волынская летопись сообщает, что в 1276 году под натиском крестоносцев в районы Гродно, Слонима, Каменца, Турийска эмигрировали большие группы западнобалтских племен бортей и пруссов (11). В ряде случаев такое население попадало и на земли Восточной Беларуси. Ретроспективное изучение истории одной из таких экстерриториальных групп бывших западных балтов, живших в волости Обольцы современного Толочинского района Витебской области, Гайне Логойского района Минской области провел польский ученый Охманьский.

Интерес к этническому составу населения волости вызвал отмеченный Яном Длугошем исторический факт об основании там в 1387 году великим князем Ягайло католического костёла (из восьми основанных в ВКЛ в то время костёлов только два находились на землях современной Беларуси и один из них – в Обольцах). Опираясь на исторические и лингвистические данные, Е. Охманьский показал, что в XIV веке там действительно проживала достаточно компактная группа литовцев (жамойтов либо пруссов – *Ред.*), которая постепенно в XVI веке была втянута в процесс ассимиляции (12). Активную ассимиляцию литовцев (жамойтов либо пруссов – *Ред.*), проживавших в границах основного этнического массива беларусов, подтверждают материалы и других польских историков-медиевистов (13).

В Познаньском списке (Рачинского) «Летописца Великого княжества Литовского» неоднократно обращается внимание на такое средство укрепления власти литовских князей на Руси как брачные связи с представителями местных княжеских родов. Отмечаются факты принятия князьями православия и «науки языка руского», то есть беларуского языка. Первыми приняли православную веру Миндовг и его сын Войшелк после бегства в 1246 году из летописной Литвы в Новогородок. Вот почему потомками Скаламонта были носители славянских имён Федор, Михаил, Юрий, Александр, Патрикей, Андрей, Дмитрий, Владимир, Константин, Семен, Лазарь, Василий, Иван, Роман, Ян, Лев, Василий, а сын Ольгерда – Андрей Полоцкий (14).

Значительным толчком к славянизации литовских князей было расширение границ Великого княжества Литовского, в котором преобладал, как известно, славянский этнос (точнее, славянизированные потомки балтов). Становясь во главе преимущественно славянского княжества (или отдельных его регионов) они невольно вынуждены были воспринимать беларуский язык, культуру и православную веру.

Дальнейший процесс образования Великого княжества Литовского, в котором значительным консолидирующим средством были старобеларуский язык и христианская религия, выглядел следующим образом.

После убийства Треняты сын Миндовга Войшелк в 1264 году подчинил себе Нальщаны и Дяволтву.

В 1307 году во время княжения Витеня к ВКЛ было присоединено Полоцкое княжество.

При Гедимине (1316–1341) в состав ВКЛ вошли Витебская, Берестейская, Турово-Пинская земли, Менское княжество.

При Ольгерде (1345–1377) к ВКЛ были присоединены Поднепровье, Киевская земля, Мозырская и Брагинская волости, Чернигово-Северская, Подольская и Волынская земли, Смоленское княжество.

В результате, если в первой половине XIV века, по карте В. Носевича, еще существовали отдельные балтские княжества – Нальщаны, Дяволтва и Упита (15), то уже во второй половине столетия на месте этих княжеств появляется единая Литва, которая превратилась в одноименную историческую область, полиэтничную, со значительной долей иноэтничного населения (16). Именно территорию бывшей Дяволтвы, Нальщан, Упиты позже назвали Аукштайтией. Значительная часть ее находилась в границах теперешней Беларуси.

Языки

Разграничение литовского (жамойтского – *Ред.*) и славянского (беларуского) ареалов в силу сложной языковой ситуации в данной области оказывается достаточно трудной задачей: «восточная граница территории литовского языка очень неясная», пишет З. Зинкявичюс (17). Вдоль всей границы между Летувой и Беларусью, с северо-востока на юго-запад тянется цепочка островков литовских (жамойтских – *Ред.*) диалектов, окруженных теперь беларуской средой (18).

В частности, диалектологические экспедиции Института литовского языка и литературы 1956 и 1958 гг. засвидетельствовали литовский (жамойтский – *Ред.*) язык примерно в 50 деревнях Браславского и Видзовского районов Витебской области, сконцентрированных главным образом возле местечка Опса. Литовский (жамойтский – *Ред.*) язык сохранялся в то время и в Поставском районе Витебской области (в деревнях вокруг Лынтупов, Камаев, Свири на границе с Гродненской областью). На Гродненщине – в Гервятах и десятке деревень (Островецкий район), Лаздунах, и нескольких соседних деревнях (Ивьевский район), Рамашканцах, Дайнаве, Белюнцах и других деревнях, примыкающих к Девянишкесу, в окрестности Радуни – в деревнях Жирмуны, Бастуны, Пеляса, Заболотье и других, от Радуни вплоть до Лиды – компактная полоса деревень, где сохраняют литовскую (жамойтскую – *Ред.*) речь (Вороновский район), в Дятлове (Зяцела), в деревнях Засетье и Погири (около Гродно), в деревнях Гожа и Привалки (19).

В древности этот ареал был больше. З. Зинкявичюс в своей работе «Литовская диалектология» рассматривает литовские (жамойтские – *Ред.*) анклавы на Беларуси как часть системы диалектов литовского (жамойтского – *Ред.*) языка (20). По данным его обзорной карты № 1 «Диалекты литовского языка», диалекты Пелясы (Pelesa), Вороново (Varenava), Радуни (Rodūnia) и Рамашканцев (Ramaškonys) являются частью массива южно-аукштайтских диалектов.

К западу от Девянишкеса по беларуской территории проходит граница между южно-аукштайтским диалектом и виленскими вариантами восточно-аукштайтского диалекта, беларуской частью массива которых является небольшая полоса территории между Рамашканцами и Девянишкесом. Частью виленских вариан-

тов восточно-аукштайтского диалекта является также диалект Лаздунов (Lazūnai) Юратишковского района и Гервят (Gervėčiai) Островецкого района Гродненской области, а также Опсы (Apsas) Браславского района Витебской области. Наконец, на юг от Лиды находится массив распространения западно-аукштайтских (шяуляйских) диалектов – Дятлово (Zietela) и Засетье (Zasiečiai) (21). Эти данные, по мнению Зинкявичюса, доказывают автохтонность населения литовских (жамойтских – *Ред.*) анклавов на территории Беларуси*.

Определенное участие в формирования языковой ситуации в древности на Беларуси принимали и латышские диалекты. Саксонская колонизация земель Юго-Восточной Прибалтики началась в конце XII – начале XIII вв., когда вслед за купцами сюда отправились миссионеры. В начале 1180-х гг. монах-августинец из Бремена Майнгард (Мейнгард) высадился на балтийском побережье и 16 лет проповедовал христианство среди финно-угорского племени ливов, имя которого дало название стране. Об этом упоминается в летописи Рачинских. Майнгард получил разрешение на свою миссионерскую деятельность от полоцкого князя Владимира, к которому обратился по просьбам немецких купцов (в то время ливы были данниками Полоцка). В 1184 году Майнгард построил первый на землях ливов костёл в Юкскюли – там, где незадолго до того была основана немецкая фактория. А в 1186 году Майнгард стал первым епископом новой колонии – Ливонии.

Преемник Майнгарда на епископской должности Бертольд Ганноверский был сторонником силовых методов обращения язычников-ливов в христианство. С согласия Папы Римского военные акции в Ливонии были приравнены к крестовым походам. Преемник Бертольда Альберт Буксгевден для повышения эффективности христианизации края основал в 1201 году в устье Западной Двины (Даугавы) на месте ливского поселения крепость Ригу. Император Оттон IV в качества лена вручил Альберту Ригу с окрестностью. Так возникло Рижское епископство. С целью дальнейшей христианизации ливов, латышских племен и эстов был учрежден Ливонский орден. Немцы стали хозяевами Ливонии и определяли историю колонизации, экономики и церкви в этом крае на протяжении нескольких столетий.

Именно в русле христианизации произошло формирование латышского литературного языка. Немцы подготовили первые книги для латышей. Первая книга на латышском языке «Немецкая месса» была напечатана еще в 1525 году в Германии, однако в Латвию не попала. В 1586 году в Кёнигсберге, ставшем центром лютеранства в Балтийском регионе, вышел на латышском языке «Малый катехизис» Мартина Лютера. Но годом раньше (в 1585) римско-католический катехизис на латышском был напечатан в Вильне. Эти книги печатались готическим шрифтом.

В протестантских книгах, написанных немецкими пасторами, использовалась орфография нижненемецкого языка, которая хотя и плохо отражает мор-

* Как уже отмечено выше, так называемая Аукштайтия – это бывшая территория Нальщан и Дяволтвы, а также района Вильни. Язык местных жамойтов, оказавшихся под властью князей «летописной Литвы» намного раньше, чем западной части их страны, под влиянием контактов с завоевателями несомненно приобрел ряд новых черт. При желании, эти изменения можно назвать аукштайтскими диалектами, что и делают авторы из Летувы. – *Прим. ред.*

фологический строй и фонетическую систему латышского языка, зато сам язык книг не очень сильно отличается от современного латышского литературного языка (22). Так в те времена, когда Ливония (Инфлянты) была частью Речи Посполитой, выработался латышский язык.

В средние века существовали четыре пралатышские этнические группы, использовавшие собственные диалекты. Селы и земгалы были поглощены латгалами в XIV–XV вв. Уже в начале XVII века источники говорят о едином народе «латавов» и едином языке. Собственно, на нем говорили только крестьяне. У латышей не были своей шляхты. При конфессиональной разрозненности (язычество, протестантизм, католицизм) именно язык был основой их «отдельности». Благодаря ему они сохранились как этнос. В XVII веке еще сохраняли утраченное позже языковое своеобразие ливы, народ угро-финского происхождения, от имени которого произошло название Ливония (Livland) (23).

На территории проживания латгалов находился древний город Герцике, где с латгалами сосуществовали группы славянского населения. Об этом свидетельствует тот факт, что на городище Герцике при раскопках найдены типично балтские и типично славянские предметы (24). Генрих Латвийский первым упоминает в своей «Хронике Ливонии» Герцике, указывая при этом, что в городе было несколько православных церквей (25).

Поскольку термин «латгалы» сохранился в названиях нескольких деревень на Витебщине (например, Латыголичи в Лепельском районе), а этнонимы в качестве топонимов могли использоваться, как сказано выше, только в иноязычном окружении, то можно предполагать, что в конце 1-го – начале 2-го тысячелетия н.э. латгалы жили вместе со славянами на территории нынешней северо-восточной Беларуси (26). Как пишет Т. Хиерн, латгалы жили вперемешку со славянами и были славянизированы ими (27). В Патриаршем списке летописи сообщается, что латгалы были в составе дружины князя Андрея Полоцкого, сына Ольгерда: «прийдет князь Андрей Полоцкий з войском и зо всими латиголами» (Патр., л. 49). В книге Витебского замкового суда есть указание о присутствии латыголы (латгалов) на территории Витебщины: «не доходячи Лучесы латыголенина покинули... а в том тому латыголенину шкода ся стала» (КВЗС, л. 128 обю, 1539 г.).

Таким образом, на территории Беларуси, начиная с глубокой древности (3-е – 2-е тысячелетия до н.э.) проживал целый ряд балтских народов – ятвяги (дайновы, судовы, полексены и др.), жамойты, пруссы, латыши (латгалы). Соответственно были распространены в большей мере языки ятвягов и жамойтов, в меньшей – пруссов и латгалов. Это объясняется разной степенью распространения того или другого балтского племени в пределах Беларуси.

* * *

В работах Зигмантаса Зинкявичюса описан интересный документ, представляющий собой современную копию с небольшого двуязычного словаря, переплетенного вместе с латинским молитвенником (28). Польским словам в словаре соответствуют слова каких-то «gwar pogańskich z Narewu». Поскольку балтийский характер большинства лексем является несомненным (29), на основе анализа материалов словаря ученые реконструировали представленный в этом

словаре «ятвяжский» язык, который, как оказалось, занимает промежуточное положение между западно- и восточнобалтийскими языками (30).

Но еще раньше основные особенности языка ятвягов на основе анализа реликтовых топонимов балтского происхождения в границах бывшей территории проживания ятвяжских племён (см. выше) выявил Я.С. Отрембский. Вот они:

а) дифтонг ei соответствует литовскому ie (leipa – liepa «липа»);

б) s, z соответствует литовским š, ž (zuvys – žuvys «рыба»);

в) c, dz соответствует литовским č, dž;

г) t', d' соответствует литовским k, g (jautēliai – jaukeliai «бычки», Dalazinis – geležinis «железный»);

д) лексические отличия, соответственно: kirsna – juodas «черный», gaila – baltas «белый», dulgas – ilgas «длинный» (31).

В поле зрения Отрембского не попал, к сожалению, интересный в рассматриваемом отношении топоним Зельва. Еще В. Жучкевич полагал, что он имеет ятвяжское происхождение (32). На территории Пруссии, по карте Зинкявичюса, значился топоним Želva (Жялва) (33). Поскольку, по Отрембскому, литовским ž, š в ятвяжском языке соответствовали z, s , то топоним Зельва надо рассматривать как ятвяжский эквивалент литовскому *želva* («рыжик»). В пользу этого свидетельствует также использование эквивалентов в роли топонимов (сравн. лит. Nemunas 'опенок').

Полученные данные позволили Я. Отрембскому сделать важный вывод о том, что язык ятвягов, как члена балтийской языковой группы, ближе к прусскому, чем к литовскому (жамойтскому – *Ред.*) и латышскому. С другой стороны, языку ятвягов свойственны некоторые важные особенности, характерные для славянских языков: наличие s, z (как в прусском) вместо литовских (жамойтских – *Ред.*) *š, ž* и c, dz, c tj, dj (как в польском), превращение палатальных согласных 't, d' в k', g' (и обратная замена k', g' на t; d'), как в восточно- и южнославянских языках. По имеющимся данным, лексика ятвяжского языка соприкасается со славянской.

Исходя из всего этого, можно считать, что язык ятвягов был переходным между балтийскими и славянскими языками, во всяком случае он являлся таковым в намного большей степени, чем язык прусский, который, как известно, тоже не чужд особенностей, весьма характерных для славянских языков.

В Ипатьевской летописи под 1276 годом есть запись: «Придоша проуси ко Троиденеви и своеи земли неволею передъ немци, он же прия е к собе и посади часть и(х) в Городне а часть ихъ посади во Вслониме». Поскольку в свое время летописцы не всегда различали ятвягов и пруссов, по своему месту проживания ятвяги были как бы продолжением пруссов, по языку же они представляли собой разновидность прусских родичей.

Последние потомки ятвягов, поселенных, по свидетельству летописи, в Слониме, еще проживают в окрестностях Зецелы (беларуское ложноэтимологическое Дятлово), а именно в деревне Засетье. Доказательством служит используемое в местном диалекте слово zāsis: буквально žąsis «гусь». В диалекте деревни Засетье имеются и другие слова с z вместо ожидаемого ž: bazniča, буквально bažnyčia («костёл»), zvėris вместо žvėris буквально «зверь» (34).

Впервые высказанное Борисом Рыбаковым в 1947 году мнение историков о том, что славянские племена – это союзы племён, в настоящее время получило серьезное признание (35), ученые также признали возможность вхождения в состав союзов кривичей и радимичей балтийских племён.

Седов – создатель теории субстратного происхождения беларусов, по которой в результате славянизации балтского населения и смешения с ним славян произошло становление беларуского языка и народности. Результатами воздействия балтского субстрата он объясняет истоки особенностей беларуского лингво-этнического сообщества, которое, по его мнению, оформилось в VIII–XII вв., к моменту начала обособления беларусов (36).

Источники

1. Топоров В.Н., Трубачёв О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. Мн., 1962, с. 24–47; Kondratiuk M. Elementy bałtyckie w toponimii i mikrotoponimii regionu Białostockiego. Wrocław, 1985.
2. Войніч І., Свяжынскі У. Літоўская мова. / Беларуская мова (Энцыклапедыя). Мн., 1994, с. 314.
3. Tautavičius A. Jotvingiai, dainaviai, sūduviai, polėksnai ir... / Lietuvos mokslas, II tomas, 1 (2) knyga. Vilnius, 1994, p. 4–14.
4. Шпилевский Н.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. С. 40.
5. Этнаграфія беларусаў. Мн., 1985, с. 77.
6. Nalepa J. Polekszanie (Polexiani), plemię jaćwieskie u północno-wschodnich granic Polski. — Rocznik białostocki, t. VII. Białystok, 1968, s. 3–74.
7. Ермаловіч М.І. Па слядах аднаго міфа (2-е выд.) Мн., 1991, с. 43.
8. Ермаловіч М. Па слядах аднаго міфа (2-е выд.), с. 55.
9. Вялікае княства Літоўскае. / Энцыклапедыя гісторыі Беларусі, т. 2. Мн., 1994, с. 388.
10. Карашчанка І.В. Літоўцы. / Этнаграфія Беларусі: Энцыклапедыя. Мн., 1989, с. 292–293.
11. ПСРЛ, т. II. М., 1962, с. 871, 874, 877.
12. Ochmański J. Ludność litewska we włości Obolce na Białorusi Wschodniej w XIV–XVI wieku. — Acta Baltico-Slavica. Białystok, 1967, t. 5. S. 147–157.
13. Lowmiański H. Uwagi w sprawie pódłoża spolecznego i gospodarcze do unii Jagiełłońskiej. — Księga pamiątkowa ku uczczeniu czterechsetnej rocznicy wydania pierwszego Statutu Litewskiego. Wilno, 1934. S. 66.
14. Насевіч В. Генеалагічныя табліцы старадаўніх княжацкіх і магнацкіх родаў 12–18 стагоддзяў. Мн., 1993, табліца 2.
15. Вялікае княства Літоўскае. / Энцыклапедыя гісторыі Беларусі, т. 2. Мн., 1994, с. 388 (карта).
16. Łowmiański H. Studia nad początkami spoleczenstwa i państwa litewskiego, tom I, s. 17–19; tom II, s. 105–109.
17. Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija, V., 1966. P. 24.
18. Там же, с. 25–27.
19. См. Судник Т.М. Диалекты литовско-славянского пограничья. М., 1975; Vidugiris A. Kai kurios Zetelos tarmės įpatybės; in: Lietuvių kalbotyros klausimai. Vilnius, 1959. T. 2, p.195—213.
20. Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.
21. Там же, карта № 1.

22. Endzelin I. Lettische Grammatik. Riga, 1922.
23. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Введение и комм. С.Аннинского/. М.–Л., 1938, с. 59.
24. Balodis F. Jersika. Rīga, 1940.
25. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, 2-е изд. М.: Л., 1938.
26. Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига, 1965.
27. Hiärn Thomas. Ehst–, Lyf–und Lettländische Geschichte. / Monumenta Livoniae Antiquae, t. 1–5. Rīga–Liepzig, 1835–1853.
28. Зинкявичюс З. Польско-ятвяжский словарик? / Балто-славянские исследования 1983. М., 1984, с. 3–29.
29. Орёл В.Э., Хелимский Е.А. Наблюдения над балтийским языком польско-«ятвяжского» словарика. / Балто-славянские исследования 1985. М., 1987, с. 121.
30. Зинкявичюс З. Польско-ятвяжский словарик? С. 11.
31. Отрембский Я.С. Язык ятвягов. / Вопросы славянского языкознания, 1961, № 5, с. 3–8.
32. Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь, с. 140.
33. Zinkevičius Zigmas. Lietuvių kalbos istorija. T. III. V., 1988, p. 17.
34. Отрембский Я.С. Язык ятвягов, с. 7–8.
35. Седов В.В.Восточные славяне в VI–XIII вв. М.,1982, с. 270.
36. Седов В.В.К происхождению белорусов / СЭ, 1967, № 2; Он же: Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970; Он же: Восточные славяне в VI–XIII вв.М., 1982. Он же: Этногенез и становление белорусов / Этнография славянских народов. Смоленск, 2000.

Языковая ситуация в ВКЛ при Ягеллонах

Владимир Свежинский,
доктор филологических наук

Годы правления династии Ягеллонов (1377–1572) отмечены эпохальными событиями в истории нашего народа. Эти события, в частности, имели судьбоносное значение для нашего языка и культуры. По большому счету именно благодаря этим событиям сегодня существуют беларуский народ и его язык в нынешнем виде.

Географический фактор – нахождение беларуских земель на границе культурных традиций Slavia Ortodoxa – Slavia Romana – способствовал чрезвычайно непростой культурной ситуации, у которой не было аналогов в других местах тогдашней Европы.

Как известно, славянская этническая территория превышала собственно литовскую (жамойтскую – *Ред.*) примерно в 15 раз (1). Известный историк восточнославянских языков А.И. Соболевский пишет, что новое государство состояло главным образом из русских областей, хотя его князья были литовского происхождения. В результате весьма значительного преобладания русских над литовцами и в количественном, и особенно в культурном отношении, русский элемент в новом государстве получил решительный перевес над литовским. Если Ольгерд и Кейстут еще ощущали себя литвинами, то сыновья Ольгерда, почти все православные, вряд ли были больше литвинами, чем русскими.

Естественно, русский язык сделался государственным языком, на нем писали документы Кейстут, Ягайло, другие сыновья Ольгерда. Литовский язык остался вне письменного употребления, и не существует ни одной, хотя бы ничтожной по размерам грамоты, которая была бы написана по-литовски /т.е. по жамойтски. – *Ред.*/ (2).

Как свидетельствуют исследователи из современной Летувы , ВКЛ представляло собой «конгломерат народов с языческими и христианскими вероисповеданиями», с многократным превышением иной этнической территории над собственно литовской /автор имеет в виду земли Жамойтии и так называемой Аукштайтии – *Ред.*/ (3). Становясь во главе этого преимущественно славянского государства или отдельных его регионов (при жизни Гедимина его сыновья получили в наследство: Манивид – Кернов и Слоним; Кориат – остальную часть Черной Руси с Новогородком; Ольгерд, князь витебский – Крево и земли по Березине; Кейстут – Троки, Городенскую и Берестейскую земли; Вильню с прилегающей областью получил младший сын Явнут), они волей-неволей вынуждены были воспринять беларуский язык и культуру, православную веру.

Перевод и редакция А.Е. Тараса.

Дальнейший процесс образования ВКЛ, в котором значительным консолидирующим средством были старобеларуский и староукраинский языки и христианская религия, выглядел следующим образом. После убийства Треняты сын Миндовга Войшелк подчинил себе в 1264–65 гг. Нальщаны и Деволтву. Во время княжения Витеня (1293–1315) к ВКЛ было присоединено Полоцкое княжество (в 1307 г.). При Гедимине (1316–1341) в состав ВКЛ вошли Витебская, Берестейская, Турово-Пинская земли, Менское княжество. Ольгерд (1345–1377) присоединил беларуское Поднепровье, Киевскую землю, Мозырскую и Брагинскую волости, Чернигово-Северскую, Подольскую и Волынскую земли, Смоленское княжество.

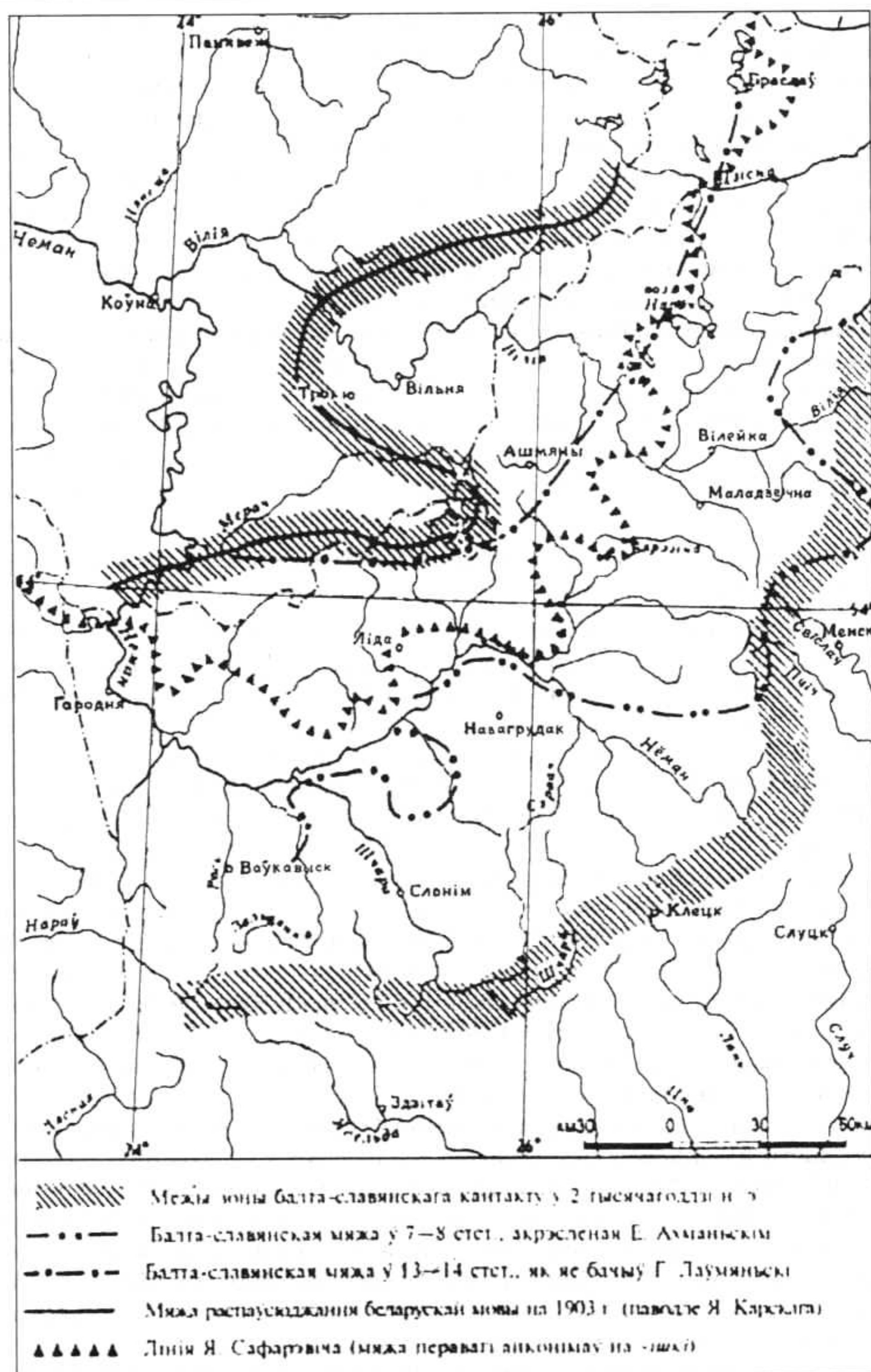
Превращение Ягайло в 1386 году в польского короля Владислава и его переход в католичество определенным образом повлияли на языковую ситуацию в ВКЛ, но радикально не изменили статус беларуского языка в сторону понижения. Это можно объяснять патриотизмом основоположника династии (дети Ягайло воспитывались в православии, учили беларуский язык).

Судьбоносную роль в истории беларуского языка сыграла Реформация, начавшаяся при Жигимонте I «Старом» (занимал трон в 1506–1548 гг.). Она ярко отразилась, помимо прочего, в нарушении традиционного соответствия культурной и жанровой принадлежности определенного произведения – с одной стороны, и характера его письменной фиксации – с другой.

Упомянутое традиционное соответствие возможно при ситуации диглоссии, когда разговорный и книжный язык в языковом сознании субъекта объединяются как два варианта одного и того же языка (правильный и неправильный, испорченный), на основании чего они и называются одинаково (4). Особенностью этой ситуации является функциональное распределение двух языковых образований (невозможно их сосуществование в границах одной и той же функциональной сферы).

На беларуских землях, благодаря географическому и политическому их положению, довольно рано произошел переход этой ситуации, сдерживавшей развитие народного языка, в прогрессивную ситуацию двуязычия, что утверждало параллелизм функций ритуального и народного языков (5). Столь раннее наступление указанной ситуации в ВКЛ стало результатом копирования польсколатинского двуязычия, которое перед этим установилось в Польше. Именно в Польше уже в XIV веке появились первые переводы церковных книг с латыни на польский.

Диглоссия всегда имеет место там и тогда, где и когда роль ритуального языка исполняет заимствованный язык. Движение Реформации фактически выступало против диглоссии. Свидетельством этому стало распространение беларуского языка на канонические книги Библии (переводы библейских книг Ф. Скорины, В. Тяпинского, библейских книг начала XVII века, псалтыря XVI и XVII вв. и др.). Таким образом, в XVII веке беларуский язык уже стал достаточно обычным языком христианской литературы. Между тем в тогдашней Московии при нераздельном господстве православия продолжала сохраняться прежняя ситуация диглоссии. Начало выхода там из нее связано с деятельностью нашего соотечественника Симеона Полоцкого, работавшего в Москве в 1664–1680 гг.



Эволюция балто-славянской границы в Понеманье

Самой распространенной областью употребления беларуского языка в это время была деловая письменность – в результате организации канцлером Львом Сапегой великокняжеской канцелярии. Развитие деловой письменности на беларуском языке благодаря официальному статусу последней пошло возрастающими темпами. Как следствие, во второй половине XVI века беларуский письменный язык достиг небывалого до сих пор уровня развития. Расширение масштабов практического использования беларуского делового языка влекло за собой его стабилизацию, ибо увеличение количества образцов письменного языка, компенсируя отсутствие кодификации, вело к унификации его норм, так как повышало уровень квалификации писцов (6).

Об авторитете деловой письменности на беларуском языке в этот период свидетельствует как ее объем (например, Метрика ВКЛ), так и значение отдельных ее произведений (прежде всего кодексов права – Статуты ВКЛ, Статут Главного Литовского Трибунала, а также документы вальных сеймов ВКЛ и др.). Именно это обстоятельство побудило канцлера ВКЛ Льва Сапегу с гордостью заявить в предисловии к шедевру правовой мысли своего времени – Статуту ВКЛ 1588 года:

> «А естли которому народу встыд прав своих не умети, поготовю нам, которые не обчым яким языком, але своим власным права списаные маем...» (7).

О чрезвычайно высоком престиже беларуского языка в указанный период свидетельствует тот факт, что на него начали переводить свои религиозные книги неславянские этнические меньшинства ВКЛ. Первыми, уже в начале XVI века, на язык коренного населения княжества перевели «Ветхий завет» евреи. С середины XVI века на беларуский язык начали переводить мусульманскую литературу беларуские татары (8). Такого уровня развития беларуский язык смог достичь благодаря своему независимому от церковнославянского языка существованию.

Именно по этой причине старобеларуский деловой язык позднего времени фактически не знает церковнославянского влияния. В деловом языке выработались своеобразные нормы в области орфографии, грамматики и лексики, которые можно объяснить воздействием живого народного языка или сознательным стремлением приблизить его к народной речи. Деловая письменность оказалась самой прогрессивной и в области графики, где были отвергнуты дублетные графические средства, продолжавшие еще сохраняться в других разновидностях древней письменности (9).

Самодостаточность и высокий авторитет беларуского делового языка были подчеркнуты изданием самых важных юридических кодексов ВКЛ – Статута 1588 г. и Трибунала 1581 г. в виленской типографии братьев Мамоничей особым курсивным шрифтом – в отличие от традиционного уставного шрифта, закрепившегося за изданиями религиозного содержания. Таким образом у нас (на землях Беларуси) очень рано обозначилась та тенденция, которая в эпоху Петра I проявилась в Московском государстве в форме использования «гражданки» для книг светского содержания.

Есть языки, на которых по воле исторической судьбы были впервые изложены те или другие вероучения. Это так называемые «вещие» (профетические)

или «апостольские» (посланнические) языки. В первую очередь это языки, письмо которых было создано *специально* для записи религиозного текста (ведийский, санскрит, иврит, авестийский, пали, старославянский).

Фатальность бытования кириллического письма на Беларуси заключается в его ритуальной природе и обусловленной этим фактом неконвенциональности ритуальных кириллических текстов, которая, как известно, касалась не только синтагматического, но и парадигматического плана этих текстов*. Из-за своей средневековой громоздкости (вариативности) средневековое кириллическое письмо не могло конкурировать с более совершенным латинским. Хотя в поздней деловой письменности эта громоздкость и была преодолена, однако процесс не смог распространиться на религиозную письменность именно из-за особого статуса соответствующих текстов в обществе.

Греческое письмо в Греции сохранилось несмотря на этот недостаток – вариативность, которая была сохранена и при разработке кириллицы, потому, что Греция в отличие от Беларуси была моноконфессиональной страной. Это исключало официальное параллельное функционирование латинского письма, лишенного такой вариативности (из-за отсутствия на греческих землях самой сферы функционирования латинского языка – католицизма) и конкуренцию его с греческим в плане практичности. А на беларуских землях кириллице было трудно конкурировать с практически лишенным вариативности и потому намного более практичным польским и, особенно, латинским письмом. Это служило дополнительной причиной вытеснения кириллического письма вместе с беларуским языком из обихода на Беларуси, что, однако, началось уже при преемниках Ягеллонов.

После Люблинской унии 1569 года польская шляхта, равных прав с которой домогалась шляхта ВКЛ, стала для последней образцом норм поведения, в том числе речевых норм. Известно, что «изменение общественных функций влечет за собой как изменение отдельных элементов языка, так и постепенно самой его структуры вообще» (10). В результате неблагоприятных условий для развития беларуского языка, сложившихся после Люблинской унии из-за дискриминационной в отношении к восточнославянскому населению ВКЛ языковой политики королевского двора, начался фукциональный упадок и структурная деградация этого языка.

Ослаблению влияния церковнославянского языка (на светские и религиозные произведения) или вообще исключению такового (на деловой язык) содействовал упадок в силу ряда факторов церковнославянской языковой компетенции в ВКЛ. Эту особенность языковой ситуации в Княжестве неоднократно констатировали современники; сторонники – с озабоченностью, противники – с удовлетворением.

---

* а) Фатальный (латин.) – обреченный на гибель или вырождение;

б) Неконвенциональность – то, что не является общепринятым, не соответствует господствующей традиции;

в) Синтагматика – связь и отношения между единицами языка в тексте;

г) Парадигматика – противоположность синтагматики, выбор одного из взаимоисключающих элементов языка. – *Прим. ред.*

Так, непредвзято об этом свидетельствовал человек, весьма сведущий в этом вопросе – политэмигрант из Московии князь Андрей Курбский (жил в ВКЛ в 1564–1583 гг.). По его словам, в Западной Руси скорее можно было найти знатоков греческого или латинского языка, чем церковнославянского (11). Закономерным и безнадежным в существующих условиях считал в 1577 году наличное положение церковнославянского языка в ВКЛ основатель Виленской академии иезуит Петр Скарга (12). О том, что церковнославянский язык был в те времена уже малопонятен простому народу, свидетельствует факт издания Симоном Будным «Катехизиса», где церковнославянские цитаты из Священного Писания объясняются по-беларуски. В предисловии к своему изданию автор призывал беларуских феодалов «того здавна славного языка словенъского розмиловати и онымъ ся бавити» (13).

Упадок церковнославянской языковой компетенции в ВКЛ стал результатом упадка самой сферы функционирования этого языка – православной церкви. Власть Константинопольского патриарха над церковью в Княжестве была чисто номинальной. К тому же княжество в силу своего географического и политического положения (в отличие от Московии) было поликонфессиональным государством. Православие здесь очень рано было потеснено католицизмом. Ведь с момента заключения Кревской унии 1385 года Ягайло и его преемники были не только великими князьями Литвы, но одновременно и польскими королями.

Упадок православия был вызван еще и тем, что великие князья литовские, будучи католиками, не обращали внимания на дела православной церкви, ограничиваясь назначением духовных лиц. При этом они не принимали во внимание ни степень образованности, ни моральные качества будущих митрополитов и игуменов, а руководствовались их личными заслугами и услугами, ходатайствами знатных панов, а чаще всего денежными подарками. Так, новогрудский подсудок Ф. Евлашовский писал в своих воспоминаниях под 1572 годом, что ему, чтобы получить для своего отца должность пинского епископа «до накладов пенезей не стало», и никто из знакомых, даже те, «кторым се часто в потребах их згожал», не хотел одолжить, и выручил его только шляхтич Андрей Жданович Даровский (14).

Духовные должности рассматривались в первую очередь как источники доходов. В результате многие епископы и игумены были мало или совсем необразованными (15). В сфере религиозной литературы это проявилось в крайней редкости церковнославянских списков (копий) библейских книг. Богослужебные книги, которые использовались на Беларуси во времена ВКЛ и которые сохранились, обычно не имеют в себе ничего беларуского, их явно привозили со стороны (16).

На судьбе церковнославянского языка в ВКЛ существенным образом отразилась Реформация. Реформационная инициатива, заявленная Скориной и доведенная до своего логического завершения его последователями Симоном Будным (ок. 1530–1593) и Василием Тяпинским (ок. 1535–1599), поставила церковнославянский язык на один уровень с исконным языком православного населения ВКЛ. Созданный беларускими реформаторами местный, беларуский вариант церковнославянского языка отличался прежде всего беларуской системой письма, что было отмечено Скориной в предисловии к Псалтырю: «повѣлел

есми Псалтырю тиснути рускыми словами а словенскым языком», то есть беларуским письмом, но церковнославянским языком (17).

После этой церковной конверсии развитие беларуского и церковнославянского языков продолжалось параллельными путями*. В этом смысле очень интересным представляется история Супрасльского монастыря. По той причине, что этот монастырь после заключения Люблинской унии в условиях единого польско-беларуского государства превратился в форпост православной веры на Западе, лозунгом его деятельности стали слова дьякона Афанасия Селецкого: «Утверди нас, Господи, у Вери стояти, а от Востока к Западу не отступати». Даже превратившись в первой половине XVII века в униатский, он фактически оставался православным. Все богослужение происходило здесь на церковнославянском языке, по православному чину (18).

Но из-за того, что вследствие неуклонной вестернизации униатской церкви обстоятельства складывались для церковнославянского языка неблагоприятно, униатским проповедникам все чаще приходилось объяснять пастве церковно-

Карта распространения беларуского языка (по Е. Карскому)

* В результате этого маркерами книжного стиля беларуского языка служат полонизмы, тогда как в русском – церковнославянизмы.

славянские тексты по-польски. Поэтому в 1722 году был подготовлен уникальный по своему происхождению, а теоретически вообще невозможный «Церковнославяно-польский словарь». Именно это утверждал, имея в виду кризисное положение православного вероисповедания и его языка в ВКЛ, иезуит П. Скарга, обращаясь к православному духовенству в своей работе «О единстве Божьей церкви»:

> «Z Slowieńskiego języka nigdy żaden vczonym być nie może. A iuż go teraz prawie nikt doskonale nie rozumie. Bo tey na świecie nacyiey nie masz, która by im tak, iako w księgach iest, mówiła; a swych też reguł, grammatyk i kalepinów do wykładu nie ma, ani iusz mieć może. Y stąd popi waszy, gdy co w Słowieńskim chcą rozumieć, do Polskiego się vdać po tłumactwo muszą». (19).

Об упадке церковнославянской языковой компетенции в ВКЛ свидетельствует также перевод в 1616 году православными деятелями М. Смотрицким и Л. Карповичем «Евангелия» Калиста на беларуский язык «для языка словенского неумеючих» (20). Для исправления катастрофического положения церковнославянского языка среди своих соотечественников Мелетий Смотрицкий создал также свою знаменитую грамматику этого языка (21).

* * *

Как известно, в ВКЛ постоянно проживали татары, составлявшие одно из национальных меньшинств. Начало татарским поселениям в ВКЛ положил Тохтамыш. Часть татар, пришедших с ним в Литву, осталась на службе у великого князя. Кроме того, Витовт в 1397 году, разгромив татар в окрестностях Волги, привел в Литву много тысяч татар с женами, детьми и стадами скота. Половину их он отправил в честь победы королю Владиславу (Ягайло), польским епископам, аббатам и панам, а половину оставил себе. В Польше пленных крестили и в результате смешанных браков татары «стали одним народом с поляками». В отличие от этого в Литве Витовт поселил татар в отдельных деревнях (22).

Исследователи установили, что оригинальный или переводной характер рукописей татар-мусульман ВКЛ зависит от принадлежности их к определенному жанру мусульманской литературы. С этой точки зрения они делятся на тэфсиры и китабы. Первые представляют собой арабский текст Корана с подстрочным переводом. Остальные рукописи относятся к китабам и являют собой сборники восточных легенд, сказок, приключенческих повестей, описаний мусульманских ритуалов. Они включают только цитаты из Корана.

Для арабского текста тэфсира характерны многочисленные ошибки и описки копиистов, в том числе в использовании диакритических знаков. Интерлинеарный перевод со стороны языка представляет собой, как отмечает исследователь, «polszczyzne kresowe», что свидетельствует о происхождении их с беларуских земель.

Подробно и квалифицированно сопоставляя перевод с оригиналом, автор отмечает разного рода особенности (толкования взамен переводов, парафразы, переводы отдельных слов словосочетаниями и предложениями, переводы рифмованных фраз прозой, глоссы, арабизмы, тюркизмы, персизмы), делая тем самым текст предельно понятным с точки зрения происхождения и семантики слов. Относительно цитат из Корана в китабах отмечено, что они имеют опре-

деленные расхождения с текстом тэфсира. Язык их, в отличие от тэфсира, беларуский, с польскими элементами. Норвежский славист Христиан Станг писал о языке китаба середины XVI века, сохранившемся в списке начала XVII века, что он имеет ценность в том смысле, что полностью независим от традиции церковной орфографии и дает ясный облик беларуского языка из окрестностей Вильни и Ошмян (23). Фактически здесь наблюдается тот же языковой спектр, что и описанный Ефимом Карским на примере западнорусских переводов Псалтыря: от церковнославянских с беларускими элементами – к беларуским с церковнославянскими (24).

* * *

Таким образом, в силу сложных исторических обстоятельств в ВКЛ сложный характер имела и языковая ситуация. Поскольку менялась социально-политическая обстановка в нашем балто-славянском государстве, в динамике находилась и языковая ситуация.

Оказавшись в силу благоприятных исторических обстоятельств в центре социально-коммуникативной системы, под влиянием прогрессивных идеологических веяний из Центральной и Западной Европы, система пережила небывалый подъем и достигла совершенства своей структуры.

В целом во времена правления династии Ягеллонов беларуский язык продолжал сохранять свое господствующее положение в обществе. В этот период в его судьбе произошли эпохальные изменения, положительные результаты которых ощущаются в Беларуси до сих пор. В период правления последнего Ягеллона Жигимонта II Августа (1529–1572) еще только обозначились те факторы (полонофильство магнатов и шляхты, контрреформация, Брестская церковная уния 1569 г.), которые при его преемниках привели к постепенной утрате беларуским языком прежних позиций в обществе, что приобрело свое логическое завершение в известном постановлении сейма 1697 года.

Литература

(1) Дзіні П. Роля беларускіх земляў у Вялікім княстве Літоўскім. // Ад Полацка і Нясвіжа да Падуі і Венецыі. Мінск, 1994, с. 49.

(2) Соболевский А.И. История русского литературного языка. Ленинград, 1980, с. 56.

(3) Зинкявичюс З. Восточная Литва в прошлом и настоящем. Вильнюс, 1996, с. 100.

(4) Успенский Б.А. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: Восприятие церковнославянского и русского языка. //Византия и Русь. Памяти Веры Дмитриевны Лихачевой. 1937–1981. Москва, 1989, с. 207.

(5) Отметим, что к идее церковнославянско-русской диглоссии пришли независимо друг от друга несколько исследователей: В. Марсо (1930); Ч. Фергюсон (1964); А. Журавский (1967); Г. Хюттль-Фотлер (1978); Б. Успенский (1989).

(6) Жураўскі А. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Частка 1. Мінск, 1967, с. 240–263.

(7) Статут ВКЛ 1588. С. 48.

(8). Антонович А.К. Белорусские тексты, писанные арабским письмом. Вильнюс, 1968.

(9) Жураўскі А. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы, с. 262.

(10) Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. Москва, 1982, с. 154.

(11) Сказания князя Курбского. СПб., 1842, с. 257.

(12) Skarga P. O jednosci kosciola bozego pod jednym pasterzem // Памятники полемической литературы Западной Руси. Книга 2. СПб., 1882, с. 485–486.

(13) Будны С. Катехисісъ для деток хрістианских языка русского коротко выложена. Клецк, 1562, лист 46.

(14) Еўлашоўскі Ф. Гістарычныя запіскі // Свяжынскі У. «Гістарычныя запіскі» Ф. Еўлашоўскага. Мн., 1990, с. 96–97.

(15) Соболевский А.И. История русского литературного языка, с. 59–60.

(16) Там же, с. 58.

(17) Предъсловие в псалтирь // Францыск Скарына. Творы: Прадмова, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія. Минск, 1990, с. 18.

(18) История книжной культуры Подляшья. Супрасльский церковнославяно–польский словарь 1722 г. Минск. 1995, с. 16.

(20) Евангеліе учителное, албо казаня на кождую неделю и свята урочистыи през светого отца нашого Калиста... з кгрецкого и словенского-;] языка на рускій переложеныи..., 1616.

(22) Думін С.В., Канапацкі И.Б. Беларускія татары: Мінулае і сучаснасць. Мн., 1993.

(21) Грамматики славенския правилное синтагма. Вевис, 1618–1619.

(23) Rocznik Slawistyczny. 1937. № XIII, s. 39–58.

(24) Карский Е.Ф. Западнорусские переводы псалтыри в XV–XVII веках. Варшава, 1896, с. 5, 30, 82–83.

Чародейство в Северо-Западном крае (XVII–XVIII вв.)

Митрофан Довнар-Запольский

Страницы нашего прошлого
(о предмете этой статьи)

Прошло уже более 120 лет со времени публикации статьи замечательного беларуского ученого Митрофана Довнара-Запольского (1867–1934) в пятой книжке «Этнографического обозрения» за 1890 год, однако с тех пор ее научное значение не уменьшилось, а общественный интерес к проблеме чародейства не упал.

Ибо в ряду разных поверий, от которых отрешился цивилизованный мир, вера в колдовство оказалась самой живучей и глубокой. И сегодня многие люди, даже высокообразованные, заболев или испытав какие-либо житейские невзгоды, спешат нередко не к врачу или психологу, а к знахарям и колдунам. Чем объяснить тот факт, что в век великих научных открытий и космических свершений, официально существует в России (да и не только в России) Союз колдунов и при нем — Главный колдун?

Причину устойчивости в сознании людей представления о существовании волшебной (или нечистой) силы не объяснишь лишь особенностями человеческой психики. Все гораздо сложнее.

Уже несколько столетий ученые пытаются проникнуть в тайну колдовских занятий, обращаясь к различным их сторонам. Сторонники и противники чародейства создали огромную литературу, начиная от элементарных практических рекомендаций чернокнижников и кончая фундаментальными научными исследованиями. К этому надо прибавить тысячи статей — объективных и тенденциозных, серьезных и шарлатанских.

У колдовства большая и давняя история засвидетельствованная документами, полными драматизма. За ней стоят сотни тысяч человеческих судеб, искалеченных или несправедливо оборванных. Довнар-Запольский приоткрывает читателю малоизвестные страницы прошлого нашего народа, его идеологических комплексов.

Очерк строго документирован, это придает ему особую убедительность. Главными источниками при его написании были «Акты Виленской Археологической Комиссии» (том X) и «Археологический сборник» (том 3) — сборники документов, в том числе юридических, изданные во второй половине XIX — начале XX веков в Вильне, а также этнографическая книга ксендза Людвика Юцевича (1813–1846) «Воспоминание о Жмуди» (Wspomnienie mudzi przez ks. Ludwika Adama Jucewicza. Wilno, 1842).

Из журнала «Неман», с сокращениями.

Носителями чародейства или колдовства, как считалось, являются ведьмы или ведьмаки.

Русское слово «ведьма» на многих славянских языках звучит почти одинаково: по-беларуски, как и по-польски ведзьма, по-украински видьма, по-чешски ведма (vedma). Оно восходит к праславянскому «веде» (vede), что означает «знаю». Древнерусское «ведь» имело значение «знание, ведовство, колдовство». Синонимами слова «ведьма» (ведьмак) выступают чародейка (чародей), колдунья (колдун), вещунья (вещун), близко к нему стоит знахарка (знахарь).

Ведьма – служанка дьявола, отдавшая ему душу и получившая взамен волшебную силу и знание. Став ведьмой, женщина обретает чёрта в виде любовника, который повсюду ее сопровождает, помогая в злодеяниях. Благодаря чёрту, ведьма много и часто вредит людям. Круг содеянного ею зла в представлении народа очерчен довольно широко: она может наслать болезни на людей и домашних животных, сделать брак бесплодным, похитить имущество или продукты, выдоить у коров молоко, уничтожить урожай на ниве, даже вызвать стихийные бедствия – засуху, град, потоп, ветры, бурю, мороз и т.д.

Ведьмы варят колдовское снадобье (рисунок XVII века)

Во избежание обнаружения людьми ведьма способна перевоплощаться в животное или птицу, например, кошку, собаку, свинью, сороку. Раз в год, ночью, на первое мая или на Ивана Купалу, ведьмы устраивают свой праздник – шабаш, собираясь со всех сторон на Лысых горах или в лесных дебрях. В путь ведьмы отправляются, вылетая через печную трубу, используя для полета бытовые крестьянские предметы – кочерги, лопаты, вилы, но чаще всего метлы и ступы. Чтобы легче лететь, тело они натирают особой мазью, приготовленной из жира младенцев и целебных трав – белены, мака и других. Некоторые в качестве воздушного извозчика берут своего чёрта, превращенного в козла, барана или собаку.

На такие сборища якобы слеталось от нескольких десятков до нескольких тысяч ведьм. На шабаше после обильной трапезы, где отсутствует хлеб, а яства подаются несолеными, ведьмы отчитываются о совершенном ими зле. Кульминацией сборища становилось веселье с дикими танцами, песнями и свистом, кроме того, все участники предавались групповому сексу в самых извращенных формах. Вакханалии начинались с закатом солнца и продолжались до пения первых петухов.

Ведьмаки не участвовали в шабашах, но их чары приносили людям зло или добро в не меньших масштабах. У них очень длинные ногти, под которыми переносится порошок, подбрасываемый незаметно человеку в пищу или воду. Нашептанная ведьмаком вода обретает особое свойство, способное избавить человека от различных болезней или наслать их. Для профессионального ведьмака достаточно небольшого клочка шерсти от скотины, чтобы причинить ей вред. Легко он причинял несчастье, выбирая землю из-под следа левой пятки человека.

Укреплению в сознании людей представлений о существовании чародейства способствовала церковь. Так, Фома Аквинский (1225–1274), средневековый философ и теолог, монах-доминиканец, профессор Парижского университета, «пятый учитель церкви», писал:

> «О ведьмах мы знаем, что некоторые думают, будто не существует никакого ведовства и что оно возникает из неверия; они думают также, что демоны существуют только в человеческих воображениях, будто люди порождают их, так сказать, из самих себя и потом пугаются этих воображений. Но католическая вера утверждает, что они могут вредить своими кознями и препятствовать плодовитости».

По его мнению, демоны могут овладевать умом и волею человека и заставлять его служить себе.

Католическая церковь учредила инквизицию — церковный суд, который занимался выявлением чародеев, их обвинением и вынесением наказания за колдовство, в чем обвинялись прежде всего ведьмы и ведьмаки. Первое судилище над ведьмами состоялось в год смерти Фомы Аквинского во Франции в городе Лангедок. Инквизиция — это мрачные страницы в истории народов Европы. Ее особо зловещий период длился более 200 лет, с 1500 по 1700 годы, и унес, по некоторым источникам, 12 миллионов невинных жертв!

Инквизиция в ряде стран Западной Европы стала настоящим геноцидом женщин, о чем повествует беспристрастная статистика. Вот лишь несколько примеров. Только за октябрь 1582 года в Германии в Страсбурге были сожжены 134 «ведьмы», в Оснабрюке в 1588 году погибли на костре за один декабрь 133 женщины, во Франции в Тулузе в 1577 году на одном огромном костре сожгли сразу 400 «ведьм».

В Беларуси были широко распространены местные формы казни. Например, «пускать на плав» — приговоренных к лишению жизни сажали в бочку, закрывали плотно дно, старательно заливали смолой и бросали в реку. Другой вариант — обвиняемого в колдовстве человека крепко связывали, прикрепляли к его ногам тяжелый камень и бросали в воду. Считалось, что если он невиновен, то обязательно всплывет!

Массовому истреблению «колдуний» способствовало то обстоятельство, что в Европе в результате множества кровопролитных войн XV–XVII веков и, особенно Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) возник очень значительный демографический перекос. Численность женщин во многих странах или регионах намного превысила число мужчин. Не имея возможности иметь детей, вести половую жизнь, множество женщин страдало на этой почве различными психическими расстройствами, как правило, принимавшими сексуальную окраску. Сексуальное безумие женщин часто принимало характер настоящих эпидемий. Инквизиция понимала суть проблемы абсолютно извращенно, однако путем массовых казней она добилась резкого сокращения численности женщин и тем самым привела соотношение полов в странах Европы к более или менее приемлемому показателю.

В течение XVIII века инквизицию повсюду упразднили, но судейско-карательный маховик еще долго продолжал вращаться по инерции. Последнее сожжение «ведьмы» на костре произошло в 1826 году в Испании и вызвало бурное возмущение по всей Европе.

О том, как осуществлялась эта античеловеческая акция, рассказывают документы – протоколы судебных процессов. К сожалению, они далеко не полно сохранились на территории Беларуси. Но все же дают убедительную картину жестокости наказаний, применявшихся церковными и светскими властями.

Любопытно, что среди обвиняемых в чародействе меньше всего встречалось уродливых старух, наоборот, многие оказывались очаровательными, вполне интеллигентными женщинами, происходившими из знатных или богатых семей. Но фанатизм не знает границ. Все же преимущественное число жертв инквизиции составляли целительницы, знавшие тайны народной медицины и владевшие приемами гипнотического внушения. Кроме того, жертвами монахов-палачей часто становились люди душевнобольные, с нарушенной психикой, эпилептики.

Во всех случаях судьи добивались от обвиняемых их личного признания в причастности к нечистой силе, для чего использовали самые изуверские способы пыток. Пытками инквизиторы доводили жертву до состояния невменяемости, добиваясь от нее самооговора. Вообще, наветы, доносы, клевету палачи широко использовали как убедительное доказательство виновности.

К теме колдовства Довнар-Запольский обращался повторно в другом этнографическом очерке – «Белорусы», помещенном в девятом томе «Живописной России» (СПб., 1905), где опубликовал любопытный документ – письмо управляющего имением графа Тышкевича к своему господину:

> «Ясновельможный пан! С возвращающимися крестьянами доношу, что с вашего дозволения сжег я шесть чаровниц: три сознались, а остальные нет. Две из них престарелые, третья тоже лет пятидесяти, да к тому же одиннадцать дней они просидели у меня под чаном, так, верно, и другие заколдовали. Вот и теперь господская рожь в двух местах заломана. Я собираю теперь с десяти костёлов святую воду и буду на ней варить кисель: говорят, непременно все колдуны прибудут просить киселя: тогда еще будет мне работа!»

Благодаря этому небольшому экскурсу в историю колдовства очерк Довнар-Запольского о чародействе на землях Беларуси читатель воспримет, надеемся, глубже и эмоциональнее.

Иван Тищенко

* * *

Чародейство – один из весьма интересных вопросов как исторической, так и современной этнографии; это один из тех вопросов, с которыми тесно связывается развитие культуры народа. Однако (...) наука наша имеет до сих пор лишь небольшие исследования о чародействе в Юго-Западном крае /Украине – *Ред.*/ и в Великороссии; относительно исторического развития колдовства в Белоруссии и Литве, насколько нам известно, пока ничего не сделано. Поэтому мы, воспользовавшись изданными уже материалами о колдовстве, заключающимися в судебных процессах, желали бы по возможности пополнить этот существенный пробел нашей исторической этнографии.

Заметим, что количественная незначительность имеющегося в нашем распоряжении материала не позволяет нам сделать, с одной стороны, более широких обобщений; небольшое количество и неточность материала о суевериях современных белорусов и литовцев, с другой стороны, не дает нам возможности

сделать интересные сопоставления с состоянием этих воззрений в настоящее время, указать на их переживания среди современных нам поколений. (...) Мы ограничиваемся в настоящем нашем очерке исключительно данными, заключающимися в судебных процессах XVII и начала XVIII вв.

Область неизвестного, таящегося за пределами знаний человека, стоящего на низкой ступени развития культуры, представляется ему чем-то таинственным, странным, неизведанным; он боится этого неведомого ему мира, но в то же время благоговеет перед ним, хотя и называет тайную силу нечистою. Человек даже не сознает, что именно вселяет в него страх, каковы проявления этой неведомой, таинственной силы, в какой мере его жизнь зависит от нее.

Эта нечистая сила представляется ему чем-то страшным, подавляющим, чем-то таким, с чем очень трудно бороться его темному уму. Но эта сила может вредить или приносить пользу во всех обстоятельствах его жизни, которых он сам объяснить не может: внезапная, по-видимому, беспричинная смерть или болезнь кого-нибудь, пожар, падеж скота, какое-либо непонятное для него физическое явление и т.п. — приписываются проявлению этой силы.

Ведьма в полете (фотоколлаж)

Выразителями нечистой таинственной силы на земле служат некоторые люди, избранные ею или же добровольные служители ее. Они настолько же страшны как и сама сила, потому что последняя находится в их распоряжении, подвластна им, служит послушным орудием для нанесения вреда ближнему в руках тех, кто умеет обращаться с нею.

Простой смертный не знает, какие люди именно сносятся с этой таинственной силой, какими средствами и с какими целями они это делают; но он глубоко уверен, что такие люди есть, старается разгадать, кто из окружающих его принадлежит к ним, чтобы вовремя остеречься. Малейший повод служит уже для подтверждения опасений человека. Но в большинстве случаев даже и этого повода не представляется: человек замечает только какое-либо явление, оказывающееся, по его мнению, следствием чародейства, и отсюда уже

восходит к предполагаемому виновнику его и к тем действиям или словам последнего, непонятным и загадочным для него, которые вызвали, по его убеждению, самое явление.

Ввиду высказанных соображений об отношении к личности служителей чародейственной силы, мы в большинстве процессов находим лишь неопределенные заявления о том или другом лице, что оно *чарует*, причем смысл этому понятию дается весьма обширный. Так, в одном процессе встречаем заявление мужа об очаровании подсудимою жены его; в другом обвиняют в очаровании дома, в очаровании самого жалующегося и его дома, наконец, в очаровании маршала литовского Сапеги и т.д. Нередко можно встретить и такое обвинение, что тот или другой был очарован в доме обвиняемой.

Такое неясное понятие об очаровании в других случаях сопровождается более определенными указаниями на то или другое лицо, что оно обладает свойством очаровывать, что тот или другой — чаровник, ворожбит, или «давний чаровник и ворожбит», а об одном чародее Кузьме говорится даже, что он знаком с этим делом с 18-летнего возраста.

Из хода дел мы узнаем, что чародеи не обладали все одинаковою силою и знанием, но что между ними были более знающие и менее знающие, старшие и младшие. Так, одна привлеченная к делу указывала на крестьян Давида Пусця и Кузьму, что они «оба старшие над нами, лучше умеют чаровать, управляют нами, чаруя, что сами захотят, и нам позволяют»; на другую было указано, что она считается «старшею, умеет чаровать людей, хлеба, скот и вообще, что захочет». Из одного акта мы узнаем, что чародейству нужно было учиться тем, которые хотели им пользоваться. При этом надо заметить, что последние показания приведены со слов лиц, обвиняемых в чародействе; трудно сказать, говорилось ли это ими вследствие искреннего убеждения в том, что такие факты существуют, или же с целью оговорить то или другое лицо и, таким образом, свалить хоть отчасти вину на другого.

Как увидим ниже, из показаний обвиняемых можно извлечь еще более интересные подробности как о личности самих чародеев, их свойствах, так и о сущности самого чародейства. Одно только нам кажется несомненным, что передаваемые обвиняемыми и свидетелями факты, независимо от того, с какой целью они передавались в каждом отдельном случае, служат к определению того, какие понятия циркулировали в обществе о чародейственной силе, ее средствах и людях, служащих ей.

Поводом к обвинению служили не только одни неопределенные указания на то, что известное лицо чарует, что он чародей, ворожбит. Часто какое-либо неосторожное слово со стороны подозреваемого, непонятное или загадочное для свидетеля, какой-нибудь непонятный случай служил для подтверждения обвинения и делался поводом для привлечения к судебной ответственности. Это отношение современного общества весьма интересно и характерно.

Иногда достаточно было одного только подозрения для привлечения к суду. Так, настоятель одного монастыря заявил суду, что «по некоторым доказательствам и слухам, подозревают в чародействе Кумцевичеву»; чародейство ее, по его уверению, «наносит большой вред монастырю, и дай Бог, чтобы оно было искоренено». В другой раз был признан подозрительным и приведен свидетель-

ницею в доказательство следующий разговор ее с чародеем — мужиком Карпом. Когда она, Ференсова, была заручена и переливала мед к свадьбе, Карп просил ее дать напиться меду; Ференсова отказала; тогда Карп сказал: «Не даешь теперь, але (но) будешь давать потом, але я не буду хотеть». Могилевский мещанин Харько решился обвинить в колдовстве служившую у него женщину Орину единственно по тем признакам, что в доме он заметил «шкоды» (убытки), начались недоразумения с женой, «зепсованье» (порча) детей (сын только на восьмом году начал говорить), наконец, по некоторым (без указания каким) заявлениям своего шурина, детей и соседей.

Шабаш на Лысой горе (рисунок XV века)

Вообще указание на «шкоды» приводится часто для подтверждения обвинения. В одном процессе свидетельница показала, что она, перебираясь в качестве служанки в дом, в котором служила пастушкой обвиняемая, прежде чем войти в новое свое помещение, впустила туда для предосторожности курицу, и та на другой день издохла. Та же свидетельница рассказывала, что заметила у обвиняемой мешок, прилепленный к стене воском; на ее вопрос о назначении мешка дочь пастушки ответила, что мать ее делала в нем сыр.

Нравственные качества лиц, подозреваемых в чародействе, также принимались во внимание. Так, известен случай, когда свидетели ставили в упрек жене крестьянина Убы, обвиняемой в чародействе, то, что по ее вине происходили «неспокойства» в соседстве, что она женщина беспокойная, сварливая, злая, с каждым ссорится, что сын ее замечен был в краже и что она сама раньше обвинялась в воровстве и чародействе; в подтверждение обвинения одной женщине приводилось, что она «умеет чаровать, мужа своего отравила и жила с паробком». Иногда даже делались упреки в том, что чародеи отступали от Бога.

В иных случаях придавалось особенное значение угрозам, «похвалкам» подозреваемых лиц, как мы уже указали вскользь. Так, относительно упомянутой жены Убы свидетели показывали, что она похвалялась такими словами: «скоро вы трое плакать будете, и места ваших домов пусты будут». Вскоре после этого действительно сгорели дома свидетелей. В другой раз та же подсудимая ходила по улице обнаженная по пояс, говоря: «как я голая хожу, так и вы будете голы». Та же самая подсудимая похвалялась одному, что он ослепнет, что и случилось. Целый процесс был возбужден почти исключительно по поводу следующих слов, сказанных подсудимой: «если меня удалят из этого дома, то с ним случится то же самое, что случилось в доме сапожника, прогнавшего меня из костёла».

Не раз подобные «похвалки» служили причиною возбуждения процесса. Еврей Гошко Ёскевич обвинял крестьянина Юрка Войтюлевича в чародействе по следующим данным: Юрко с приятелем пили в корчме Гошки водку, и когда вошел со двора хозяин, Юрко пошел к нему навстречу с чаркой водки «с приправою чародейскою» (по мнению Гошки), предлагая ее выпить; но Гошко, «будучи престрогою (предостережением) Божою упомыенный, абы оного напитку не уживал, страхом великим знятый, же (так что) яко серце, так навет (даже) и руки тресть се почали, же аж горелка с тое шкленицы проливати ся почала», — отказался выпить, потому что «поголоска» на него ходила, будто он «чарами своими шкодит». Юрко начал драться с Гошкой, но его увели соседи. Вскоре после этого заболел ребенок Гошки: «пан Гошко Ёскевич меновал, — говорит следствие, — же (что) тая хороба иначей се не могла стать тому дитяти его, только сارованья Юрка». В деле Василия Брикуна свидетель привел целый ряд «похвалок» его, причинивших им болезни.

Иногда самое пустое обстоятельство обращало на себя внимание и приписывалось таинственному действию чар. Так, один возный стерег взятую под стражу попадью; он начал с товарищем играть в кости, и в это время три капли, белых как молоко, упали с потолка около его руки. Это он приписал действию находившейся у него под стражей чаровницы.

Кроме рассмотренных нами различных внешних проявлений чародейства, какие считались в обществе достаточными для признания того или другого лица

причастным к колдовству, из процессов раскрывается немало еще новых свойств чаровников. Эти свойства составляли тайну лиц, посвященных в тайны чародейства, хотя неясные понятия о них циркулировали в современном обществе. Намек на такие интимные свойства чародеев мы уже видели в показаниях о их старшинстве. Однако имеющиеся у нас под рукою материалы дают возможность сообщить еще некоторые подробности.

Прежде всего мы узнаем, что ведьмы отличались свойством летать, причем летали ночью, обыкновенно в ночь накануне Иванова дня, сопровождая свои полеты метанием искр. Так, одна обвиняемая указала, что Шлопакова и дочь ее Магдалена обе умеют чаровать и летали с искрами на гору Шатрию в ночь перед св. Яном. Относительно одной подсудимой было заявлено, что она по ночам через крышу выносила из амбара хлеб, как лятавица*. Интересно, что то же самое сообщает подсудимая про свою подругу, не отпираясь от сообщества с ней. Еще одна подсудимая, по указанию свидетельницы, научилась чарам от своей матери, которая «летущая ведьма, чаровница была». Чародей Кузьма также научился от своей матери, которая летала «с огнистыми искрами». Сами подсудимые иногда признавались, что они действительно летали.

Пытка несчастной женщины, обвиненной в колдовстве

Очень интересный рассказ находим о таких летаниях в показаниях другой подсудимой; она рассказывает, что когда соседка ее, сварив ночью какую-то кашу, дала ей поесть ее, то она вместе с другими, обратившись в сорок, полетели в соседнюю деревню и здесь, у дома Лукаша Двила в пруду купались; между ними была одна из семейства Двила, еще две ее знакомых и около 30 незнакомых женщин. Они имели своего начальника «немца кудлатого», которого звали Павлом. Из пруда они отправились в «комору» (чулан) Двила и там «раду (совет) имели между собой». Когда запел петух, они снова очутились в своей деревне, за милю от пруда.

Некоторым видениям сами подсудимые приписывали необыкновенную силу. Так, про одну попадью одна привлеченная по тому же делу говорила, что «попадья половицою света тресеть».

Мало того: было убеждение, что у некоторых ведьм на теле есть признаки их принадлежности к таковым. Так, неопровержимое доказательство виновности

* «Лятавец» – летающий змей, дух. Отсюда женское прозвище – «лятавица».

одной подсудимой, Люции Войцюлихи, суд усмотрел в том, что на теле ее оказались «дьявольские пятна, руки от плеч и ноги от колен были синие, налитые кровью, измученные». Она признана была несомненной ведьмой, совсем «опанованной» дьяволом, между тем как на самом деле эти пятна остались на ней после пытки.

О сношениях с дьяволом встречается указание только в одном процессе Марианны Косцюковой. На пытке она дала против себя такие интересные и характерные показания, что мы приведем их почти целиком.

1) Она показала, что, собравшись на рынке в Тыкшлевичах, полетела она вместе с Шимоновой, Савковой, Гончаровой и Сугавдзиовой, которая их помазала чем-то под пахами, приведя с собой еще какую-то женщину из соседней деревни. Все они прилетели на Шатрю, где увидели много народу. Старшей между всеми была Сугавдзиова.

2) Созналась, что видела на Шатрии *пана* (дьявола) в немецкой одежде, в шляпе, прогуливающегося с палочкой. Там танцевали, причем на скрипке играл *рогатый*, сам *пан* и его дети тоже рогаты. Пан танцевал прежде с Савковой, потом с Гончаровой, Костюшковной и другими per consequens /по очереди — *ред.*/. Хромая Михалова, Москалева не танцевала; она у Гончаровны недавно изучила «wszystkie wszechmocnosci» (всякое всемогущество, тайную силу). Веселились недолго, потому что боялись, чтобы пение петухов не застало их. Прилетев в местечко, они разошлись. Летели выше лесов самых высоких.

3) На Шатрии ни одного здания нет.

4) Видела, что *пан* пришел с палкой в шляпе и, кивнувши на нее головой, ушел назад.

5) Созналась, что отреклась от Бога.

6) Что ее самое мучил злой дух, но Павлюкова, ее госпожа, начала окуривать ее «зельем» освященным и водой, и он перестал беспокоить.

7) Что крестилась дьявольской рукой и ногой, которые он ей подавал, когда нужно было.

Конечно, такие показания могли вполне естественно сорваться с языка под пыткой у человека, отчаявшегося уже в спасении, или у человека с расстроенными умственными способностями. Но для нас, с этнографической точки зрения, эти демонологические представления, носящие в себе несомненно продукт общественного мнения, весьма интересны. Дело Косцюковой только одно из всех нам известных богато такими подробностями. В других процессах мы вовсе не встречаем указаний на сношение с дьяволом. Мы нашли только два заговора, в которых упоминается имя дьявола.

Итак, мы рассмотрели те признаки, по которым общественное мнение признавало чаровником то или иное лицо, и некоторые из свойств чародеев, которые приписывались им. Но, как мы видели, понятия о чарах были весьма неопределенны; рассказы о их свойствах, принадлежащие также привлеченным к суду лицам, отличаются тем же свойством, и хотя они циркулировали в обществе, но, конечно, проверить их никто не мог. Гораздо важнее для общества были результаты колдовства, его цели и средства. Эти последние стороны были виднее для массы, ближе стояли к ней, так как все необъяснимые явления она старалась свалить на действия колдовства, на проявления неведомой, но страш-

ной, таинственной, злой силы. Поэтому мы находим в процессах немало указаний, отличающихся точностью и определенностью, на какие именно стороны человеческой жизни обращало колдовство свое губительное действие.

По отношению к людям чародейство могло иметь прежде всего значение для их здоровья. Так, могилевский мещанин Харько обвинял служанку свою, что она «похвалку чинила» в том, что повредит его здоровью и что его хозяйство будет «псоваться», т.е. приходить в упадок. Одна обвиняемая призналась, что по просьбе своей внучки она очаровала на болезнь одну женщину, но не на смерть. Целое дело было возбуждено по подозрению в том, что попадья Громыкина вместе с другими хотела чарами повредить здоровью маршалка литовского Сапеги. Одна обвиняемая в чародействе утверждала, что умеет «малые дети покурить, а тескницу (тоску) отходить, предлагая свои услуги вылечить маршалка от «тескницы».

Далее, посредством чародейства можно было «деткам малым умовлять урезы (заговаривать повреждения) и иншые дефекты детей малых». Вообще, заговаривать, «умовлять» можно было и другие болезни людей: «матицы, уразы, руптуры (переломы), в костях боленья и инших припадков подобных». Таким образом, мы видим, что чародейство не только приносило людям болезни, но и наоборот: посредством чар можно было продлить жизнь, что обещала маршалку Сапеге одна подсудимая, привлеченная по этому делу, говоря, что она может вылечить также от «тескницы», что она вылечила от нее Офанасовичеву, у которой болезнь эта выражалась тем, что та смотрела в стену и ковыряла по стенам, говоря, что там показалось что-то недоброе. Чарами можно было прекратить бессонницу. Чары были весьма сильным орудием для причинения болезней людям. Если вообще чарами можно было вредить здоровью людей, каковое указание мы встречаем неоднократно, то в частности встречаются указания на то, что от чар человек лишался рассудка, терял зрение и т.п.

Колдуньи и Дьявол на Шатрии
(рисунок, сделанный на основе показаний женщины, обвиняемой в колдовстве)

Чародейство могло не только вредить здоровью, но и причиняло смерть. Так, некая Двилова обвинялась в том, что она отравила жену истца чарами и сына его погубила чародейством. Другой случай рассказывается так: чародей Кузьма подал в руки жене жалобщика кусок мяса, отчего она иссохла и умерла. Наконец, чародей мог заговорить ребенка до рождения, так что он рождался мертвым.

Влиянию чар были подвластны и отношения людей между собою. Так, можно было очаровать, чтобы господин был благосклонен к своему подчиненному, чтобы передал ему управление всем имуществом. Известно очарование в том

смысле, чтобы очарованный по смерти своей жены женился на сестре обвиняемой. Практиковалось также привораживание парней к девушкам. Интересен один рассказ об участии чародейства в отношениях мужа к жене. Служанка пани Офанасовичевой рассказала, что приятельница ее, госпожа Ференсова, по выходе замуж, жила шесть недель с мужем «nie maiac spotku»*. Тогда Офанасовичева посоветовала обратиться к чародею Карпу, известному во всей околице. Тот пришел к Ференсовой и только «laszczka uderzył po biodrach same Ferensowe y kazał isc iey do meza. I na tych miast mieli z soba spolecznosc y do lozka niedopusciwszy»**.

Кроме силы над людьми чародейство имело вредное или полезное влияние на хозяйство, распространяя свою силу даже на внешнюю природу. Так как процессы касались по преимуществу крестьянской среды, то, естественно, мы находим наиболее указаний на действие чар в кругу понятий и предметов этой среды. В некоторых случаях можно встретить указания на то, что чарам придавалось огромное значение в хозяйстве. Так об одной чародейке, считавшейся старшей, сказано, что она «умеет чаровать людей, хлеб, скот и *что захочет*». Другая учила заклинать, чтобы пропадал скот и люди, и дождя не было. Один чародей мог чаровать на «леса, воды, людей, скот и на что захочет». Андруль Тувкшайца чаровал «людей, хлеб, скот». Теми же свойствами отличалась некая Катерина Ринкевичовна, чаровавшая людей, леса, хлеб и воду. Другая чародейка очаровала дочь жалобщика так, что скот его пал, хлеб погиб и заболело дитя.

Таковы общие цели чародейства по отношению к предметам хозяйства. Но встречается немало указаний на частные случаи применения его. Так, например, после доения коров истца чародейкой они стали давать мало молока, болеть и падать и т.п. Стоило только обладающему чарами пожелать, чтобы случился какой-нибудь урон в хозяйстве, и это могло сбыться. Так, упомянутая уже не раз жена Убы сказала следователю Якову Янайтису: «твои коровы, которые сын мой пас, все погибнут», – после чего две коровы пали. От пожелания другой пал весь скот в доме. На Сугавдзиову свидетели показали следующее: свидетель не ссудил ей лошади в дорогу, она сказала: «недолго ты будешь ездить на ней»; на третий день лошадь издохла. От «похвалки» другой погибли свиньи свидетельницы.

Впрочем, как и относительно людей, чародейство могло приносить и пользу хозяйству. Так одна обвиняемая сознавалась, что знает лекарства, которые даются очарованному скоту. Другая чаровала коров «на молоко и телята», т.е. чтобы они давали молока и ежегодно телились. Один чародей повесил в поле на сухом дереве «jelita kole» (кишки), чтобы плодились кони крепкие к работе. Одна ведьма хвалилась: «я доила одну только корову, а продала полтора ведра масла и еще себе оставила, сыр продала и нищим давала, а у вас нет молока».

Кроме влияния чародейства на судьбу человека, на его благосостояние обладателям тайного чарования приписывалось еще большее значение, хотя указаний на это мы находим немного. Мы уже приводили места, где говорилось, что чародей мог чаровать леса и воду. В процессах сохранилось еще несколько ука-

* Не имея сношений – *Прим.ред.*

** Ударил палкой по бедрам Ференсовой и сказал ей идти к мужу. И сразу же, еще не дойдя до кровати, имели между собой сношения.

заний на то, что вообще действию чар подвержены были и другие стихии и явления природы. Чародей мог повелевать тучами. Так Андрей Гломуйтис дал показание, что дочь Убы, София, заметив, что небо покрылось тучами и собирался дождь, сняла с себя сермягу, вывернула ее – и тучи тотчас разошлись. Петрова Ласыкова, чтобы остановить дождь, вешала на дворе котелок на рукоятке топора, который вбивала в стену; от этого тучи расходились.

Затем, находим указание на то, что чародеям повиновался огонь. Так, слуга Сапеги в деле попадьи Громыкиной показал, что три раскаленных угля, вылетевших из трубы, упали: один на избу, с которой перелетел на другую избу и воткнулся на балку, а другой – вблизи ворот. Вследствие чар жены Убы сгорело в селе три дома; она же уверяла одного крестьянина, что во время пожара огонь не коснется его хаты, потому что он человек добрый.

Казнь ведьм через повешение

Указанных целей чародейство достигало с помощью каких-либо средств, имевших таинственное значение, действий или слов. Имеющиеся в процессах данные представляют довольно богатый источник для определения таких способов чарования. Так, чаровать можно было: посредством заговора, взгляда, каких-либо особых таинственных действий, предметов, напитков и, наконец, «зелья», т.е. различных трав, «зельем, питьем, альбо подлитьем, шептаньем», как выражались в актах.

Относительно чарования исключительно заговором или взглядом указаний встречается весьма немного. Попадья Громыкина заговорила дитя, чтобы оно родилось мертвым; она же показала, что «деткам зась малым умовляють уразы и иншые дефекты детей малых».

Одна чаровница чаровала скот «взглядом и ласканьем», другая только взглядом. Хотя заговору и взгляду приписывалось особое таинственное значение, однако заговор чаще соединялся с каким-либо магическим действием. Указания на последний способ чарования особенно многочисленны. Это, быть может, происходит и оттого, что свидетели и истцы скорее могли подметить со стороны заподозренного лица какое-либо действие, которое могло бы им показаться странным, необъяснимым и опасным, чем услышать заговор, подметить особенный взгляд и т.п.

Чтобы повредить здоровью людей, жена Убы употребляла, например, такие действия. Она целую неделю засушивала в дыму новорожденного незаконного ребенка (nierządnie spłodzonego), затем погребла; спустя некоторое время она его выкопала, вероятно, для того, чтобы доказать, что ребенок не был умерщвлен ею (przyniosła na ukazanie); но когда ей приказано было отнести назад, она

рассыпала эти кости в огороде соседа своего Рудзя, после чего вся семья соседа «не имела здоровья» и даже скот ежегодно пропадал.

Сухие дубовые листья втыкались в углы дома и строений, чтобы и в доме все сохло. Чародейка Гирниова вымыла в ведре ноги, вследствие чего издохли четыре лошади, пившие из того же ведра. Выше мы видели, что коровы начали болеть и издыхать оттого, что чародейка их выдоила. Прядение шерсти с произнесением заговора служило для очарования скота и всего дома. Для очарования хлебов употреблялось следующее средство: из гарнца в гарнец переливалась вода с зельем, название которого неизвестно, и потом этой водой окроплялись поля. Наконец, с целью повредить хлебу на поле часто практиковалось завивание «завиток».

Все указанные таинственные действия клонились ко вреду человека. Для принесения пользы людям посредством колдовства также были соответственные действия. Так, не раз упомянутый уже чародей Карп предложил такое средство против тоски: в первом месяце нужно набрать в новый гарнец, немного больше половины его, речной воды, черпая ее вниз по течению, и стараться ни одной капли не пролить из этой воды; притом за водой нужно идти, ни с кем не разговаривая по дороге, так же нужно и возвращаться с водой; в этой воде нужно выпарить зелье (вероятно, деветерник белый, каковое название написано в заголовке средства, хотя в самом тексте его нет), залепив горшок тестом, и этим снадобьем нужно умываться в конце месяца три раза в неделю: в среду утром, в четверг вечером и в субботу пред восходом солнца. В следующем месяце все это проделывается с другою травою – центуриею (centuria); а затем с зельем, называемым «odtesknik», которое растет во ржи и на межах, сероватого цвета (farby płowej). Тот же Карп предложил для лечения различных болезней еще некоторые рецепты.

Одна обвиняемая по делу об очаровании маршалка Сапеги обещала, если ее выпустят, сделать так, что маршал будет здоров, весел и скоро женится. При этом она предложила такой рецепт. Когда Сапега приедет, пусть возьмет из гумна девять колосьев ржи и из каждого по девяти зерен, потом взять девять хлебов и из каждого вырезать сверху по куску. Все это намочить в сосуде с вином или пивом, и набрать в другой сосуд речной воды, черпая против течения; потом эти сосуды поставить в бане, вынувши доски в полу. В сосуд должен встать Сапега и поливать сам себя с головы или же поручить верному человеку. После обмывания нужно пустить на воду эту смесь и хлеб, выбравши только зерна, причем 9 зерен нужно носить при себе, а остальные воткнуть в молодое плодовое дерево, замазавши воском. Затем, когда Сапега будет куда-нибудь ехать, нужно положить булку хлеба над воротами, в которые он проедет. Кусок этого хлеба он должен носить всегда при себе, а остальной тщательно спрятать.

Встречаются и менее сложные рецепты лечения. Так, чтобы парни любили девушку, последней нужно было умыться древесным цветом (drzewem z kwiatem) на первый день Пасхи, перед восходом солнца; затем, состав этот занести в одной рубахе и закопать под хлев дома того парня, любовь которого желательно приобрести.

Относительно того, каким образом чародейство помогало домашнему хозяйству, мы почти не встречаем указаний. Известен один только факт: Уба, вы-

несши в поле «jelita kole», повесил на сухой яблоне, объяснив потом, что это сделано для того, чтобы водились крепкие рабочие лошади. Наконец, мы уж видели, как поступали чародеи для разогнания туч.

Все рассказанные действия чародеев получают определенный характер по своему назначению – принести вред или пользу людям или хозяйству. Но есть несколько указаний на такие действия, которые не имели определенного назначения, или по крайней мере характер их не выяснялся, но которые тем не менее были признаны судом или свидетелями за чарование. Так, одна обвинялась в том, что она чаровала хлеб, завязывала рожь (очевидно, делала «завитки»), терла руками овес, говоря, что из этого овса она испечет хлеб с липовыми листьями, затем во время игрища перед Ивановым днем несла с поля огонь, – все эти действия признаны были чародейством. Другая колдунья, чтобы повредить дому свидетеля, бросила у ворот его палку, шеляг (медный грош) и нитки. Не раз встречаем указания на то, что чары можно было подбрасывать. Наконец, одним из чародейских средств служило окуривание каким-то составом.

Казнь ведьмы через сожжение

К действиям, употреблявшимся при чарованиях, близко стоит употребление отдельных предметов с тою же целью. Так, могилевская мещанка Орина обвинялась в том, что она втыкала нож в притолоку, обносила каким-то зельем двор и давала чары в пище. На чары же употреблялись каша из жуков, подкова лошади, на которой ездит тот, кого желают очаровать, кости, земля, дохлый поросенок и, как мы уже видели, высушенный труп ребенка.

При лечении болезней употреблялись яйца: нужно взять три яйца, выпустить желток и белок, набрать в скорлупу стоячей воды, слить ее в другую посудину и

вылить эту воду на бревно в стене избы, упомянув, против какой болезни выливается. Родильниц окуривали бобровой струей, перьями живых куропаток, «перестрелом», церковным миром и освященными травами, «енорожец пить дают, то есть орлий камень мевают» (имеют). Чародей Кузьма дал жене свидетеля кусок мяса, отчего она заболела и умерла; одна, привлеченная к суду, причинила болезнь тем, что дала яблоко.

Нередко вода, пиво, вино, даже роса служили для чарования, давались также чары в пище. Боязнь к лицам, заподозренным в чародействе, была настолько велика, что один свидетель рассказывал, что не дал подозреваемой в колдовстве напиться святой воды, боясь, что она просит на чары. Интересна «протестация» Василия Паука об очаровании его дома водою:

> «...в ночы, нет ведома хто, подышовшы (подойдя) на знак чаров, ворота и стены дому пана Василья Пауковича... з улицы не ведати чим позаливал...; хтось за тым заливаньем на здоровье самого пана Василья Пауковича, пани малжонки (жены) и детей их чугает (покушается). За чым менечы (думая) чары починеные, а не будучы безпечным здоровья, маетности (имущества) и фортунного в пожитью повоженья, тое позалива нье ворот и стен за разом того часу врадови обвел (объявил начальству)».

И занес все это, на случай открытия виновника, в градские книги.

Болезни насылали посредством чарования на пиве, водке, пище. Один потерял умственные способности, очарованный на водке. Полоцкий мещанин Василий Брикун обвинялся в чародействе, причем большая часть свидетелей говорили, что он давал чары в пиве и водке. Так он «Петра Демидовича витал (угощал) пивом пополудню, а до вечера трохе не розервало, аж мусели людзи ему Брикуну кланять се, абы одходзил (отчаровал)». Нескольким людям он причинил болезнь и смерть, поднесши чары в водке. Недопитое вино или водка были употреблены, чтобы «запутати дорогу» Сапеге пред женитьбой. Также давалась каша, состав которой неизвестен.

Интересно употребление при чарах росы и инея. Чародейка Белорозова собирала росу в гарнец и кропила этим хлеба, чем приносила им вред. Другая, собирая росу с трав и деревьев, чаровала ею хлеб, скот и людей. Про одну рассказывали, что она умеет, собравши иней, делать град и таким образом портит хлеба.

Употребление металлов при чародействе почти неизвестно. Есть указание лишь на то, что выливанье олова служило средством против различных болезней.

Употребление при чаровании разных трав было сильно развито, но, к сожалению, сохранилось весьма немного точных указаний на название и способы употребления этих трав. Большею частью встречаются лишь общие указания на употребление при чарах трав и других растений, «зелья», так как и на их назначение. Из более точных указаний известно, например, что собирались какие-то цветы во ржи, чем наносился вред хлебам; какую-то траву, собиравшуюся во время кукования кукушки, давали коровам и курам. Иногда употреблялись хлебные злаки, молодой ячмень, рожь, овес с липовыми листьями. Кроме того употреблялись сухие дубовые листья, которые затыкали в углы дома для того, чтобы

в нем все сохло, и листья неизвестного дерева, которое девушки вместе с цветами мочили в воде и мылись, чтобы парни их любили.

Из других растений употреблялись: табак, очарованный которым умер, деветерник, рута ярая, употреблявшаяся для лечения, центурия и растение «odtesknik», которое росло во ржи.

Но все эти действия и средства не всегда могли успешно действовать сами по себе: нужны были еще какие-либо таинственные слова, заговор. Формул заговоров сохранилось в процессах немного, так как они составляли тайну колдунов и уносились ими на костер.

Несколько заговоров, попавших в процесс со слов подсудимых, мы уже привели; приведем еще несколько других, какие нашлись. Так, одна служанка показала, что ее учила чародейка, прядя шерсть, говорить: «как это веретено кружится, пусть скот и овцы выкрутятся из дома моего господина, чтоб стал пустой». Затыкая сухие дубовые листья в углы чужих строений, колдуны говорили: «как эти листья иссохли, так пусть сохнет такой-то».

Люция Марианна сознавалась, что ее учила одна чаровница таким заклинаниям: «дьявол, заступи дорогу такому-то, идущему на торг, чтобы он не имел счастья и обнищал»; и другое: «дьявол, вытри пекло этим мешком, засеки (такой-то), чтобы амбар ее был пустой».

Когда нужно было «отходить» чары, говорилось, поливая воду через решето с молодыми ветками: «как эта вода не остается на решете, так на этих ветках пусть не останется ворожба, ни одна вредная вещь».

А вот еще один рецепт с заговором, предложенный обвиняемой в колдовстве, против действия чар: нужно взять в бане из печи три раза по 9 углей, затем пойти за водой и всыпать уголья в воду; потом кропить этой водой через решето молодыми ветками с таким заговором: «как эта вода не задерживается в решете, так пусть «перелоги» и все зло не удержится (в доме)».

К сожалению, в судебных процессах очень мало приводится дословных заговоров, а между тем теперь они имели бы для нас громадное значение.

Вот все немногочисленные этнографические данные, какие можно было извлечь из напечатанных до сих пор процессов о чародействе в Северо-Западном крае в XVII и в XVIII вв. Тщательные записи современных видов колдовства и знахарства в этом крае, без сомнения, покажут, что большинство изложенных здесь взглядов и понятий до сих пор твердо держатся в нашем народе.

Хождение за три моря: опыт исторического моделирования

***Андрей Киштымов**, кандидат исторических наук*
***Сергей Тарасов**, кандидат исторических наук*

Не будет преувеличением определить историю как эксперимент, который на протяжении многих веков ставит над собой человечество. О смысле и целях этого эксперимента размышляют гуманитарные науки. Но в арсенал их традиционных методов, в отличие от естественных наук, экспериментальные подходы и связанные с ними принципы научного моделирования обычно не входят. Действительно, в отличие от химика (или физика), имеющего возможность многократно проверять и подтверждать свои выводы экспериментальным путем, историк, изучающий, допустим, Вторую мировую войну, не может организовать и использовать «свою собственную» войну в качестве доказательного тезиса.

Есть ли место эксперименту в исторических науках? Или они по-прежнему обречены только на поиск сигналов из прошлого, работу с источниками, оставленными нам временем? Сегодня можно с уверенностью сказать, что экспериментальная история и методы исторического моделирования дополнили доступные ученым методы изучения прошлого. Отцом экспериментальной истории и археологии принято считать норвежского исследователя Тура Хейердала. В 1947 году для экспериментального обоснования своей гипотезы о возможности колонизации островов Полинезии жителями Южной Америки он с пятью спутниками предпринял путешествие по Тихому океану на плоту «Кон-Тики», построенному по образцу древнеперуанских. Потом последовали экспедиции на папирусном судне «Ра» – реконструкции корабля эпохи фараонов.

Наиболее активно экспериментальной историей и методами исторического моделирования занимаются археологи. Число экспериментов в археологии быстро растет. В СССР с середины 50-х гг. под руководством ленинградского археолога С.А. Семенова предпринимался ряд экспедиций с экспериментальными программами. В 1985–95 гг. проходила Международная научно-спортивная экспедиция «Нево – Викинг» по древнему пути «из варяг в греки».

По новому пути реконструкции прошлого идут некоторые музеи. Особенно часто к такой практике обращаются музеи науки и техники, индустриальные музеи, программы по сохранению и пропаганде исторического наследия и памятников истории и культуры.

Исторический эксперимент и моделирование отталкиваются от источника (археологического, иконографического или текстового), но, в конечном итоге, как результат, создают новый источник для понимания прошлого и приводят к появлению нового исторического знания.

Одним из ключевых вопросов к пониманию существования восточнославянских государств в период Киевской Руси является знаменитый путь «из варяг в греки». О нём первым написал Нестор в «Повести временных лет». С тех пор собралась огромная источниковедческая база и историография по данному вопросу, которые мы рассматривать не будем. Однако отметим, что водные пути во всём многообразии географической локализации, политической и материально-культурной принадлежности существовали в период IX–XVIII вв. как неотъемлемая часть европейской экономической и политической структуры. В эпоху раннего средневековья транзитные водные пути объединяли страны Скандинавского, Волжского и Причерноморского бассейнов в единую трансевропейскую структуру, способствовали развитию экономик стран данных регионов, культурным и культурно-религиозным обменам и заимствованиям, политическим контактам.

Традиционность использования водных путей в прошлой истории, их исключительная роль в формировании государств, культур, складывании экономики стран Восточной и Центральной Европы, позволяет считать данные пути историко-культурной ценностью, наследием народов и стран данного региона.

В 2000 году по инициативе Института археологии НАН Украины и Кабинета министров Украины была начата большая программа «Украина, XXI век». Среди научных мероприятий программы была предусмотрена подпрограмма по моделированию исторических технологий. В разные годы она получала разные названия, в зависимости от целей и задач. Но общей целью являлось изучение ис-

Ладья «Княгиня Ольга» на реке

торических водных маршрутов Центральной и Восточной Европы периода IX–XVIII вв. на натурных копиях кораблей соответствующего времени.

В 2000–2001 гг. – программа-поход «Из варяг в греки»; 2002 г. – «Богун»; 2003 г. – «Шёлковый путь»; 2004–2005 гг. «Янтарный путь»; 2008 г. – «Ганзейские дни» в Новгороде Великом; 2009 г. – «Десна». За эти годы были пройдены по воде на древнерусской ладье, казацком дубке и скандинавском драккаре 10 крупных европейских рек: Нева, Ловать, Волхов, Днепр, Дон, Десна, Припять, Западный Буг, Висла, Нёман и три моря: Чёрное, Азовское, Балтийское. К ним надо добавить крупнейшие озёра – Ладогу, Ильмень, Киевское и Цимлянское водохранилища. В общей сложности протяжённость пройденных маршрутов составила 12,5 тыс. км.

Исторический интерес в проведенных экспериментах представляла именно возможность прохождения маршрутов на реальных кораблях-репликах периода IX–XVIII вв., в ситуации максимально приближенной к соответствующей исторической эпохе.

* * *

Для реализации первого этапа эксперимента и программы «Из варяг в греки» была построена деревянная ладья «Княгиня Ольга». Найти предприятие, способное построить деревянную ладью, оказалось делом непростым. Ведь навыки изготовления подобных кораблей давно утрачены. Все-таки удалось договориться с предприятием в Чернигове, которое делает яхты. Оно построило ладью по сохранившимся в летописях рисункам кораблей IX–X веков и имеющимся сведениям об используемых тогда материалах и технологиях. Корабль получился 12,5 метров длиной и 3,75 метра шириной по центру. И «скелет», и обшивка дубовые, поэтому вес вышел приличный – почти 6 тонн.

Его историческая достоверность оценивается примерно в 75 процентов. Можно было добиться и более высокого процента, использовав, к примеру, пеньковые канаты и льняные паруса. Но предпочтение отдали все-таки современным синтетическим, более надёжным в эксплуатации. Нельзя забывать, что навигация древних славян оплачена тысячами загубленных жизней. Ни к чему увеличивать и без того высокую степень риска, которой подвергают себя современные экспериментаторы.

Стартовав 22 июня 2000 года, ладья прошла по маршруту Киев – Переяслав-Хмельницкий – Черкассы – Кременчуг – Днепропетровск – Запорожье – Херсон – Одесса – Очаков – Стамбул, а затем вернулась в Херсон. В Стамбуле она отшвартовалась 15 сентября, преодолев за 85 дней 2714 километров. Вопреки скептицизму опытных яхтсменов в отношении мореходности судна, «Княгиня Ольга» продемонстрировала великолепные мореходные качества. Даже попав в полосу шквального ветра на траверсе Констанцы, переросшего в 4-балльный шторм, она не отклонилась от курса.

«Княгиня Ольга» – не яхта, хотя морской регистр отнес ее именно к этому классу. Задача демонстрировать скорость и маневренность ей не ставилась. Важно было другое – подтвердить саму возможность перехода открытым морем от Очакова до Стамбула.

Первому экипажу предстояла трудная задача по «освоению» исторического корабля, техники его судовождения, размещению и креплению такелажа, налаживанию работы и быта команды. Проявились и первые, но неизбежные сложности современной цивилизации: границы, таможни, регистрации, документации, требования соблюдения техники безопасности и т.д. Стало ясно, что без соблюдения этих многочисленных формальностей дальнейшие экспедиции будут невозможными.

Но, отметим сразу, бессменный руководитель и «мотор» проекта – археолог С.А.Воронов является еще и профессиональным мореходом с правом вождения судов. В настоящее время он начальник Департамента по охране подводно-археологического наследия Украины. Помимо этого, в состав экипажа в разные годы в входили профессиональные яхтсмены, в том числе чемпион Украины по яхтенному спорту А. Помпеев, профессиональные врачи (в том числе хирурги), инженеры, техники, механики.

* * *

Экспедиция 2001 года преследовала сугубо исследовательские цели – изучение водных коммуникаций во времена Киевской Руси и механизмов их эксплуатации. Это была попытка смоделировать в максимальном приближении переход на ладье северного и центрального участков исторического пути, завершив тем самым прохождение всего маршрута.

На этот раз «Княгиня Ольга» преодолела путь протяженностью 1174 километра. Выйдя 12 июня из Санкт-Петербурга, она поднялась против течения к пункту официального старта – Шлиссельбургу и оттуда по Ладоге и Ладожскому каналу, Волхову, Ильменю, Ловати, Днепру, через Кириши, Великий Новгород, Старую Руссу, Смоленск, Шклов и Могилев вернулась в Киев.

Путешествие показало, что речная и озерная гладь весьма обманчивы, временами они не уступают штормящему морю. Ветры на Ладоге и, особенно, на мелководном Ильмене способны поднять нешуточную волну. Они же помогали идти по Волхову под парусом против течения. Дважды приходилось моделировать волоки: на Ловати в районе деревни Салеево и под Смоленском. Ввиду отсутствия профессиональных «сволочей» (так в древности называли население, обслуживавшее волоки, сволакивавшее корабли из одной воды в другую), осуществлять данный этап приходилось силами команды и добровольцев из окрестного населения.

«Княгиня Ольга» в Стамбуле

Практика показала, что поднять корабль из воды (в Салеево) и спустить на воду (в Смоленске) возможно только полностью сняв с него такелаж. Нельзя перетаскивать корабль на киле, поскольку на суше это самое неустойчивое положение, а только положив на борт. Это, в свою очередь, грозит повреждениями клинкерной доски – обшивки корабля. Расхожее мнение об использовании брёвен (кругляка) справедливо лишь отчасти. Оказалось, что такие брёвна не катятся, а под весом корабля прижимаются к земле. По ним можно спускать корабль с высокого берега на воду, но для перетягивания по ровной поверхности, как и при подъеме, сами по себе они бесполезны. Брёвна требовали смазки для скольжения по ним корабля. Лучшим подручным средством оказалась обычная ивовая лоза, растущая вдоль всех рек и водоёмов нашей полосы.

Трижды во время похода приходилось использовать «бурлацкую тягу», буквально вручную расчищая путь ладье на порогах от камней, работая за бортом. Позже мы убедились, что это неотъемлемая часть речных походов. Причём не только в случае движения против течения, но и по течению. Даже Днепр в районе российско-беларуской границы больше похож на горную речку, чем на великую реку. Множество мелей, не отмеченных на навигационных картах, отсутствие буев, вех и створных знаков держали экипаж в постоянном напряжении вплоть до беларуско-украинской границы.

Кроме того, практика движения на ладье по рекам показала, что независимо от того по течению или против движется корабль, сплавляется он или бурлачится, на борту должна находиться постоянная «рабочая» группа гребцов, готовая в любой момент выполнить команды капитана или рулевого: «греби» и «табань». Остальная часть экипажа, даже спящая на борту, в любую минуту должна быть готова сесть за вёсла или выполнить команду «все за борт». Также сплав в верховьях Ловати и Днепра показал невозможность использовать здесь парус, поскольку при большой извилистости рек в этих частях ветер мог меняться на небольших отрезках пути прямо на противоположный.

* * *

Экспедиция 2002 г. была посвящена 210-й годовщине образования Кубанского казачьего войска. Ее участникам предстояло пройти по маршруту Киев – Днепр – Черное море – Азовское море – станица Тамань (1700 км), повторив тот путь, по которому в конце XVIII века прошли запорожские казаки, переселяясь по указу Екатерины II на Кубань. Для этого предназначалась копия казачьей чайки.

Чайка – боевое парусно-гребное судно запорожских казаков, приспособленное для морских походов. Флотилии казачьих чаек, численностью от нескольких десятков до нескольких сотен, осуществляли смелые нападения на турецкие порты Черного и Азовского морей вплоть до Синопа и Стамбула. Максимальные размеры казачьих чаек доходили до 60 м, ширина по миделю 10–12 м, высота борта 3,6 м. Экипаж – 40–50 человек. Прямой парус и 12–15 пар весел обеспечивали ходовые качества. На борту находился запас провианта, военное снаряжение; чайка вооружалась 2–6 малокалиберными пушками. Вокруг борта подвязывались тугие вязанки камыша, что обеспечивало повышение плавучести корабля, амортизировало при столкновении с корпусом вражеского судна или

каменистым берегом, защищало от пуль и картечи.

Экспедиция 2002 г. проходила на копии-реплике так называемого днепровского дубка. Это чайка длиной 10–12 м, шириной до 3 м, грузоподъемностью 3–3,5 т, вооруженная небольшими пушками – фальконетами, с экипажем до 20 человек. Такие дубки предназначались для ведения разведки и посыльной службы. Экспедиционной чайке (дубку) присвоили имя «Богун» в память о легендарном казачьем полковнике середины XVII века. На борту находились и два бронзовых фальконета, отлитые по старинным образцам в Запорожье.

Чайка «Богун» на Днепре

25 августа 2002 г., спустя ровно 210 лет со дня высадки первой партии запорожских казаков на кубанском берегу, участники экспедиции на «Богуне» преодолев воды Днепра и Черного моря, ступили на берег азовской бухты у станицы Тамань.

Особенностью этого похода было сочетание речного и морского пути одновременно. Отсутствие древних порогов, скрытых водами современных водохранилищ, существенно облегчило проход «Богуна» по Днепру. Здесь на открытых пространствах, при наличии ветра, можно было идти под парусом. А вот использование паруса в море имело свою специфику. Дело в том, что парус площадью 60 кв. м, можно было ставить только при попутном и частично косом ветре. Июльско-августовская роза ветров на Чёрном море имеет южно-северное направление. Кроме того, постоянное течение, существующее на Чёрном море, начинаясь у берегов северной Турции движется вдоль берега таким образом, что в районе Крыма для нас оно становилось встречным.

А непременной обязанностью похода было то, что мы должны были осуществлять каботажное плавание. Т.е. такого типа, когда берег постоянно находится в зоне видимости. Следовательно, все изгибы (крупные, конечно) береговой полосы маршрут должен повторять. Проход по морю на «Богуне» показал способность судов этого класса преодолевать достаточно сложные, в том числе и штормовые условия плавания.

***

Экспедиция 2003 г. получила название «Шёлковый путь». Этот трансконтинентальный маршрут считается одним из самых древних на планете. Он известен со II века до н.э. и более двух тысячелетий связывал Азию с Европой. Начинался путь в Китае, а завершался на балтийском и атлантическом побережьях. Из Европы вывозили мех, зерно, мёд, металлы и изделия из них, из Азии – до-

рогие ткани (особенно шёлк), дамасские клинки, рис, приправы, сладости. Именно этим путём попали в Европу порох, шахматы, компас и многое другое. В IX–XI вв. арабские серебряные монеты дирхамы были основным средством платежа на европейских рынках. Благодаря Шёлковому пути Европа и Азия обменивались научными и культурными достижениями.

В мае 1998 г. в Ашгабаде проходила первая международная конференция, посвящённая исследованию Шёлкового пути во времени и пространстве. Следующая состоялась в Тбилиси в 2002 г. В 2001 и 2002 гг. по сухопутной части Шёлкового пути прошла российская экспедиция во главе с Фёдором Конюховым на калмыцких верблюдах. Оставалась не пройденной водная часть маршрута, которая брала своё начало на Каспии и в калмыцких степях, и оттуда вела непосредственно в Европу.

Водный путь имел два ответвления. Первый – от Каспия вверх по Волге к берегам Балтийского моря. Его описывал арабский географ и путешественник X века Ибн-Фадлан. Второе ответвление – через волго-донские волоки в Калмыкии, по Дону в Азовское и Чёрное Море, и далее в Византию, или по Днепру в Киевскую Русь. Именно возможность прохождения этого пути стала задачей экспедиции 2003 г. Поскольку отрезки пути по Днепру и Чёрному морю уже были пройдены исследователями, решили пересечь Азовское море и как можно дальше продвинуться по Дону и его притокам в калмыцкие степи.

Для экспедиции 2003 г. в Чернигове построили новое судно – копию скандинавской ладьи-драккара. Окрестили корабль «Сварогом», по имени языческого славянского бога, покровителя огня и военного дела.

У норманских судостроителей было два основных вида судов – торговое и военное, по существу однотипные, только торговое меньше размером и проще, а военное – более мощное и лучше оснащенное. На носу крепились резные изображения головы дракона или змеи. Отсюда происходят названия кораблей викингов: соответственно – драккар и снеккар. Максимальные размеры кораблей составляли: длина 20–30 м, ширина 4–6 м, высота от киля до планшира в средней части до 2,5 м. Грузоподъемность до 35 тонн, не считая веса команды.

Маршрут экспедиции 2003 г. состоял из двух частей. Сначала путь из Чернигова в Киев по Десне, затем вниз по Днепру до Ржищева. А затем переправка драккара на трейлере в азовский порт Мариуполь и далее через Азовское море до устья Дона и вверх по течению до Цимлянского водохранилища, где в древности существовали волоки между Волгой и Доном, что позволяло осуществлять плавания из бассейна Каспийского моря в бассейн Черного моря. Затем экспедиция проделала тот же путь в обратном направлении. В общей сложности маршрут экспедиции по Великому шелковому пути составил почти 2,5 тыс. км.

Длина драккара «Сварог» – 12,5 м, ширина – 3,2 м, число весел – пять пар, парусность – 36 кв. м. При весе судна в 3,5 тонны глубина осадки всего 50–70 см. Высота борта – 1,3 м, то есть, соблюдены характерные для кораблей викингов низкие борта (около 2/5 средней ширины судна). Киль дубовый, обшивка борта из тонкой сосновой доски. И еще одна любопытная деталь: в поперечном разрезе очертания бортов драккара похожи на крылья бабочки или стилизированное изображение сердца. Это делает ладью устойчивой на волне, она не перехлестывает через борт.

По своему типу скандинавские драккары относятся к классу «река – море». Они изначально предназначались как для речных, так и для дальних морских походов. Такая конструкция была оплачена не одной сотней, если не тысячами жизней древних мореплавателей.

Ходовые качества «Сварога» оказались выше, чем у ладьи «Княгиня Ольга», на которой проходили экспедиции 2000 и 2001 гг. Драккар отличала меньшая осадка, большая устойчивость на воде, он легче шел и на веслах и под парусом. Здесь, вероятно, сказалась не только более удачная конструкция, но и опыт постройки судов и плаваний, накопленный к тому времени постоянными участниками экспедиций.

Уже первый сплав на «Свароге» по Десне из Чернигова до Киева принёс небольшие открытия. В письменных источниках XII–XIII вв. есть упоминания, что этот водный маршрут можно пройти на судне за одни сутки по течению реки. Но нашей экспедиции, с учётом постоянной работы на вёслах, достичь Киева удалось только на третий день! И это при том, что никакого судоходства на Десне нет. Оно запрещено, поскольку моторные корабли поднятыми ими волнами легко разрушают торфянистые берега реки. На реке было встречено 4 порога, по которым экипаж проводил корабль фактически на руках. Берега реки в настоящее время удивительно безлюдны, но много различной дичи. А вот во времена Киевской Руси вдоль реки располагались многочисленные поселения. Очевидно, что с запретом на использование реки в качестве водного пути жизнь

Драккар «Сварог» в море

на её берегах прекратилась. Это к вопросу о том, чем реки являлись для наших предков и чем являются для наших современников.

20 июня был дан старт экспедиции «Шёлковый путь». Из Киева «Сварог» с командой в 20 человек дошёл до Ржищева, где принял участие в праздновании Купалья. Затем корабль погрузили на трейлер и перевезли в Мариуполь, откуда, собственно и начался сам поход. Первым испытанием стало незнакомое нам до той поры Азовское море.

Как известно, оно неглубокое. А это, в свою очередь, при сильных ветрах, провоцирует появление высоких волн. Волна, достигая дна, тормозится и усиливается следующей набегающей волной. Такой принцип увеличения волны характерен для цунами. Самый короткий маршрут из украинского Мариуполя в российский Таганрог лежал по прямой через Азов. Капитан и старпом приняли вполне логичное решение этим путём и пройти.

Но мы недооценили изменчивость морской стихии. Уже в первый день, во второй половине, лёгкий попутный ветерок резко сменился на шквал. Корабль стало бросать как щепку. Неожиданный сильный порыв ветра с резким звуком хлопка разорвал пополам новый парус, специально сшитый из прочной толстой ткани. Корабль стал неуправляемым. Чтобы зафиксировать его в единственно верном положении – носом против волн – был выброшен якорь «адмиралтеец», считающийся одним из самых «цепких». Через пять минут он оторвался с синтетического каната толщиной около 3 см. Выбросили второй, последний якорь на борту. Удерживать корабль приходилось всеми десятью вёслами. Дополни-

На первом плане — авторы статьи; слева А. Киштымов, справа С. Тарасов

тельной угрозой оказалась 11-метровая мачта, качавшаяся вместе с кораблём чуть ли не на 45 градусов влево и вправо, угрожая его перевернуть. Только благодаря опыту старпома – чемпиона Украины по яхтенному спорту А. Помпеева и слаженности действий команды, её удалось «срубить», т.е. положить на палубу, не потеряв саму мачту, и не покалечив никого из экипажа.

Из трёх суток в открытом море сутки пришлись на шторм. Как потом выяснилось в Ростове-на-Дону, реальная сила шторма достигала 6–7 баллов (1 балл – 1 метр высоты волны). В Краснодарском крае он вызвал многочисленные сели, уничтожившие целые посёлки. Это было крайне нелёгкое испытание не только для команды, но и для корабля. Но оно показало, что драккары способны выдержать даже такие удары стихии. В этом проявилась уникальность скандинавской конструкции судна IX–X вв.

Ночью, чтобы дать команде отдохнуть, наши предки, очевидно, как и мы, становились на якорь. Небольшая глубина Азова позволяла это сделать.

Прохождение самого Дона сложно пересказать в двух словах. В целом оно проходило спокойно, в некотором смысле даже величественно. Огромные просторы реки, километровые расстояния от берега до берега, неохватные степи, где сами по себе гуляют табуны лошадей в несколько сотен голов, – всё это Дон. Спокойное течение позволяло без особых трудностей подниматься вверх на вёслах, иногда с использованием запасного «парадного» паруса.

Но реалии сегодняшнего дня напоминали о себе на каждом шагу. В первую очередь – активное судоходство. Не проходило и часа, чтобы навстречу или параллельным курсом не встречались крупнотоннажные танкеры либо сухогрузы. Разгоняемые ими волны бросали наш корабль как во время шторма. Под них было расписано прохождение двух десятков шлюзов, существующих сегодня на реке. В этих условиях «Сварогу» приходилось прижиматься к берегу, рискуя попасть на мель, и садиться «на хвост» большим кораблям в шлюзах.

Но цель была достигнута. Пройдя последний шлюз под городом Волгодонском, «Сварог» вышел на простор Цимлянского водохранилища, а затем вошёл в одну из безымянных для нас рек Калмыкии. Бывшие волоки находятся сейчас под водой. Их заменяют 15 шлюзов Волго-Донского канала.

В целом, с учётом возвращения корабля в Украину, было пройдено 2500 км. Было доказано, что на драккарах наши предки могли ходить реками, пересекать моря, противостоять стихии, сохранять психологическую устойчивость экипажа в ограниченном физическом и неограниченном временном пространстве.

Стало ясно, что не только корабль гарантировал успех. Многое зависело от команды, её слаженности в действиях, взаимопонимания и взаимовыручки. Забегая вперёд, следует отметить, что каждый год состав нашей команды обновлялся примерно на треть или половину, сохраняя при этом основной костяк. Поэтому в каждой экспедиции бывали случаи, когда по разным, конечно «серьёзным» поводам, люди покидали борт корабля. Их никто не осуждал. Все понимали, что лучше продолжать движение меньшими силами, чем в экстремальных ситуациях иметь слабое звено.

* * *

В 2004 г. в соответствии с Указом Президента Украины «О провозглашении 2004 года годом Польши в Украине» и согласно положению Государственной программы «Развитие туризма в Украине в 2002–2010 гг.», Межотраслевая лаборатория исторических исследований НАН Украины под эгидой Государственной туристической администрации реализовала проект «Янтарный путь».

Среди европейских маршрутов X–XVIII вв. «Янтарный путь» не самый известный. Но о том, что он существовал, говорят как письменные, так и археологические источники. В частности, находки скандинавских и западноевропейских артефактов в Беларуском Полесье, включая изделия из янтаря.

Янтарь – это застывшая смола хвойных деревьев. Балтийский янтарь образовался примерно в середине палеогена (50–45 мл. лет до н.э.). Анализ найденного при археологических раскопках янтаря показал, что происходит он в основном из Прибалтики: ведь на берегу моря собирать его проще, чем выкапывать из недр земли. Сбор янтаря проводили практически по всему юго-восточному побережью Балтийского моря от Щецина до Таллина.

В XVI веке до н.э. прибалтийский янтарь был завезен в Месопотамию, а также в районы Микенской и Италийской культур. Украшения из янтаря носили фараоны и жрецы Египта. В средневековье его везли из Прибалтики в Полоцк, Киев и Византию. Наши предки хорошо знали и ценили янтарь. Так, в 1648 г. посол Великого княжества Литовского Станислав Веневский подарил московскому царю Алексею Михайловичу красивый янтарный кубок.

Путь, по которому распространялся янтарь, называли, соответственно, «Янтарным». Наибольшие выходы янтаря находятся на побережье Северной Польши, Летувы и Латвии. Система внутренних восточноевропейских рек позволяла вывозить его следующими маршрутами: а) Нёман – Щара – Ясельда – Припять – Днепр; б) Нёман – Птичь – Припять – Днепр; в) Висла – Западный Буг – Мухавец – Пина – Припять – Днепр. На водоразделах суда перетягивали волоком.

Конечно, не только янтарь двигался этими маршрутами. В связи с тем, что с XI века путь «из варяг в греки» стал приходить в упадок из-за монгольского завоевания Средней Азии, а в XIII веке вовсе исчез, по «Янтарному пути» везли всё то, чем обменивались европейские страны и раньше: металлы, меха, зерно, воск, мёд, рыбу и т.д. Эти пути впоследствии включились в сферу торговых интересов ганзейских городов, благодаря чему существовали вплоть до XVI века.

Хорошо известные сегодня Августовский канал, канал Огинского, Березинская водная система и единственный действующий как «рабочий» Днепро-Бугский канал являлись попытками в XVIII–XIX вв. восстановить древний «Янтарный путь».

Из всех возможных древних маршрутов для моделирования исторического похода был выбран путь по Днепру – Припяти – Днепро-Бугскому каналу – Западному Бугу – Висле к польскому побережью Балтики. Днепр и Припять не вызывали сомнения в проходимости. Западный Буг и Висла тоже неплохо смотрелись на карте. Но как оказалось, только на карте. Если бы мы знали, что в реальности нас ожидает...

10 июня 2004 г. экспедиция на «Свароге» стартовала из Киева. Кроме моральной подавленности при прохождении зоны отчуждения вокруг Чернобыля, сложностей не было. Наоборот, удивило многообразие флоры и фауны в этом регионе. Очевидно, нетронутая природа находилась здесь в том состоянии, в котором пребывала тысячу лет назад. Переплывающие Припять лосиные семейства, хрюкающие в кустах кабаны, плещущаяся рыба и высоко парящие орлы, всё говорило о том, что древние мореходы не имели проблем с едой. И ещё подумалось, что судоходство в древности было здесь более активным. За всю дорогу до Петрикова мы встретили всего один земснаряд, несколько буксиров и пару барж с калийной солью.

В районе Турова Припять начала показывать свой нрав. Трое суток непрерывно шёл дождь. В районе Петрикова поднялся сильный встречный ветер. Корабль стало забивать в прибрежные кусты, поднялась волна. Если бы кто-нибудь раньше сказал, что трехметровое весло от байдарки академической гребли можно сломать просто о воду, все, наверное, долго бы смеялись. Но когда именно так сломались два весла, было решено вернуться в Петриков, пристать к берегу и переждать непогоду. Благо в это время в городе базировались наши археологи под руководством Валентины Вергей.

17 июня поход продолжился. Путешествие по Припяти оставило немало ярких впечатлений. Во-первых, впервые за без малого тысячу лет корабль-драккар вновь бороздил её воды. Во-вторых, берега реки достаточно безлюдны и сохраняют свою историческую и природную девственность. В-третьих, судоходства на реке практически нет, что с одной стороны сохраняет её экологическое равновесие, но с другой показывает нерачительное отношение к использова-

«Толкачи»

«Сварог» в Бресте

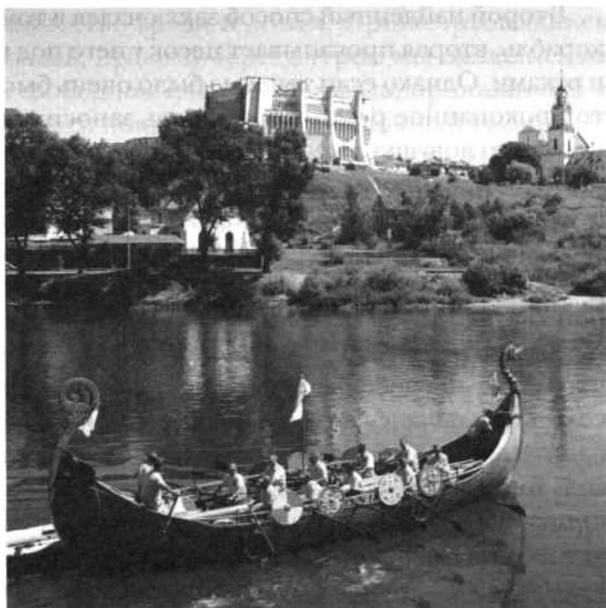
нию самого дешёвого в мире – водного транспорта. Поразили глубины на реке. Наш эхолот зафиксировал ямы глубиной более 10 м.

После прохода Припяти и Пины нас ждал 200-километровый Днепро-Бугский канал и его 10 шлюзов. Канал и сегодня работает в штатном режиме «как часы». Только используется он не на всю свою мощность. Так «Сварог» оказался в Бресте, который польский историк Ян Длугош назвал «пристанью и воротами в литовские и русские земли».

Следует отметить, что для средневековых путешественников, воинов и купцов этот участок пути не представлял больших проблем. Разнообразие и обилие флоры – фауны вполне обеспечивали их всем необходимым. Места вдоль Припяти, несмотря на её бескрайние, прямо-таки по Геродоту морские разливы, притягивали к себе и местных жителей. Но, думается, что за пределами больших поселений и городов, таких как Туров, Пинск, Мозырь они вряд ли вступали в контакт с командами проплывавших мимо кораблей и судов. В этом не было нужды, да и представляло опасность. Кроме того, берега Припяти и Пины весьма заболочены, поросли осокой и кустарниками, имеют мало мест, пригодных для высадки на берег и разбивки лагеря. Очевидно поэтому непосредственно на берегу этих рек археологи нашли мало средневековых поселений. Даже древний Туров находится не на фарватерном рукаве Припяти, а на одном из второстепенных, хотя и близких к главному течению.

Между Муховцом и Западным Бугом сегодня протоки нет. Поскольку это граница, русло Муховца засыпано песком и перекрыто мостом с подъёмным створом. После прохода мимо Холмских ворот Брестской крепости «Сварог» краном перенесли через мост, и он оказался (после завершения таможенных и пограничных формальностей) в водах Западного Буга, где на левом берегу его ожидали польские представители власти. Оказавшись на нейтральной полосе, мы решили идти, придерживаясь фарватера. Он заметен по цвету воды и скорости её движения. Карт и лоций с описанием реки у нас не было. Но, пройдя около километра, еще на траверзе Брестской крепости, корабль сел на первую мель. Спрыгнув за борт и пройдя всю реку поперёк (около 200 м) буквально по колено в воде (50–55 см, при загруженной осадке корабля 75–80 см) мы поняли, что лёгкого сплава вниз по течению ожидать не стоит. К польским пограничникам, представителям Министерства водного хозяйства пришлось идти вброд. А таможенников – везти на корабль в надувной спасательной лодке. Поляки сокрушались, что Буг очень обмелел. Но, если бы мы хоть на каплю догадывались, что это значит!!!

Глубина около метра была найдена в 100 м справа от мели, на которой сидел корабль. Чтобы попасть туда, следовало вернуться на 100–150 м назад. Но в месте прохода оказались остатки разрушенного в войну моста: камни, бетонные блоки, обломки железного каркаса. Так X век встретился с веком XX. Четыре часа, стоя по пояс в воде, экипаж вручную чистил фарватер под пристальным взором польских и отечественных пограничников. Как после выяснилось, там, где Западный Буг разделяет наши страны, никакого судоходства нет в принципе. Реку никогда не чистили и не чистят. Всё, что в неё попадало в результате войн, так и покоится на дне. Оно усеяно, как ракушками, ржавыми гильзами, стволами и Бог знает ещё чем!



«Сварог» в Гродно

Когда нам, с риском пробить о какой-нибудь камень или железяку обшивку корабля (полтора сантиметра!), удалось вывести его на чистую воду, мы были так счастливы, что на полном ходу через 200–300 метров сели на очередную мель. В результате за день пути удалось продвинуться всего на 9 км, снимая «Сварог» с мелей 15 раз.

Проход по Бугу, с чем позже согласились все участники всех экспедиций, был самым сложным за все годы эксперимента. Почти неделю с пяти утра и до девяти-десяти вечера «Сварог» буквально приходилось тянуть на руках. Примерно каждые 15 минут звучала команда «Все за борт!». С корабля сняли весь возможный такелаж и перегрузили в надувную спасательную лодку. Там же находилась сменная команда гребцов. Все деревянные трапы, рея, банки (лавки) были спущены на воду и сплавлялись подобно плотам вслед за кораблём. Перед кораблём, когда тот находился в движении, посменно шли пловцы, проверяя и уточняя фарватер. Река научила новым приёмам, которые, без сомнения использовали и наши предки.

Мели на Буге не просто мелководья. Они образовывались посередине реки в тех местах, где течение переходило от правого берега реки к левому, и, наоборот, в основном при изгибах русла. Вода на этих перекатах естественным образом намывала песок, образуя своеобразный гребень. Преодоление гребня и было главной задачей преодоления мели. Первое естественное желание – попытка просто перетащить корабль с помощью грубой силы. Но, как показала практика, от этого он только глубже зарывался килем в песок. Хотя иногда перетащить удавалось.

Второй найденный способ заключался в том, что пока часть команды толкает корабль, вторая прокапывает песок у него под носом вёслами, топорами, ногами и руками. Однако если течение было очень быстрым, как обычно на мелководье, то прокопанное русло тут же вновь заносил песок. И тогда «Сварог» садился в песчаную ловушку уже и с носа, и с кормы.

Третий, наиболее эффективный способ заключался в том, что часть команды буквально повисала на одном из бортов корабля, заставляя его киль подниматься иногда и над водой. Вторая половина команды толкала его вперёд. В результате килевой корабль превращался в плоскодонку, для прохождения которой хватало 15–20 см воды.

Четвёртый неожиданный способ прохождения мелей, правда, при условии, что мелевый гребень-переход не превышал 20–30 м в длину и был не очень высоким, заключался в том, что когда нос корабля врезался в песок, следовало табанить одним из бортов, чтобы корабль совершил разворот на воде в 360 градусов. Тогда вода сама выносила его на фарватер. Первый подобный «трюк» у нас произошёл случайно, на глазах изумлённых польских детей, посчитавших, что это для них мы сделали своеобразное «па», и долго нам аплодировавших. Во время «трюка» на руле стоял боцман, один из спонсоров проекта и наш земляк в Украине Виталий Селивончик. Впоследствии неоднократно повторенный приём прохождения небольших мелей мы называли «вальсом Селивончика».

27 июля стал последним дождливым днем на Буге. Команда была на грани нервного срыва. На борту не было ничего сухого, приготовить на огне еду было невозможно. Мало того, невозможно было даже пришвартоваться к берегу. Ужинали, ломая руками вчерашнюю застывшую гречневую кашу, заякорившись посреди реки. Но утром нас на лодке нашёл польский смотритель того участка реки, где находилась экспедиция. Оказалось, польская сторона уже неделю как потеряла нас и думала, что мы, бросив корабль, вернулись домой.

В дальнейшем пути по Бугу нас вели польские лоцманы. Но река от этого не становилась легче. Дело в том, что тогда весной в Карпатах, где берёт своё начало Буг, выпали сильные дожди. Это привело к катастрофе. Река изменила не только свои очертания, но и основные показатели фарватера. Створные знаки, буи, если только они не висели на прибрежных деревьях, уже ничего не значили. Местами карпатские воды промыли новое русло, по ширине не уступающее первоначальному. С высоких берегов (20–30 м) были смыты целые сосновые леса. Зрелище, открывавшееся нашим взорам, имело апокалипсический характер. Помимо мелей, на Буге оказалось много притопленных деревьев и брёвен, способных насквозь пронзить обшивку корабля. Не обошлось и без порогов, о камни которых несколько раз, как ни старались избежать столкновения, всё же пришлось удариться. К нашему удивлению, корабль выдержал.

Перед Варшавой были выход на Жэзгинское водохранилище, образованное водами Буга и Нарева, и стоянка в порту Пилава. Экипаж сам не верил, что пройдены самые трудные и непредсказуемые 300 км.

После короткого отдыха 2 августа «Сварог» взял курс по Висле на Гданьск. Мелей на реке не было, порогов тоже, вода стояла высокая. Но и тут не обошлось без сюрпризов. Неделей раньше в Татрах прошли сильные дожди. Вода в Висле поднялась почти на метр, смыв все створные знаки и буи на реке. Пени-

стая вода несла невероятное количество грязи и ломья. Пришвартовавшись вечером к высокому, как нам казалось, правому берегу, утром мы оказались на маленьком островке, а корабль в свободном плавании, правда, привязанный к дереву. К тому же местные окрестности покрывал густой молочный туман.

6 августа экспедиция достигла конечной цели – города Гданьска. На относительно коротком висленском пути бросалось в глаза наличие большого количества городов-замков, небольших посёлков и деревень. Многие из них, такие как Хельмно, Грудзендз, Тчев, Торунь существовали уже во времена викингов. Эта часть «Янтарного пути» исторически была более обжитой, чем среднее течение Буга, а тем более Пина и Висла.

Практическим выводом экспедиции 2004 г. стало то, что прохождение рек, подобных Западному Бугу невозможно (или почти невозможно) в середине – конце лета. Причём на любых судах, даже на таких, как специально для рек предназначенные драккары. Без сомнения, навигация по ним осуществлялась только весной в половодье по высокой воде. Реки, берущие своё начало в горах (Буг, Висла) более непредсказуемы, чем равнинные, вытекающие из болот (Днепр, Ловать, Припять, Пина). Они за один сезон способны полностью сменить навигационную лоцию, что без сомнения, заставляло древних мореходов проявлять особую гибкость, находчивость и, конечно, профессиональные знания. С другой стороны, эксперимент показал, что пройти 2 тыс. км от Киева до Гданьска на корабле типа драккар за один сезон вполне реально как сегодня, так и в прошлом, несмотря на все отличия, появившиеся на маршруте.

Очевидно, что для более стабильной навигации наши предки предпочитали плоскодонные суда. Они более проходимы и грузоподъёмны. Не менее важным фактором, как показали и предыдущие экспедиции, являлась слаженность работы и бытовой жизни всего экипажа. Тут важна не только железная дисцип-

Сергей Тарасов (слева) и Андрей Киштымов (справа);
в центре — Виталий Селивончик, беларус из Киева

лина, но и самоотверженность, способность принимать правильные решения в считанные секунды ради спасения корабля и своих товарищей.

В 2004 г. «Сварог» был поднят из воды и законсервирован на территории Гданьского морского музея.

* * *

Экспериментальная экспедиция 2005 г. по моделированию исторических технологий началась из Гданьска. В июне здесь собрался украинско-беларуский экипаж, к которому присоединились коллеги из Польши и Летувы.

Экспедиция началась с весьма неприятного сюрприза. Почти год простоявший на суше, фактически под открытым небом, корпус драккара рассохся, и на глазах у изумленных зрителей «Сварог» моментально погрузился в воду по планшир. Теперь он больше напоминал подводную лодку, чем корабль, которому в этом сезоне предстояло покорить не только реки, но и воды Балтики. Ведь из Гданьска предстояло идти на Калининград, затем достичь Куршского залива и оттуда нёманским путем, через Россию, Летуву и Беларусь, и далее снова по Припяти держать путь на Киев.

Трое суток драккар «отмокал» в воде, а экипаж боролся с жаждой на берегу. Но жажда приключений оказалась сильнее всех преград. Воду из корабельного корпуса вычерпали, сделали круг почета у главной набережной ставшего почти родным Гданьска-Данцига, и отправились в путь.

Запомнился Фромборг – последний польский порт на Балтике перед российской границей – крепким штормом, который задержал нас на пару дней. Причем первоначальная попытка выйти в море завершилась авральной швартовкой: ветер и волны загнали нас обратно в бухту, и мы уже начали подсчитывать, сколько шикарных яхт покалечим, пока хоть как-то зацепимся за берег.

По открытому морю «Сварог» дошёл до Балтийска (бывшего Пиллау) – морских ворот Калининградской области. Переход показал своенравие Балтики. Несмотря на лето, всем пришлось достать тёплые вещи и надеть их под спасательные жилеты. Встречный ветер гнал высокую волну, поэтому всё расстояние пришлось преодолевать на вёслах. Здесь мы реально поняли ощущения викингов при прохождении балтийских вод. Штормовые волны даже в 2–3 балла оказались какими-то необычно крутыми. Настолько, что при гребле то с одного, то другого борта просто не доставали до воды. А это мешало равномерности движения. Тем не менее, порт назначения был достигнут, «Сварог» пришвартован к высокой стене строящегося терминала.

С прусской столицей Кёнигсбергом (ныне Калининградом) нам и повезло, и не повезло. Прибыли мы туда в день 750-летия города. Три президента – России, Германии, Франции, беспрецедентные меры безопасности, и еще мы – в качестве незваных гостей. Ведь никаким сценарием приход и проход «Сварога» по реке Преголе через весь город именно 1 июля не предусматривался. Мы и так уже дней на десять выбились из графика и шли через город фактически нелегально. Чужие на чужом празднике жизни. Но драккар смотрелся настолько экзотически, что, вероятно, все до сих пор уверены, что наш доблестный вояж – часть праздничного сценария. По крайней мере, мы не торопились отвечать на вопросы с борта милицейских катеров, и старательно изображали очень заня-

тых работой на борту матросов, для которых главное – не снести опоры довольно многочисленных в центре города мостов. Такая тактика принесла успех.

Следующая стоянка была в районном центре с почти родным названием Полесск. «Правильной дорогой идете, товарищи!» – вспомнили мы, и не ошиблись – впереди был Советск. Еще двое суток по Нёману-Нямунасу с разными пограничными столбами – России и Летувы на противоположных берегах, и вперед, на Ковно! Город, где нас действительно ждали, причем ждали на праздник – 6 июля, день коронации Миндовга, который наши соседи объявили днем своей государственности*. Вот здесь мы были по сценарию, с приемом в мэрии, балетным спектаклем у стен замка, и совсем не чужие – палуба «Сварога» собрала уроженцев всех земель Великого Княжества Литовского, Русского и Жамойтского.

На веслах и под парусом...

В своём среднем течении батька-Нёман делает громадные петли. Сегодня это территория Национального парка. Древние городища по берегам, курортные городки – Бирштонас, Друскеники, и, наконец, беларуская Гародня (Гродно). Здесь пришлось сложно: Неман совсем обмелел, но течение сильное, мы шли против него, а огромные валуны по фарватеру заставили ветеранов вспомнить прошлогодние страдания на Западном Буге.

В целом проход по Нёману показал, что двигаться по реке в её нижнем течении вполне комфортно. В среднем течении, где река начинает петлять, становится небезопасно – с точки зрения средневекового морехода. Дело в том, что здесь корабль может попасть в ловушку, устроенную врагом. Пространства просматриваются на огромные расстояния. Пройдя по петле километров 10–15, корабль фактически возвращается в ту же точку. Высокие лесистые берега способны скрыть любую засаду. Верхнее течение за Гродно в летние месяцы оказалось непроходимым.

Теоретически из Нёмана и Щары по каналу Огинского можно попасть на Ясельду и Припять. Но, увы, сегодня только теоретически. Сквозное судоходство невозможно, канал и его гидротехнические сооружения сильно пострадали

* Хорошая оплеуха нерасторопным беларусам. Ведь Миндовг короновался в июле 1253 года в Новогрудке, а это совсем не Летува! – *Прим. ред.*

в годы Первой мировой войны, когда прямо по нему прошла линия фронта. Поэтому трейлером перекинули «Сварог» в брестский речной порт и знакомым путем, по Днепро-Бугскому каналу и Припяти мы двинулись в Украину.

Чернобыльскую зону сплошного отселения на этот раз проскочили за сутки. Все-таки шли по течению. 21 июля нас встречал Киев. Двухлетняя программа-поход «Янтарный путь», можно даже сказать – большое «Янтарное кольцо», завершилась.

Установлено следующее:

– Пройти наши реки с грузом можно только в весенний паводок

– Парус применим только на открытых просторах, где можно идти по прямой линии

– Идти против течения на большинстве рек невозможно – только тянуть возле берега по мелководью (на берегу мешают кустарник и топь)

– Катить суда на волоках по бревнам не могут даже 40 человек; надо их тащить по рыбьим потрохам или по скользкой иве (лозе)

– За день можно пройти по течению на веслах 20–30 км, под парусом на хорошей воде до 40 км

– За светлое время удается пройти против течения на веслах 3–4 км, под парусом на прямой воде до 9–10 км

– Назад драккары не могли возвращаться из-за порогов, а главное из-за крайне медленного продвижения против течения (в пункте назначения их продавали на дрова, а иногда возвращались морем вокруг Европы)

– Готовить пищу можно только вечером, поэтому на каждый корабль нужны 2 котла – на вечер и на утро (обеда нет)

– Быт весьма суров: пот, грязь, отходы («воняли как викинги»)

– Викинги были и гребцами, и воинами, и купцами (если могли – грабили, не могли грабить – торговали)

* * *

Несмотря на то, что методы эксперимента и моделирования перестали быть экзотикой и все чаще применяются в исторических науках, их возможности как инструмента научного познания имеют свои пределы как в силу своей специфики, так и в силу ограниченных возможностей современного исследователя. Исторический эксперимент не обладает абсолютной доказательностью. Его успех не дает возможности категорически утверждать, что именно так всё происходило всегда и везде. При его проведении далеко не всегда соблюдаются все гипотетические условия, существовавшие в прошлом.

Обратимся к опыту экспедиций Межотраслевой лаборатории исторических исследований НАН Украины. Отсутствие точных чертежей и описаний не позволило построить копии старинных кораблей без известной доли условности. Частично при их изготовлении использовались современные материалы: паруса из синтетических тканей, такой же стоячий и бегучий такелаж, металлические крепления рангоута и некоторые другие детали, отсутствовавшие в прошлом.

Прокладка маршрута велась по современным картам. Свои жесткие правила диктовал Морской регистр Украины: наличие аварийной радиостанции на борту, спасательные морские жилеты у всех членов экипажа, навигационные

средства (как минимум шлюпочный компас). Не соответствовали древности рацион питания экипажа и его экипировка (организаторы экспедиции не ставили задачу пройти маршрут в одеяниях викингов или казачьих шароварах).

Наконец, изменились условия плавания. Например, на пути из Киева вниз по Днепру необходимо преодолеть пять шлюзов. Пограничный и таможенный контроль можно сравнить с враждебным отношением аборигенов к древним путешественникам, но такое сравнение носит скорее эмоциональный характер, если вспомнить о тех последствиях, которые такая встреча могла иметь для мореплавателей в прошлом.

Тем не менее, нельзя отрицать большой научной значимости проведенных экспедиций. Подтвердились высокие мореходные качества казачьих чаек. Средняя скорость передвижения во время экспедиции 2002 г. составила от 70 до 120 км в сутки. Следовательно, не являются преувеличением данные, что казаки во время морских набегов на Турцию пересекали акваторию Черного моря за 36 часов. Путешествие драккара «Сварог» показало универсальность этого корабля в преодолении как речных, так и морских водных просторов. Доказана принципиальная возможность прохождения древних водных путей при использовании доступных на то время средств передвижения.

Постройка и эксплуатация славянской ладьи, казачьей чайки и скандинавского драккара наглядно продемонстрировала высокий уровень мастерства, знаний и умений судостроителей прошлых веков.

В Европе существует около полутора десятков судов-репликантов, на которых проходят экспедиции по древним водным путям. В их число входит драккар «Сварог». Сегодня это корабль-ветеран. После Янтарного пути в 2008 году была десятидневная экспедиция по Десне — от Новгород-Северского через Чернигов до Киева. А в 2009 году по приглашению российской стороны «Сварог» открывал парад старинных кораблей в ходе XXIX Ганзейских дней и празднования 1150-летия Великого Новгорода.

Реконструкция древних кораблей и путешествия по старинным водным путям, безусловно, могут иметь практическое значение как стимул и ориентир для организации новых туристических маршрутов.

Нельзя сказать, что опыт, накопленный беларускими участниками экспедиций, сегодня востребован на их родине. Между тем, особенностью Беларуси является ее расположение на водоразделе. Это означает, что по водному пути с территории страны можно попасть в южные и северные моря: Березина, Сож, Припять, Днепр — это выход в Черное море; Нёман, Западная Двина, Западный Буг — в Балтийское море. В XIX веке были проведены каналы, соединяющие эти реки в единую сеть (сейчас действует только Днепровско-Бугский канал). Таким образом, водный транспорт и водные пути Беларуси имеют богатые исторические традиции.

Водный туризм — традиционная отрасль туристического хозяйства и, в соединении с историческим моделированием, он будет выглядеть особенно привлекательно.

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

Основан в 2009 году

Выпуск 9

Составитель и редактор *Тарас Анатолий Ефимович*

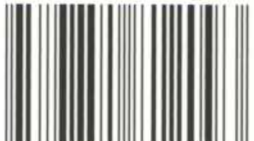
Адрес для писем:
А.Е. Тарас, а/я-137, Минск-131, Беларусь
Электронный адрес: AETaras@tut.by

Подписано в печать 28.03.2012.
Формат 70 × 100 $^1/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура «NewBaskervilleC». Усл.-печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 25,0.
Тираж 1000 экз. Заказ № 0763.

Ответственный за выпуск: *А. Е. Тарас*

Издательство ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Республика Беларусь, 220013, г. Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42

Отпечатано в типографии ООО «Поликрафт», ЛП № 02330/0494199 от 03.04.2009.
Республика Беларусь, 220013, г. Минск, ул. Кнорина, д. 50, корп. 4, к. 401а


ISBN 978-985-18-1209-3
9 789851 812093

НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ